This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

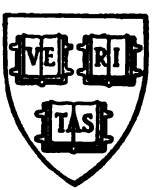
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4352.79.3



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ О. А. РАБИНОВИЧА.

Томъ I.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ

О. А. РАБИНОВИЧА.

Томъ I.

Изданіе Одесскаго Общества „Трудъ“.

Dieses Buch gehört
der Bibliothek der
Jüd. Gemeinde Berlin

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1880.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, 2—32.

39697

Simonis Dubnow
Dieses Buch gehört
der Bibliothek der
Jüd. Gemeinde Berlin.

Digitized by Google

Slav 4352.19.3 (1)
V

RABINOVICH
= SOCHINENIIA
" "

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 15 1960

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русско-еврейская литература въ настоящее время достигла достаточной степени развитія: сверхъ монографій и статей, посвященныхъ еврейскому вопросу, сверхъ нѣкоторыхъ научныхъ изслѣдованій, она выработала также особую журналистику, обратившую на себя вниманіе не только еврейской интеллигенціи, но и русской печати, какъ по своей содержательности, по существу затрагиваемыхъ въ ней вопросовъ, такъ и по своему направленію. Литература эта несомнѣнно доказываетъ пробужденіе народнаго самосознанія въ средѣ лучшей части русскаго еврейства и направленіе всѣхъ лучшихъ силъ его, къ серьезному изученію юридическаго и фактическаго положенія еврейской массы съ цѣлію улучшенія ея быта, путемъ правильнаго разъясненія поставленныхъ въ отношеніи ея вопросовъ и возбужденія интеллигентныхъ силъ еврейства, къ непосредственной, активной дѣятельности въ томъ-же духѣ и направленіи.

Но если, въ настоящее время, русско-еврейская лите-

Digitized by Google

ратура широко поняла свою задачу и многостороннѣе ставитъ вопросы, направленные къ удовлетворительному ея разрѣшенію, то не обязана-ли она этимъ, тѣмъ піонерамъ, русско-еврейской мысли, которые впервые подняли свой мощный голосъ въ защиту своей народности и первые ударили въ набатъ, созывая и сосредоточивая вокругъ себя дѣятелей, правда, еще молодыхъ, но преданныхъ народному дѣлу, изъ которыхъ большею частью и выработалась вся фаланга писателей, нынѣ съ достоинствомъ продолжающихъ начатое дѣло. Такимъ піонеромъ, несомнѣнно, и по праву слѣдуетъ считать О. Рабиновича, который, еще до начала пятидесятыхъ годовъ, пріобрѣлъ уже себѣ нѣкоторую извѣстность въ русской литературѣ, относившейся къ первымъ трудамъ его, уже отмѣченнымъ силою таланта, какъ къ явленію *любопытному*. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда русская литература ожила подъ новымъ вѣяніемъ времени, когда она вздохнула свободнѣе и стала высказывать, не стѣсняясь, все то, что такъ глубоко лежало на душѣ каждаго русскаго, и О. Рабиновичъ рѣшился высказать все то, что накипѣло на душѣ русскаго еврея, и остановился на такомъ явленіи, которое было еще живо въ воображеніи послѣдняго, на такой сторонѣ жизни, которую выстрадали почти всѣ евреи,

Digitized by Google

непосредственно, или посредственно. Кто не помнитъ дышащаго художественною правдивостью разсказа „Штрафной", въ которомъ вырвался стонъ изъ нѣдръ души О. Рабиновича, — стонъ, отозвавшійся электрическимъ токомъ въ сердцахъ русскихъ евреевъ. Прочитавъ въ этомъ разсказѣ, все пережитое ими въ столь недавнее время, евреи обливались горючими слезами, свидѣтельствовавшими какъ о томъ горѣ, которое они испытывали при одномъ вспоминаніи о печальномъ прошломъ, такъ и о той радости, которую доставляло имъ сознаніе, что это прошлое отошло въ вѣчность, что оно выставляется какъ позоръ на судъ общественнаго мнѣнія. Мы помнимъ еще до сихъ поръ, какъ русское общество, при чтеніи этого разсказа, приходило въ изумленіе при одной мысли, что изображеніе „Штрафнаго" есть фактъ дѣйствительной жизни. Но еще живѣе мы помнимъ и то, что „Штрафной" сдѣлался предметомъ чтенія многихъ русскихъ евреевъ въ день годовщины, къ которому относится событіе, описываемое въ „Штрафномъ"; что этотъ разсказъ чуть-ли не вытѣснилъ пасхальнаго разсказа объ освобожденіи евреевъ изъ подъ египетскаго ига; что евреи неграмотные просили о прочтеніи „Штрафнаго", какъ разсказа, имѣвшаго для нихъ несомнѣнную историческую важность. „Штрафной" высоко поднялъ Ра-

Digitized by Google

биновича какъ публициста, который привлекъ симпатіи русскаго общества, къ жалкой участи русскаго еврея сороковыхъ годовъ, и какъ народнаго писателя, который въ удобную минуту успѣлъ воспользоваться своимъ талантомъ для того, чтобы сослужить службу народному дѣлу.

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ встрѣчена была мысль, впервые зародившаяся въ головѣ О. Рабиновича и впервые имъ-же осуществленная, объ изданіи газеты, посвященной интересамъ русскаго еврейства. „Разсвѣтъ", издававшійся въ Одессѣ О. Рабиновичемъ, былъ не газетой, а знаменемъ, къ которому устремились взоры всей русско-еврейской молодежи, преимущественно западнаго края: она имъ жила, на немъ воспитывалась и при его помощи развивалась. „Разсвѣтъ" создалъ борцевъ за народное дѣло, которые до сихъ поръ не выпускаютъ изъ рукъ своихъ знамени, водруженнаго двадцать лѣтъ тому назадъ, на берегахъ Чернаго моря. Мы можемъ смѣло сказать, что „Разсвѣтъ", нынѣ водрузившій свое знамя на берегахъ Невы, есть продолженіе того-же „Разсвѣта", который издавался О Рабиновичемъ, и что въ сѣверномъ „Разсвѣтѣ" есть гребцы, которые помогали править рулемъ южнаго.

Такимъ образомъ современное движеніе русско-еврей-

Digitized by Google

ской литературы получило свое начало со временъ О. Рабиновича, которому принадлежитъ несомнѣнная заслуга перваго народнаго писателя, перваго борца за народную идею, дѣйствовавшаго при томъ при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ современная русско-еврейская литература. Не забудемъ того, что если теперь противъ направленія русско-еврейской литературы возстаетъ русская печать, отличающаяся извѣстнымъ оттѣнкомъ, то во времена Рабиновича „Разсвѣтъ“ вызывалъ противъ себя агитацію въ средѣ русскаго еврейства, которое не могло простить О. Рабиновичу разоблаченій темныхъ сторонъ еврейской жизни. Рабиновичъ боролся не только со внѣшними препятствіями, но и съ внутреннимъ врагомъ въ образѣ „Гамагида“ (прусской газеты) и прусскаго еврея (Русскій Инвалидъ), поддерживавшихъ взгляды массы, что еврейскому органу не подобаетъ разоблачать недостатки еврейскаго народа, интересы котораго онъ представляетъ предъ русскимъ обществомъ. Рабиновичъ стоялъ въ то время особнякомъ въ этой борьбѣ. Сочувствовавшая Рабиновичу молодежь не считала нужнымъ защищать его противъ сыпавшихся на него упрековъ въ еврейской и русской журналистикѣ. Во первыхъ, она считала нападки на него, недостойными возраженія, и во вторыхъ, она полагала, что самъ Рабино-

Digitized by Google

вичъ, если-бы считалъ ихъ достойными возраженія, въ состояніи отстоять въ печати свое направленіе. Но оказалось изъ одного письма О. Рабиновича, которое намъ удалось читать послѣ его смерти, что онъ скорбѣлъ о томъ, что никто изъ тѣхъ, которые выдвинулись при помощи его органа, не выступилъ на открытую защиту его направленія и не поддерживалъ его нравственно въ трудной борьбѣ его съ предразсудками, господствовавшими въ то время съ одинаковою силою въ средѣ русскаго и еврейскаго обществъ.

Мы не пишемъ теперь біографіи О Рабиновича: она предназначена для III-го тома собранія его сочиненій, но сказаннаго совершенно достаточно для того, чтобы охарактеризовать литературную дѣятельность Рабиновича, какъ народнаго писателя. Мы не производимъ въ краткомъ предисловіи нашемъ критической оцѣнки его произведеній съ точки зрѣнія литературной: литературныя достоинства произведеній О. Рабиновича достаточно оцѣнены русскою журналистикою. Мы даемъ только оправданіе изданному вновь в одномъ собраніи всѣхъ сочиненій О. Рабиновича. Помимо рѣдкости въ обращеніи отличающихся несомнѣннымъ литературнымъ достоинствомъ произведеній О. Рабиновича, настоящее изданіе ихъ вызвано уваженіемъ современной молодежи къ па-

Digitized by Google

мяти писателя, который первый проникся духомъ народности, первый сообщилъ толчекъ и направленіе русско-еврейской литературѣ и журналистикѣ, которому одному эта послѣдняя обязана своимъ современеннымъ направленіемъ и развитіемъ, какъ своему отцу и родоначальнику.

Хотя настоящее изданіе предпринято съ благотворительною цѣлію, а именно въ пользу ремесленнаго училища общества „Трудъ". Тѣмъ не менѣе не эта цѣль руководила издателямъ настоящаго собранія сочиненій О. Рабиновича, а главнымъ образомъ цѣль, указанная выше. Соединеніе-же съ этою послѣднею и цѣли благотворительной было дѣломъ добавочнымъ, такъ какъ богатые наслѣдники О. Рабиновича разрѣшили издать его труды въ пользу общественнаго учрежденія, за что издатели, правленія общества „Трудъ", считаютъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить имъ искреннюю признательность.

Сочиненія О. Рабиновича, по плану правленія общества „Трудъ", будутъ изданы въ трехъ томахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Т. I.—1) Картины прошлаго: а) Штрафной и б) Наслѣдственный Подсвѣчникъ.

2) Морицъ Сефарди и

3) Исторія о томъ, какъ Ребъ-Хаимъ Шу-

Digitized by Google

лимъ Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишенева въ Одессу, и что съ нимъ случилось.

Т. II. — Калейдоскопъ въ двухъ частяхъ.

Т. III. — 1) Гакрабъ (битва), переводъ, въ стихахъ, сочиненія Я. Эйхенбаума.

2) О Мошкахъ и Іоськахъ.

3) О собственныхъ именахъ евреевъ.

4) Устарѣлые взгляды при дневномъ свѣтѣ.

5) Судьбы евреевъ въ южной Европѣ

и 6) Нѣкоторыя избранныя статьи изъ органа рускихъ-евреевъ „Разсвѣтъ".

Послѣдній томъ выйдетъ съ біографіею и портретомъ автора.

Для подписчиковъ цѣна всему изданію *шесть* рублей, а каждому тому отдѣльно 2 р. 50 к.

М. Моргулисъ.

Одесса
Іюль 1880 г.

Digitized by Google

КАРТИНЫ ПРОШЛАГО.

I.

ШТРАФНОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Изъ мрака прошедшаго возстаютъ передо мною тѣни, но не давнозабытыя, какъ обыкновенно говорятъ, а долго спавшія на днѣ моей памяти. Я рѣдко вызывалъ эти грустныя воспоминанія, потому что они терзали мнѣ душу. Житейскія треволненія, обыденныя заботы, а болѣе всего эгоизмъ, заставляющій насъ отгонять отъ себя какъ можно дальше печальные образы и впечатлѣнія, чтобы не отравить своей жизни, не потревожить своего сна, были причиной, что я глубоко въ сердцѣ зарылъ мои мучительныя воспоминанія и боялся часто будить ихъ. Не знаю, могъ ли бы кто другой на моемъ мѣстѣ поступить иначе. Не будучи въ силахъ смягчить тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ образовались событія, возмущавшія душу и сердце, — событія, которыхъ почти никто не замѣчалъ, кромѣ тѣхъ, для которыхъ слова „человѣкъ“ и „братъ“ имѣли дѣйствительное значеніе, я понималъ, что всякій порывъ мой будетъ не что иное, какъ крупная капля яда для меня и не принесетъ никакой пользы другимъ. Каждый день раждалъ свѣжее, безотрадное явленіе: новое горе вы-

Digitized by Google

тѣсняло старое и въ свою очередь предавало забвенію, потому что на его мѣсто являлось другое новое. Куда жь тутъ было порываться? къ чему терзать и губить себя безплодно?

Но теперь, когда настоящее принимаетъ такія свѣтлыя формы, когда мое сердце (и можетъ-быть сердца многихъ) отдохнуло отъ этого напряженнаго состоянія, въ которое его ввергала шаткость каждаго дня, я начинаю чувствовать боль отъ прошлыхъ ранъ. Такъ непривычный путникъ, проскакавшій большое пространство на перекладной телѣжкѣ, начинаетъ чувствовать, какъ разбиты его кости и суставы, только тогда, когда онъ спокойно выспался и отдохнулъ по достиженіи цѣли своего путешествія.

Одно изъ такихъ моихъ воспоминаній хочу я теперь вызвать на судъ читателя; быть-можетъ, современемъ, очередь дойдетъ до многихъ.

Я былъ по дѣламъ моего отца въ губернскомъ городѣ Z. Я былъ тогда еще очень молодъ, жизнь мнѣ улыбалась впереди, а живость и веселость моего характера рисовали передо мною все въ свѣтлыхъ краскахъ. Но образъ моего воспитанія и ненасытная страсть къ чтенію развили во мнѣ способность мысли, и я иногда размышлялъ даже болѣе, чѣмъ было для меня полезно. Болѣе всего заставлялъ меня размышлять мой народъ, Евреи, судьбы которыхъ горячо отзывались у меня на душѣ. Знакомый съ исторіей моего народа, съ самой не-

Digitized by Google

запамятной древности до новѣйшихъ временъ, я часто мысленно пробѣгалъ путь, оставленный имъ далеко за собой; я доискивался смысла въ настоящемъ его положеніи, неутѣшительномъ и ненормальномъ. Я искалъ отвѣта на вопросъ: отчего лежитъ на этомъ народѣ незавидное преимущество, заключающееся въ томъ, что за вину одного должны отвѣчать всѣ, что за проступокъ одного клеймятъ всѣхъ позоромъ и презрѣніемъ? Я не находилъ отвѣта ни въ исторіи Евреевъ, ни въ ихъ нравахъ, ни въ моемъ собственномъ сердцѣ. Но это были вспышки горячей натуры, молодость брала свое: мнѣ было хорошо, я выступалъ на широкій путь жизни, горе и нужды были мнѣ еще незнакомы, и я пилъ удовольствія молодой и беззаботной жизни полною чашей.

Но грезы и удовольствія, серіозное соболѣзнованіе и вѣтренныя наклонности не мѣшали мнѣ заниматься торговыми дѣлами моего отца, которыя требовали времени всего часъ или два въ день. Моему самолюбію было лестно, что отецъ мой, человѣкъ строгій и разборчивый во всемъ, довѣрилъ мнѣ, едва двадцатилѣтнему юношѣ, вдали отъ себя, управленіе довольно значительными дѣлами, и, что еще болѣе, оставался доволенъ моею распорядительностью.

Такъ жилъ я въ городѣ Z., который хотя и довольно многолюденъ и ведетъ оживленную торговлю, однако и теперь еще не отличается особенною красотой зданій и улицъ и общительностью своихъ гражданъ,

Digitized by Google

тѣмъ менѣе могъ онъ похвастаться этимъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, когда многіе вопросы, сдѣлавшіеся теперь насущною пищей нашей жизни, еще спали глубокимъ сномъ, убаюканные возгласами о повсемѣстномъ благоденствіи и затертые громкимъ самовосхваленіемъ, которое черпало свою бодрость въ уныломъ молчаніи, въ невозможности размѣна мыслей и въ рѣдкости и трудности сообщеній, отличающихъ наши степные города.

Почти каждое утро выходилъ я гулять на берегъ прекрасной судоходной рѣки полюбоваться приходящими барками и плотами, послушать дзьвяканье бѣлорусскихъ батраковъ и посмотрѣть на спорную работу русскихъ мужичковъ, которые, подъ звуки своихъ прекрасныхъ заунывныхъ пѣсень, тесывали строевой лѣсъ или пилили толстые стволы на доски и *обаполы*. Выходя каждое утро изъ моей квартиры, я долженъ былъ заворачивать за уголъ улицы, въ глухой и узкій переулокъ и постоянно у открытаго окна низенькаго угловаго домика замѣчалъ сидящаго человѣка, задумчиваго и грустнаго. Ни разу не проходилъ я въ этотъ утренній часъ, чтобы не видѣть этого человѣка, на томъ самомъ мѣстѣ, облокотившагося одною рукой на окно и погруженнаго въ глубокія думы. Меня подстрекнуло сильное любопытство, и я сдѣлался внимательнѣе. Каждый разъ, приближаясь къ угольному домику, я умѣрялъ шагъ, чтобы подробнѣе, если можно, разсмотрѣть задумчиваго незнакомца и его печальное жилище. Ему было за пять-

Digitized by Google

десять лѣтъ; по складу его физіономіи и черной бархатной шапочкѣ на головѣ, я узналъ въ немъ соплеменника, хотя волосы на головѣ его были низко острижены и борода выбрита, за исключеніемъ большихъ и густыхъ черныхъ усовъ съ просѣдью; во взглядѣ его было что-то мрачное; глубокая грусть и тяжкія страданія избороздили своими слѣдами его сухощавое лицо. Онъ всегда былъ одѣтъ въ старый халатъ и, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ, облокотившись одною рукой. Иногда лежала передъ нимъ на подоконникѣ раскрытая книга, на которую обращены были его взоры; но по судорожной игрѣ мускуловъ на лицѣ и частымъ потираньямъ лба рукою, можно было догадаться, что мысли его бродили далеко отъ раскрытой страницы. Комната его, низкая и темная, носила на себѣ такой же печальный отпечатокъ, какъ ея жилецъ; никого, кромѣ его, я никогда не видалъ въ ней; видно было, что онъ тутъ только временный постоялецъ, что онъ несчастливъ и одинокъ. Рѣдко случалось, чтобъ онъ взглядывалъ на меня, когда я, внезапно выходя изъ-за угла, ровнялся съ его окномъ и моими шагами тревожилъ его мрачныя размышленія; а если онъ иногда и поднималъ глаза, то это было на одно лишь мгновеніе, чтобъ опять потупить ихъ въ раскрытую книгу, или безсознательно устремить вдоль безлюднаго и унылаго переулка. Казалось, что онъ не обращаетъ на меня вниманія и не съ умысломъ; казалось, что его вниманіе за-

Digitized by Google

нято чѣмъ-то другимъ, болѣе близкимъ его истерзанному сердцу. Въ то время между Евреями бритыя бороды встрѣчались рѣже чѣмъ теперь, и то только между богатыми или учеными, а этотъ вовсе не походилъ на богатаго ни по своему старому халату, ни по своей печальной квартирѣ; не ученый ли это? можетъ-быть поэтъ, писатель, математикъ? Но откуда же этотъ страдальческій видъ, эта убійственная апатія, подъ которою, повидимому, кроется ужасная повѣсть пережитыхъ испытаній? Я терялся въ предположеніяхъ. У меня тогда вовсе вышло изъ памяти, что кромѣ богатства и учености, бритая борода составляетъ у насъ признакъ еще третьяго состоянія, хотя менѣе счастливаго, но не менѣе почетнаго. Откуда пришло бы это мнѣ на память, когда я былъ такъ беззаботенъ и полонъ юношеской жажды жизни? Не долго, однакожь, размышленія объ интересномъ незнакомцѣ занимали меня на моихъ прогулкахъ: новые предметы отвлекали мое вниманіе, и я на цѣлый день забывалъ о немъ до слѣдующаго утра.

Но каково было мое удивленіе, когда вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ городъ Z., я, имѣя однажды дѣло въ военномъ вѣдомствѣ, увидѣлъ моего печальнаго незнакомца въ солдатской шинели и фуражкѣ, работающаго въ толпѣ другихъ солдатъ въ казенномъ провіантскомъ магазинѣ. Я подошелъ къ нему поближе, и сталъ его разглядывать, и мнѣ показалось, что я ошибся, потому что въ шинели и фуражкѣ онъ казался

Digitized by Google

гораздо молодцоватѣе и бодрѣе. Развлеченный какимъ-то дѣломъ, я скоро забылъ о поразившемъ меня сходствѣ; я еще болѣе увѣрился въ томъ, что оно не болѣе какъ случайное, когда на другое утро по обыкновенію засталъ моего незнакомца, сидящаго на своемъ завѣтномъ мѣстѣ, сгорбленнаго, немощнаго, неподвижнаго. Но въ тотъ же день вечеромъ, гуляя по рынку, я снова увидѣлъ солдата, работавшаго вчера въ провіантскомъ магазинѣ, и съ перваго мгновенія сходство его съ моимъ незнакомцемъ опять меня поразило. Я рѣшился слѣдить за нимъ. Онъ бродилъ безъ цѣли по разнымъ улицамъ, потупивъ голову и ни разу не оглядываясь; я издали не выпускалъ его изъ виду, и, наконецъ, послѣ частыхъ поворотовъ изъ одной улицы въ другую, когда уже смерклось, и огни стали показываться въ окнахъ, увидѣлъ, какъ онъ вошелъ въ калитку угловаго маленькаго домика, столь знакомаго мнѣ по моимъ утреннимъ прогулкамъ.

Итакъ, мой незнакомецъ—солдатъ, подумалъ я.

Мнѣ были извѣстны частные и усиленные наборы у насъ, которые въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ проживали Евреи, порождали тьму злоупотребленій и оставляли печальные слѣды во многихъ семействахъ. Я зналъ, что сила, происки, деньги брали верхъ надъ бѣдностью, которая одна поплачивалась своими рабочими руками, отнятыми у нея тогда, когда она болѣе всего въ нихъ нуждалась. Я зналъ даже, какъ во многихъ мѣстахъ,

Digitized by Google

истощенныхъ прежними наборами и побѣгами взрослыхъ, отдавали въ рекруты дѣтей моложе десяти лѣтъ; вездѣ носились слухи, какъ этихъ несчастныхъ отрывали отъ матерей и кучами наваливали на телѣги, сотнями отправляли въ отдаленныя военныя поселенія, гдѣ они умирали какъ мухи, изнуренные долгимъ переходомъ, или отъ перемѣны климата и отъ безчеловѣчнаго обхожденія грубыхъ поселянъ, для которыхъ жизнь жиденка была не важнѣе жизни щенка. Все это я зналъ очень хорошо. Но чтобы брали въ рекруты стариковъ, слабыхъ и измученныхъ, какъ мой незнакомецъ, принадлежавшій, какъ видно, къ образованному классу въ своемъ народѣ,—о чемъ свидѣтельствовала раскрытая книга надъ которою онъ часто задумчиво просиживалъ по утрамъ,—и чтобы такимъ солдатамъ позволяли пользоваться нѣкоторымъ родомъ свободы,—этого я никакъ сообразить не могъ.

Во что бы то ни стало, а я долженъ узнать, что это за человѣкъ, думалъ я.

Съ этими мыслями въ головѣ я медленно вошелъ на дворъ маленькаго домика. Хозяйка, толстая Еврейка, возилась на крыльцѣ съ самоваромъ; я подошелъ къ ней.

— Это вашъ домъ? спросилъ я.

Она старалась разглядѣть меня въ вечернемъ полумракѣ.

— Нѣтъ не мой, отвѣчала она:—а на что вамъ?

— Я хотѣлъ знать, кто этотъ человѣкъ, который

Digitized by Google

занимаетъ вотъ ту комнату, что̀ выходитъ въ переулокъ, сказалъ я, указывая рукой въ ту сторону, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, находилось жилье незнакомца.

— Домъ не мой, отвѣчала хозяйка:—я его нанимаю и держу нахлѣбниковъ; а человѣкъ, о которомъ вы спрашиваете,—солдатъ.

— Какъ онъ у васъ, по отводу?

— Нѣтъ, нанимаетъ отъ себя.

— Давно онъ у васъ живетъ?

— Съ самаго пріѣзда сюда; будетъ мѣсяца два; ихъ пригнали цѣлую партію, говорятъ.

— Кто жъ онъ такой, откуда онъ?

— Не могу знать... кажется, очень издалека.

— Бываетъ у него кто-нибудь?

— Не замѣтила.

— Нельзя ли зайдти къ нему?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Я попросилъ ее указать мнѣ входъ и прямо вошелъ въ комнату. На столѣ уже горѣла свѣча; ставни изнутри были закрыты; постоялецъ успѣлъ скинуть солдатскую шинель и въ своемъ старомъ халатѣ расхаживалъ скорыми шагами по комнатѣ. Увидавъ меня, онъ въ недоумѣніи остановился, окинувъ меня глазами съ головы до ногъ и робкимъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ по русски.

— Кого вамъ надобно?

Я предвидѣлъ холодную встрѣчу, но рѣшившись

Digitized by Google

познакомиться съ этимъ солдатомъ поближе, я положилъ шляпу на окно и безъ церемоніи сѣлъ на стулъ. Казалось, незнакомецъ былъ удивленъ моею развязностью, онъ остановился среди комнаты и не спускалъ съ меня глазъ.

— Мнѣ надо васъ, отвѣчалъ я на нашемъ жидовско-нѣмецкомъ нарѣчіи.

Звуки роднаго языка нѣсколько успокоили его; но онъ продолжалъ стоять передо мною въ недоумѣніи.

— Мнѣ надо васъ, повторилъ я:—и вотъ я пришелъ къ вамъ. Начинаю съ того, что рекомендую себя.

Я сказалъ мое имя и фамилію.

— Не имѣю чести знать васъ, отвѣчалъ онъ холодно.

— Нужды нѣтъ, возразилъ я. — Можетъ-быть, мы узнаемъ другъ друга покороче. Не лучше ли вамъ присѣсть: я не думаю такъ скоро васъ оставить.

Онъ сѣлъ на стулъ противъ меня у стола, на которомъ валялось въ безпорядкѣ нѣсколько книгъ, и отрывисто, будто нехотя, проговорилъ.

— Ну, что жъ вамъ отъ меня угодно?

— Послушайте, сказалъ я:—вы несчастны, вы одиноки; меня влечетъ къ вамъ участіе.

Онъ испустилъ глубокій вздохъ и задумался. Я разсказалъ ему, какъ уже съ нѣкотораго времени онъ привлекъ мое вниманіе своею печальною наружностью, обличающею глубокія страданія; какъ я былъ изумленъ, уви-

Digitized by Google

давъ его неожиданно въ солдатской шинели; какъ много интересуюсь я его положеніемъ, которое, по многимъ причинамъ, кажется для меня непостижимымъ; какъ непонятное чувство не простаго любопытства, а какого-то безотчетнаго влеченія къ нему, не даетъ мнѣ покоя, пока не сближусь съ нимъ, одинокимъ и оставленнымъ. Я говорилъ много и со всѣмъ пыломъ юношеской души, еще неохлажденной мертвящимъ опытомъ мрачной жизни.

—Конечно заключилъ я:—не въ моихъ силахъ облегчить вашу судьбу, которой я еще не знаю, и про которую вы мнѣ вѣроятно разскажете; но если вамъ нужно сердце, которому можете повѣрить свою скорбь,—а это вамъ необходимо, иначе она убьетъ васъ,—то предлагаю вамъ мое; не отвергайте его и дайте мнѣ руку въ знакъ согласія.

Онъ взялъ протянутую мною руку и пожалъ ее съ чувствомъ.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ: — скорбь точно убиваетъ меня. Я здѣсь чужой и вѣрно останусь навсегда чужимъ: кому какая надобность до человѣка въ сѣрой шинели? Ваше участіе меня трогаетъ; но жаль мнѣ вашей молодости; знакомство со мною не принесетъ ей никакой радости, а она такой скоропреходящій даръ неба, что грѣшно безъ нужды облекать ее въ трауръ.

Я увидѣлъ, что не ошибся въ моихъ прежнихъ догадкахъ, и что дѣйствительно имѣю дѣло съ образованнымъ человѣкомъ.

Digitized by Google

—Объ этомъ не безпокойтесь, отвѣчалъ я: —рано или поздно, а человѣку необходимо знакомиться съ темною стороною жизни; по моему, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что если отъ этого молодость нѣсколько потеряетъ, за то зрѣлый возрастъ отъ того много долженъ выиграть.

Мы еще нѣсколько времени продолжали разговаривать на эту тему. Вошедшая хозяйка съ самоваромъ прервала нашъ разговоръ.

— Вы не откажетесь напиться чаю съ простымъ солдатомъ? сказалъ старикъ, вставая со стула.

Вмѣсто отвѣта я пожалъ ему руку.

Пока онъ занимался полосканіемъ посуды и прочими приготовленіями къ чаю, я нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и успѣлъ съ нею ознакомиться. Въ ней не было никакой лишней мебели; у одной стѣны стояла кровать съ матрацомъ и кожанною подушкой; въ головахъ кровати былъ небольшой круглый столикъ, на которомъ теперь хозяинъ приготовлялъ чай; у другой стѣны стоялъ продолговатый столъ съ книгами, о которомъ я уже намекнулъ выше; два простыхъ стула стояли по обѣ стороны стола и еще три или четыре вокругъ стѣнъ; къ одному углу комнаты былъ прислоненъ высокій деревянный сундукъ подъ замкомъ, на которомъ лежала теперь шинель и фуражка, а на противоположной стѣнѣ висѣли солдатскій мундиръ, портупея и тесакъ. Я подошелъ къ книгамъ и сталъ ихъ перебирать; онѣ состоя-

Digitized by Google

ли изъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій на польскомъ языкѣ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ и еврейскихъ томовъ философскаго содержанія. Присѣвъ у стола, я взялъ одну нѣмецкую книгу и началъ ее перелистывать. Это былъ *Ерузалемъ* Мендельсона.

— Вы здѣсь первый мой гость, сказалъ солдатъ, подавая мнѣ стаканъ чаю и грустно улыбнувшись: —да будетъ благословенъ часъ вашего прихода.

Я пробормоталъ какую-то пошлую благодарность.

— Вы перелистывали моего Мендельсона, продолжалъ онъ, садясь съ своимъ стакановъ противъ меня.— Ахъ! это небольшое число книгъ составляетъ единственное мое утѣшеніе. Я лишился бы разсудка, еслибъ ихъ у меня не было.

— Да, книги въ одиночествѣ замѣняютъ людей, замѣтилъ я, слегка покраснѣвъ отъ сознанія, что опять отпустилъ избитую фразу.

Старикъ не замѣтилъ этого.

—Меня хотѣли лишить и этого утѣшенія, продолжалъ онъ, грустно качая головой:—многаго лишился я... всего лишился я... и семьи, и имени, и состоянія...

Онъ началъ ломать руки; лице его выражало ужасъ и отчаяніе.

— Кто же хотѣлъ васъ лишить вашихъ книгъ? сказалъ я, съ умысломъ стараясь прервать его воспоминанія о страшныхъ лишеніяхъ.

Онъ опомнился.

Digitized by Google

— Былъ такой, что хотѣлъ, отвѣчалъ онъ.—На одномъ привалѣ—а наша партія шла долго, очень долго—мы остановились въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ. Начальникъ инвалидной команды, въ маіорскихъ эполетахъ, пришелъ полюбопытствовать на насъ. Онъ увидѣлъ мою котомку съ книгами, сталъ ругать меня, грозился бить. „Вишь, жидъ проклятый, вздумалъ съ книгами таскаться, да еще съ нѣмецкими и съ польскими... должно быть мятежникъ, непремѣнно мятежникъ.“ Онъ разбросалъ мои книги, топталъ ихъ ногами и кричалъ на партіоннаго офицера, чтобъ онъ отнялъ ихъ у меня, упрекая его, что онъ даетъ поблажку бунтовщикамъ и позволяетъ на казенныхъ подводахъ перевозить возмутительныя сочиненія.

— Чѣмъ же это кончилось? спросилъ я.

— Спасибо, партіонный офицеръ отстоялъ, отвѣчалъ солдатъ:—не послушался маіора; да тотъ, по настоящему, и мѣшаться въ это дѣло не имѣлъ права. Дай Богъ ему здоровья, добрый былъ человѣкъ, партіонный начальникъ нашъ!.. Онъ всю дорогу обходился со мною кротко и человѣколюбиво.

— Слава Богу! есть, значитъ, добрые люди на свѣтѣ.

— Да, есть. Ему, впрочемъ, еще на мѣстѣ, при моей отправкѣ, было заплочено, чтобъ онъ хорошо обходился со мною... Что жь такое? спасибо ему! другой и возьметъ, да скоро забудетъ, волкомъ и останется...

Digitized by Google

Ему-то я обязанъ, что эти книги удержались у меня... Иногда, какъ начинаю припоминать прошлое, горесть такъ и рветъ у меня сердце на куски... Я хватаюсь за книгу, и, кажется, будто отлегаетъ... Хотя, по правдѣ сказать, не всегда понимаю о чемъ читаю: мои мысли далеко, далеко отсюда.

Онъ грустно опустилъ голову на грудь.

— Да, Мендельсонъ былъ великій человѣкъ, продолжалъ онъ какъ будто въ раздумьи, — его *Ерузалемъ* — цѣлительный бальзамъ для моихъ жестокихъ ранъ. О Іерушалаимъ, Іерушалаимъ, какъ глубоко пали сыны твои! Есть ли гдѣ-нибудь скорбь, равная скорби ихъ?

Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ; я испустилъ глубокій вздохъ.

— Не правду ли говорилъ я вамъ, что со мною вамъ будетъ невесело? сказалъ онъ подойдя ко мнѣ.— Оставьте старика на жертву его несчастью; идите своею дорогой: вамъ не мѣсто въ этой скучной комнатѣ.

— Не для веселья пришелъ я къ вамъ, отвѣчалъ я:—заискивая вашего знакомства, я зналъ, что не пировать будемъ мы съ вами.

— А вѣдь было время, что и у меня пировали... Было время, когда и я былъ счастливъ, окруженъ довольствомъ, семьей... Не быть ужь болѣе этому времени.

— Зачѣмъ отчаяваться? У Бога много благости.

Онъ взвелъ глаза къ небу.

Digitized by Google

— Да будетъ Его воля! произнесъ онъ торжественно.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали. Онъ медленно ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, а я машинально постукивалъ пальцами по столу. Самоваръ то жалобно шипѣлъ, то умолкалъ, то опять начиналъ шипѣть, но все слабѣе и слабѣе, будто умирающій, который въ чуть слышныхъ стонахъ расточаетъ свои послѣднія силы.

— Но вы еще незнаете, что я перенесъ, сказалъ старикъ, снова садясь противъ меня.

— Откуда же мнѣ знать? отвѣчалъ я.—Облегчите свое горе передо мною, разскажите, что вы перенесли... кто вы такой?

— Кто я такой! Вы видите, я солдатъ.

— Да, вижу... Давно вы служите?

— Еще нѣтъ году.

— Какъ же попали вы въ солдаты? Неужели въ ваши лѣта люди еще состоятъ на очереди?

— Я отданъ въ солдаты безъ очереди.

— Какъ безъ очереди? по какому же случаю?

— Я отданъ за штрафъ? много насъ отдано за штрафъ... я—*штрафной*.

— Что это значитъ *штрафной*?

— Это значитъ... Нѣтъ, увольте на сегодня: я сегодня очень разстроенъ. Меня хотѣли утромъ поставить въ палки за то, что не могъ дотащить куля до мѣста... я упалъ вмѣстѣ съ кулемъ, онъ разорвался, и

Digitized by Google

казенная мука просыпалась... Угодно вамъ придти завтра? вы узнаете всю мою исторію; но сегодня не могу, увѣряю васъ.

Обѣщавъ придти на другой вечеръ, я простился съ моимъ новымъ знакомымъ и ушелъ къ себѣ на квартиру.

II.

Цѣлый слѣдующій день *штрафной* не выходилъ у меня изъ головы. Насилу дождавшись вечера, я отправился къ нему. На этотъ разъ онъ принялъ меня гораздо ласковѣе даже видно было, что приходъ мой былъ для него пріятенъ.

— Знаете, я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, сказалъ онъ мнѣ.—Съ самаго того времени, какъ несчастіе обрушилось на меня, я не видалъ ни одного дружескаго лица, которое интересовалось бы мною, передъ которымъ я могъ бы излить свою горесть. Только жену и дочь успѣлъ я разъ видѣть... на самое короткое время, но какъ видѣть?.. Боже всемогущій! Не желаю ни кому видѣть свою семью въ такомъ положеніи!

— Когда же вы ихъ видѣли? спросилъ я.

— Въ то время, какъ на меня надѣвали сѣрую шинель, отвѣчалъ онъ:—за часъ передъ тѣмъ, какъ меня слѣдовало отправить въ дальній путь. Но это уже конецъ исторіи, а вы еще не знаете начала. Слушайте.

Мы усѣлись другъ противъ друга; онъ облокотился

Digitized by Google

обѣими руками на столъ и протяжнымъ, тихимъ голосомъ началъ свой разказъ:

„Городъ въ которомъ я жилъ, въ которомъ я вырось и состарѣлся, населенъ почти одними Евреями и отстоитъ не далеко отъ границы. Общество у насъ считается большое. Я хотя и не принадлежалъ къ числу большихъ богачей, однако имѣлъ довольно хорошее состояніе. Занимаясь торговлей, какъ большая часть нашихъ братій, я успѣлъ трудомъ и бережливостью обезпечить свое положеніе. Я жилъ счастливо съ моимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей,— сыномъ меня Богъ не надѣлилъ; я долго сѣтовалъ на это, но теперь вижу, что оно къ лучшему. Въ свободные часы,—а ихъ было у меня довольно, потому что родъ моей торговли не требовалъ отъ меня постоянныхъ трудовъ, — я скупалъ шерсть и продавалъ ее пріѣзжавшимъ заграничнымъ купцамъ: въ свободные часы, я любилъ читать и заниматься доступными для меня науками, благодаря природному влеченію моему къ нимъ, развитому во мнѣ еще моимъ покойнымъ отцомъ. Вы знаете, мы всѣ, по большей части, учимся на мѣдныя деньги, потому что наше предназначеніе—торговля; развѣ только тотъ, кто хочетъ исключительно посвятить себя ученому поприщу, учится серіозно и систематически; собственно же торговое сословіе ставитъ ученіе на второй планъ. По крайней мѣрѣ у насъ, въ западныхъ губерніяхъ, уже такъ заведено. Стало быть, нечего между

Digitized by Google

нами искать ученыхъ или основательно образованныхъ людей, это роскошь, а мы обречены на трудъ, намъ нужно существовать, а существовать-то у насъ не легко, потому что мы сбиты въ большія общества и ограничены во многихъ нашихъ дѣйствіяхъ, какъ вамъ извѣстно. Такъ между нами, говорю я, нечего искать основательно образованныхъ людей, но за то и полное невѣжество, отсутствіе всякаго знанія, у насъ за рѣдкость. Болѣе или менѣе, а многіе у насъ учились чему-нибудь; съ ними не стыдно встрѣтиться, какъ говорятъ Евреи, то-есть они бываютъ довольно порядочными людьми, въ смыслѣ еврейскомъ, ограниченномъ, разумѣется, потому что до истиннаго европейскаго просвѣщенія имъ еще очень далеко, да не только имъ, но и многимъ, которые стоятъ гораздо выше ихъ и пользуются гораздо благопріятнѣйшими обстоятельствами. Я говорю о чиновникахъ и владѣльцахъ. Разумѣется, объ исключеніяхъ тутъ нѣтъ рѣчи.

„Я имѣлъ свой небольшой кружокъ, состоящій изъ такъ-называемыхъ у насъ *автодидактовъ*, или самоучекъ. Мы, бывало, собираемся и толкуемъ о еврейской литературѣ, сдѣлавшей въ послѣднее время заграницей большіе успѣхи, или о новыхъ польскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Русскихъ грамотѣевъ между нами было мало: по большой части у насъ знаютъ порусски только тѣ, которые приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ начальствомъ, какъ напримѣръ, откупщики, ихъ повѣ-

Digitized by Google

ренные, подрядчики и отправляющіе служебныя обязанности. Я былъ счастливъ въ кругу моей небольшой семьи и моихъ друзей; время у насъ проходило между промышленными занятіями каждаго и этими мирными сходками у одного кого-нибудь изъ насъ, гдѣ темные, неизвѣстные промышленники Евреи толковали иногда объ интересныхъ вопросахъ въ области науки и литературы, являвшихся на самыхъ отдаленныхъ концахъ Европы. Нашъ городъ и принадлежащія къ нему мѣстечки, повидимому, пользовались благоденствіемъ, разумѣется на сколько это допускается при періодическихъ нашествіяхъ городоваго и земскаго начальства, для котораго мѣсто, населенное Евреями, составляетъ доходную вотчину. Нечего вамъ объ этомъ разказывать: я думаю, и у васъ такъ бываетъ?“

— Къ сожалѣнію, да, отвѣчалъ я.

— Что и говорить! продолжалъ старикъ съ живостью.—Ярмарка-ли, мертвое тѣло, дезертеръ, новое какое-нибудь распоряженіе о синагогахъ или о частныхъ училищахъ,—все это превращается въ предметъ поборовъ, все это составляетъ вѣрный источникъ дохода для извѣстныхъ людей. Конецъ всегда одинъ: составляется складчина, отправляются выборные съ приношеніемъ, и грозный колокольчикъ удаляется впредь до новаго случая. Но мы къ этому привыкли. Вы знаете, какъ Еврей легко мирится съ своею судьбою. Теплый пріютъ, луковица, ломоть хлѣба и кусокъ рыбы или мяса на ша-

Digitized by Google

башъ, и онъ доволенъ. Сознавая, что гоненія удѣлъ его съ самой колыбели, что такъ предназначено свыше, онъ распѣваетъ свои *земиротъ* (застольныя пѣсни) и утираетъ кулакомъ случайную слезу въ ожиданіи лучшей будущности.

Онъ остановился, и мы нѣсколько минутъ просидѣли въ глубокомъ безмолвіи.

„Но надъ нашимъ обществомъ тяготѣло одно несчастіе, изъ котораго мы никогда не могли выпутаться, началъ опять солдатъ. И не надъ однимъ нашимъ обществомъ, а повсемѣстно, сколько намъ извѣстно было. Это — недоимки по рекрутской повинности. Огромныя суммы издерживали мы постоянно въ *губерніи*, нанимали людей по другимъ городамъ, изъ кожи лѣзли, но всегда оставались въ долгу. Пользуясь нѣкоторымъ почетомъ въ городѣ и славой безкорыстнаго человѣка, я, въ числѣ другихъ, былъ избранъ *кагальнымъ* и отправлялъ эту должность болѣе десяти лѣтъ. Знаете-ли вы, что такое кагальный? Это — разбойникъ или мученикъ, средины здѣсь нѣтъ. Онъ долженъ выносить плачъ бѣдняка, у котораго за подати отняли послѣднее одѣяло, служившее защитой отъ холода его нагому семейству; онъ долженъ выносить вопль вдовы, у которой взяли въ рекруты послѣдняго сына; онъ долженъ переносить гоненія отъ богатыхъ, если какъ-нибудь зотронулъ ихъ дальнюю родню по взысканію податей или другихъ повинностей: богатые всегда находятъ готовыхъ заступ-

Digitized by Google

никовъ; онъ долженъ подвергаться преслѣдованіямъ начальства, если, изъ жалости къ низшей братьѣ, онъ вздумалъ остановить дневной грабежъ откупщика *коробочнаго сбора*, продающаго кости за мясо, и то по двойной цѣнѣ. Если у кагальнаго есть сердце, онъ подвергается ежедневнымъ истязаніямъ; если вмѣсто сердца у него камень въ груди, онъ присоединяется къ притѣснителямъ и набиваетъ себѣ карманъ. Это разбойникъ или мученикъ, говорю вамъ! Къ счастью, или несчастью, я принадлежалъ къ разряду послѣднихъ. Что я вынесъ, что я вытерпѣлъ, это знаетъ одинъ Богъ всевѣдующій.

„Удаленіе Евреевъ изъ селъ и деревень, ограниченіе ихъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ, въ правахъ осѣдлости и тому подобное, при умноженіи народонаселенія, породили между ними ужасную бѣдность. Едва ли можно было насчитать въ нашемъ городѣ одного зажиточнаго человѣка на двѣ сотни бѣдныхъ. Нищета и бездомность возрастали съ каждымъ годомъ. Этому еще много способствовалъ обычай раннихъ браковъ въ нашихъ мѣстахъ, обычай безразсудный, приносящій такъ много вреда! Если для человѣка съ состояніемъ большое семейство прибавляетъ больше работниковъ и приноситъ благословеніе, то для бездомнаго, не имѣющаго опредѣленнаго рода занятія, это чистое проклятіе. Если ранніе браки, съ одной стороны, пресѣкаютъ распространеніе разврата между молодыми людьми, то, съ другой, они

Digitized by Google

приводятъ ихъ къ преждевременной старости, иногда даже къ отчаянію, потому что иной въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ имѣетъ уже на своей шеѣ второе поколѣніе. Этотъ обычай произошелъ у Евреевъ отъ ихъ изолированнаго положенія въ обществѣ въ средніе вѣка, отъ желанія сосредоточиться въ своемъ семействѣ и находить въ немъ для себя отраду, потому что внѣшній міръ не представлялъ ея Еврею въ тогдашнее время. Но когда новыя времена налагаютъ на насъ другія условія, обычай этотъ не имѣетъ болѣе смысла, особенно въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ бытъ Евреевъ такъ стѣсненъ и ограниченъ. Но отъ вкоренившихся глупостей отстать трудно. Если кто-нибудь поумнѣй и осмѣлится иногда возвысить голосъ противъ обветшалыхъ обычаевъ, приносящихъ въ настоящее время очевидное зло, невѣжественная толпа готова загнать его во гробъ. Толпа всегда толпа: и въ старину, и теперь, всегда швыряла и швыряетъ она каменьями въ того, кто желаетъ ей добра.

„Съ каждымъ годомъ и съ каждымъ наборомъ накоплялись на нашемъ обществѣ денежныя и рекрутскія недоимки. Прежніе наборы сильно истощили насъ; многія семейства разбѣжались и безъ вѣсти пропали; многіе, способные къ службѣ, ушли за границу; не было мѣщанской семьи, гдѣ бы не было недочета въ братѣ, сынѣ, внукѣ, мужѣ: иной скрылся, иного уже отдали въ рекруты. Другія семейства отбывали даже по два и

Digitized by Google

по три раза рекрутскую повинность: такъ скоро, за неимѣніемъ другихъ, доходила до нихъ очередь. Наборы у насъ бывали частые. Былъ наборъ въ *западной полосѣ*,—мы давали рекрутъ; былъ наборъ въ *восточной*,—мы опять давали рекрутъ, и каждый разъ по десяти съ тысячи,—шутка ли! А сколько въ этой тысячѣ считается малолѣтнихъ, умершихъ, стариковъ, больныхъ и неспособныхъ, бѣглыхъ и, наконецъ, выбывшихъ уже въ службу, но еще не исключенныхъ по ревизіи!

„Мучились мы, выборные люди, свидѣтель Богъ какъ мучились, желая выполнять требованія начальства; но что жь? это рѣшительно было сверхъ нашихъ силъ. Гдѣ былъ сирота, гдѣ былъ бобыль, гдѣ былъ гулякa, мы всѣхъ поотдавали; семейства боролись съ нами, да и правы были: они уже давнымъ давно по разу и по два отбыли свою очередь. Мы собирали деньги, разсылали по разнымъ мѣстамъ и нанимали рекрутъ, но это было всегда связано съ необычайными трудностями и расходами и рѣдко увѣнчивалось успѣхомъ. Начальство напоминало, грозило; слѣдовало отправляться въ „губернію“, валяться въ ногахъ, умолять, задаривать, нести страшные расходы; отношенія и рапорты летѣли во всѣ направленія: „такое-то, дескать, мѣщанское общество не можетъ... по случаю холеры, или послѣдовавшихъ пожаровъ“... или чего-нибудь другаго, время пока проходило, гроза на нѣсколько мѣсяцевъ затихала, но чего

Digitized by Google

это намъ стоило!.. Такъ гибли безполезно наши силы и деньги, потому что недоимки не только не покрывались, но росли все болѣе и болѣе.

„А что было съ становыми да съ исправниками, не доведи Господи! Есть ли у *него* какая бумага изъ „губерніи“, или нѣтъ, слѣдуетъ ли брать рекрутъ, или нѣтъ,—какое ему дѣло? Прикатитъ, бывало, въ мѣстечко,—мѣстечко дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. „Запирай лавки... сажай въ колоду... гони всѣхъ въ синагогу... зажигай черныя свѣчи..., присягай старъ и младъ!“ О чемъ? про что? Богъ вѣдаетъ!... Разумѣется, развязка та же самая: опять депутація, опять поклоны съ обычными приложеніями.

„Признаюсь, мнѣ жизнь опротивѣла въ такомъ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Я умолялъ общество, чтобы меня уволили отъ должности кагальнаго и выбрали на мое мѣсто другаго. Я хотѣлъ оставить тотъ городъ, даже тотъ край, чтобы поселиться гдѣ-нибудь подальше и не видѣть возмущающихъ душу сценъ, которыя, по мѣрѣ нашей неисправности, повторялись все чаще и чаще.

„Я уже сказалъ вамъ, что имѣлъ двухъ дочерей. Одна была семнадцати лѣтъ, уже невѣста: женихъ ея былъ круглый сирота, безъ состоянія, но съ прекрасными способностями; на мой счетъ учился онъ медицинѣ въ одномъ дальнемъ университетѣ. Еще три года оставалось ему до окончанія курса; по полученіи имъ диплома, положено было сыграть свадьбу. Другая моя дочь

Digitized by Google

была еще ребенокъ по тринадцатому году. Мои дочери были хороши собой... или, можетъ-быть, такъ казалось моимъ родительскимъ глазамъ. Какая нужда?.. Онѣ были мои дѣти, онѣ были моя кровь, онѣ были моя радость и утѣха на свѣтѣ; онѣ составляли часть моего существа; казалось, ихъ нельзя было оторвать отъ меня, чтобы вмѣстѣ съ ними не вырвать у меня сердца изъ груди... О, Боже мой! Боже мой! и ихъ однакожь оторвали отъ меня, а я все еще живу!..“

Онъ вскочилъ съ мѣста и съ невыразимымъ отчаяніемъ началъ ломать руки и бить себя въ грудь, испуская глухія рыданія.

Я далъ ему выплакаться; можетъ-быть и я плакалъ, не помню. Но онъ черезъ нѣсколько минутъ немного успокоился и опять присѣлъ.

— Извините слезамъ несчастнаго отца, началъ онъ снова, взявъ меня за руку:—не могу безъ слезъ вспомнить о моихъ дѣтяхъ. Вотъ тутъ, вотъ тутъ меня жестоко давитъ!...

Онъ указалъ рукой на грудь.

— Понимаю ваше горе, отвѣчалъ я,—но...

Онъ не далъ мнѣ договорить.

— Но слезами горю не пособить, прервалъ онъ живо:— прошлаго не воротишь... Ваша правда... Продолжаю мой разсказъ:

„Мои дочери получили кой-какое воспитаніе, сообразно съ моими средствами. Я просился у общества на

Digitized by Google

отдыхъ, чтобы посвятить счастью дѣтей остатокъ моихъ дней. Вліятельные люди въ обществѣ готовы были уважить мою просьбу; они приняли въ соображеніе мои немолодыя уже лѣта и долговременную службу, которая, худо ли, хорошо ли все же отправлялась мною, и, кромѣ тревогъ и огорченій, мнѣ ничего не приносила. Но вдругъ настали новыя обстоятельства,—и выступленіе мое изъ должности сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

„Получено было распоряженіе, чтобы, во избѣжаніе будущей неисправности, мы впредь за каждаго недоданнаго рекрута давали еще по два рекрута штрафа, и за каждыя двѣ тысячи рублей денежной недоимки давали тоже по одному рекруту; въ случаѣ же неисполненія, отдавать самихъ кагальныхъ и старостъ въ солдаты и зачислить ихъ въ штрафъ. На насъ числилось штукъ до сорока недоимки, и теперь мы—подумайте—должны были дать сто двадцать; да прибавьте еще сто двадцать слишкомъ очередныхъ рекрутъ по набору, не говоря уже о десяткахъ тысячъ рублей недоимки, которыя слѣдовало тоже замѣнить людьми,—и вы поймете положеніе! Ужасъ оковалъ насъ, и тѣмъ еще болѣе, когда мы сообразили, что въ случаѣ неисправности въ поставкѣ штрафныхъ рекрутъ, на насъ наростетъ опять *новый штрафъ* по два человѣка на одного, и такъ далѣе въ страшной прогрессіи, пока весь городъ нашъ не превратится въ одинъ огромный рекрутскій приводъ. Сомнѣваться въ этихъ послѣдствіяхъ мы не могли, по-

Digitized by Google

тому что выполнить новое распоряженіе не было никакой надежды.

„Что происходило тогда у насъ, я не въ силахъ вамъ описать. Гонцы поскакали въ „губернію“; деньги сыпались какъ негодный соръ; мы умоляли о помилованіи, объ отсрочкѣ... Опять пошли представленія куда слѣдуетъ. Но мы пока не дремали: мы начали хватать кого могли. За кого только заступиться было некому, тотъ былъ у насъ рекрутъ; дѣтей восьми лѣтъ брали въ рекруты, ихъ сковывали попарно и отправляли. Мы были глухи къ воплямъ и рыданіямъ. О, это было ужасное время! да помилуетъ Богъ милосердый тѣхъ, кто накликалъ его на насъ!“

— Но я не понимаю однакожь этого отчаянія, замѣтилъ я:—отечеству солдаты нужны, отъ службы отказываться грѣхъ, когда царь велитъ.

„Безъ всякаго сомнѣнія, грѣхъ, отвѣчалъ старикъ: воля царя—воля Бога. Отечеству мы обязаны принести въ жертву нашу жизнь, если оно потребуетъ. Кто объ этомъ споритъ? Но наши къ военной службѣ еще не совсѣмъ привыкли. Къ тому же служба службѣ розь. Когда была бы какая-нибудь надежда на выслугу, тогда дѣло другое; но Еврей ни до чего не можетъ дослужиться. Притомъ возьмите еще обхожденіе невѣжественныхъ товарищей; на комъ выместить свой гнѣвъ или досаду, какъ не на *проклятомъ Жидѣ;* кому дать пинка ни за что ни про что, какъ не Жиду; кому

Digitized by Google

ткнуть въ рыло кусокъ свинаго сала, какъ не ему же; не говоря уже о томъ, что и начальство иными глазами смотритъ, зная, что никакое отличіе не выдвинетъ Жида впередъ. Разумѣется, и тутъ бываютъ исключенія, но я говорю вообще. Не забудьте, это бываетъ съ взрослыми, которые иногда могутъ и постоять за себя, могутъ и пожаловаться начальнику; ну, а дѣти? Каково бѣдному ребенку, едва вышедшему изъ пеленокъ, на чужой сторонѣ, между грубыми и жестокими людьми, ненавидящими его вѣру, его племя,—между людьми, которые и съ своими не лучше обходятся, и языка которыхъ онъ иногда вовсе не понимаетъ? Да и какая служба отъ такого ребенка? Только-что свиней пасетъ у военнаго поселянина да переноситъ побои и толчки, если случайно не успѣлъ заблаговременно слечь въ могилу... Нѣтъ! служба сама по себѣ: служить должно кому прикажутъ, да жаль, что обхожденіе не вездѣ сносное, особенно отъ низшаго начальства. Высшее-то всегда человѣколюбиво и уважаетъ въ каждомъ человѣкѣ Божіе созданіе, да къ высшему далеко, а низшее подъ рукой всегда... Да, впрочемъ, не о томъ рѣчь... дѣло въ моей исторіи.

„Бились мы, бились какъ рыба объ ледъ. У насъ уже стали принимать и кривыхъ, и беззубыхъ, и вышедшихъ изъ лѣтъ; но чего намъ стоила каждая отдача! Чего намъ стоили лѣкаря, военные пріемщики, стряпчіе,—страшно даже сказать? Но все-таки въ этомъ

Digitized by Google

толку было мало; до полнаго числа все-таки большей половины всегда не доставало. Рекрутскія недоимки постепенно увеличивались и дошли до нѣсколькихъ сотенъ, не помню сколько именно, да страхъ было и сосчитать. На предписанія изъ „губерніи“ мы и отвѣчать перестали: ихъ нельзя было исполнять, а объясняться неимѣньемъ все равно что бить горохомъ объ стѣну,—они какъ то и замолкли. Все какъ будто на время затихло, какъ будто тучи скоплялись надъ нашими головами. Этотъ обманчивый отдыхъ, который намъ дали, болѣе ужасалъ насъ чѣмъ прежнія строгія подтвержденія: мы чуствовали, что надъ нами собирается неотвратимая гроза, и не ошиблись: она вскорѣ разразилась самымъ страшнымъ образомъ.

„Въ одно утро—это былъ четвертый день *ханука* (праздникъ Маккавеевъ), когда мы собирались торжествовать побѣду нашихъ славныхъ предковъ, одержанную надъ Антіохомъ,—звонъ множества колокольчиковъ раздавался по городу: сердце въ насъ замерло. Начальство наѣхало изъ „губерніи“ и изъ уѣзда; отрядъ вооруженныхъ солдатъ вступилъ въ городъ. Нѣсколько троекъ подъѣхало прямо къ синагогѣ. Какъ овецъ гнали въ синагогу; гнали и стариковъ и молодыхъ, и женщинъ и дѣтей, гнали прикладами: велѣно было собраться всѣмъ жителямъ. Насъ,— кагальныхъ, сборщиковъ, старостъ, сдатчиковъ, — всѣхъ должностныхъ немедленно заковали въ кандалы и тоже погнали съ прочимъ на-

Digitized by Google

родомъ. Собралось множество людей; не только оба отдѣленія, мужское и женское, были биткомъ набиты народомъ, но и весь дворъ и вся улица передъ синагогой были запружены имъ. Чиновникъ вошелъ на возвышенное мѣсто и началъ читать бумагу. Онъ читалъ долго и все упрекалъ насъ въ непослушаніи властямъ, въ упорствѣ. Окончивъ чтеніе, онъ сталъ изливать на насъ разныя ругательства; онъ мѣшалъ съ грязью всѣхъ, всѣхъ безъ разбору. Всѣ безмолвно слушали съ трепетомъ и содроганіемъ.., Но когда онъ, въ заключеніе, грозно закричалъ: „Вы знаете съ кѣмъ шутите! Вы знаете, вы, презрѣнный и ничтожный народъ, что васъ можно въ одно мгновеніе стереть съ лица земли, растоптать какъ гадкаго червя!“ — когда онъ произнесъ эти слова, громкія рыданія вырвались изъ груди слушателей; и тѣ, что были на дворѣ, и тѣ, что на улицѣ, слыша плачъ своихъ братій въ синагогѣ, тоже начали рыдать, предчувствуя что-то ужасное. Вопли наполняли воздухъ. Страшно было видѣть, какъ цѣлое народонаселеніе плакало навзрыдъ. Казалось, и нѣмыя стѣны домовъ готовы были разразиться въ слезахъ.

„Но это было еще только начало. Приказано было хватать кого можно, кто только похожъ на нѣсколько годнаго рекрута. Люди бѣгали по всѣмъ направленіямъ, какъ испуганное стадо; солдаты гнались за ними; ужасъ былъ на всѣхъ лицахъ. Всѣ разбѣгались кто куда могъ; прятались въ подвалахъ и на чердакахъ; всѣ лавки

Digitized by Google

были заперты, всякая дѣятельность остановилась; смятеніе было невыразимое. Но число нахватанныхъ на улицахъ рекрутъ еще далеко не достигало желанной цифры. Распорядились такъ, чтобы къ вечеру дать нѣсколько утихнуть смятенію; но ночью ворвались въ дома, и изъ домовъ, изъ постелей вытаскивали людей; кричи себѣ сколько хочешь: я старъ, или я одиночка и совсѣмъ на очереди не могу состоять, или уже я и брата и сына имѣю на службѣ, или я перечисляюсь въ купцы и скоро утвержденіе получится, или что-нибудь другое, на все на это не обращали никакого вниманія:—кандалы и лобъ! лобъ! лобъ! въ одно мгновеніе ока.

„Долго, говорятъ, не могъ городъ опомниться отъ оцѣпенѣнія; долго никто не смѣлъ показаться на улицѣ, а кому была крайняя надобность, тотъ крался какъ воръ глухими переулками да подъ заборами: два мѣсяца лавки стояли заперты, рынки были пусты, никакой жизни, никакого движенія не проявлялось. Стоны и вздохи, стоны и вздохи,—только это и слышно было. Каждый оплакивалъ кого нибудь: тамъ недостовало отца, тамъ брата, тамъ сына, мужа, а въ иномъ мѣстѣ и того, и другаго и третьяго вмѣстѣ.

„Такъ кончился этотъ набѣгъ, вызванный нашею неумышленною неизбѣжною неисправностію,—набѣгъ, который поразилъ нашъ городъ какъ параличъ, потому что у всѣхъ отнялись и руки и ноги, всѣ почти ли-

Digitized by Google

нились своей энергіи, у всѣхъ это безпримѣрное происшествіе и опасеніе за будущее лежали какъ овинецъ на груди.

„Насъ, должностныхъ, которыхъ было до пятнадцати человѣкъ, присоединили къ числу *штрафныхъ* и, закованныхъ, повезли въ губернію; тамъ насъ посадили въ острогъ. Нѣкоторые не могли выдержать и въ скорости послѣ того въ острогѣ и умерли.

„Можно себѣ представить горестное положеніе моего семейства. Старуха жена, питавшая ко мнѣ безмѣрную привязанность и уваженіе и, по ея понятіямъ, считавшая меня лицомъ неприкосновеннымъ, невѣста дочь, которой будущее счастіе съ любимымъ другомъ такъ привѣтно улыбалось, другая дочь-дитя, пѣстунья родителей, которая полагала, что выше и важнѣе ея отца и сыскать нелегко, потому что отецъ доставлялъ и разныя удовольствія и тихія радости своей семьѣ, — все это осталось какъ на волнахъ, и въ одинъ мигъ лишилось головы и руководителя. Все прошлое исчезло какъ туманъ, разбилось въ дребезги. О себѣ я и сказать вамъ ничего не могу. Мнѣ казалось что все это неправда, что все это тяжкое сновидѣніе; но къ несчастію, оковы и тюрьма напоминали мнѣ, что это не сновидѣніе, а безпощадная дѣйствительность.

„Жена моя съ старшею дочерью вскорѣ послѣдовали за мною въ губернію. Жена собрала, сколько могла, денегъ, надѣясь освободить меня. Онѣ вдвоемъ повсюду ходили, умоляли и не жалѣли расходовъ. Нашлись доб-

Digitized by Google

рые люди, которые принимали участіе въ нихъ, брали у нихъ деньги и обѣщали свою помощь; но, какъ оказалось, помочь они не могли. Иногда позволяли мнѣ видѣться въ моей каморкѣ съ женой и дочерью. Онѣ меня обнадеживали, утѣшали и мѣшали свои слезы съ моими. Безпокойство и безсонныя ночи изнурили ихъ, но онѣ не теряли духа и напрягали всѣ силы, чтобъ облегчить мою участь. Ничто не помогло. Въ одно утро мнѣ обрили бороду, забрили лобъ и вывели на дворъ, гдѣ стояло нѣсколько подводъ, толпились люди, рекруты, полицейскіе; я ничего не видѣлъ, мой разсудокъ какъ будто помутился. Съ меня сняли верхнее платье и стали напяливать солдатскую шинель. Вдругъ послышался страшный вопль... это жена и дочь бросились ко мнѣ на шею... я стоялъ какъ окаменѣлый: на лицахъ всѣхъ окружавшихъ меня выразилось сожалѣніе; даже нѣкоторые солдаты и полицейскіе въ полголоса произнесли: „бѣдныя женщины!“ Жена повисла у меня на груди какъ стопудовая тяжесть... еще одинъ вопль... и она упала какъ снопъ къ моимъ ногамъ: ее разбилъ апоплексическій ударъ.

„Я просилъ отсрочки, чтобы принять послѣдній вздохъ жены; мнѣ позволили. Черезъ часъ жена моя умерла, а черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти ея старшая моя дочь сошла съ ума“.

Старикъ замолчалъ. Слёзы въ два ручья лились по его лицу. Мнѣ казалось, что волосы кололи меня. Я вну-

Digitized by Google

трепно удивлялся, какъ такой хилый старикъ, измученный содержаніемъ въ тюрьмѣ, истерзанный участью двухъ дорогихъ ему существъ, участью, постигшею ихъ на его глазахъ, могъ еще послѣ того оставаться въ живыхъ.

— А вотъ я, видите, и не сошелъ съ ума и живу, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія и какъ будто отвѣчая на мою тайную мысль.—Я, негодный сосудъ, разбитый черепокъ, долженъ переносить всѣ мученія непомраченнаго разсудка, а *она*, такая прекрасная и невинная, только-что начинавшая расцвѣтать, должна была распроститься съ своими грезами и надеждами.... Что-же дѣлать! Богъ правосуденъ. Онъ далъ и Онъ взялъ назадъ, да будетъ благословенно имя Его!

— Что же было послѣ? спросилъ я, видя, что онъ нѣсколько успокоился.

— Что же еще могло быть послѣ? возразилъ онъ съ горечью.—Развѣ одного этого мало было для меня?... Меня отправили далеко на сѣверъ; тамъ я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. По старанію добрыхъ людей, я былъ потомъ переведенъ въ здѣшній гарнизонъ и снабженъ хорошими рекомендаціями. По стараніямъ тѣхъ же людей, мои торговыя дѣла были закончены, потому что несчастіе захватило меня врасплохъ и дѣла остались въ безпорядкѣ. Что можно было собрать изъ моего имѣнія, и что еще осталось отъ послѣднихъ значительныхъ издержекъ покойной жены и отъ расхищенія прикащиковъ обратили въ деньги и отдали въ вѣрныя руки;

Digitized by Google

къ моей меньшой дочери приставили старую родственницу, и изъ процентовъ отпускаютъ ей на содержаніе сколько надобно. Старшая моя дочь, какъ меня извѣщаютъ въ письмѣ, лежитъ въ губернскомъ городѣ въ больницѣ при смерти. Молю небо, чтобъ оно скорѣе приняло ее къ себѣ... Мнѣ сюда также часто высылаютъ деньги, и я въ нихъ не терплю нужды; да мнѣ и немного нужно здѣсь. Начальство здѣсь поступаетъ со мною хорошо; мнѣ позволили нанять себѣ квартиру и не слишкомъ безпокоятъ службой. Да наградитъ ихъ Богъ, покровитель всѣхъ несчастныхъ! Они снисходительны ко мнѣ, то есть старшіе начальники. Отъ младшихъ иногда достается, хотя я и знаю свое дѣло, и знаю что кому предложить слѣдуетъ; ну, да дѣлать нечего: терплю. Я даже иногда дѣлаюсь бодръ и мирюсь съ своимъ положеніемъ, но это бываетъ не надолго: мысль о моемъ несчастномъ ребенкѣ, единственномъ дорогомъ существѣ, которое еще осталось у меня, гнететъ меня постоянно. Дѣвушка подростаетъ, развивается... что будетъ съ нею, сиротою, безъ матери, за тысячу двѣсти верстъ отъ меня!...

Онъ опустилъ голову на грудь и предался тяжелой грусти. Долго ходилъ я по комнатѣ, бросая иногда взоры на „штрафнаго“; онъ все сидѣлъ въ одномъ положеніи и, казалось, совсѣмъ забылъ о моемъ присутствіи. Я подошелъ къ окну и растворилъ его. Лѣтній вечеръ былъ во всей очаровательной своей красотѣ. На темно-

Digitized by Google

синемъ небѣ, усѣянномъ милліонами звѣздъ, то ослѣпительно-яркихъ, то едва мерцающихъ и будто дрожащихъ въ невообразимой дали, незамѣтно плавалъ полный мѣсяцъ, испуская блѣдный, успокоивающій свѣтъ. Городъ давно спалъ. Все въ природѣ было тихо и торжественно.

Я подошелъ къ старику и положилъ ему руку на плечо; онъ всталъ. Взявъ его за руку, я подошелъ съ нимъ къ окну.

— Посмотрите, какъ тутъ все прекрасно, сказалъ я ему.—Неужели и это не въ состояніи утѣшить васъ?

— Вы говорите о красотѣ природы, отвѣчалъ онъ:— и спрашиваете, утѣшаетъ ли она меня? Нѣтъ... Вы молоды, вы еще не знавали несчастія... у васъ глаза иначе глядятъ и иначе передаютъ сердцу свои впечатлѣнія. И я былъ молодъ, и я тогда иначе глядѣлъ на свѣтъ и на природу... теперь не то. Помню, прибавилъ онъ, указывая рукою на горизонтъ:—помню, что здѣсь должно быть радостно и свѣтло, но глазами этого не вижу, сердцемъ этого не чувствую. Небо для меня одѣто въ траурный цвѣтъ, луна для меня погребальная свѣча; звѣзды мнѣ кажутся раскрытыми зіяющими язвами на истерзанномъ тѣлѣ, изъ которыхъ готова политься кровь; деревья будто шепчутся объ ужасахъ, совершающихся въ тишинѣ... Нѣтъ, все видимое для меня черно, а что за *тѣмъ*, что дальше, что недосягаемо для моихъ тѣлесныхъ глазъ, что покрыто тайной для всѣхъ насъ,—

Digitized by Google

то меня утѣшаетъ. *Тамъ*, за этими свѣтлыми образами для васъ, за этими темными призраками для меня, *тамъ*, куда не дерзаетъ проникать мысль,—тамъ оно, мое утѣшеніе.

III.

Дружба моя съ „штрафнымъ“ крѣпла съ каждымъ днемъ. Почти не проходило сутокъ, чтобы мы не видались съ нимъ; я проводилъ у него цѣлые вечера, а иногда онъ у меня. Мы находили удовольствіе во взаимной бесѣдѣ. Я любилъ слушать его интересные разказы о нашихъ обществахъ въ западныхъ губерніяхъ, о борьбѣ партій въ этихъ маленькихъ муравейникахъ, о сектѣ хасидимъ, съ ихъ восторженными замашками, невѣжественными *цадиками* или предводителями, о ихъ постоянныхъ распряхъ и войнахъ съ партіей образованныхъ, которымъ они ставятъ преграды на каждомъ шагу. По его разсказамъ общественный бытъ Евреевъ въ тѣхъ мѣстахъ стоялъ еще на очень низкой ступени, и не мудрено: Евреи въ дѣлѣ просвѣщенія въ новѣйшее время вездѣ двигаются за господствующимъ народомъ, а мелкая шляхта, чиновничество и крестьянское сословіе не представляютъ имъ въ этомъ отношеніи ничего такого, что бы достойно было подражанія. Сбитые въ кучу на тѣсномъ пространствѣ, они не въ состояніи выпутаться изъ густой сѣти предразсудковъ, сплетенной

Digitized by Google

еще средними вѣками, а, напротивъ, болѣе запутываются въ нее, потому что возрастающее невѣжество къ старымъ вздорамъ прибавляетъ новыя нелѣпости. Этому незавидному положенію вещей много способствовала система какой-то валовой отвѣтственности, мало-по-малу обрушившейся на нихъ. Поневолѣ въ такомъ случаѣ все сливается воедино, держится крѣпко и заимствуетъ другъ у друга то, чего заимствовать вовсе не слѣдовало бы. Взаперти люди пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее или мелютъ вздоръ, а на свободѣ они научаются должному обращенію со свѣтомъ, занимаются дѣломъ и приносятъ пользу не только себѣ, но и другимъ.

За всѣмъ тѣмъ просвѣщеніе брало свои права приступомъ, какъ выражался „штрафней“, и пробивалось сквозь всевозможныя препоны, поставлемыя обскурантизмомъ и неблагопріятными обстоятельствами. Не было того города или мѣстечка, гдѣ бы не было довольно значительнаго числа людей съ толкомъ, настроенныхъ на европейскій ладъ. Сначала имъ было тяжко бороться съ хасидизмомъ, потому что богатство и сила бывали, по большой части, на сторонѣ послѣдняго, слѣдовательно и мѣстныя власти. Грубое себялюбіе хотѣло всегда господствовать. Во главѣ хасидимовъ стояли часто богатые люди, которые платили огромныя подати своимъ *цадикамъ*, и оттого имѣли вліяніе на народную массу и держали ее въ зависимости. Всѣ промыслы были въ рукахъ этихъ колонновожатыхъ, вся второстепенная бра-

Digitized by Google

тія состояла у нихъ въ долгу и обязана была плясать по ихъ дудкѣ. Рука руву мыла. Мѣстныя власти были всегда за этихъ мелкихъ и невѣжественныхъ деспотовъ, и людямъ съ независимымъ мнѣніемъ, съ благоразумнымъ и современнымъ направленіемъ приходилось жутко. Однако правда мало-по-малу начала торжествовать. Просвѣщеніе находило себѣ адептовъ даже въ домахъ богатыхъ хасидимовъ, и хасидизмъ былъ остановленъ въ своемъ бурномъ, всеразрушающемъ теченіи. Мѣткія сочиненія на еврейскомъ языкѣ, появлявшіяся тамъ и сямъ въ Литвѣ или за границей, поражали хасидизмъ колкими насмѣшками и сатирами, выставляли шарлатанство святошъ-цадиковъ и нелѣпость хасидическихъ обрядовъ; общее мнѣніе пошатнулось нѣкоторымъ образомъ. Окончательнымъ результатомъ этого было то, что хасидизмъ былъ парализованъ: даже не смѣло шелъ онъ впередъ, а съ трудомъ плелся, и новыхъ учениковъ находилъ рѣдко. Но и того, что осталось, было довольно. Секта эта пустила глубокіе корни и отростки и въ прежнія времена завоевала себѣ огромное пространство; нужны годы, пока все это изгладится. Послѣ удара, полученнаго хасидизмомъ въ его основаніи, настала пора работать просвѣщенію; ему одному и добросовѣстнымъ его дѣятелямъ предстоитъ совершить то, чего никакія насильственныя мѣры совершить не въ состояніи.

Къ сожалѣнію, по словамъ „штрафнаго“, и начальство въ тѣхъ мѣстахъ смотрѣло недружелюбными гла-

Digitized by Google

зами на тѣхъ, которые длиннымъ, но вѣрнымъ путемъ образованности, пытались возвысить своихъ братьевъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ и не понимавшихъ своего унизительнаго положенія. Было ли это по проискамъ богатыхъ эгоистовъ, не желавшихъ лишиться своего вліянія, или по наклонности самихъ чиновниковъ, видѣвшихъ опаснаго человѣка въ каждомъ, кто имѣлъ свое мнѣніе, кто не снималъ шапки за пятьдесятъ шаговъ, кто требовалъ къ себѣ уваженія и противился разнымъ своеволіямъ; или это было слѣдствіемъ того и другаго вмѣстѣ?.. Быть-можетъ. Но главное несчастіе заключалось въ томъ, что обстоятельства не дѣлали исключенія ни для кого: ограниченія лежали равно на всѣхъ, и на образованномъ, и на закаленномъ невѣждѣ; матеріяльныхъ выгодъ для первыхъ пока не представлялось никакихъ: они трудились, будучи смѣшиваемы съ большинствомъ и такъ же презираемы и стѣсняемы какъ оно; они трудились для будущности.

„Штрафной“ разказывалъ мнѣ иногда о продѣлкахъ земскаго начальства, и въ особенности засѣдателей и становыхъ. Владычество ихъ въ жидовскихъ мѣстечкахъ не имѣло предѣловъ, алчность не знала границъ. Разумѣется, въ городѣ, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ народу, нельзя чтобы было безъ преступленій, безъ бродягъ или тому подобнаго. Что жъ? бродягъ слѣдуетъ забрать, преступленіе раскрыть, виновныхъ сдать на руки правосудію, и дѣло съ концомъ. Какое, кажется,

Digitized by Google

дѣло всему мѣстечку до этого? Но съ Евреями совсѣмъ не такъ. Для нихъ создана была круговая порука, разумѣется самыми исправниками да засѣдателями, потому что въ законѣ про нее и помину нѣтъ. Бери кого можешь, вяжи, куй, тащи праваго и виноватаго. Старшины обѣгаютъ городъ, собираютъ деньги, и грозный исполнитель собственнаго правосудія смягчается. Съ міру по ниткѣ — убогому сорочка, а съ міру по рублю — исправнику тысяча, и не одна. Разумѣется, онъ уже отъ себя платилъ дальше кому слѣдовало. Пріискиваніе этими господами средствъ какъ добывать деньги дѣйствительно достойно всякаго удивленія. Старикъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми случаями.

Разъ было найдено мертвое тѣло: наѣхалъ становой, поставилъ часовыхъ и далъ знать въ уѣздный городъ. Пока временное отдѣленіе собиралось выѣхать на слѣдствіе, становому пришла счастливая мысль. Онъ взялъ трупъ къ себѣ на повозку, посадилъ возлѣ себя своего письмоводителя и одного понятаго изъ мужиковъ и поскакалъ въ близь-отстоявшую корчму къ Еврею. Это было въ пятницу вечеромъ; Еврей только что приготовился встрѣтить весело свой праздникъ; хозяйка его принарядилась по праздничному; на столѣ, въ мѣдномъ канделябрѣ о семи вѣтвяхъ, ярко горѣли свѣчи, лежала бѣлая скатерть и двѣ булки, накрытыя салфеткой; графинъ съ водкой красовался посреди; ребятишки прыгали вокругъ стола; изъ печи разносился по

Digitized by Google

комнатѣ заманчивый запахъ начиненной щуки, которая ждала, чтобъ ее подали на столъ; хозяинъ въ шабашковомъ зипунѣ гордо похаживалъ по комнатѣ и потиралъ руки отъ удовольствія и отъ уваженія къ собственной особѣ. Вдругъ—колокольчикъ. Вбѣгаетъ становой, вносятъ трупъ и кладутъ прямо на столъ; письмоводитель принимается исполнять должность лѣкаря, и все готово къ процессу анатомированія. Еврей поблѣднѣлъ какъ смерть, жена съ воемъ убѣжала въ чуланъ и тамъ заперлась съ двумя-тремя ребятишками, а остальныя запрятались подъ кровать. „Ваше благородіе, помилуйте! за что такой грѣхъ!“ — Пошелъ вонъ, дуракъ, жидъ... смѣешь ты противиться... въ станъ потащу, въ тюрьмѣ сгніешь... Экстренное дѣло: трупъ казенный... Туда, сюда и нѣсколько полуимперіяловъ выпроводили становаго съ казеннымъ трупомъ. Поскакалъ становой въ другую корчму, за пять верстъ; тамъ уже ужинали. Опять та же исторія и тѣ же полуимперіялы. Такъ возился онъ по околотку съ мертвымъ тѣломъ цѣлую ночь и весь слѣдующій день, и вездѣ бралъ деньги съ Евреевъ за спасеніе чести субботняго дня. Въ воскресенье онъ возвратился къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ. и хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ поджидать прибытія временнаго отдѣленія.

Другой рыцарь этого же знамени выбрилъ пол-головы несчастному учителю и въ цѣпяхъ отправилъ его въ земскій судъ, а судъ посадилъ его въ острогъ, откуда

Digitized by Google

бѣднята едва вырвался черезъ годъ, и то по ходатайству добрыхъ людей. Дѣло было слѣдующаго рода. Этотъ учитель былъ человѣкъ довольно образованный и преподавалъ своимъ ученикамъ Библію съ нѣмецкимъ переводомъ, ариѳметику, исторію, географію; въ мѣстечкѣ такого учителя достать было за рѣдкость. Всѣ зажиточныя люди новаго покроя поручили ему воспитаніе и обученіе своихъ дѣтей. Не надо забывать, что это былъ учитель частный: казенныхъ училищъ еще тогда не водилось у Евреевъ. Въ тѣ времена каждое мѣстечко наводнялось тѣми невѣжественными *меламедами*, которые теперь, слава Богу, стали мало-по-малу выводиться. Это были или страшные фанатики, набившіе себѣ голову метафизическими бреднями, или просто неучи, едва понимавшіе Писаніе и съ горемъ пополамъ знавшіе одинъ или два трактата изъ Талмуда. Дѣти набивались кучами въ такъ-называемыхъ *хадаримъ*, или школахъ, и съ пронзительными криками и дикими тѣлодвиженіями повторяли свои уроки передъ суровымъ *меламедомъ*, который, чуждый всякихъ нравилъ здравой морали и законовъ общежитія, наполнялъ ихъ юныя головы своими близорукими, аскетическими взглядами на жизнь. При необходимости каждому Еврею знать свой закопъ и свою грамоту, надобно было довольствоваться тѣми скудными средствами, которыя представляли эти полудикіе *хадаримъ*. Но учитель, о которомъ идетъ рѣчь, ввелъ реформу и порядокъ въ ученіе. Онъ пре-

Digitized by Google

подавалъ полезныя знанія, съ умѣньемъ хорошаго педагога. Партія просвѣщенныхъ въ мѣстечкѣ, разумѣется самая незначительная по числу и вліянію, была отъ него въ восторгѣ, а партія хасидическая ненавидѣла его и желала выжить какими бы то ни было средствами. Нашлись такіе, которые сдѣлали на него доносъ, что онъ учитъ по запрещеннымъ цензурой книгамъ. Явился на слѣдствіе становой, котораго, какъ водится, обскуранты хорошо задарили. Забравъ всѣ учебныя книги у учителя, онъ взялъ его на допросъ. „Какъ смѣешь ты обучать по запрещеннымъ книгамъ?“ закричалъ онъ.—Какія же это запрещенныя книги? возразилъ учитель:—вотъ, извольте увѣриться: это—всеобщая исторія, это ариѳметика и такъ далѣе. „А это что такое?“ продолжалъ становой, указывая на Библію съ нѣмецкимъ переводомъ.—Это Библія съ переводомъ Мендельсона, отвѣчалъ учитель. — „Что это за Мендельсонъ? кто онъ такой? вскричалъ земскій сановникъ: вѣрно такой же мошенникъ и воръ какъ ты! Гдѣ онъ? давай его сюда!“—Какъ вамъ дать его сюда: онъ давно умеръ, отвѣчалъ подсудимый.—„Врешь! онъ скрывается, ревѣлъ становой: давай его сюда: надобно тебѣ дать очную ставку съ нимъ... Ахъ вы разбойники, злоумышленники! Ишь, стакнулся съ какимъ-то Мендельсономъ и знать ничего не хочетъ. Вотъ я тебя отправлю въ судъ, тамъ ты другимъ голосомъ запоешь.“ И онъ отправилъ перебритаго и закованнаго учителя въ судъ, при рапортѣ, что,

Digitized by Google

дескать, онъ упорствуетъ и скрываетъ своего сообщника, нѣкоего Мендельсона, съ которымъ ему необходимо дать очную ставку, для раскрытія всей истины. Управившись съ учителемъ, становой взялся за родителей, осмѣлившихся поручить воспитаніе своихъ дѣтей такому опасному для государства человѣку и, разумѣется, содралъ съ нихъ хорошую взятку. Невѣжество торжествовало, а благонамѣренность сидѣла въ тюрьмѣ, или платила деньги.

Много исторій о вопіющихъ несправедливостяхъ наслышался я въ то время.

Но по большей части разговоръ „штрафнаго“ склонялся всегда на постигшее его несчастіе и на маленькую дочь, влачившую свою сиротскую жизнь въ дальней сторонѣ. Казалось, вся жизнь старика, всѣ его мысли сосредоточились на этомъ ребенкѣ, такъ рано узнавшемъ превратность судьбы.

— Ахъ! сказалъ онъ мнѣ однажды: — хоть одинъ разъ я бы желалъ еще видѣть и прижать къ сердцу мое дитя. Предчувствую, что положу кости мои здѣсь; горевать не о чемъ: пора мнѣ на покой. Но еслибъ я еще разъ увидѣлъ мое дитя, еслибъ я зналъ, что судьба ея будетъ устроена, я бы спокойно сошелъ въ могилу.

— Отчего же вамъ не выписать ее сюда? спросилъ я. — Вы бы имѣли ее при себѣ и могли бы заняться устройствомъ ея будущности.

— Я самъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ онъ: — но

Digitized by Google

по многимъ причинамъ это невозможно. Возьмите, какая даль! тащить ее оттуда сюда, гдѣ у меня нѣтъ и вѣроятно не будетъ никакихъ знакомыхъ. Что могу я ей доставить здѣсь? кто захочетъ породниться со мною, съ солдатомъ, когда ей придетъ пора выходить замужъ? Вѣдь здѣсь не знаютъ чѣмъ я былъ прежде... Чего добраго, найдутся и такіе, которые повѣрятъ, что я человѣкъ презрѣнный, пострадавшій за какое-нибудь преступленіе, тогда какъ дома всѣ, по крайней мѣрѣ, знаютъ меня издавна и также знаютъ исторію моего несчастія. Тамъ для нея гораздо скорѣй пріищется партія, чѣмъ здѣсь. Наконецъ, что если я умру, пока она придетъ въ возрастъ? А это болѣе чѣмъ вѣроятно: тѣло мое изнурено годами и страданіемъ. Что предпринять ей тогда въ этомъ чужомъ для нея краю, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ?.. Нѣтъ, это невозможно: она должна оставаться тамъ...

Я согласился, что старикъ совершенно правъ.

Мои знакомые удивлялись часто тому, что я провожу долгіе часы съ старымъ солдатомъ. Они не могли понять моего страннаго поведенія, когда иногда, отказавшись отъ ихъ веселыхъ пирушекъ, я уходилъ къ „штрафному“, о чемъ они провѣдали, изподтишка слѣдя за мною и любопытствуя знать, кого я это имъ предпочитаю. Я не обращалъ вниманія на ихъ шутки и остроты и оставлялъ ихъ въ невѣдѣніи, не желая осквернять высокое несчастіе разсказами про него передъ

Digitized by Google

разсѣянными и невнимательными слушателями, занятыми пустыми удовольствіями.

Дѣла мои въ Z. пришли къ концу. Мнѣ слѣдовало отправиться восвояси, и я сталъ приготовляться къ отъѣзду. Мнѣ было очень жаль разставаться съ „штрафнымъ“, къ которому я чувствовалъ искреннюю привязанность; онъ тоже изъявлялъ сожалѣніе о нашей разлукѣ, потому что платилъ мнѣ взаимностію, которая была для меня очевидна, хотя онъ ее выражалъ безъ словъ, съ свойственною ему тихою грустью.

Послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Z. мнѣ хотѣлось провести съ нимъ. Долго разговаривали мы о разныхъ разностяхъ. Мнѣ нужно было отправиться въ дорогу рано утромъ; настало время прощаться.

— Благодарю васъ, мой молодой другъ, съ чувствомъ сказалъ старикъ, не выпуская моей руки изъ своей:—благодарю васъ за ваше участіе, за вашу безкорыстную дружбу...

— О, ради Бога, оставьте благодарности! вскричалъ я.—Мнѣ васъ слѣдуетъ благодарить: я многому отъ васъ научился, многое узналъ....

— Нѣтъ, я не могу забыть вашей дружбы, перебилъ онъ:—вы дарили свои свободные часы одинокому старику, вы дѣлили часто съ нимъ время, которое могли бы проводить въ кругу веселыхъ товарищей и друзей... Отъ молодости это большая жертва. Вы приносили мнѣ утѣшеніе и заставляли часто забывать хоть на минуту

Digitized by Google

о моей несчастной участи. Примите мой послѣдній поцѣлуй... Мы вѣроятно ужь никогда болѣе не увидимся.

— Почему знать? сказалъ я: —хоть дѣлъ для меня въ этомъ краѣ болѣе не предвидится, однако... коммерція богиня капризная: она бросаетъ своихъ жрецовъ нежданно и негаданно во всѣ концы свѣта. Надѣюсь видѣть васъ еще когда-нибудь счастливымъ и спокойнымъ, въ объятіяхъ вашей дочери...

Онъ печально покачалъ головой.

IV.

Прошло девять лѣтъ.

Капризная богиня дѣйствительно забросила меня вторично въ Z. Послѣ краткаго отдыха съ дороги— я сдѣлалъ болѣе полуторы тысячи верстъ на перекладныхъ — первымъ моимъ побужденіемъ было навѣстить „штрафнаго“.

Онъ жилъ въ томъ же маленькомъ домикѣ, котораго одно окно выходило въ глухой и безлюдный переулокъ. День клонился къ вечеру. Грудь у меня сильно волновалась. Что-то подѣлываетъ мой старый другъ? принесло ли ему время если не утѣшеніе, то по крайней мѣрѣ забвеніе прошлыхъ ранъ? довелось ли ему видѣть свою дочь, къ которой такъ рвалось его истерзанное сердце? Эти вопросы толпились одинъ за другимъ въ моей головѣ, когда я, горя отъ нетерпѣнія,

Digitized by Google

вбѣжалъ на маленькій дворикъ и бросился къ давно-знакомой двери.

Въ сѣнцахъ со мной встрѣтился молодой солдатъ, державшій въ рукѣ какую-то бумажку; по лицу я тотчасъ призналъ его за Еврея. Онъ заслонилъ спиной двери и, почтительно снявъ фуражку, спросилъ: кого мнѣ надобно?

Я сказалъ, что хочу видѣть старика.

— Невозможно, отвѣчалъ онъ:—онъ очень слабъ и никого принять не можетъ... Вотъ, извольте посмотрѣть, я иду съ рецептомъ въ аптеку.

— Ничего, пусти, сказалъ я:—онъ будетъ мнѣ радъ: мы старые съ нимъ друзья.

— Какая надобность... нельзя, возразилъ солдатъ.— Онъ провелъ мучительную ночь и весь этотъ день былъ въ бреду... теперь онъ немного забылся, можетъ-быть уснулъ... Нельзя.

— Развѣ онъ крѣпко боленъ? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Крѣпко, отвѣчалъ солдатъ: — очень крѣпко... Богъ знаетъ, подымется ли онъ отъ этой болѣзни...

— Тѣмъ болѣе я хочу видѣть его, сказалъ я, сильно встревоженный словами молодаго солдата.—Можетъ-быть, когда онъ меня увидитъ, ему сдѣлается лучше... можетъ...

Солдатъ махнулъ рукой.

— Э—хъ! отъ такихъ вещей не выздоравливаютъ,

Digitized by Google

неробкихъ онъ:—знать время пришло ему. А когда вы ему другъ, такъ лучше уйдите теперь, дайте ему успокоиться... придете въ другой разъ.

Я готовъ былъ послѣдовать совѣту солдата; я даже радовался, что онъ такъ безпокоится о старикѣ и охраняетъ его отъ несвоевременныхъ посѣщеній. Но дверь изъ комнаты вдругъ тихо отворилась, и въ сѣнцахъ показался молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, статный, плечистый, и съ умнымъ, благороднымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы и хорошо обрисовывавшій его красивыя, рельефныя формы. Голова его была не покрыта, и черные курчавые волосы, зачесанные съ небрежностію, придавали какое-то особенное задумчивое выраженіе его привлекательному лицу.

— Вотъ, извольте разсудить, господинъ докторъ, сказалъ солдатъ, обратившись къ молодому человѣку.— Они непремѣнно хотятъ видѣть *батюшку*...

При этомъ словѣ я быстро окинулъ взоромъ доктора и солдата.

— Какого батюшку? чей онъ батюшка? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Извините, сказалъ докторъ, не отвѣчая на мой вопросъ:—больной въ такомъ положеніи, что никакъ не можетъ... впрочемъ, постойте! прибавилъ онъ, слегка ударивъ себя рукой въ лобъ и осматривая меня при-

Digitized by Google

стально съ головы до ногъ: — позвольте узнать, кого я имѣю удовольствіе видѣть?

Я назвалъ свою фамилію.

— Боже мой! я такъ и думалъ, сказалъ докторъ, взявъ меня за обѣ руки — Это вы, тотъ молодой другъ, про котораго старикъ постоянно мнѣ разсказывалъ, когда еще не былъ такъ слабъ! Онъ и теперь часто повторяетъ ваше имя... Такъ это вы! Ахъ, батюшка, батюшка! еслибы прибытіе стараго друга, который когда-то сокращалъ твое горькое одиночество, могло усладить твои послѣднія минуты!.. Мы называемъ его всѣ батюшкой, и я, и этотъ солдатъ, и тотъ, что въ комнатѣ сидитъ у его постели, и еще тѣ два солдата, которыхъ вы, вѣроятно, увидите...

— Кто же вы такой, позвольте спросить? сказалъ я.

— Я — медикъ, какъ вы слышали уже, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Я тотъ медикъ, который обязанъ своимъ настоящимъ званіемъ ему, нашему общему другу... тотъ медикъ, прибавилъ онъ съ невыразимою тоской въ глазахъ и голосѣ, — который нѣкогда долженъ былъ жениться на его старшей дочери...

Мы пожали другъ другу руки.

— Пойдемте въ комнату, продолжалъ докторъ: — ваше присутствіе не обезпокоитъ больнаго, онъ, кажется, снитъ, оно, напротивъ, быть-можетъ принесетъ ему пользу, если есть еще какая человѣческая возможность, чтобы что-нибудь въ свѣтѣ принесло ему пользу...

Digitized by Google

Опечаленный послѣдними словами доктора, изъ которыхъ я легко могъ понять, что на жизнь больнаго мало было надежды, я вступилъ въ комнату, которую не видѣлъ девять лѣтъ, но которая часто рисовалась въ моей памяти.

Тотъ же столъ съ книгами, къ которымъ прибавилось нѣсколько новыхъ, тотъ же высокій сундукъ въ углу, съ сложенною на немъ сѣрою шинелью, тотъ же солдатскій мундиръ и тесакъ на стѣнѣ,—все предстало передо мною въ давнознакомомъ видѣ; но на постели лежалъ больной, измученный старикъ, котораго волосы и усы совершенно посѣдѣли, и съ исхудалаго лица котораго уже вѣяло смертью. Въ ногахъ постели неподвижно сидѣлъ молодой еще солдатъ, лицомъ очень похожій на того, что ушелъ съ рецептомъ.

Мы усѣлись тихонько подальше отъ больнаго.

— Вотъ, наконецъ, избавится онъ отъ мученій, сказалъ мнѣ докторъ шопотомъ: — сомнѣваюсь, проживетъ ли онъ еще хоть сутки.

— Такъ нѣтъ никакой надежды? спросилъ я.

— Никакой. Куда жь въ его лѣта выдержать такое воспаленіе въ легкихъ!

Давно онъ заболѣлъ?

— Будетъ безъ малаго мѣсяцъ. Развѣ ему много нужно было! Прежнее горе постепенно подкапывало его жизнь, а послѣднее совершенно его доконало.

— Какое послѣднее горе? спросилъ я.

Digitized by Google

— Ахъ, вы еще не знаете, отвѣчалъ докторъ:— вѣдь онъ лишился и второй дочери...

Я не могъ выдержать и вскочилъ со стула. Громкій крикъ готовъ былъ у меня вырваться изъ груди.

— Успокойтесь... потише, вы его встревожите, сказалъ докторъ, взявъ меня за плечо и усаживая на мѣстѣ.—Знаю, какъ эта вѣсть должна поразить васъ... Говоря со мною о васъ, онъ не упускалъ малѣйшихъ подробностей и передавалъ мнѣ всѣ ваши разговоры съ нимъ, всѣ ваши утѣшенія, которыя вы расточали передъ нимъ... Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ часто вы его утѣшали мыслію, что онъ еще увидитъ свое единственное дитя, какъ онъ долго желалъ вѣрить этому несказанному счастью, какъ онъ жаждалъ его... Бѣдный, бѣдный! ему суждено было испить горькую чашу до послѣдней капли... Единственная надежда, которая ему еще оставалась и которая приковывала его къ жизни, не сбылась: онъ лишился и послѣдней своей дочери...

—Когда жь она умерла? по какому случаю?.. спросилъ я.

—Она жива, отвѣчалъ докторъ, качая печально головой:—но для него она умерла.

— Не понимаю, сказалъ я;—растолкуйте...

— Послѣ... не здѣсь... не теперь... послѣ... отвѣчалъ докторъ— мы пойдемъ ко мнѣ на квартиру, и вы все узнаете.

Я молчалъ. Меня бросало то въ жаръ, то въ хо-

Digitized by Google

лодъ. Участь этого несчастнаго старика представилась мнѣ во всей своей неумолимой жестокости.

— Да, продолжалъ докторъ, вздохнувъ и склонивъ голову, какъ будто разговаривая съ самимъ собой: — судьба сдѣлала свое дѣло, она безжалостно сломила цѣлое семейство...

— Съ кѣмъ это вы шепчетесь, докторъ? раздался слабый, едва внятный голосъ больнаго, лежавшаго съ закрытыми глазами.

Докторъ всталъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я послѣдовалъ за нимъ. Мы подошли къ постели.

— Посмотрите, батюшка, сказалъ докторъ:—вотъ стоитъ кто-то, кого вамъ пріятно будетъ видѣть.

Старикъ открылъ глаза и остановилъ ихъ на мнѣ. Лицо его на мгновеніе оживилось. Онъ меня тотчасъ узналъ и протянулъ ко мнѣ свою изсохшую горячую руку; я схватилъ ее съ жаромъ.

— Это вы, мой давній другъ! произнесъ онъ слабо.—Ахъ, какъ вы перемѣнились! время, вѣроятно и васъ не щадило... всѣмъ одна доля... болѣе или менѣе, но оно управляется со всѣми по своему.

Я молчалъ. Невольныя слезы текли по моимъ щекамъ.

— А вотъ со мной оно оканчиваетъ свой разсчетъ... продолжалъ старикъ. — Пора... я ему уплатилъ весь долгъ... уже можно подвести итогъ и подписать: очищено платежомъ...

— Другъ мой, мы еще не отчаиваемся: вы еще бу-

Digitized by Google

дете жить съ нами, прервалъ я, самъ не вѣря въ то, что говорилъ...

Онъ печально улыбнулся.

— Нѣтъ, не обманывайте себя, сказалъ онъ: — да и къ чему?... Къ чему мнѣ жить? Это была бы еще новая жестокость, а я вѣрю въ безконечное милосердіе неба..! Оно должно быть довольно тѣмъ, что я вынесъ... Послѣдняя моя надежда или лучше сказать призракъ надежды, рушился... вы вѣрно уже знаете... Что же мнѣ еще осталось теперь на этомъ пустынномъ свѣтѣ? Пора въ могилу! старыя кости просятся на отдыхъ.

Грустно провелъ я весь этотъ вечеръ въ комнатѣ больнаго. Онъ говорилъ съ трудомъ, но говорилъ твердо и спокойно о будущей жизни, вѣчной и свободной отъ временныхъ утратъ и суетныхъ желаній. Онъ умиралъ какъ праведникъ, какъ истинный мудрецъ, съ глубокою вѣрой въ Божію благость и съ покорностью не трепещущаго раба, а преданнаго сына.

Съ солдатомъ, возвратившимся изъ аптеки, пришло еще двое молодыхъ солдатъ, такъ что ихъ теперь было въ комнатѣ четверо. Изъ новопришедшихъ обратилъ на себя мое вниманіе одинъ по своему богатырскому росту и живымъ движеніямъ; другой, напротивъ, былъ очень малъ и, повидимому, слабосиленъ. Остальные двое, видѣнные мною уже прежде, были похожи другъ на друга и ростомъ и лицомъ какъ братья-близнецы, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ и были, какъ я послѣ узналъ. Изъ

Digitized by Google

новопришедшихъ малорослый смѣнилъ того, что сидѣлъ у постели больнаго, а встрѣченный мною съ рецептомъ приготовлялъ себѣ незатѣйливое ложе на полу, недалеко отъ больнаго; остальные два дѣлали то же въ сѣняхъ; видно было, что они попеременно приготовляются дежурить цѣлую ночь. Они часто входили и выходили; кто подавалъ лекарство больному, кто поправлялъ постель, кто приготовлялъ воды или дѣлалъ что-нибудь другое. Иногда ко мнѣ долетали шопотомъ кѣмъ нибудь изъ нихъ произнесенныя слова: „что батюшка? какъ сегодня батюшкѣ? что говоритъ докторъ? будетъ ли батюшка жить?“ Они были всѣ озабочены, всѣ съ непритворнымъ участіемъ обращали часто глаза на больнаго; видно было, что они чувствуютъ къ нему сильную привязанность.

Мы съ докторомъ сидѣли возлѣ постели старика и изрѣдка обмѣнивались краткими фразами. Больной былъ спокоенъ; онъ бралъ часто мою руку и глазами выражалъ, какъ было ему пріятно мое присутствіе.

— Вы вѣрно удивляетесь, что эти солдаты у меня хозяйничаютъ? сказалъ онъ мнѣ, примѣтивъ, что я часто не спускаю глазъ то съ однаго, то съ другаго солдата, на цыпочкахъ проходящаго изъ сѣней въ комнату, или изъ комнаты назадъ.

— Да, не понимаю, зачѣмъ вамъ такъ много прислужниковъ, сказалъ я:—они только безпокоятъ васъ,

Digitized by Google

какъ ни стараются дѣлать противное. И двухъ, кажется, было бы довольно.

— Они ни за что не хотятъ оставить его, замѣтилъ докторъ. — Они умоляютъ меня, цѣлуютъ руки, чтобъ я ихъ не удалялъ.

— И не удаляйте, прошу васъ, сказалъ больной: — Они меня называютъ батюшкой... мнѣ пріятно слышать это слово: оно мнѣ такъ много напоминаетъ.

— Кто же они такіе, эти солдаты? спросилъ я. — Какими судьбами попали они къ вамъ?

—Это—„пойманики“, отвѣчалъ старикъ.

Я сдѣлалъ вопросительное движеніе головой, потому что это слово „пойманики“ было для меня совершенно ново.

— Не безпокойтесь, батюшка, сказалъ докторъ, видя, что старикъ собирается отвѣчать мнѣ. — Вамъ много говорить и трудно и вредно. Позвольте, я объясню, что такое означаетъ это странное слово, и какъ попали къ вамъ эти солдаты: мнѣ все это такъ же хорошо извѣстно, какъ и вамъ.

Солдатъ, сидѣвшій у кровати больнаго, обернулся лицомъ къ доктору; другой, котораго часы начинались съ полуночи, уже лежавшій на полу, приподнялся тихо и сѣлъ на своемъ ложѣ; другіе два, еще суетившіеся въ комнатѣ, присѣли на корточкахъ у порога. Всѣ они приготовлялись слушать о томъ, что имъ давно было извѣстно, какъ будто это была самая свѣжая новость. Но предметъ былъ слишкомъ близокъ ихъ сердцу.

Digitized by Google

— Пойманиками называются тѣ, началъ докторъ,— которые пойманы безъ письменныхъ видовъ и отданы въ солдаты. Въ послѣднее время послѣдовало разрѣшеніе, что еврейскія общества могутъ ловить у себя всѣхъ безпаспортныхъ, принадлежащихъ другому обществу, даже другой губерніи, и отдавать ихъ въ солдаты въ зачетъ своей рекрутской повинности. Начальники семействъ, кто бы то ни былъ, могли даже сами ловить безпаспортныхъ и отдавать въ рекруты за себя, или за свое семейство. Этимъ хотѣли помочь сильнымъ недоимкамъ рекрутъ, накопившимся повсюду на Евреяхъ. Начались повсемѣстныя ловли. Хватали кого могли, былъ ли онъ безпаспортный или нѣтъ: паспортъ не составлялъ препятствія, потому что его уничтожали, и несчастный „пойманикъ“ могъ кричать сколько есть силъ, что имѣетъ письменный видъ,—его не слушали: своя бѣда заглушала жалость, а деньги заглаживали всѣ послѣдствія. Это былъ явный торгъ людьми, которыхъ продавалъ кто хотѣлъ, и покупалъ кто могъ и имѣлъ надобность. Опасно было отлучаться на полверсты безъ паспорта, потому что всякому предстояла участь быть пойманнымъ и отданнымъ въ рекруты, или проданнымъ въ тѣ мѣста, гдѣ предстояла въ нихъ надобность. Трудно себѣ вообразить, сколько эта мѣра, повидимому разрѣшенная для облегченія обществъ, принесла зла. За безпаспортными охотились какъ за дикими звѣрями, потому что это приносило денежныя выгоды; за ними охотились не съ цѣлью

Digitized by Google

искоренить бродяжничество, а для собственной корысти. Но этого мало. Вырывали дѣтей изъ объятій родителей силой или хитростью, увозили и продавали какъ безпаспортныхъ.

— Это ужасно! произнесъ я.

— Да, ужасно, неслыханно, но, это было именно такъ, продолжалъ докторъ.—Что городъ, что мѣстечко—вездѣ торгъ „пойманиками“. Къ нимъ-то принадлежать эти четыре солдата, которыхъ вы тутъ видите; двое изъ нихъ, которые такъ схожи между собой, — родные братья-близнецы. Они жили съ матерью на селѣ и питали ее своими трудами; отецъ ихъ умеръ матросомъ во флотѣ. Въ одинъ прекрасный вечеръ наѣзжаетъ къ нимъ становой, хватаетъ, вяжетъ ихъ и увозитъ въ близкое мѣстечко, гдѣ получаетъ отъ старшинъ общества свою плату, уже заранѣе условленную. Вопли и рыданія матери ничего не пособили. Тотъ худощавый и небольшой ростомъ, котораго вы видите у постели больнаго, дѣйствительно взятъ безъ письменнаго вида, то-есть онъ имѣлъ письменный видъ, только просроченный. Онъ работалъ въ какомъ-то городѣ у портнаго, заболѣлъ, остался безъ копѣйки денегъ и не могъ послать за новымъ паспортомъ. Въ первый день своего выздоровленія онъ отправился искать работу; ловцы схватили его на улицѣ, потащили въ сборный домъ и заковали вмѣстѣ съ другими рекрутами. А вонъ того высокаго дѣтину заманили въ трактиръ, подпоили и ук-

Digitized by Google

рали у него паспортъ изъ-за пазухи. Разскажи-ка, любезный, какъ съ тобой была исторія, заключилъ докторъ, обращаясь къ статному служивому, который беззаботно покручивалъ себѣ усы, какъ бы желая показать, что для него все на свѣтѣ плевое дѣло.

— Чего тамъ разсказывать, сударь, отвѣчалъ солдатъ флегматически:—дѣло извѣстное. Проклятый пуншъ съ кизляркой погубилъ меня. А какъ жаль, паспортъ былъ новый, годовой, еще десять мѣсяцевъ служить могъ.

— Какъ же у тебя его украли? спросилъ я:—ты такимъ молодцомъ кажешься на видъ.

— Что жь что молодцомъ! отвѣчалъ солдатъ: — Какой молодецъ устоитъ противъ чарки? ну, не устоялъ и я. Работалъ я въ портовомъ, знаете, городѣ, былъ подсѣвальщикомъ. Деньги хорошо зарабатывались тогда, хлѣба уходило за границу множество: не то Французъ, не то Англичанинъ тогда голодалъ... понадобилось ему нашего русскаго хлѣба. Ну, милости просимъ! давай ты только намъ свои талеры сюда. Славное было время! Подсѣвальщикъ въ день четыре *кербеля* зарабатывалъ, какъ тутъ не гулять! А трактиры тамъ, проклятые, одинъ другаго лучше; вотъ и просиживаешь бывало то въ одномъ, то въ другомъ до полуночи за чаями да за мастиками. Разъ какъ-то сидимъ съ компаніей, присосѣдились еще другіе ребята... и пошли мы *полизывать*. Напоили значитъ бестіи сильно: не знаю, какъ меня увели и гдѣ уложили. На другой день про-

Digitized by Google

тираю глаза, что это такое? я лежу въ сборной избѣ, возлѣ меня еще двое лежатъ. Я одѣваться. „Куда? говорятъ, не пустимъ.“ — Отчего не пустите? — „Да такъ, не пустимъ: въ солдаты отдадимъ.“ — За что въ солдаты? — „Да за то, что ты бродяга, ты нашъ „пойманикъ“. — Врете вы, черти! вы бродяги, а не я. Берусь за бумажникъ, гдѣ у меня лежали деньги и паспортъ... деньги есть, всѣ то-есть въ исправности, а паспортъ *провалился и тьломъ и душой* и поминай какъ звали. Украли, мошенники. Я давай шумѣть... сбѣжались сборщики, да писаря, да разная ихъ подлая шайка. Я кричу: давайте мой билетъ, а они будто ничего и не понимаютъ...

— Отчего же ты не жаловался? спросилъ я.

— Кому жаловаться? возразилъ солдатъ: — Вотъ еще! Кто меня выслушаетъ? у нихъ уже все тамъ ошлифовано... Меня злость взяла. Я, чего тамъ долго думать, размахнулся —одному старостѣ далъ по зубамъ, другому, третьему... отзвонилъ на всѣ стороны... Ну, говорю: теперь закуйте меня въ желѣзо, и чтобъ васъ чертъ побралъ всѣхъ!

— И ты при пріемѣ ничего не говорилъ присутствію? спросилъ я опять.

— Говорилъ да на меня такъ притопнули, что страхъ, отвѣчалъ солдатъ.—Одинъ господинъ въ высокомъ воротникѣ съ золотыми листьями даже засмѣялся... говоритъ про меня: „такъ и видно по глазамъ, что бро-

Digitized by Google

дяга и плутъ большой..." Я и хлопотать не сталъ больше. Ни роду не племени нѣтъ, голосить да *побиваться головой объ стѣну* по мнѣ некому будетъ. Взяли да мигомъ лобъ забрили. Подходитъ потомъ сдатчикъ да подмазывается: ты, *братуню*, молъ не сердись, видно тебѣ такъ на роду написано. Написано-то можетъ и написано, да все-таки вы всѣ мерзавцы большіе и поблажку вамъ даютъ, и деньги съ васъ дерутъ... Провалитесь вы, дай Богъ васъ больше не знать. А я буду служить Богу и государю вѣрою и правдой, не такъ вотъ какъ тѣ *хабарники*, что по сту разъ въ день своей присягѣ измѣняютъ... На томъ и вся сказка кончилась.

— Ну, укладывайтесь, братцы, спать, сказалъ докторъ:—и мы тоже скоро уйдемъ... Вотъ вамъ и „пойманики", продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Ну, а какъ же попали они къ нашему старику?

— Очень просто, отвѣчалъ докторъ.—Имъ пришлось служить здѣсь; старикъ ихъ часто видѣлъ, узналъ ихъ исторію и изъ состраданія помогалъ имъ, сколько могъ. Начальство къ нему расположено было, онъ, бывало, и выпроситъ къ себѣ на праздникъ то одного, то другаго, а иногда и всѣхъ разомъ. И деньгами онъ ихъ иногда надѣлялъ, вы знаете, онъ въ деньгахъ нужды никогда не терпѣлъ. Они полюбили его, привязались къ нему и назвали своимъ отцомъ. И подлинно былъ онъ отцомъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ. А когда онъ заболѣлъ, они стали ухаживать за нимъ и заботиться

Digitized by Google

какъ родныя дѣти. Онъ просилъ, чтобъ его не брали въ военный госпиталь... Начальникъ уважилъ его просьбу, даже самъ привелъ полковаго лѣкаря и раза два послѣ навѣщалъ. Онъ хвалилъ ребятъ за то, что они не оставляютъ стараго товарища, и ихъ ревность послѣ того еще удвоилась. Такъ было еще до моего пріѣзда, и такъ продолжаютъ они поступать и теперь, когда я пріѣхалъ и заступилъ мѣсто полковаго лѣкаря.

Старикъ во время нашихъ разговоровъ обернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Мы можемъ уйдти, сказалъ мнѣ докторъ, простоявъ минуту или двѣ надъ больнымъ и прислушавшись къ его дыханію.—Онъ спитъ. Пойдемте ко мнѣ, моя квартира не далеко. Намъ еще спать рано.

Мы вышли.

V.

Я нетерпѣливо желалъ знать, что сталось съ дочерью „штрафнаго“, но не посмѣлъ тревожить доктора моими разспросами, видя, что онъ предался печальнымъ думамъ. Но когда мы пришли къ нему на квартиру и усѣлись на диванъ, онъ самъ началъ мнѣ разсказывать то, о чемъ я его просить не рѣшался.

— Я вамъ давеча обѣщалъ разсказать о послѣднемъ несчастіи батюшки, сказалъ докторъ. — Разскажу вамъ теперь: вы должны знать до конца всю его печальную повѣсть. Вамъ извѣстно, какъ жена и стар-

Digitized by Google

шая дочь старались его выручить, какъ первая умерла, увидѣвъ своего мужа съ выбритымъ лбомъ и въ солдатской шинели; и какъ вторая... моя нареченная... сошла съ ума.

— Да, это мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я.

— Извѣстно вамъ и то, что эта дочь его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тихаго и смирнаго безумія, которое мы въ медицинѣ называемъ tacuitas, испустила духъ на чужихъ рукахъ въ госпиталѣ того же губернскаго города.

— Да; старикъ мнѣ тогда сказывалъ, что онъ получилъ извѣстіе о ея болѣзни. Онъ даже желалъ скорѣе ея смерти, бѣдный отецъ!

Мой собесѣдникъ утеръ платкомъ слезы, показавшіяся на его глазахъ, и тряхнулъ своими черными кудрями.

— Говорилъ онъ вамъ, какъ осталась его младшая дочь? спросилъ онъ.

— Говорилъ, что къ ней приставили старую родственницу, чтобъ она присматривала за нею и замѣняла ей родителей, отвѣчалъ я.

— Хорошо она замѣнила ихъ, нечего говорить, сказалъ докторъ, печально улыбнувшись. — Дѣвушка росла, хорошѣла съ каждымъ днемъ: говорятъ, она уже тогда была удивительная красавица; но я ее оставилъ почти ребенкомъ. Я тогда оканчивалъ курсъ и предполагалъ жениться на ней, если буду ей не противенъ. Но, къ несчастью, меня опередили.

— Что же случилось?

Digitized by Google

— Сталъ ухаживать за нею какой-то мелкій чиновникъ, имѣвшій по близости отъ города около пятнадцати душъ крестьянъ. Старуха была слѣпа и глупа, а дѣвушка неопытна и вѣтренна. Негодяй обезчестилъ ее и продолжалъ ходить нѣсколько мѣсяцевъ; но положеніе ея скрывать было трудно. Соблазнитель подговорилъ ее забрать съ собой все домашнее серебро и кой-какія деньги, которыя еще водились въ домѣ, уйдти съ нимъ и отказаться отъ своей вѣры. Онъ обѣщалъ жениться на ней. Она сдѣлала все, чего онъ требовалъ отъ нея, но самъ не исполнилъ своего обѣщанія. Обобравъ ее до ниточки, онъ безжалостно выгналъ ее, въ то самое время, когда до рожденія плода ихъ преступной связи оставалось уже немного. Она всѣми силами старалась сначала скрывать свою беременность и потомъ отъ стыда рѣшилась на преступленіе... Ее поймали и посадили въ тюрьму, гдѣ она содержалась до двухъ лѣтъ, и гдѣ окончательно погибло въ ней всякое чувство стыда и скромности. Какой-то старый богатый сластолюбецъ былъ пораженъ ея красотой, выпуталъ ее изъ бѣды и взялъ къ себѣ въ домъ; но, послѣ внезапной его смерти, ее постигла отъ его родственниковъ та же участь, какъ и отъ перваго соблазнителя. Что было дѣлать несчастной женщинѣ, которой едва исполнилось восемьнадцать лѣтъ? На родину она возвратиться не могла, да и не зачѣмъ было: она добровольно отказалась отъ своихъ и, кромѣ презрѣнія, ничего отъ нихъ ожи-

Digitized by Google

дать не могла. Очертя голову, бросилась она въ бездну разврата и совершенно въ ней погрязла.

— Ужасно! вскричалъ я, всплеснувъ руками.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія университета, продолжалъ докторъ, — я практиковалъ въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ умерла въ госпиталѣ сестра ея, и гдѣ она сама проживала. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать несчастную на гуляньяхъ, въ кругу ея погибшихъ подругъ, которыхъ она превосходила не только ослѣпительною красотой, но и бѣшенымъ разгуломъ; скромности и слѣдовъ въ ней не замѣтно было. Ея буйный характеръ доводилъ ее не разъ до съѣзжаго двора. Не давая никому спуска, она пріобрѣла жалкую извѣстность: весь городъ зналъ ее подъ именемъ „помѣщицы“. До сихъ поръ продолжаетъ она эту жизнь. И въ то самое время, какъ все это происходило, несчастный отецъ ея медленно умиралъ отъ тоски и одиночества. Я съ нимъ иногда переписывался. Онъ не давалъ покою ни мнѣ, ни своимъ старымъ друзьямъ, разспросами о своей дочери, и почему столько лѣтъ не имѣетъ никакихъ извѣстій отъ нея. Разумѣется, отъ него скрывали истину. Иногда ему писали, что она нездорова, или поѣхала на свадьбу въ другой городъ къ одной изъ своихъ подругъ, гдѣ и остановилась гостить, или какую-нибудь другую ложь, а иногда по полугоду не отвѣчали на его письма; наконецъ и совсѣмъ перестали писать, истощивъ всѣ предлоги и выдумки. Но когда въ

Digitized by Google

послѣднее время онъ написалъ къ одному прежнему своему пріятелю самое отчаянное письмо, въ которомъ говорилъ, что будетъ проситься въ отпускъ, а если не пустятъ, онъ готовъ даже бѣжать, пройдти потомъ сквозь строй, лишь бы еще хоть разъ прижать къ сердцу свое любимое дитя, — пріятель счелъ нужнымъ исподоволь открыть ему правду. Старикъ не выдержалъ послѣдняго удара и слегъ въ постель. Болѣзнь его все болѣе и болѣе усиливалась и приняла опасный характеръ. Въ это время „пойманики“ уже были его домочадцами. Они знали мой адресъ, слышали отъ него про наши бывшія отношенія, и одинъ изъ нихъ извѣстилъ меня о его опасной болѣзни. Я бросилъ практику и пріѣхалъ сюда, чтобы подать помощь моему старому благодѣтелю или, по крайней мѣрѣ, закрыть ему глаза. Къ несчастью, первое не въ человѣческой власти, и мнѣ остается только послѣднее.

Разговоръ нашъ уже болѣе не клеился въ этотъ вечеръ. Я ушелъ къ себѣ и промучился всю ночь; сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Несчастія „шрафнаго“, на котораго судьба, казалось, хотѣла излить всю свою жестокость, проходили передо мною одно за другимъ, и въ каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ я находилъ достаточно горечи для отравленія цѣлой жизни человѣка. Каково же тому, кто испыталъ все это въ совокупности!

На другой день, едва взошло солнце, я уже былъ

Digitized by Google

въ комнатѣ „штрафнаго“. Докторъ опередилъ меня нѣсколькими минутами. Изъ „пойманиковъ“ былъ только одинъ; прочіе три пошли въ свою казарму, чтобы показаться тамъ на короткое время и потомъ опять возвратиться къ своему умирающему *батюшкѣ*.

— Вамъ, кажется, лучше? сказалъ я, присѣвъ къ больному.

— Несравненно лучше, отвѣчалъ онъ. — Это тѣ спокойныя минуты, которыя предшествуютъ смерти.

Я поглядѣлъ на доктора, онъ угрюмо молчалъ.

— Лучше, лучше... продолжалъ больной. —Кашель остановился; я уже выхаркалъ всю кровь изъ груди... Всѣ приготовленія кончены, остается смерти придти на все готовое...

— Что вы, Богъ съ вами! возразилъ я.

— Онъ со всѣми... Онъ во всякомъ своемъ твореніи... торжественнымъ голосомъ продолжалъ больной.— Благо тому, кто не забываетъ Его во всю жизнь; для того тысячи смертей не страшны... Малодушные боятся умирать, а умирать совсѣмъ не трудно... жить несравненно труднѣе...

Онъ испустилъ глубокій вздохъ.

— Я жилъ въ суетѣ, продолжалъ онъ:—я ставилъ свою радость въ тлѣнѣ... и Господь открылъ мнѣ глаза и показалъ, какъ все это бренно и ломко... Когда я жилъ въ своей семьѣ, въ довольствѣ и счастьи,

Digitized by Google

я часто ропталъ на безпокойства, на трудныя общественныя дѣла... меня судьба бросила въ тюрьму. Это мнѣ показалось величайшимъ несчастьемъ... мнѣ забрили лобъ. Я опять ропталъ, безумствовалъ, полагая, что острѣе этого удара ужь нѣтъ... на моихъ глазахъ умерла жена, а дочь сошла съ ума. Я впалъ въ отчаяніе: мнѣ казалось, что на меня обрушилась цѣлая гора золъ, достаточныхъ на нѣсколько поколѣній... но для меня приготовлялся и поспѣлъ вѣнецъ всего прошлаго. Что земля покрываетъ, то забывается, но безчестіе... это ужасно! Моя собственная кровь и плоть навлекла посрамленіе на мою голову.... О, это были великіе уроки! Мнѣ не осталось времени ими воспользоваться, такъ пусть воспользуются другіе...

Въ это время вошедшіе „пойманики“ окружили постель старика. На лицѣ его выступала краска, глаза горѣли пророческимъ огнемъ, на лбу показались капли пота.

— Дѣти мои! продолжалъ онъ.—Гордость человѣка смѣшна и пичтожна: червь гордится передъ своимъ Создателемъ! но ропотъ—величайшій грѣхъ... Это возмущеніе противъ Создателя и призракъ невѣрія въ Его правосудіе... Не ропщите и не губите души своей... Все имѣетъ свою цѣль, и вамъ ея не измѣнить. Исполняйте честно земные законы. Принимайте все съ любовью, и любовью вамъ воздастся за это, любовью неземною. Не плачьте... слезы—предтеча ропота и прямо ведутъ къ

Digitized by Google

нему. Молитесь, молитесь... Намъ молитва дана въ подкрѣпленіе, а не слезы.

Крупныя слезы катились по щекамъ „пойманиковъ“.

— Дайте мнѣ ваши руки, продолжалъ онъ:—всѣ, всѣ, дайте... вотъ такъ... Не пугайтесь смерти: она—начало лучшей жизни... Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе... Отрекаюсь отъ всего земнаго и грѣшнаго... Да простятъ мнѣ тѣ, кому я сдѣлалъ какое-нибудь зло!... тѣмъ, которые мнѣ сдѣлали, я простилъ... *Шема Исраэль!* нашъ Богъ единъ...

Онъ закрылъ глаза и замолчалъ. Еще нѣкоторое время мы ждали, что онъ опять заговоритъ. Докторъ нагнулся къ нему и приложилъ руку къ его сердцу,—оно уже не билось.

Всѣ мы переглянулись между собой, какъ будто желая сказать: великій актъ кончился.

На другой день, передъ захожденіемъ солнца, были похороны „штрафнаго“. „Пойманики“ сшили саванъ, сколотили гробъ и обмыли тѣло, которое потомъ покрыли солдатскою шинелью, принадлежавшею покойному. Окончивъ приготовленія, они взвалили тѣло себѣ на плечи и понесли на кладбище; за гробомъ шелъ докторъ и я. Погребальная процессія того, кто долго несъ страданія за десятки тысячъ себѣ подобныхъ, состояла изъ двухъ человѣкъ.

Обрядъ погребенія былъ коротокъ. Каждый Еврей

Digitized by Google

имѣетъ право прочесть послѣднюю молитву надъ усопшимъ. Мы опустили гробъ въ могилу; докторъ прочелъ изъ молитвенника послѣднее напутствіе умершему собрату; мы засыпали могилу, положили на нее четыре камня, потомъ каждый бросилъ на нее по горсти земли, и — все было кончено.

Digitized by Google

КАРТИНЫ ПРОШЛАГО.

II.

НАСЛѢДСТВЕННЫЙ ПОДСВѢЧНИКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

— Нѣтъ, старуха, какъ хочешь, а я тебѣ говорю, что не хорошо мущинѣ быть одному; надобно ему имѣть помощницу въ жизни.

Такъ говорилъ женѣ своей старый матросъ Аронъ Малкинъ, сидя на маленькой скамейкѣ и, при слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка, прокалывая шиломъ дыры въ подошвѣ ветхаго сапога, имѣвшаго счастье попасть къ нему въ починку.

— Не хорошо, не хорошо мущинѣ быть одному, продолжалъ матросъ. — Не хорошо было бы и мнѣ безъ тебя, *вѣнецъ головы моей*, Зельда-душа.

Вѣнецъ головы матроса Арона Малкина, его Зельда-душа, или, по-просту, старуха Зельда въ это время занималась починкой старой скатерти. Она самодовольно улыбнулась на откровенный комплиментъ мужа.

Нѣтъ, старикъ, отвѣчала она, нѣсколько разъ покачавъ головой:—наше дѣло было другое, а дѣло Сендера тоже другое.

Сендеръ былъ ихъ сынъ, молодой парень, тоже мат-

Digitized by Google

росъ, который въ этотъ вечеръ находился въ адмиралтействѣ по дѣламъ службы.

— Отчего же наше дѣло было другое? спросилъ мужъ.

— Оттого, что когда ты женился на мнѣ ты и не думалъ быть на службѣ, отвѣчала жена: — тогда еще изъ евреевъ солдатъ не брали.

— Такъ чтожъ такое?

— Какая же ты тупая голова, Аронъ, душа моя! Сколько уже разъ твердила я тебѣ, что не слѣдъ солдату возиться съ семьей! и зачѣмъ ему дѣти? чтобъ солдатами быть и вѣкъ горе горевать? Мало развѣ солдатъ на свѣтѣ безъ солдатскихъ дѣтей?

— Пустяки, баба. Значитъ мало, когда такъ приказано... А горе горюютъ на свѣтѣ не одни солдаты; напротивъ, солдату, и даже семейному, иногда лучше чѣмъ другому человѣку. Тамъ еще промышляй, да думай чѣмъ заняться, а тутъ служи и баста. Вѣдь грѣхъ намъ жаловаться: перебиваемся же мы кое-какъ, вотъ ужъ сколько лѣтъ... и... и... *то и другое, и туда-сюда, и мало ли что!*

Аронъ обыкновенно призывалъ на помощь эти неопредѣленныя выраженія, когда даръ слова измѣнялъ ему.

— Перебиваемся! отвѣчала жена съ горечью.

— Ужъ нечего сказать, и житье-то какое: ни дня, ни ночи, что говорится. Ты вотъ сапожничаешь съ грѣхомъ пополамъ, хоть съ самаго-то начала, въ молодости,

Digitized by Google

въ винокуры, себя прочитъ. А мнѣ возня съ постояльцами, вари на нихъ, да угождай имъ; то обѣдъ поздно поспѣлъ, то къ ужину чего-нибудь не хватаетъ. Поди, узнавай ихъ: одинъ въ полдень приходитъ обѣдать, другой въ три часа, тотъ вовсе не ужинаетъ, а у того воловій аппетитъ только и разыгрывается что къ полуночи. Нѣтъ, надоѣдаетъ это, *пусть Богъ не накажетъ меня за эти слова!*

— Ну, не пановать же намъ съ тобой... нужно трудиться.

— Да что толку въ этомъ трудѣ! Живешь, одному Богу извѣстно какъ скудно, а полтины сберечь невозможно. Ну, а послѣ что будетъ?

— Когда послѣ? спросилъ старикъ, грустно улыбнувшись: — когда ногами къ двери положатъ? *

— Нѣтъ, отвѣчала жена съ неудовольствіемъ: — какъ въ отставку выйдешь... Теперь *мы* здѣсь на службѣ... намъ позволено держать постоялый дворъ для евреевъ, что пріѣзжаютъ сюда по дѣламъ и которымъ начальство разрѣшаетъ временное пребываніе. Какъ тамъ Богъ даетъ, а мы около нихъ тоже кормимся, и на капоть и башмаки перепадаетъ. А когда ты получишь отставку, насъ вѣдь отсюда выгонятъ... куда мы тогда преклонимъ голову?

— Какъ отсюда выгонятъ? вскричалъ Аронъ Мал-

* Т. е. когда умрешь.

Digitized by Google

кинъ, бросивъ сердито сапогъ на прилавокъ, у котораго работалъ. — Кто тебѣ сказалъ, что выгонятъ, баба ты неразумная? Ишь ты! Отечеству служу, лучшіе свои годы здѣсь положилъ, сына для службы вскормилъ!.. Выгонятъ!.. За что?

— За то, что евреямъ тутъ жить непозволено.

— Вздоръ! это до выслужившихъ солдатъ касаться не можетъ.

— Дай Богъ, чтобъ и не касалось! Навѣрное-то знать нельзя; а такъ на слободкѣ у насъ часто матросскія жены говорятъ: молъ, отставныхъ жидовъ здѣсь не потерпятъ.

— Э, мало-ли что бабы мелютъ, сказалъ успокоеннымъ голосомъ мужъ. — *Какъ всякое слово на ножки поставишь, то скоро поспѣешь*... Поди-ка лучше, Зельда-душа, займись ужиномъ: скоро наши постояльцы сойдутся: уже не рано... Да смотри, пусть Маша хрѣну натретъ побольше: вѣдь тотъ Кременчугскій лѣсникъ вѣчно ворчитъ, что ему мало хрѣну подаютъ. А я вотъ покончу съ каблукомъ, да тоже прійду тебѣ пособлять.

Аронъ Малкинъ былъ честный и простодушный человѣкъ. Въ молодости своей онъ былъ помощникомъ винокура, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, и питалъ сильныя надежды современемъ сдѣлаться самому мастеромъ и имѣть у себя другихъ помощниками, которые бы за него бодрствовали на холодѣ у заторныхъ ча-

Digitized by Google

новъ, въ то время какъ онъ будетъ спокойно нѣжиться въ теплой постели. Всѣ его притязанія простирались не выше этой ступени человѣческаго величія. Около двадцати восьми лѣтъ отъ роду женился онъ на дочери своего хозяина, вдовца, старика разгульнаго и мотоватаго. Всѣ заботы по винокуренію лежали на плечахъ Арона Малкина, который, не чуя души въ своей молодой черноокой Зельдѣ, забылъ потребовать отъ тестя передъ свадьбой обѣщаннаго приданаго. Но ему свѣтилась издали надежда заступить современемъ своего тестя у богатаго владѣльца, имѣвшаго на пространствѣ тридцати верстъ три винокуренные завода. Старикъ часто прихварывалъ, и самостоятельность—предметъ горячихъ ожиданій Ароиа — улыбалась ему съ каждымъ днемъ все явственнѣй и явственнѣй.

Но въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда на заводахъ работы пріостановились, и винокуръ съ дочерью и зятемъ проживали въ городѣ, старикъ опасно заболѣлъ. Уѣздный докторъ принялся его крѣпко лечить. Долго боролась природа съ докторомъ, но, наконецъ, послѣдній одолѣлъ: старикъ умеръ. Не успѣлъ онъ еще порядочно остыть, какъ все его имущество въ мигъ было описано и опечатано за долги. Явилась цѣлая орда кредиторовъ, которая забрала все, что можно было забрать, за исключеніемъ кой-какихъ ничтожныхъ вещей. Малкинъ и его молодая жена остались только въ томъ платьѣ, которое было на нихъ; однако

Digitized by Google

кандидатъ въ винокуры не унывалъ; передъ нимъ была его полярная звѣзда—зима съ ея льдомъ, паровикомъ, холодникомъ, спиртомъ, бардой и всѣми прекрасными принадлежностями виннаго производства, которыя всегда заставляютъ трепетать сердце истаго винокура.

Но есть гдѣ-то написано, что *каждое горе имѣетъ себѣ братца*, а это означаетъ по-русски, что бѣда обрушивается не одна, а непремѣнно въ сопровожденіи разныхъ другихъ бѣдъ. Это самое случилось съ Малкинымъ. Мало того, что онъ послѣ смерти тестя остался безъ гроша денегъ и почти безъ всякаго имущества; мало того, что въ теченіи лѣта къ владѣльцу винокурень явились два сильные соискателя: одинъ — рябой *литвакъ* *, прикатившій на собственной тройкѣ, съ росписанной дугой, бубенчиками, бляхами и кистями, и въ кибиткѣ, закованной въ желѣзо и обитой внутри пестрыми шпалерами, а другой съ рекомендательнымъ письмомъ чуть-ли не отъ самого предсѣдателя казенной палаты; мало того, что Малкину уже нѣсколько мѣсяцевъ не высылали новаго паспорта изъ его общества, котораго старшины слыли за самыхъ безбожныхъ изо всѣхъ извѣстныхъ мелкихъ деспотовъ и притѣснителей; мало, говорю я, было всего этого для него. Грянулъ *первый* наборъ изъ евреевъ, какъ сердитый ливень, за-

* Такъ называютъ евреи своихъ соплеменниковъ, уроженцевъ Бѣлорусскихъ губерній.

Digitized by Google

стигающій путника въ темномъ ущельѣ. Ловцы безъ труда отыскали Малкина; онъ былъ молодъ и силенъ; его семейство принадлежало къ *семерикамъ*,—и ему къ зимѣ безъ церемоніи забрили лобъ, не смотря даже на то, что черноокая Зельда безъ милосердія билась головою объ стѣну.

Такими-то судьбами блистательныя мечты его о теплыхъ пуховикахъ и помощникахъ, стоящихъ на вытяжку и докладывающихъ, во сколько градусовъ спиртъ оказался, развѣялись какъ дымъ, и эксъ-винокуръ былъ отправленъ съ женой въ городъ N. и превращенъ въ матроса. Онъ былъ тогда прямъ и плечистъ; но много воды утекло съ того времени; много горя перенесъ онъ, дотолѣ не видавшій корабля и не могшій даже порядочно взобраться на чердакъ; много пинковъ и еще болѣе насмѣшекъ, оскорбленій и несправедливостей вынесъ онъ, и согнулся подъ тяжелой своей ношей. Въ этотъ вечеръ, въ который мы знакомимъ съ нимъ читателя, онъ уже старъ, если не лѣтами, то по виду,—и сухощавъ, и плохо видитъ, и нѣсколько сгорбленъ. Уже успѣлъ вырости у него сынъ, статный молодецъ, родившійся черезъ годъ послѣ поступленія отца на службу. Уже успѣлъ Аронъ Малкинъ какими-то таинственными средствами выучиться сапожному ремеслу, ибо гордыя мечты его молодыхъ лѣтъ давно испарились изъ его головы, очень давно, едва ли не съ тѣхъ самыхъ поръ,

Digitized by Google

когда онъ въ первый разъ свалился съ брамъ-рея на палубу и пролежалъ пять недѣль въ госпиталѣ.

Не та уже и Зельда, жена его. Ея черные, бархатные глаза впервые помрачились горькимъ плачемъ, когда бездыханный отецъ лежалъ передъ нею, а кредиторы распоряжались его имуществомъ. Горько рыдала она потомъ передъ однимъ скрягой, пока упросила его оставить ей на память старый мѣдный подсвѣчникъ о трехъ вѣтвяхъ, надъ которымъ въ субботы и праздники благочестиво молилась ея мать, которой она лишилась еще въ дѣтствѣ *. Еще горьче плакала она, стоя на холодѣ зимой, когда въ рекрутскомъ присутствіи раздалось „лобъ!“, и другъ ея сердца, ея Аронъ, толкаемый пинками и подзатыльниками изъ двери въ дверь, сопровождаемый повтореніемъ на разные голоса этого страшнаго слова, ошеломленный и отупѣлый, безъ сознанія, безъ мысли, палъ на скамью, у которой уже ждалъ цирюльникъ, давно знакомый съ этими сценами безчувствія и потрясающихъ душу воплей. Потомъ слезы, стенанія и печали какъ будто породнились съ нею и безъ спросу ходили къ ней въ гости. И постоянные примѣры трудной мужниной доли,— и его угрюмое молчаніе и подавленная тоска въ первые годы службы не

* Замужнія еврейки зажигаютъ вечеромъ наканунѣ субботы и праздника свѣчи и молятся передъ ними. Этотъ обычай называется „гадлакотъ-нэръ“. Число зажигаемыхъ свѣчей зависитъ отъ воли молящейся.

Digitized by Google

давали ей покоя; и новорожденный сынъ, которому предстояло такое же поприще, казавшееся для сердца матери еще во сто разъ невыносимѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, и внезапное распоряженіе объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ того города,—и видъ печальныхъ изгнанниковъ, оставлявшихъ тысячами этотъ городъ,—все, все заставляло ее грустно призадумываться. И сколько еще было сначала другихъ житейскихъ скорбей, настойчивыхъ и неизбѣжныхъ въ положеніи этой женщины, брошенной въ незнакомую сторону, окруженной сосѣдками изъ матросскаго званія, которыя, напиваясь и буяня вмѣстѣ съ своими мужьями на такъ называемой *слободкѣ*, считали долгомъ оскорблять своими ругательствами *жидовку* и насмѣхаться надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ крѣпко срослось съ ея сердцемъ. Но природа человѣческая притупляется какъ отъ счастія такъ и отъ горя, и отъ избытка мало по малу становится равнодушною къ послѣднему такъ же точно, какъ къ первому. Прошли годы,— и Зельда помирилась съ обстоятельствами и освоилась съ своимъ положеніемъ; но за то щеки ея, нѣкогда круглыя и румяныя, преждевременно покрылись морщинами, глаза потеряли свой блескъ, и въ сорокъ восемь лѣтъ она оказалась согбенною и хлопотливою старушкой.

И вотъ мужъ и жена передъ нами уже старики. Онъ свыкся со службой и, въ ожиданіи отставки, въ свободные часы тачалъ сапоги и помогалъ женѣ по хо-

Digitized by Google

зяйству; а она тоже свыклась съ своими хлопотами и ревностно заботилась о своихъ постояльцахъ, которые съ давнихъ поръ заѣзжали къ ней, за неимѣніемъ лучшей гостинницы, гдѣ бы они могли имѣть *кашпрный* столъ. Маленькія огорченія отъ товарищей по службѣ и ихъ неугомонныхъ женъ тоже подчинились силѣ времени и постепенно ослабли, потому-что много уже матросовъ изъ евреевъ набралось въ городѣ N., и женатыхъ и холостыхъ, и недружелюбіе ихъ русскихъ товарищей отъ привычки почти совсѣмъ изгладилось. Малкинъ былъ правъ, когда говорилъ женѣ, что имъ грѣхъ жаловаться: они не терпѣли нужды и даже иногда имѣли свои маленькія радости, когда удавалось имъ накормить какого нибудь голоднаго бѣдняка, или когда они втихомолку любовались своимъ почтительнымъ и стройнымъ Сендеромъ, который около пяти лѣтъ былъ уже на дѣйствительной службѣ въ томъ самомъ экипажѣ, гдѣ служилъ отецъ. Сендеръ былъ похожъ на Арона, какъ одна капля воды на другую, и старики, поглядывая на сына, погружались часто въ тихую грусть про былые годы и несбывшіяся надежды; но эта грусть не мутила болѣе души, не щипала уже такъ больно за сердце, какъ прежде, а всегда незамѣтно переходила въ удовольствіе, какое могутъ только ощущать родители, гордящіеся своимъ любимымъ дѣтищемъ, въ которомъ они ищутъ и находятъ обновленіе самихъ себя.

Задолго до эпохи, въ которую начинается нашъ раз-

Digitized by Google

сказъ, эта маленькая и скромная семья увеличилась еще однимъ членомъ. У Зельды на родинѣ умерла двоюродная сестра, вдова, и оставила послѣ себя нѣсколькихъ дѣтей. Родственники разобрали сиротъ къ себѣ, и на долю Зельды пришлась тоже сиротка Маша, дѣвушка кроткая и веселаго нрава. Старики были очень рады этому приращенію, потому-что Маша впослѣдствіи оказалась не только ревностною помощницею Зельдѣ въ хозяйствѣ и въ приготовленіи разныхъ блюдъ, но и отличною собесѣдницей ея въ долгіе дни или вечера, когда отецъ и сынъ были въ отсутствіи по дѣламъ службы. Сиротка осыпала своими ласками и попеченіями стариковъ, угадывала ихъ малѣйшія желанія и нелицемѣрно выказывала свою любовь и благодарность за предоставленный ей пріютъ. Такъ росла и развивалась она въ этомъ семействѣ, которое горячо ее полюбило. Старики, въ своей нѣжной привязанности, считали ее своею дочерью, ниспосланною имъ небомъ въ награду за прошлыя страданія; а Сендеръ въ шутку называлъ ее часто своею будущею *матроской*. Маша не могла похвастаться особенною красотой; но ея стройная талія, ея смуглое лицо, окаймленное лоснящимися каштановыми волосами; ея умные сѣрые глаза, нѣсколько подкатившіеся подъ лобъ — что придавало имъ выраженіе кротости и послушанія — и полныя алыя губы дышали юностью и здоровьемъ и симпатически дѣйствовали на каждаго, кто знаетъ цѣну этимъ двумъ безцѣннымъ дарамъ божіимъ.

Digitized by Google

Она внесла жизнь въ хижину бѣднаго матроса, наполняя ее скромными, тихими пѣснями и простодушнымъ смѣхомъ; она оживляла все, къ чему ни дотрогивалась. Подъ ея руками и скромный цвѣтокъ на окнѣ въ полуразбитомъ горшкѣ какъ-будто дышалъ свѣжѣе, и праздничная матросская куртка старика получала какой-то обновленный видъ, и огонь на плитѣ горѣлъ веселѣй, и качаны капусты разоблачались охотнѣй, и утюгъ съ какою-то особенною бойкостію скользилъ по измятому бѣлью; и часто, часто, когда по пятницамъ, подъ обнаженными до локтя руками Маши, тѣсто принимало затѣйливыя формы куличей и пироговъ, или когда она посредствомъ толченаго кирпича и суконки приводила трехвѣтвистый подсвѣчникъ Зельды въ такое состояніе, что въ него можно было смотрѣться какъ въ зеркалѣ,— старуха, поглядывая на дѣвушку, задумчиво качала головой, и бормотала про себя: „Кому-то во власть достанешься ты, такое сокровище!“

Но въ послѣднее время отношенія Арона и Зельды къ Машѣ сдѣлались какъ-то странны. Оба любили ее съ горячностью, оба желали ей счастія, но именно въ этомъ желаніи мнѣнія ихъ расходились въ противоположныя стороны. Старикъ не видѣлъ ничего лучшаго, какъ выдать ее за своего сына Сендера: что можетъ быть натуральнѣе, какъ видѣть любимую дѣвушку своею невѣсткой? Къ тому же она такая умница, такая хозяйка, такая трудолюбивая! Сендеръ будетъ непремѣнно

Digitized by Google

съ нею счастливъ. Старуха разсуждала какъ разъ наоборотъ. Именно потому, что Маша обладаетъ такими прекрасными качествами, она заслуживаетъ лучшей участи, чѣмъ быть женой матроса и имѣть въ перспективѣ такой тернистый, долгій путь, какой прошла сама она, Зельда. Въ памяти старухи были еще свѣжи безпокойства за своего мужа во время оно, когда онъ отправлялся крейсировать на неопредѣленное время въ неизвѣстныя ей мѣста; не забыла она и своихъ душевныхъ терзаній, когда вольные или невольные промахи по службѣ навлекали на него взысканія, иногда довольно *ощутительныя*, и онъ приходилъ домой, унылый и разстроенный, и она долго принуждена была намачивать ему спину холодною водою. Помнила и то, какъ проводила она безсонныя ночи надъ маленькимъ Сендеромъ, и въ потьмахъ, заглушая свои рыданія, чтобъ не потревожить утомленнаго мужа, ощупывала нѣжные члены ребенка, какъ будто отыскивая на нихъ слѣды рубцевъ, ожидающихъ его въ будущемъ. И мало ли объ чемъ не вспоминала старая Зельда! И такую-то судьбу приготовитъ она собственными руками Машѣ, этой доброй и милой дѣвушкѣ, которую такъ горячо любитъ! Нѣтъ,— это будетъ слишкомъ жестокая расплата за дѣтскую привязанность бѣдной сироты. „Другое дѣло я...“ обыкновенно заключала мысленно Зельда, когда обдумывала этотъ предметъ: „мнѣ вѣрно такъ ужъ на роду написано... да и не знала я, выходя за Арона, что меня

Digitized by Google

ожидаетъ. Но Машѣ выдти за матроса,—это просто *здоровою головою да лечь на смертное ложе.*“.

Скрывая, однакожъ, свои истинныя мысли отъ мужа, Зельда, въ своихъ разсужденіяхъ съ нимъ, обыкновенно откапывала препятствія совсѣмъ съ другаго конца. Зачѣмъ Сендеру жениться и безъ нужды навязывать себѣ семейныя огорченія, когда жизнь солдата и безъ того достаточно изобилуетъ огорченіями? Зачѣмъ матросу жена и дѣти? чтобы сыновья, пришедши въ возрастъ, были отъ него оторваны и отправлены Богъ знаетъ куда на службу? чтобы дочери, въ свою очередь, вышли за солдатъ—вѣдь другіе ихъ не возьмутъ—и прибавляли новыхъ членовъ къ солдатскому званію?—Была въ этомъ, конечно, частица правды: Зельда разсматривала вопросъ и съ этой стороны, и, желая убѣдить мужа этими доводами, сама до нѣкоторой степени убѣждалась въ ихъ основательности; но, по справедливости сказать, эти доводы сами по себѣ не составляли важнаго препятствія. Зельда безъ труда согласилась бы на бракъ сына со всякой другой дѣвушкой, потому что этой дѣвушки она еще не знала, была къ ней совершенно равнодушна и, по странному капризу человѣческаго сердца, для котораго „горе многихъ—половина утѣшенія“, даже иногда желала, чтобъ и другая потянула лямку, какъ тянула она. Также точно была старуха равнодушна и къ невѣдомымъ еще дѣтямъ Сендера, ибо она не могла принадлежать къ тѣмъ богатымъ натурамъ, которыя про-

Digitized by Google

никаются любовью къ людямъ отъ нихъ далекимъ или вовсе имъ неизвѣстнымъ, или къ поколѣніямъ, еще не родившимся. Главное лежало въ Машѣ. Ей-то пламенно желала старуха другой участи, чѣмъ быть женой матроса; но объ этомъ, по какому-то тонкому женскому такту, не рѣшалась она говорить мужу, чтобъ не огорчить его намеками на незавидный жребій, имъ—хоть и невольно—но все-таки имъ для нея созданный, взамѣнъ тѣхъ розовыхъ надеждъ, которыя заставляли пылать ея нѣкогда блестящіе глаза и румяныя щеки.

II.

— Ну! раздалось за плечами Арона, когда онъ, положивъ починенный сапогъ и инструменты въ небольшой деревянный ящикъ, собирался отвязать свой кожанный передникъ, чтобъ, по обѣщанію, отправиться помогать женѣ.

Старикъ обернулся; передъ нимъ стоялъ Сендеръ въ фуражкѣ, надѣтой на одно ухо.

— Ну, такъ ну, отвѣчалъ старикъ.—Поди-ка *понукай* ты съ нею немножко, такъ услышишь что она поетъ.

— Все-таки не соглашается? спросилъ сынъ.

— Забила себѣ одно: не надо солдату жены, да и только, отвѣчалъ Аронъ.—Къ чему семья? къ чему дѣти? къ чему и то и другое, и туда-сюда, и мало ли что!

Digitized by Google

Молодой матросъ снялъ фуражку съ головы, бросилъ ее далеко отъ себя и сталъ ерошить себѣ волосы на затылкѣ. Отецъ взялъ его за подбородокъ и началъ пристально смотрѣть ему въ глаза.

— А бойкій, плутъ, право, съ разстановкой произнесъ Аронъ:—куда какой бойкій... И жениться хочется, а?.. А не угодно ли вашей милости на *дожъ-мачту* взобраться? либо гу-у-уй, го-о!

При послѣднемъ звукѣ, старикъ, нагнувшись, началъ шевелить руками, показывая видъ, что подбираетъ якорный канатъ.

Сендеръ улыбнулся шуткѣ отца.

— То само по себѣ, батюшка, сказалъ онъ:—а жениться опять само по себѣ. Да что она такъ безпокоится о моихъ дѣтяхъ? Кто его знаетъ, можетъ ихъ вовсе еще и не будетъ.

— Ну, поди же ты съ нею! отвѣчалъ Аронъ.— Говоритъ, непремѣнно будетъ, и еще цѣлая куча мальчугановъ.

— Эхъ, право! вѣдь вотъ же толкуетъ себѣ матушка не вѣсть что такое... Вѣдь она согласится, непремѣнно согласится; а такъ, надо сначала поупрямиться: это ужъ натура старыхъ людей.

— Врешь ты, корабельная мышь! сказалъ отецъ, смѣясь.—Старые люди есть разные на свѣтѣ: одни съ натурой, другіе безъ.

Digitized by Google

На языкѣ Арона *человѣкъ съ натурой* означало тоже самое, что человѣкъ *характерный*, съ душкомъ.

— Вотъ, покойный тесть, напримѣръ, былъ безъ натуры, продолжалъ онъ:—и я тоже, кажется, безъ натуры; а боцманъ нашъ Макаренко... такъ ужъ онъ тово; ну, и мать твоя тоже эдакъ капельку страдаетъ по этой части.

— Чтожъ изъ этого будетъ? спросилъ Сендеръ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Уломаемъ, отвѣчалъ отецъ спокойно.

— Да, уломаемъ, а время между тѣмъ уходитъ.

— Э, да ты, братъ, спѣшишь на всѣхъ парусахъ.

— Какое тутъ „спѣшишь“! Вотъ ужъ полгода какъ объ этомъ толкуемъ.

— Противный все вѣтеръ, братецъ. А вотъ что я тебѣ скажу: поговори-ка ты самъ еще съ матерью. Ты вѣдь человѣкъ грамотный, и исторіи разныя читалъ о храбрыхъ рыцаряхъ да печальныхъ королевнахъ. Такъ и такъ молъ, матушка, жениться до зарѣзу хочется.... ну, и то и другое.... и мало ли что....

— Хорошо, отвѣчалъ Сендеръ, присѣвъ на скамью и рѣшительно махнувъ рукой. — Твой совѣтъ хорошъ. Поговорю съ нею самъ, а коли на то пойдетъ, такъ и заплачу, ей Богу, заплачу!... Вотъ ужъ и теперь слеза пробиваетъ при одной мысли, что Маша можетъ достаться другому.

— А-зась другому, чорта въ бокъ не хочетъ-ли!..

Digitized by Google

сказалъ отецъ.—Вѣдь Маша сахаръ-дѣвка.... не уступлю ни за сто тысячъ!

— А я ни за милліонъ, произнесъ Сендеръ угрюмо.

— Ни за двадцать милліоновъ! вскричалъ отецъ, топнувъ ногой.

Сендеръ вскочилъ со скамьи.

— Ни за.... ни за все золото въ мірѣ.... что тутъ толковать! воскликнулъ онъ съ сверкающими глазами.

— Ну, и нечего толковать: будетъ наша, отвѣчалъ отецъ спокойно.

Оба нѣсколько минутъ молчали.

— А что? началъ отецъ, лукаво мигнувъ глазомъ:—поцаловалъ хоть разъ?

— Гмъ! раза четыре.... но... все насильно, отвѣчалъ сынъ, заикаясь.

Лицо стараго Арона приняло глубокомысленное выраженіе, какъ будто онъ собирался высказать вещи, никому еще неизвѣстныя.

— Ну, знаемъ мы это насильно, сказалъ онъ:— у дѣвушекъ всегда такъ, т. е. туда-сюда, и то и другое, и мало ли что....

— Нѣтъ, право, насильно. Я, знаешь, выпрямился такъ, и грудь выставилъ, и руки эдакъ по формѣ опустилъ. „Вѣдь любишь, Маша?“ говорю, — всей душой, говоритъ; „вѣдь пойдешь за меня“? говорю,—если не за тебя, такъ ни за кого, говоритъ; „такъ поцалуемся же,

Digitized by Google

Маша-сердце"! — нѣтъ, не надо, Сендеръ-сердце: еще тетушка не дала своего согласія; а вотъ, когда дастъ, и сговоръ будетъ, и *горшки побьютъ*, тогда пожалуй, можно.... — а сама, знаешь, просто *живописъ*, и губы такъ и просятся, такъ и просятся... я не вытерпѣлъ: ухватилъ обѣими руками за голову и чмокъ-чмокъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ай-да, пострѣлъ! вскричалъ, захохотавъ, старикъ, который во все время разсказа сына повторялъ за нимъ всѣ его тѣлодвиженія.

— А она, вообрази, мужикомъ назвала, отвѣчалъ сынъ съ досадой. — „Это, говоритъ, прямо по-мужицки: военнымъ людямъ такъ поступать непристойно".

— Дура она, замѣтилъ Аронъ съ улыбкой:—это чисто по-военному.

— Ну, поди же! возразилъ Сендеръ: — надулась какъ *хмара*.... четвертый день слова ко мнѣ не вымолвитъ.... не глядитъ въ тотъ уголъ, гдѣ я сижу.... будто совсѣмъ меня на свѣтѣ нѣтъ....

Въ это время кто-то быстро отворилъ дверь, ведшую изъ сѣней въ эту комнату. Это была Маша, которая зачѣмъ-то сюда спѣшила изъ той половины, гдѣ постояльцы собрались къ ужину; но увидѣвъ молодого матроса, она отшатнулась назадъ въ сѣни. Сендеръ съ быстротою мысли бросился за нею.

— На буксиръ ее! вскричалъ Аронъ, захлопавъ

Digitized by Google

въ ладоши. — Такъ! сюда, сюда....я васъ [redacted] помирю.

— Пусти, пусти, на что это похоже! говорила Маша умоляющимъ голосомъ Сендеру, тащившему ее за руку назадъ въ комнату. — Тетушка тамъ ждетъ: она будетъ сердиться... Смотрите, дядюшка, что онъ дѣлаетъ...

— Сюда, дочка, вотъ сюда! вскричалъ повелительнымъ голосомъ старый матросъ, указывая пальцемъ на середину комнаты. — Это по моему приказанію... Вотъ тутъ становись.

Маша перестала сопротивляться и дала Сендеру довести себя до указаннаго мѣста. Она съ опущенными рѣсницами остановилась передъ старикомъ, и начала обѣими руками щипать кончики своего чернаго фартука.

— Сіяешь, ей Богу, сіяешь, какъ вотъ тѣ новыя ядра, что сложили въ арсеналѣ, сказалъ старикъ, слегка ущипнувъ ее за щеку. — Ну, чего мы такъ надулись?

— Совсѣмъ мы не надулись, проговорила дѣвушка, слегка покраснѣвъ.

— Знаю, все знаю, отвѣчалъ старикъ, съ притворною грустью испустивъ глубокій вздохъ. — Мы эдакъ, цаловаться пробовали.

— Совсѣмъ не пробовали, отвѣчала дѣвушка, пуще раскраснѣвшись.

— Пробовали, пробовали... лгать нехорошо, дитя мое.

Digitized by Google

— Да это *онъ*, дядюшка.... право, *онъ*... я совсѣмъ не думала... онъ.... вотъ... онъ...

Маша, не подымая глазъ, указывала пальцемъ на сапоги Сендера.

— Онъ, вѣстимо, онъ, возразилъ старикъ: — самъ сказывалъ, что онъ.

— Вотъ еще, есть чѣмъ похвалиться, признаюсь... проговорила Маша, отвернувъ голову въ противоположную отъ Сендера сторону, и устремивъ глаза на висѣвшую на стѣнѣ лубочной работы картину, изображавшую грудной портретъ какого-то ветерана, вокругъ котораго, вѣроятно для большей натуральности, торчали стоячія пушки, знамена и разные другіе извѣстныя и неизвѣстныя трофеи.

— Не хвалился, Маша, нѣтъ, а сознался.... передъ отцомъ, робко проговорилъ Сендеръ.

— Да, сознался, подхватилъ отецъ.—Молъ, виноватъ, батюшка, прости.... и Машу попроси, чтобъ меня простила... и то и другое, и туда-сюда...

Маша медленно начала отвращивать глаза отъ ветерана съ трофеями.

— Я ему намылъ голову, будетъ помнить, продолжалъ Аронъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.— И грубіянъ ты, дескать, и салдафонъ, и разгильдяй... насильственнно поступать скверно, скверно, тьфу!

Маша подняла свои густыя и длинныя рѣсницы и украдкой посмотрѣла на Сендера. Онъ стоялъ неподъ-

Digitized by Google

вижно, держа впереди себя опущенныя руки, которыхъ пальцы переплелись между собой, кромѣ двухъ толстыхъ пальцевъ, оказывавшихъ признаки жизни, потому-что они взаимно чесались своими концами, какъ голуби своими носиками. Грудь его и вся верхняя часть тѣла какъ-то наклонилась впередъ; верхушки его бѣлокурыхъ, коротко остриженныхъ, волосъ, издавали серебристый блескъ; каріе глаза его, полные умоляющаго выраженія, были устремлены на Машу; по всему лицу его была разлита невообразимая доброта.

— А онъ просится: больше, говоритъ, не буду, продолжалъ старикъ: — только пусть, говоритъ, перестанетъ Маша сердиться.

— Да, только перестань сердиться, подхватилъ Сендеръ тихо. — Мнѣ такъ нехорошо, когда ты сердишься.... и снятся все такія страшныя вещи.... и на службѣ чортъ знаетъ что дѣлаю.... все путаюсь, да сбиваюсь съ толку. Вчера, вотъ, чуть на конфекты не досталось: прозѣвалъ на докахъ контръ-адмирала — не снялъ фуражки, такъ-таки совсѣмъ не снялъ.... спасибо, онъ только кулакомъ издали погрозился.... Ей Богу, просто голову потерялъ!.. это все черезъ тебя, Маша.

— Вѣдь жаль парня, не правда-ли, жаль? прервалъ отецъ: — того и гляди отдубасятъ не сегодня, такъ завтра, а все черезъ тебя, дочка. Ну, перестань же дурачиться, вѣдь грѣхъ не Богъ знаетъ какой,

Digitized by Google

прибавилъ онъ полушутливо, полусерьезно, насильно протягивая руку дѣвушки къ Сендеру.—Дай, дай ему руку въ знакъ примиренія.

Маша перестала щипать свой фартукъ, подняла весело глаза на молодого матроса, погрозила ему раза два пальцемъ и безъ сопротивленія позволила старику вложить ея руку въ руку Сендера.

— Ну; миръ, пусть будетъ миръ, велело говорилъ старикъ, взявъ въ свою широкую ладонь руки молодыхъ людей и потряхивая ими съ силой. — Миръ въ домѣ—это лучшее благо; не даромъ заведено у насъ, при встрѣчѣ, говорить другъ другу: „миръ съ вами!“

Маша улыбнулась и краснѣла, а у Сендера зрачки забѣгали съ чрезвычайной быстротой.

— Нельзя-ли... примѣрно.... въ знакъ мира..... по-о-о-цало-ваться, произнесъ, онъ, заикаясь.

Маша съ испугомъ вырвала свою руку.

— Смирно! вскричалъ отецъ повелительнымъ голосомъ.—Экъ разохотился! Я тебѣ дамъ!... Не бойся, моя голубка, прибавилъ онъ, съ любовью гладя дѣвушку по головѣ. — Я ему запрещаю, — онъ меня послушается. Послушаешься ты меня, неучь?

— Послушаюсь, почтительно отвѣчалъ Сендеръ, выпрямившись и опустивъ руки по швамъ.

— То-то же! Потерпи, ждать не долго: скоро мы васъ помолвимъ,—тогда цалуйтесь сколько душѣ угодно, а до того не замай, не конфузь дѣвушки.

Digitized by Google

— Когда жъ это будетъ? спросилъ молодой человѣкъ съ нетерпѣніемъ.

И Маша такъ задумчиво, такъ тоскливо изъ подлобья устремила глаза на старика, съ такою дѣтскою преданностью наклонила голову на одинъ бокъ и чуть замѣтно раскрыла свои прекрасныя алыя губы, что, казалось, вопросъ Сендера повторился съ ея стороны самъ собою, безъ участія всякихъ звуковъ. „О, когда жъ это будетъ, когда жъ это будетъ?“ — вѣяло отъ всего существа ея, отъ всякой складки ея платья на высоко воздымавшейся груди, какъ вѣетъ искуствомъ и славой отъ классическаго изваянія.

— Когда это будетъ? возразилъ старый Аронъ, отвѣчая на вопросъ сына:—вѣдь сказывалъ я тебѣ: поговори самъ съ матерью. И тебѣ, Маша, не мѣшало бы тоже приняться за нее. Конфузиться тутъ нечего, прибавилъ онъ ласково, увидѣвъ, что дѣвушка потупила стыдливо взоры:—ты уже не дитя и имѣешь право разсуждать о своей будущности... къ тому жъ ты у насъ своя. Вотъ, какъ вы ее приструните оба, — вѣдь она баба добрая, не смотря, что *съ натурой*—а потомъ я подоспѣю на сикурсъ, то дѣло у насъ въ карманѣ. Откладывать не нужно, дѣти: такъ-таки завтра и пріймитесь за нее.

Дверь въ комнату опять отворилась, и Зельда проворно вбѣжала. Узелъ и концы ея головного платка

Digitized by Google

были не на надлежащемъ мѣстѣ: это означало, что старуха въ сильномъ волненіи.

— Ну, вотъ, такъ и есть! вскричала она съ неудовольствіемъ: — всѣ тутъ въ кучку собрались, а я тамъ *толкись* одна. Чего жъ ты тутъ пропала, дѣвка? вѣдь ты, кажись, за графиномъ ходила?.. А ты чего растарабарился, старикъ? ты вѣдь обѣщалъ вонъ туда, на ту половину придти пособлять, ишь ты! что это за совѣты такіе? и нашли когда!.. и... и...

Она не докончила. По какому-то мгновенному побужденію, ея волненіе и неудовольствіе уступили мѣсто другому чувству, тихому и мягкому. Она вдругъ поняла въ чемъ дѣло, и стала обводить глазами присутствующихъ и безпрестанно останавливала взоры то на Машѣ, то на мужѣ, то на сынѣ. Аронъ стоялъ, сложивъ руки и вперивъ въ жену глаза, полные рѣшимости непреоборимой. У Сендера руки, сами собой, по привычкѣ, опустились, онъ легонько постукивалъ то однимъ, то другимъ носкомъ сапога, глядѣлъ на мать и мигалъ глазами, какъ школьникъ, пойманный на шалости. Молодой матросъ силился что-то сказать, но не смѣлъ разинуть рта, видя грозное молчаніе отца. А Маша! ея круглая шея какъ-то опускалась и подымалась, какъ будто дѣвушка силилась проглотить что-то жесткое; на подбородкѣ выступило розовое пятно; ея глаза, тоже устремленные на старуху, блистали какимъ-то зеркальнымъ блескомъ: въ нихъ, сквозь чуть замѣт-

Digitized by Google

ную влагу, свѣтилась и любовь, и надежда, и жажда жизни и счастія, и всѣ прекрасныя мечты юности. Старуха еще минуту боролась съ вліяніемъ этихъ трехъ паръ глазъ, уставленныхъ въ нее, но не могла болѣе выдержать: медленно, шаркая своими осѣвшимися башмаками, дошла она до стѣнки, сѣла, сгорбившись, на скамью, подперла голову рукой и задумалась.

Она внутренно созналась, что борьба съ этими тремя существами, которыя ей столь дороги, будетъ совершенно напрасна. Упорство съ ея стороны только внесетъ раздоръ въ ея мирную семью, но дѣла, навѣрное, не передѣлаетъ. Рѣшимость мужа высказалась въ его молчаніи, а любовь молодыхъ людей, неподлежащая никакому сомнѣнію, уже достаточно укрѣпилась: сопротивленіе и преграды только усилятъ ее. Какъ можно безполезнымъ противорѣчіемъ внести одно лишнее горе въ жизнь мужа, который и безъ того не избалованъ радостями жизни, хотя онъ всегда старался казаться по возможности веселымъ и довольнымъ! А это во всю жизнь свою дѣлалъ Аронъ для того, чтобы легче и сноснѣе жилось ей, Зельдѣ.—Зачѣмъ разстроивать счастье сына, который совсѣмъ не виноватъ въ томъ, что онъ матросъ, и имѣетъ полное право желать себѣ жену по сердцу? Еслибъ его выборъ палъ на другую, то—какъ ни желала бы этого мать—все-таки втайнѣ она бы его назвала безчувственнымъ чурбаномъ, потому что, по ея понятіямъ, Маша составляла идеалъ, выше

Digitized by Google

котораго человѣческая природа идти не можетъ.—Къ чему противиться желанію Маши, этой бѣдной сироты, съ ранняго дѣтства обреченной на одиночество, на трудъ, на чужой хлѣбъ, не смѣвшей имѣть никакихъ желаній и привязавшейся всѣмъ сердцемъ къ этому первому и единственному своему желанію въ жизни? А между тѣмъ Маша бросается въ пропасть: этого никто такъ вѣрно знать не можетъ какъ она, Зельда. Нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ дѣлить бремя жизни съ Сендеромъ честно, какъ доброй женѣ слѣдуетъ; но зачѣмъ беретъ она на себя это тяжелое бремя? зачѣмъ создаетъ она для себя добровольно цѣлые годы тоски и горя? Предчувствуетъ-ли она, что ея молодая жизнь увянетъ прежде, чѣмъ успѣетъ разцвѣсть, и что первый крикъ своего дитяти она встрѣтитъ не улыбкой, а рыданіемъ?—Она, Зельда, все это знаетъ, но ни сказать этого не можетъ, ни понять этого Маша не захочетъ. Молодость требуетъ свое и съ опытомъ не имѣетъ ничего общаго.—Слѣдовательно, нужно согласиться на бракъ Маши съ Сендеромъ; а согласиться—значитъ, способствовать обреченію дѣвушки на вѣкъ скорби и страданій, на такой же вѣкъ, длиною въ цѣлые десятки лѣтъ, какой положила сама старуха за собой, на такой многотрудный вѣкъ, съ которымъ хоть и совладѣла Зельда, но уже поздно, когда солнце ея молодости закатилось и ея станъ согнулся, когда ея во-

Digitized by Google

лосы преждевременно посѣдѣли, когда блескъ ея глазъ пропалъ и ужъ болѣе не возвращался.

И заболѣло крѣпко сердце у старухи отъ этихъ размышленій. Одна за другой падали горючія капли изъ ея глазъ на руку. Долгій вздохъ, пресѣкаясь нѣсколько разъ, вырвался наружу. „Пусть будетъ воля Божья!“ прошептала она чуть слышно и подняла голову.

Въ комнатѣ никого не было.

III.

— И такъ, у васъ все рѣшено? спросилъ Арона Малкина, черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами вечера, одинъ изъ постояльцевъ, объ имени и фамиліи котораго никто не заботился, и котораго всѣ знали подъ названіемъ *Кременчугскаго лѣсника*, потому что онъ доставлялъ изъ Кременчуга въ N. небольшія партіи корабельнаго лѣса.

— Все, лаконически отвѣчалъ матросъ, накрывая столъ къ обѣду и плюнувъ въ сторону.

Кременчугскій лѣсникъ тоже плюнулъ и сталъ расхаживать по комнатѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, плотный, красный и весь обросшій какъ обезьяна; маленькіе его глазки чуть виднѣлись изъ подъ мохнатыхъ бровей, а огромный носъ и устройствомъ своимъ и звуками, которые издавалъ, сильно напоминалъ валторну. Лѣсникъ, ужаснѣйшій скряга, любилъ плотно

Digitized by Google

поѣсть и хорошо выпить, говорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, бывалъ иногда безъ всякой причины очень разсѣянъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣлъ привычку харкать и плевать безъ всякаго сознанія. Не смотря на свою плотную наружность, лѣсникъ имѣлъ нравъ трусливый и запуганный. Всякому не трудно было получить надъ нимъ власть: стоило только возвысить голосъ, или грозно посмотрѣть на него. Всѣ его знакомые знали его безхарактерность и часто употребляли ее въ свою пользу. Аронъ Малкинъ, изо всѣхъ своихъ постояльцевъ, къ нему одному не былъ расположенъ, и нерасположеніе свое выказывалъ страннымъ образомъ. Завидѣвъ лѣсника, онъ тотчасъ припоминалъ его скверную привычку, и самъ, въ знакъ отвращенія, находилъ нужнымъ плюнуть; разумѣется, что лѣсникъ, однажды наведенный на свою привычку, уже на долго не останавливался; Малкинъ, негодуя все болѣе и болѣе, тоже не отставалъ, и это дружное дуо обыкновенно кончалось ссорой, въ которой одинъ другого упрекалъ въ неряшествѣ, пока не приходила Зельда и не мирила ихъ рѣшительнымъ объявленіемъ, что имъ обоимъ пристало жить не въ свѣтлой комнатѣ, а вонъ въ томъ кабакѣ, что красовался черезъ улицу своими ободранными стѣнами и разбитыми окнами.

— Таки-такъ совсѣмъ все рѣшено? опять спросилъ лѣсникъ, устремивъ меланхолическій взоръ на горячую, только-что вынутую изъ печи, булку, лежавшую на столѣ.

Digitized by Google

— Такъ-таки совсѣмъ, отвѣчалъ Малкинъ.

— Гмъ! Маша дѣйствительно премилая дѣвушка, сказалъ лѣсникъ, заключивъ эту фразу длиннымъ горловымъ звукомъ, который служилъ обыкновенною прелюдіей къ привычкѣ лѣсника и. былъ весьма знакомъ матросу.

Малкинъ поднялъ на него негодующій взглядъ и повторилъ операцію, но повторилъ болѣе дѣломъ чѣмъ звукомъ.

— А Сендеръ развѣ не *парень съ костями* *? спросилъ матросъ угрюмо.

Отвѣтъ лѣсника на этотъ вопросъ ограничился громкимъ плевкомъ, вслѣдствіе чего матросъ съ ожесточеніемъ началъ стучать ложками и вилками.

— Да что это вы въ самомъ дѣлѣ, и то и другое, и туда-сюда, и мало-ли что... право! вскричалъ онъ.

— Что я?... я рѣшительно ничего, отвѣчалъ лѣсникъ самымъ невиннымъ голосомъ, озираясь кругомъ на свой долгополый сюртукъ, изъ задняго кармана котораго вывѣсилась большая половина шелковаго носового платка, довольно стараго и истертаго. Скажемъ мимоходомъ, что этотъ платокъ, составлявшій амбицію лѣсника, былъ дѣйствительно шолковый и имѣлъ на себѣ изображеніе одного изъ Ротшильдовъ во весь ростъ, а

* Т. е. славный малый.

Digitized by Google

по угламъ ужасающую кучу цифръ и нулей, съ поименною отмѣткой разныхъ государствъ, имѣвшихъ такое отношеніе къ цифрамъ въ отрицательномъ смыслѣ, какое къ нимъ имѣлъ самъ Ротшильдъ въ положительномъ. Злые языки увѣряли, что платокъ этотъ достался Кременчугскому лѣснику уже въ ветхомъ видѣ, покупкой на толкучемъ рынкѣ въ Одессѣ, хотя лѣсникъ увѣрялъ, что купилъ его съ *иголочки*, въ англійскомъ магазинѣ. Какъ бы то ни было, а платокъ, этотъ составлялъ предметъ нѣжнаго вниманія лѣсника и употреблялся имъ только по субботамъ, для чего онъ его заблаговременно клалъ въ карманъ въ пятницу, чтобъ, по разсѣянности своей, какъ-нибудь не забыть этой важной статьи праздничнаго туалета. По будняхъ-же, сколько намъ, какъ достовѣрному лѣтописцу, извѣстно, лѣсникъ употреблялъ бумажные платки отечественнаго издѣлія, а въ экстренныхъ случаяхъ иногда даже и вовсе обходился безъ нихъ.

— Я, право, ничего, повторилъ лѣсникъ.—А водка есть къ обѣду? ужасно хочется водки выпить.

— Пошлите купить, такъ будетъ, сердито отвѣчалъ матросъ.

Лѣсникъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и хотѣлъ достать оттуда деньги, но въ эту минуту вошли въ комнату еще три постояльца, и лѣсникъ повертѣвъ нѣсколько времени кошелекъ въ рукахъ, опустилъ его обратно въ карманъ.

Digitized by Google

Эти три человѣка имѣли тоже свои дѣла въ городѣ N.—Одинъ изъ нихъ, по имени Калманъ Бабисъ, очень умный старикъ, почтенной наружности, пекъ гдѣ-то какіе то сухари и доставлялъ ихъ какому-то комисіонеру какого-то вѣдомства. Другой—хорошо образованный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, сухощавый и нѣсколько сутуловатый, съ черными усами и большими голубыми глазами, придававшими задумчивое выраженіе его блѣдному, правильному лицу, по странной игрѣ случая, какъ бы въ противоположность старику, поставщику сухарей, назывался Калманъ Мамисъ *. Онъ былъ прикомандированъ къ питейной конторѣ и былъ терпимъ полиціею, по причинѣ всѣмъ извѣстнаго сердечнаго влеченія ея къ питейнымъ откупамъ, что не мѣшало ей, однакожъ, въ извѣстные періоды пристуживать Калмана Мамиса и получать отъ него установленный выкупъ. Третій постоялецъ, съ подстриженною рыжею бородкой, съ золотой сережкой въ лѣвомъ ухѣ, съ разными кольцами на пальцахъ и цѣпочками у часовъ, не много рабоватый и косой на одинъ глазъ, живой, вертлявый и веселый, говорившій всегда громко и скоро и пересыпавшій свою рѣчь русскими поговорками, назывался, въ подражаніе русскому обычаю, по имени и отчеству Давидомъ Захарьичемъ. Зачесывая всегда тщательно волосы на головѣ, нося широкія штрипки у панталонъ

---

* *Бабисъ* значитъ бабушкинъ, *Мамисъ* матушкинъ.

Digitized by Google

и сапоги съ оглушительнымъ скрипомъ и на высокихъ каблукахъ, и сверхъ того, имѣя пристрастіе къ голубымъ шарфамъ и клѣтчатымъ жилетамъ, Давидъ Захарьичъ считалъ себя отъявленнымъ франтомъ и неисправимымъ волокитой. Онъ имѣлъ одну изъ тѣхъ наружностей, которыя подъ своимъ сѣровато-пепельнымъ отливомъ скрываютъ всякое понятіе о возрастѣ. Давиду Захарьичу одинъ могъ-бы дать не болѣе тридцати лѣтъ, а другой гораздо болѣе пятидесяти, и никто изъ этихъ двухъ ничѣмъ не могъ бы подкрѣпить своихъ предположеній, или уличить въ ошибкѣ противника. Также точно, какъ настоящій возрастъ, былъ неопредѣленъ и родъ занятія Давида Захарьича. Одни говорили, что онъ пріобрѣтаетъ залоги для какихъ-то водочныхъ бойцовъ; другіе, что онъ представилъ проектъ о подвижныхъ канатныхъ заводахъ; третьи, что онъ имѣетъ въ виду закупку огромнаго количества негодныхъ якорей, а иные просто увѣряли, что онъ скрывается отъ долговъ, надѣланныхъ гдѣ-то, за горами, за долами, за широкими рѣками. Достовѣрно было только то, что полиція оттого дозволяла Давиду Захарьичу жить въ N., что онъ числился въ штатѣ однаго богатаго купца-еврея, который имѣлъ привиллегію жить тамъ постоянно съ семействомъ, и имѣлъ право держать при себѣ значительное число прикащиковъ и повѣренныхъ изъ своихъ единовѣрцевъ.

Давидъ Захарьичъ, влетѣвшій прежде всѣхъ въ

Digitized by Google

комнату, увидѣвъ какъ лѣсникъ опустилъ въ карманъ кошелекъ, схватилъ его за руку.

— Ага! деревянный брусъ вы этакой, вскричалъ онъ:—опять захотѣли вы послать за водкой и выпить ее, не дождавшись насъ?

— А чтожъ, отвѣчалъ лѣсникъ сердито:—буду я васъ всѣхъ поить на свой счетъ что ли?

— Почему бы и нѣтъ? вы должны считать себѣ за честь подчивать такихъ людей какъ мы, возразилъ Давидъ Захарьичъ, съ достоинствомъ подскочивъ на своихъ высокихъ каблукахъ.

Лѣсникъ былъ озадаченъ.

— Отчего бы... отчего бы... Мамису не тово.... отвѣчалъ онъ, заикаясь:—вѣдь онъ служитъ въ откупѣ и ему, наравнѣ съ другими, отпускается мѣсячная порція водки.

— Да, точно отпускается, отвѣчалъ Мамисъ, улыбаясь:—отпускается мнѣ полведра пѣнной, штофъ анисовой, штофъ рому, штофъ еще чего-то такого: но въ сущности-то получаю не я, а получаетъ каждое первое число мою порцію нашъ квартальный Гаврило Ѳедорычъ или, какъ онъ самъ себя называетъ, *Гаврыло Хведоровичъ*.

— Вотъ, видите, прервалъ повелительнымъ тономъ Давидъ Захарьичъ, обращаясь къ оробѣвшему лѣснику и указывая рукой на Мамиса: — объ немъ не можетъ быть и рѣчи. Нѣтъ ужъ какъ хотите, а посылайте.

Digitized by Google

— Отчего бы, напримѣръ, хозяину не поставить намъ водки! замѣтилъ опять лѣсникъ:—у него теперь радость въ домѣ.

— Хозяинъ знаетъ когда поставить, и не одной водки, а чего-нибудь по-чище, отвѣчалъ матросъ, забавляясь замѣшательствомъ скупаго лѣсника.—Радость-то подлинно радость, дай Богъ всякому! Завтра вечеромъ будемъ сговоръ справлять и тогда погуляемъ, а сегодня не завтра.

— Отчего бы... началъ опять лѣсникъ, уставивъ глаза въ старика Бабиса, который вытиралъ умытыя руки полотенцемъ и тихо шепталъ молитву, приготовляясь садиться за столъ.—Отчего бы, примѣромъ сказать...

— Примѣромъ сказать, вы чурбанъ дубовый, вскричалъ Давидъ Захарьичъ, вытянувъ быстро шолковый платокъ изъ кармана лѣсника.—Ни Бабисъ, ни Мамисъ, ни я, никто не купитъ сегодня водки. Вотъ, поиграемъ въ „узелки“.... жребій покажетъ кому должно будетъ разстаться съ четвертакомъ.

Онъ отскочилъ въ отдаленный уголъ комнаты, повозился нѣсколько времени съ платкомъ, на который лѣсникъ бросалъ безпокойные взоры, и потомъ подбѣжалъ къ столу, держа всѣ четыре угла платка въ сжатой рукѣ, изъ которой выглядывали тоненькіе кончики.

— Готово, господа! вскричалъ Давидъ Захарьичъ.—Пожалуйте. Кому достанется узелъ, тотъ не прогнѣвайся.

Digitized by Google

Бабисъ и Мамисъ подступили ближе и взяли каждый по кончику платка, при чемъ Давидъ Захарьичъ не преминулъ значительно мигнуть имъ своимъ косымъ глазомъ. Лѣсникъ, какъ медвѣдь, неимѣющій никакого желанія плясать, нехотя дотащился до платка и долго думалъ, пока взялся за одинъ изъ оставшихся двухъ кончиковъ.

— Ну, такъ этотъ, значитъ, мой, сказалъ Давидъ Захарьичъ, взявшись за послѣдній. — Тяните-ка, вы, шишка сосновая, вашъ конецъ... Ага, узелъ, честное слово, узелъ!

— Пустите же платокъ, я спрячу, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ лѣсникъ, убѣдившись, что узелъ дѣйствительно достался ему.

— *Дудки, господинъ честной*, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ по-русски. — Вынимайте-ка прежде деньги и попросите хозяина, чтобъ сбѣгалъ за полштофомъ. Пока хозяинъ не выйдетъ за дверь, платокъ остается у меня обезпеченіемъ. Вотъ теперь, пожалуй, продолжалъ онъ, видя, что лѣсникъ исполнилъ его требованіе и задыхающійся отъ смѣха Малкинъ выбѣжалъ изъ комнаты: — теперь можно. Спрячьте себѣ своего Ротшильда въ карманъ.

Лѣсникъ взялъ платокъ и встряхнулъ его, чтобъ удостовѣриться не случилось ли съ нимъ какого-нибудь несчастнаго случая въ рукахъ этого пройдохи, Давида Захарьича. Но каково было изумленіе лѣсника, когда

Digitized by Google

всѣ четыре конца платка оказались съ завязанными узлами.

— Какимъ же это образомъ? спросилъ въ недоумѣніи лѣсникъ, вытаращивъ свои маленькіе глазки на хохотавшихъ своихъ собесѣдниковъ.

Онъ помолчалъ около минуты, какъ будто соображая въ головѣ шутку, съ нимъ сыгранную.

— А, понимаю, продолжалъ онъ.—Такъ вы такъ, Давидъ Захарьичъ.... такъ вы четыре узла завязали, чтобъ мнѣ непремѣнно достался одинъ; а я, дуракъ, первый поспѣшилъ показать свой.

— Да съ вами иначе нельзя, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, заливаясь смѣхомъ и держась за бока.

— А развѣ это честно? возразилъ лѣсникъ:—развѣ это.... это....

— Что-о-о? вскричалъ Давидъ Захарьичъ грозно, распечатывая принесенный Арономъ полуштофъ: — еще разсуждать хотите! пожалуй, смѣйте только разсуждать... ни одной капли вамъ недостанется, даю мое слово.

Лѣсникъ присмирѣлъ и скорчился, зная, что Давидъ Захарьичъ въ состояніи дѣйствительно не дать ему ничего изъ его же водки.

— Прежде всего вамъ, началъ Давидъ Захарьичъ, обращаясь къ Арону и наливая рюмки:—вы бѣгали за ней въ кабакъ. Потомъ мнѣ: я хлопоталъ; затѣмъ Бабису... затѣмъ Мамису, потому-что *бабушка* старше

Digitized by Google

матушки.... а затѣмъ уже вамъ, обрубокъ дубовый, въ награду за послушаніе.

— Я благодарю.... что-то не хочется, отвѣчалъ Мамисъ, отодвинувъ отъ себя рюмку.

Гости въ молчаніи принялись за обѣдъ, а Малкинъ съ женой и Машей поперемѣнно то приносили, то уносили блюда и тарелки.

— Вы сегодня не въ духѣ, неправда ли? спросилъ Бабисъ молодого человѣка, видя, что онъ почти ничего не ѣстъ и часто потираетъ себѣ лобъ рукой.

— Да, чортъ побери! надоѣла эта проклятая жизнь, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Какъ можно, чтобъ жизнь надоѣла, хоть какая-нибудь! перебилъ Давидъ Захарьичъ, любившій, между прочимъ, давать наставленія и разсказывать разныя притчи, примѣры и исторіи.—Вотъ еще вздоръ? Жить всегда хорошо. Вотъ посмотрите хоть на лѣсника.... его надули сегодня, ну, онъ и старается пополнить свой ущербъ соусомъ. Люблю, онъ философъ: такъ и надо!

Лѣсникъ, какъ будто въ потвержденіе словъ Давида Захарьича, съ ожесточеніемъ вытиралъ блюдо съ соусомъ ломтями хлѣба и пожиралъ кусокъ за кускомъ.

— Обманулся однимъ, попробуй счастья на другомъ, продолжалъ Давидъ Захарьичъ:—огорчили справа, обратись на лѣво; не повезло сегодня, такъ повезетъ завтра. Жизнь, господа, — это игра въ преферансъ: ставь ремизы хладнокровно,—непремѣнно самъ сыграешь;

Digitized by Google

только не унывай и не жалуйся: нѣтъ скучнѣе игроковъ, которые постоянно плачутъ и жалуются; да ихъ никто и не слушаетъ: каждый занятъ собой.

— У всякаго свой взглядъ на вещи, отвѣчалъ Мамисъ грустно.

— Да что тамъ такое случилось съ вами? съ участіемъ спросилъ старикъ.

— Ничего особеннаго не случилось, отвѣчалъ Мамисъ:—все вещи обыкновенныя; гонятъ меня изъ города.... полиція покою не даетъ.

— Но вѣдь вы при откупѣ, какъ же такъ? спросилъ Давидъ Захарьичъ.

— Да, при откупѣ, отвѣчалъ молодой человѣкъ;—рекомендованъ однимъ добрымъ человѣкомъ. Я тружусь за троихъ, да никто этого не замѣчаетъ.

— Почему же? спросилъ старикъ.

— Потому, отвѣчалъ Мамисъ:—что мое пребываніе здѣсь негласное: держусь какъ бы изъ милости. Старшіе постоянно попрекаютъ, что имѣютъ изъ за меня непріятности, что полиція безпрестанно имъ напоминаетъ о незаконномъ моемъ пребываніи здѣсь. Нишему я не смѣю сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія: стоитъ ему изъ подъ руки слово шепнуть кому слѣдуетъ, и меня какъ разъ вытурятъ изъ города; равные взваливаютъ всякую работу на меня и смѣются мнѣ прямо въ глаза, считая, что я, по безгласности своей, обязанъ быть покорнѣйшимъ рабомъ всякаго; имъ-то еще го-

Digitized by Google

раздо легче выжить меня отсюда. Такимъ образомъ, для меня нѣтъ ни равныхъ, ни нисшихъ, а всѣ для меня старшіе. Согласитесь, что это не сладко.

Давидъ Захарьичъ, набивъ себѣ полный ротъ, испустилъ какой-то неопредѣленный звукъ.

— Сегодня, призываетъ меня управляющій, продолжалъ Мамисъ:—ты, братецъ, говоритъ—(замѣтьте, что всѣмъ равнымъ мнѣ по должности онъ говоритъ „вы“) ты, братецъ, намъ только хлопотъ стоишь. Только что былъ частный приставъ, „такъ и такъ, говоритъ, нельзя: начальство строго смотритъ“, Мнѣ только мука братецъ.... Ты бы повидался съ кѣмъ слѣдуетъ.... не ѣхать же мнѣ изъ за тебя кланяться всѣмъ генераламъ и адмираламъ.

— По настоящему управляющій правъ, замѣтилъ Давидъ Захарьичъ.

— Да я его и не обвиняю, со вздохомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ: — но развѣ мнѣ оттого легче, что онъ правъ?... Такъ вотъ, по милости этихъ-то обстоятельствъ, я не живу, а мучусь, Богъ свидѣтель, что я служу честно и тружусь добросовѣстно. Не говоря о долгѣ, уже одно мое исключительное положеніе и частица благоразумія обязываютъ меня къ тому: что прощаютъ другимъ, того не простятъ нашему брату. Малѣйшее пятно, малѣйшее упущеніе, за которое другіе подвергаются легкому выговору, меня подвергло бы удаленію отъ должности, а можетъ быть и того хуже...

Digitized by Google

А моя старая мать и слѣпая сестра только и живутъ тѣмъ, что я высылаю имъ изъ моего жалованья..... Но кому какое дѣло до моихъ трудовъ и добросовѣстности! Милость которую мнѣ оказываютъ тѣмъ, что меня терпятъ, такъ велика, что никакія заслуги мои не могутъ вознаградить ее.... Значительная часть изъ моего скуднаго жалованья уходитъ на дань одному, другому, третьему, чтобъ они смотрѣли сквозь пальцы на мое пребываніе здѣсь, которое все-таки постоянно виситъ на волоскѣ, какъ будто оно невѣсть въ какія опасности повергаетъ весь городъ.... Что дѣлать, куда дѣться, куда спастись отъ этого жалкаго положенія?

На блѣдномъ лицѣ его выступила легкая краска; онъ грустно опустилъ голову и началъ тихо стучать вилкой по своей тарелкѣ.

— Ну, такъ плюньте на эту должность и поищите чего-нибудь другого, сказалъ Давидъ Захарьичъ, у котораго на все былъ готовый отвѣтъ.

— Легко сказать „поищите чего нибудь другого“, съ горечью отвѣчалъ Мамисъ:—а мать и сестра будутъ пока умирать съ голоду въ дрянномъ мѣстечкѣ, гдѣ имъ никто и рубля не дастъ взаймы, потому-что я брѣю бороду. А дастъ ли мнѣ, напримѣръ, мѣсто вашъ патронъ, этотъ отъявленный *хасидъ* и многіе другіе ему подобные? Они не знаютъ, эти близорукіе старовѣры, что тотъ изъ насъ, кто брѣетъ бороду, кто получилъ нѣкоторое воспитаніе, кто проникнулся нѣкото-

Digitized by Google

рымъ понятіемъ о человѣческомъ достоинствѣ, во сто разъ болѣе чувствуетъ свое тяжкое положеніе, во сто разъ дороже платитъ за свои святыя убѣжденія, чѣмъ они, набожно прячущіе въ молитвенникъ каждый волосокъ, случайно выпавшій изъ ихъ бороды, которой они придаютъ такую таинственную важность.

Лѣсникъ огрызая кость, косо посмотрѣлъ на молодаго человѣка и покачалъ головой. Старикъ Бабисъ бросилъ строгій взглядъ на лѣсника и взялъ Мамиса за руку.

— Вы совершенно правы, любезный другъ, сказалъ старикъ.—Мы многимъ обязаны молодому поколѣнію и многаго отъ него надѣяться должны. Эти дерзкіе *амгарацимъ* *, *хасиды* явные или тайные, чума для нашего народа.

— И гдѣ искать? продолжалъ Мамисъ, все еще отвѣчая на замѣчаніе Давида Захарьича.—Поле дѣйствія для насъ стѣснено,—вы сами это хорошо знаете. На каждое мѣсто, на каждое занятіе двадцать соискателей.

— Ну, такъ потерпите, хладнокровно отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, ущипнувъ за руку Машу, которая начала убирать посуду.

— Ничего другого не остается, со вздохомъ отвѣчалъ Мамисъ, вставая.

— Вы ставите пока ремизы, — погодите, сыграете, продолжалъ Давидъ Захарьичъ, тоже поднимаясь изъ-за

---

* Невѣжды.

Digitized by Google

стола.—Вотъ я наставилъ ихъ пропасть, а не унываю, *не правда-ли, Машутка, красная дѣвица!*

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ по-русски, Давидъ Захарьичъ ловко подскочилъ на каблукахъ и опять ущипнулъ Машу за руку.

— Послушайте, сказалъ старикъ Бабисъ: — боюсь, чтобъ вы не поставили еще большого ремиза, когда Сендеръ увидитъ эти ваши любезности. Вы слышали— онъ уже женихъ Маши... не совѣтовалъ бы я вамъ.

— Не совѣтовала бы и я, угрюмо сказала Зельда, помогавшая Машѣ прибирать со стола. — Ужъ куда какъ эти шутки не приличны въ ваши лѣта, Давидъ Захарьичъ!

— Въ мои лѣта! вскричалъ Давидъ Захарьичъ съ неудовольствіемъ.—Что я, дряхлый прадѣдъ, что-ли?

— Да и совсѣмъ не подъ стать вамъ, продолжала Зельда.—Я вотъ не разъ хотѣла вамъ замѣтить, чтобъ оставили бѣдную дѣвушку въ покоѣ, да все думала сами уйметесь; но должна теперь предупредить васъ. Маша уже засватана... завтра вечеромъ будемъ сговоръ справлять. Коли не уйметесь—прійдется сказать Сендеру.

— Ахъ, не говорите, съ сладкою улыбкой отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, желая превратить все въ шутку.— Боюсь, съѣстъ меня вашъ Сендеръ.

— Съѣстъ не съѣстъ, а кулака матросскаго прійдется вамъ отвѣдать, со смѣхомъ сказала Маша.

Digitized by Google

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, громко захохотали; Давидъ Захарьичъ покраснѣлъ до ушей.

— Ну, и ты туда же за старухой, отвѣчалъ онъ въ сильномъ неудовольствіи: — добро ей говорить... зачерствѣла въ лапшѣ да въ буракахъ, а ты-то что? ты тоже не понимаешь расположенія къ тебѣ порядочныхъ людей...

— Да будто тотъ ужъ и порядочный, кто сережку въ ухѣ носитъ! весело замѣтила Маша, взявъ подъ локоть цѣлую кучу тарелокъ и блюдъ, съ стоявшими на нихъ стаканами и рюмками и другими принадлежностями стола.

— Пожалуйста, не разсуждать, убирайся! вскричалъ крѣпко раздосадованный Давидъ Захарьичъ. — Вотъ ужъ не рано... сегодня пятница... пора тебѣ взять чистить самоваръ, да тотъ завѣтный подсвѣчникъ, что на толчокъ просится.

Зельда вспыхнула при этомъ обидномъ отзывѣ о вещи, столь для нея драгоцѣнной.

— Мой подсвѣчникъ на толчокъ просится! сказала она, почти сквозь слезы. — Наслѣдіе моей матери, на толчокъ просится! Бога вы въ сердцѣ не имѣете, Давидъ Захарьичъ. Да я не возьму двадцати вашихъ дрянныхъ цѣпочекъ, да столько же вашихъ дутыхъ колецъ за мой завѣтный подсвѣчникъ!..

Давидъ Захарьичъ машинально поглядѣлъ на свои цѣпочки и кольца и съ самодовольною улыбкой, выра-

Digitized by Google

хавшею презрѣніе къ словамъ старухи, уставилъ взглядъ на свой правый указательный перстъ, украшенный толстымъ кольцомъ, съ квадратнымъ сердоликомъ, на которомъ была вырѣзана собачка, бѣгущая во всѣ лопатки и держащая во рту запечатанный пакетъ, а кругомъ красовалась надпись: „Совѣсть мнѣ законъ, а Богъ моя надежда“.

— Да, да, хоть смотрите, хоть не смотрите, продолжала Зельда: — а я за свой мѣдный, неуклюжій подсвѣчникъ двадцати цацекъ такихъ не возьму... что я говорю двадцати? ста не возьму! Мы люди простые, бѣдные: для насъ дорога память о родителяхъ. Вашему брату все пустяки: что вамъ отецъ, мать? что вамъ даже жена и дѣти, которыя, можетъ быть, гдѣ-нибудь изнываютъ отъ тоски и нужды?

Послѣдняя фраза старухи заключала въ себѣ именно тотъ вопросъ, котораго всячески избѣгалъ Давидъ Захарьичъ, не любившій, чтобъ ему напоминали о женѣ и дѣтяхъ, по причинѣ сильнаго желанія разыгрывать роль юнаго вѣтренника.

— Жена, дѣти, изнываютъ... отъ нужды... Кто вамъ сказалъ? кто вамъ сказалъ эти:.. эти нелѣпости? въ смущеніи бормоталъ онъ, схвативъ шапку и быстро вышедъ изъ комнаты, оглядываясь не бѣжитъ ли за нимъ Зельда съ своими неумѣстными напоминаніями.

Присутствующіе громкимъ смѣхомъ проводили разбитаго Давида Захарьича, въ чемъ особенно отличался

Digitized by Google

лѣсникъ, не могшій простить ему штуки съ четырьмя узлами, и который, какъ всѣ трусы, воспламенялся неотразимою храбростью, какъ только предметъ его боязни или уваженія не стоялъ у него передъ глазами.

При видѣ веселости своихъ постояльцевъ, Зельда сама тоже разсмѣялась. Врожденная доброта сердца не допускала ее долго досадовать. Она ушла на кухню, такъ какъ пора уже была заняться приготовленіями на завтрашній день, а особенно на завтрашній вечеръ, въ который положено было писать „тноимъ“ * и праздновать сговоръ дѣтей. Возясь съ кочергами, да съ котелками, да съ *покрышками*, да съ „фарфелями“ и „цимесомъ“ **, она не могла разстаться съ мыслью, что слишкомъ сильно уязвила Давида Захарьича, который все же былъ добрый человѣкъ, хоть и вѣтрогонъ большой. Она придумывала средства какъ бы загладить свою вину передъ нимъ и безпрестанно прибѣгала за совѣтами къ Арону, который тоже былъ очень занятъ разливкой въ бутулки полуведра краснаго Бессарабскаго вина, — этой неслыханной роскоши, которую онъ никогда въ жизни не испытывалъ, и которую рѣшился только испытать съ своими гостями на сговорѣ своего дорогого Сендера. Аронъ Малкинъ тоже никакъ не могъ такъ легко найти средство, чтобы уладить эту важную статью

---

* Брачное условіе.

** Верминель; компотъ.

Digitized by Google

и, поворчавъ на жену за ея неосторожный языкъ, предложилъ привлечь къ общему совѣту Машу, которая тутъ же, покончивъ съ самоваромъ, съ важностью пузатаго богача, уже пыхтѣвшимъ въ углу, съ особенною любовью и прилежаніемъ терла ребра наслѣдственному подсвѣчнику. Долго судили и рядили. Уже бутылки, разнаго возраста и фасона, съ краснымъ Бессарабскимъ были закупорены и готовились отправиться въ чуланъ, впредь до вызова на бѣлый свѣтъ; уже заслонка въ печи была замазана, кухня подметана и прибрана; уже руки и лицо Зельды были тщательно вымыты, и вокругъ ея шеи трещалъ и скрипѣлъ накрахмаленный огромный воротникъ бѣлой рубахи, подкрашенный синькой до послѣдней возможности; уже Маша, какъ-будто какимъ волшебствомъ, превратилась въ сіяющее свѣтлое существо, а съ бѣлыхъ локтей ея словно толченый сахаръ сыпался, и на полныхъ ея щекахъ словно жаръ пылалъ. Уже смеркалось, и на накрытомъ бѣлою скатертью столѣ стоялъ трехвѣтвистый подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣчами — въ ожиданіи *субботняго благословенія* старухи,—когда, наконецъ, семейный совѣтъ, напавъ на счастливую мысль, рѣшилъ трудную задачу примиренія съ Давидомъ Захарьичемъ. А рѣшеніе заключалось вотъ въ чемъ. Давидъ Захарьичъ большой мастеръ писать на разные лады и любитъ показывать, что онъ на все гораздъ. Улучивъ удобную минуту, Зельда, какъ ни въ чемъ не бывало, сегодня вечеромъ

Digitized by Google

вѣжливо выразить ему свою надежду, что на предстоящемъ завтрешнемъ сговорѣ „тноимъ“ будетъ писать онъ, Давидъ Захарьичъ, такъ какъ форма этого акта не можетъ не быть вполнѣ извѣстна ему, человѣку столь опытному, бывалому и многознающему. Любя во все мѣшаться и вездѣ первенствовать, Давидъ Захарьичъ почувствуетъ всю честь, сдѣланную ему этимъ предложеніемъ и совершено забудетъ про свою размолвку со старухой, тѣмъ болѣе, что и безъ того онъ человѣкъ вовсе не злопамятный и что съ него, по собственному его выраженію, сходитъ все, какъ съ гуся вода.

— Ну, слава Богу, уладили! сказала Зельда, поправляя свои нарукавники и подходя къ свѣчамъ.— Теперь пора.

Она остановилась передъ своимъ драгоцѣннымъ подсвѣчникомъ и самодовольно улыбнулась. „Экка балагуръ какой, этотъ Давидъ Захарьичъ, подумала она: на толчокъ мой подсвѣчникъ просится... Да онъ блеститъ, просто золотой... Ну, и то правда—одна только Маша знаетъ какъ придавать ему такой блескъ.“

Старуха бросила взглядъ полный невыразимой любви на Машу, которая, съ сложенными на груди руками, стояла на другомъ концѣ стола и задумчиво глядѣла на этотъ семейный клейнодъ съ горящими свѣчами. Съ самаго вступленія своего въ домъ матроса, Маша не пропускала ни одной пятницы, чтобы въ этомъ положеніи не присутствовать при набожной молитвѣ Зельды.

Digitized by Google

Старуха закрыла глаза руками и тихо шевелила губами. Она молилась долго, дольше обыкновеннаго. Она молилась о счастьѣ своихъ дѣтей, которыхъ судьба рѣшилась въ эту недѣлю, и должна была скрѣпиться брачнымъ договоромъ наканунѣ будущей.

IV.

Весело кипѣлъ въ субботу вечеромъ на кухнѣ самоваръ, возлѣ котораго суетились Зельда и Маша, приготовляя чай для гостей, собравшихся на другой половинѣ. Гости были всѣ наши знакомые: Бабисъ и Мамисъ, Давидъ Захарьичъ и лѣсникъ. Болѣе гостей приглашать на свой скромный праздникъ семейство матроса не сочло за нужное. Самъ Аронъ Малкинъ, желавшій въ этотъ вечеръ придать себѣ болѣе важности и не принимать слишкомъ большого участія въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, занялъ у кого-то длинный сѣрый сюртукъ съ огромными клапанами по бокамъ, и замѣнилъ имъ свою матросскую куртку. Въ этомъ почтенномъ костюмѣ онъ, по мнѣнію своему, имѣлъ нѣкоторое право считать себя на равной ногѣ съ своими гостями. Гости расположились вокругъ небольшого стола, на которомъ находились всѣ письменныя принадлежности, ждавшія своей очереди. Сендеръ бѣгалъ безпрестанно то на кухню, то назадъ, чтобъ замѣнить, какъ онъ говорилъ, отца и пособлять въ разныхъ хлопотахъ матери и Машѣ; но въ сущности онъ не пособлялъ ни той, ни другой,

Digitized by Google

а только мѣшалъ, потому-что или хватался не кстати за черный передникъ Маши, или не вопадъ бралъ ее за руку, или поправлялъ ей косынку на шеѣ, Богъ знаетъ съ какою цѣлью. Старуха вполовину ворчала, вполовину смѣялась, видя какъ ея сынъ вертится и юлитъ и лѣзетъ прямо подъ носъ къ дѣвушкѣ.

— А что, сынокъ, ты бы тамъ съ гостьми да съ отцомъ побывалъ, сказала Зельда: — право, тебѣ здѣсь никакого дѣла нѣтъ.

— Да какъ же, матушка, надо же помочь тебѣ и.... Машѣ, отвѣчалъ Сендеръ.

— Ну, ужъ Маша не знаю какъ, а я и безъ тебя справлюсь, возразила Зельда.

— Ага, *файнеръ-бохеръ!* * подхватила Маша, ставъ прямо противъ молодаго матроса: — говорила я тебѣ, чтобъ отчаливалъ, а ты, взбалмошный, не слушаешься тѣхъ, кто умнѣе тебя.

При этомъ она такъ плутовски улыбнулась, открывъ свои бѣлые зубы, и такъ кокетливо постукивала кулакомъ одной руки по открытой ладони другой, что у Сендера глаза забѣгали.

— Да какъ же, матушка, посмотри сама, жалобнымъ голосомъ произнесъ онъ, указывая пальцемъ на Машу;—ну, посмотри сама... ей Богу!.. да какъ же можно.... мнѣ уйдти.....

---

* Добрый молодецъ.

Digitized by Google

— Ну, такъ вытолкаемъ въ шею, отвѣчали обѣ женщины разомъ.

Заливаясь веселымъ смѣхомъ, онѣ безъ отлагательства, принялись исполнять свою угрозу и выпроводили неугомоннаго жениха, который, изъ почтенія къ матери, оказывалъ самое слабое сопротивленіе, и то единственно изъ желанія продлить пріятное ощущеніе на своемъ затылкѣ, происходившее отъ прикосновенія теплой и мягкой ручки Маши.

Маша стала разносить гостямъ чай, который заслужилъ всеобщее одобрѣніе. Онъ былъ купленъ самимъ старикомъ Бабисомъ у знакомаго купца, въ количествѣ цѣлаго фунта, и отданъ въ полное распоряженіе хозяйки. Всѣ постояльцы какъ-будто сговорились принести отъ себя что-нибудь къ семейному празднику матроса. Давидъ Захарьичъ доставилъ цѣлую салфетку сдобныхъ булочекъ, сухарей и разныхъ разностей, взятыхъ чуть ли не въ долгъ у сосѣдняго кондитора, у котораго пользовался значительнымъ кредитомъ. Мамисъ позаботился о подливкѣ къ чаю и принесъ съ собой изъ конторы штофъ рома, который онъ истребовалъ въ счетъ своей порціи будущаго мѣсяца, рискуя заслужить нерасположеніе квартальнаго Гаврыла Хведоровича. Даже мохнатый Кременчугскій лѣсникъ представилъ отъ лица своего блестящую жестяную коробочку съ сардинками, давъ себѣ, впрочемъ, напередъ слово истребить самому

Digitized by Google

покрайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ, если ужъ никакъ нельзя будетъ истребить болѣе.

— Ну-съ, господа, пора, думаю, начать писать „тноимъ“, сказалъ Давидъ Захарьичъ, прихлебывая изъ стакана и придвинувшись ближе къ столу.

Чувствуя всю важность взятой имъ на себя обязанности, которою Зельда такъ ловко польстила его самолюбію, Давидъ Захарьичъ отставилъ въ сторону свою недокуренную трубку и, взявъ въ одну руку перо, началъ другою потирать себѣ лобъ, какъ будто желая оттуда выдавить наружу тѣ освященныя древностью формулы и выраженія, которыя составляютъ одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей брачнаго условія.

— Да, пора, пора, отвѣчалъ Аронъ Малкинъ, въ полной увѣренности, что если онъ не дастъ своего согласія, то мятежный Давидъ Захарьичъ обойдется и безъ него.

— Пора, глухо повторилъ лѣсникъ, полагая, и очень основательно, что чѣмъ скорѣе кончится процесъ писанія и чтенія, тѣмъ скорѣе будетъ поданъ пуншъ съ ромомъ. Причемъ лѣсникъ долгомъ счелъ плюнуть прямо на сѣрый сюртукъ Малкина. Матросъ готовъ былъ разразиться страшнымъ гнѣвомъ, но Сендеръ бросилъ на него умоляющій взглядъ и сдѣлалъ выразительный жестъ рукой, который очень ясно говорилъ „на подобную дубину сердиться нечего“.

Между тѣмъ Давидъ Захарьичъ принялся писать.

Digitized by Google

Сначала онъ писалъ очень медленно, потому что вступленіе къ акту, составляющее родъ эпиграфа съ рисками, по принятому обычаю, должно быть писано печатнымъ шрифтомъ еврейской азбуки. Вышедъ побѣдителемъ изъ этой трудности, Давидъ Захарьичъ вздохнулъ самодовольно, бросилъ значительный взглядъ на сидѣвшихъ вокругъ стола, попробовалъ на ногтѣ перо и началъ бойко и безъ черновой писать скорописью дальнѣйшее содержаніе акта, не забывая вывести гдѣ слѣдуетъ самые замысловатые крючки и закавычки. Такъ какъ частныя кондиціи договора уже были ему извѣстны изъ предварительныхъ переговоровъ съ Аронэмъ и Зельдой, и какъ кондиціи эти не отличались многосложностью, то, въ изложеніи ихъ, Давиду Захарьичу, порядочно владѣвшему древнимъ языкомъ евреевъ, не предстояло никакой трудности. Главное заключалось въ форменныхъ выраженіяхъ, гдѣ не слѣдовало дѣлать ни малѣйшаго упущенія, чтобъ не повредить своей репутаціи—и тутъ-то Давидъ Захарьичъ оправдалъ данное ему порученіе. Заключительную строку акта онъ опять сталъ выводить печатнымъ шрифтомъ, и квадратныя буквы выливались изъ подъ смѣлаго пера его стройно, отчетливо, прямо, какъ изъ подъ типографскаго станка, — такъ ободрительно дѣйствовало на него сознаніе собственныхъ силъ. Присутствующіе, во все время писанья, переговаривались чуть-слышнымъ шопотомъ, чтобъ не помѣшать пишущему; а Сендеръ, стоя на противоположной сторонѣ

Digitized by Google

стола и заложивъ руки за спину, старался, какъ ему казалось, прочитать эти блестящія квадратныя буквы, стоявшія передъ нимъ ногами вверхъ, хотя, по справедливости, онъ думалъ совсѣмъ о другомъ — о блестящихъ глазахъ Маши, и о томъ, какъ пріятно ему будетъ поцаловать ихъ въ этотъ же вечеръ, непремѣнно, во что бы то ни стало.

— Кончено! произнесъ Давидъ Захарьичъ. — Теперь — прочитаемъ.

Всѣ стали вокругъ стола послушать чтеніе „тиснимъ". Явилась Зельда съ большимъ порожнимъ горшкомъ, который она бережно держала позади себя. Возлѣ нея стояла Маша, держа руки въ карманахъ своего передника и нахмуривъ брови. Давидъ Захарьичъ, сперва кашлянувъ, началъ громко и протяжно читать актъ, котораго содержаніе мы, на сколько можемъ, постараемся въ переводѣ передать нашимъ читателямъ.

„Въ часъ добрый! да умножится счастье въ тысячу и въ десять тысячъ разъ, и да исполнится то, что говорится на Западѣ: „кто жену обрѣлъ, тотъ обрѣлъ благополучіе!"

„Тотъ, Кому извѣстно будущее, да ниспошлетъ добрую славу и прочность сему брачному договору, состоявшемуся между двумя сторонами, а именно: между г. Арономъ Малкинымъ, договаривающимся за сына своего Александра, и дѣвицей Марьямъ Меировой, договаривающейся за самое себя.

Digitized by Google

„Женихъ Александръ обязанъ сочетаться бракомъ съ невѣстой Марьямъ, по обряду Моисееву; они не должны оставлять другъ друга и ничего не скрывать другъ отъ друга, а обязаны жить въ любви, мирѣ и взаимномъ уваженіи, по всесвѣтному обычаю.

„Женихъ обязывается принесть съ собою все состояніе, какое имѣетъ,—да умножится оно въ тысячу разъ! а отецъ его обязывается содержать при себѣ и на своемъ столѣ молодую чету, до тѣхъ поръ, пока они сами пожелаютъ.

„Свадьба должна совершиться отъ сего числа черезъ четыре недѣли; издержки свадьбы и расходы на духовенство—на счетъ жениха. Штрафъ за нарушеніе сего договора со стороны жениха въ пользу невѣсты сто рублей; со стороны же невѣсты, буде она откажется отъ вступленія въ бракъ, никакого штрафа не полагается.

„Все сіе совершено въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, вечеромъ святой субботы, такого-то числа и года отъ сотворенія міра, въ городѣ N.

— *Мазалъ-товъ!* (въ добрый часъ) громко произнесла Зельда, когда чтеніе кончилось, и съ силой бросила на полъ горшокъ, который разсыпался въ дребезги.

— *Мазалъ-товъ! мазалъ-товъ!* раздалось со всѣхъ сторонъ; но всѣ прочіе голоса покрывались голо-

Digitized by Google

сомъ Давида Захарьича. Онъ пришелъ въ такой азартъ, считая себя передовымъ лицомъ этого вечера, что схватилъ порожній стаканъ съ блюдечкой и хотѣлъ швырнуть о-земь; но Мамисъ удержалъ его за руку.

— Пожалуйста не дурачтесь, Довидъ Захарьичъ, сказалъ Мамисъ:—зачѣмъ бить посуду бѣдныхъ людей? для исполненія обычая достаточно одного горшка.

— Ну, пусть будетъ по вашему, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, и весело попрыгивая, пошелъ обниматься со старухой, съ Машей, съ женихомъ и со всѣми присутствующими.

— Ну-съ, теперь нужно подписаться свидѣтелямъ, сказалъ Давидъ Захарьичъ.—А ты, *матушка, дѣвица красная,* (эти слова были сказаны по-русски) принеси намъ горячій пуншъ: будемъ кутить на пропалую.

Бабисъ подписался свидѣтелемъ подъ „тноимъ", а за нимъ лѣсникъ, который, щедро обмакнувъ перо въ чернила, чуть-чуть не оставилъ было на актѣ неизгладимаго слѣда своей медвѣжьей неловкости, въ видѣ огромнаго чернаго пятна. Къ счастью, Давидъ Захарьичъ во время успѣлъ прикрыть бумагу обѣими руками, и чернильное пятно очутилось на его четыреугольномъ сердоликѣ, что заставило всѣхъ расхохотаться.

— Нѣтъ, и въ свидѣтели даже вы не годитесь, шишка вы несчастная! вскричалъ Давидъ Захарьичъ.— Какому болоту обязаны вы своимъ рожденіемъ, *недоб-*

Digitized by Google

рэбэ васъ знаетъ!... Подпишитесь вы, Мамисъ, а то этотъ „шлимазелъ“ * весь актъ перепортитъ.

Мущины усѣлись и принялись за принесенный пуншъ; старуха между тѣмъ подметала валявшіеся на полу черепки отъ разбитаго горшка.

— Странный это обычай бить посуду на сговорахъ, сказалъ Мамисъ, прихлебывая изъ своего стакана.

— Обычай — второй законъ, началъ было лѣсникъ, но, встрѣтивъ презрительный взглядъ Давида Захарьича, хлебнулъ изъ стакана такъ неумѣренно, что слезы заблистали въ его рысьихъ глазкахъ.

— Во время обряда вѣнчанья подъ балдахиномъ, женихъ долженъ раздавить ногой рюмку, или какую-нибудь другую хрупкую посуду, сказалъ Бабисъ. — И разбитіе посуды на сговорѣ, и раздавленіе рюмки при вѣнчаньи, имѣетъ одно происхожденіе. Одни говорятъ, что обычай этотъ произошелъ оттого, что евреи, жившіе еще близко къ эпохѣ разрушенія Ерусалима, считали долгомъ, при каждой радости, чѣмъ-нибудь напомнить себѣ эту печальную катастрофу, и для того избрали разбитіе цѣлаго сосуда на куски, какъ эмблему своего уничиженнаго положенія и утраты самостоятельности. По мнѣнію другихъ, разбитіе посуды есть просто напоминаніе, что на свѣтѣ все непрочно, что и радость, и счастье человѣка, и самъ человѣкъ — не болѣе какъ

* Неудачникъ.

Digitized by Google

временные гости на землѣ. Во всякомъ случаѣ смыслъ этого обычая глубокъ и поучителенъ. Человѣкъ не слишкомъ долженъ забываться въ радости.

— Господи, Боже мой! со вздохомъ произнесъ Мамисъ: — какъ будто для мыслящей головы необходимы такія вещи! О непрочности человѣческихъ радостей говоритъ намъ все: и великолѣпные похороны съ музыкой, и оборванный нищій на улицѣ, и веселая дробь военнаго барабана, и мутный взглядъ безпросыпнаго гуляки, и аукціонный молотокъ, и морщины на лицѣ отжившей свой вѣкъ красавицы, заходящее солнце послѣ свѣтлаго лѣтняго дня, и опустѣлая избушка крестьянина, котораго господинъ счелъ полезнымъ переселить въ другое мѣсто. Сколько способовъ напоминанья! и не перечтешь.

— Разбитый горшокъ далеко не такъ краснорѣчивъ, какъ предметы, исчисленные моимъ почтеннымъ молодымъ другомъ—съ важностью замѣтилъ Давидъ Захарьичъ, пустивъ густую струю дыма изъ своего чубука прямо въ глаза лѣснику.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, сказалъ старикъ.—Оттого-то я и придерживаюсь перваго толкованія этого обычая, т. е., что онъ долженъ напоминать наше незавидное положеніе.

Мамисъ нѣсколько разъ покачалъ печально головой.

— Какъ будто, и безъ того, каждый нашъ шагъ, каждое движеніе, не напоминаетъ намъ этого. Какъ

Digitized by Google

будто есть пространство хоть въ пятьсотъ верстъ, положимъ, гдѣ бы *мы* могли двигаться свободно! Непремѣнно найдется либо городъ, либо мѣстечко, либо цѣлый рядъ селъ и деревень, либо черта, либо улица, откуда насъ выгоняютъ. Повернитесь на право — преграда, на лѣво — помѣха; тамъ — вамъ дома купить нельзя, тутъ—вы воздухъ заразите своимъ дыханіемъ... И какое моральное униженіе, какой упадокъ духа влечетъ все это за собой... Грустно!

— Да, сказалъ старикъ:—объ этомъ-то и говоритъ разбитый горшокъ.

— Нѣтъ, прервалъ молодой человѣкъ съ живостью:— все это говоритъ громко само за себя. Возьмите, напримѣръ, хоть меня... Нужны ли мнѣ еще горшки, когда есть такое ревностное лицо какъ Гаврило Хведоровичъ. Какъ бы я ни забылся, какъ бы далеки ни были мои мысли отъ печальнаго настроенія, какъ бы ни свѣжо было еще обоюдное пожатіе рукъ при уплатѣ установленной подати, всегда и вездѣ Гаврыло Хведоровичъ не упуститъ случая напомнить мнѣ, что я завишу отъ его милости. Разница бываетъ только въ способѣ напоминанія, смотря потому пьянъ ли Гаврыло Хведоровичъ, или трезвъ. Въ первомъ случаѣ онъ нѣсколько мягокъ, даже обниметъ и ласково скажетъ свою обыкновенную фразу: „*Хай тоби бисъ! ты мини якъ грихъ на души лежишъ*“; а во второмъ, онъ дерзокъ и грубъ, не кивнетъ даже головой при встрѣчѣ,

Digitized by Google

только проворчитъ что-то такъ свирѣпо, что безъ оглядки бросаешься отъ него, боясь, что вотъ нагонитъ онъ тебя, свяжетъ руки назадъ и представитъ *куда* слѣдуетъ, для отправки по-этапу *какъ* слѣдуетъ, на поступленіе по законамъ *гдѣ* слѣдуетъ.

Мамисъ хлѣбнулъ изъ свѣжаго стакана, поставленнаго передъ нимъ Машей; прочіе гости, молча, послѣдовали его примѣру.

— И гдѣ ихъ нѣтъ, этихъ Гаврылъ Хведоровичей! началъ опять молодой человѣкъ, который, казалось, радъ былъ случаю облегчить себѣ сердце во что бы ни стало. — Въ иныхъ мѣстахъ они какъ будто рождены на свѣтъ только для насъ, и мы имъ какъ будто отданы въ аренду. Кто изъ *насъ* не имѣлъ своего Гаврыла Хведоровича, скажите мнѣ на милость?

— Ужъ что до этого, прервалъ Давидъ Захарьичъ: — то я въ моихъ странствованіяхъ внутри Россіи имѣлъ ихъ пропасть. Цѣлую книгу можно бы написать, да скучна она была бы, потому что все повторенія одного и того же. Разскажу вамъ для образца только мое краткое пребываніе въ Москвѣ... Ѣздилъ изъ васъ кто-нибудь въ Москву, господа?

— Я былъ по *губернаторскому паспорту* по дѣлу въ Серпуховѣ, девяносто верстъ отъ Москвы, отвѣчалъ Мамисъ: — и какъ ни желалъ я видѣть Москву, эту замѣчательную столицу моего отечества, про

Digitized by Google

которую такъ много слышалъ, но не рѣшился туда поѣхать, опасаясь Жидовскаго Подворья.

— А меня нелегкая носила туда, и буду я долго помнить мое пребываніе въ Москвѣ, сказалъ Давидъ Захарьичъ. — Вотъ, начну вамъ съ самаго начала. Вызывался я, видите, въ департаментъ къ рукоприкладству по тяжебному дѣлу. Прежде всего пошла возня съ паспортомъ. Подалъ я прошеніе губернатору нашей губерніи о выдачѣ мнѣ паспорта на проѣздъ въ Москву, — прошеніе возвратили съ надписью по неозначенію причины моей поѣздки; подалъ я другое съ означеніемъ, — опять возвратили съ надписью по непредставленію доказательства въ справедливости моей причины.... Чего вы расхохотались, *шлимазель?* строго спросилъ Давидъ Захарьичъ лѣсника, который, развеселившись отъ двухъ стакановъ пунша и отъ перспективы третьяго, трясся всѣмъ тѣломъ отъ смѣха и держался за бока.

— Смѣшно, ей Богу, ужасно смѣшно, отвѣчалъ лѣсникъ: — два раза возвратили прошеніе.... какъ тутъ не смѣяться, ха, ха, ха! вамъ, такому дѣльцу... ха, ха, ха! ой, не выдержу.

— Пожалуй, можете лопнуть, коли не выдержите, сухо возразилъ Давидъ Захарьичъ. — Пойдите съ нимъ... нашелъ чему смѣяться!

Онъ пожалъ плечами и сталъ набивать свѣжую трубку.

Digitized by Google

— Ну-съ, началъ онъ опять: — подалъ я третье прошеніе, и представилъ при немъ публикацію изъ Сенатскихъ Вѣдомостей о вызовѣ вашего покорнаго слуги. Возвращать третье прошеніе ужъ никакъ нельзя было, и мнѣ выдали паспортъ, срокомъ на шесть недѣль, съ прописаніемъ, что такой-то *отпущенъ въ Москву* и прочая, словно я содержался прежде на привязи. Хорошо-съ... пріѣзжаю въ Москву. Только что завидѣли на заставѣ въ моемъ паспортѣ опасное слово „еврей“, какъ начались разныя церемоніи. Посадили мнѣ на козлы казака, которому вручили мой паспортъ въ руки. Проѣхалъ я, значитъ, полгорода съ конвоемъ, какъ будто я совершилъ какое преступленіе. Привезли меня на Жидовское Подворье, гдѣ уже есть, — они, по крайней мѣрѣ, въ мое время былъ — свой Гаврыло Хведоровичъ перваго сорта, только не хохолъ, а чистый русакъ... Ему былъ переданъ мой паспортъ; отъ него паспортъ мой поступилъ къ городовому; а къ городовому же поступилъ и я уже въ полное распоряженіе. Не давъ мнѣ ни умыться, ни отдохнуть съ дороги, городовой потащилъ меня въ часть, гдѣ я простоялъ на ногахъ битыхъ три часа, выслушалъ цѣлый коробъ грубостей отъ разныхъ чиновниковъ и облегчилъ свой кошелекъ нѣсколькими рублями, пока мнѣ написали отсрочку на мѣсяцъ. Замѣтьте, что двѣ недѣли уже прошли со дня выдачи мнѣ паспорта моимъ губернаторомъ.

Digitized by Google

— Какъ же вы не жаловались на эти притѣсненія? спросилъ Сендеръ, съ любопытствомъ слушавшій разсказъ Давида Захарьича.

— Молодъ ты, братецъ, и свѣжъ и немножко простоватъ, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, покачавъ нѣсколько разъ головой. — Кому я буду жаловаться? и на что? Все это происходило на законномъ основаніи, все это въ порядкѣ вещей. Не со мною однимъ такъ поступили: со всякимъ евреемъ такъ поступаютъ, будь онъ себѣ двадцать разъ первой гильдіи, или расперепотомственный почетный... Вотъ, съ отсрочкой, значитъ, я уже коренной житель Жидовскаго-Подворья на цѣлый мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поступаю въ кабалу къ Гаврылу Хведоровичу. Господи, чего только я тамъ не насмотрѣлся! Тамъ, знаете, бываетъ пропасть нашихъ, и изъ западныхъ губерній, и изъ Бѣлоруссіи, и изъ разныхъ другихъ мѣстъ, все купцы, или коммисіонеры, дѣлающіе огромные обороты съ Московскими фабрикантами. Ну, все это дрожитъ передъ взглядомъ тамошняго Гаврыла Хведоровича: онъ полновластный господинъ Жидовскаго-Подворья. Комнату онъ отведетъ не ту, что ты хочешь, а ту, что онъ хочетъ; цѣну онъ возметъ не по таксѣ, которую никто въ глаза не видитъ, а какъ ему заблагоразсудится и, разумѣется, непремѣнно въ три-дорога. И что за комнаты! грязь, копоть, нечистота въ каждомъ уголку. Къ чему, дескать, жидамъ лучшее помѣщеніе?.. Всѣ

Digitized by Google

предметы на упаковку товаровъ, какъ напримѣръ: бумагу, бичевку, лубки, сургучь, клей, рогожи, холстъ, пеньку и тому подобное, вы нигдѣ не смѣете покупать, кромѣ какъ въ Подворьѣ же; и все это въ половину хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но за то въ четыре раза дороже. Ночью не смѣйте отлучиться изъ Подворья ни на шагъ, иначе вы рискуете ночевать на дворѣ: калитки вамъ не отопрутъ, если вы не пользуетесь особымъ покровительствомъ Гаврыла Хведоровича, а никто другой васъ въ домъ не пуститъ, хоть бы вы тамъ окоченѣли на морозѣ: всѣмъ жителямъ запрещено отъ полиціи *передержательство* еврея, подъ строгою отвѣтственностью *.

— Удивительно, что за *жидобоязнь*, съ горькой улыбкой замѣтилъ Мамисъ.

— А оброкъ Гаврылу Хведоровичу ежемѣсячно таки плати: эта статья сама по себѣ, продолжалъ Давидъ Захарьичъ. — Кто платитъ пять рублей, кто больше, кто меньше, смотря по средствамъ, лишь бы задобрить коменданта этой грозной крѣпости, въ которой люди содержатся подъ замкомъ, какъ запорскіе звѣри въ звѣринцахъ, съ той только разницей, что съ звѣрей за это денегъ не берутъ... А кончилась кому-нибудь отсрочка,—батюшки мои! что за содомъ, что за *гармидеръ* подымется въ Подворьѣ, какъ будто вся Москва въ пламени! Гаврыло Хведоровичъ ругается, толкаетъ, полицейскіе толкаютъ, дворникъ толкаетъ. „Убирайся,

Digitized by Google

укладывайся, вонъ!“ Хоть бы ты въ ту пору укладывалъ самые дорогіе товары на извощиковъ; хоть бы ты былъ какъ-разъ въ серединѣ разсчета съ фабрикантомъ, или оканчивалъ нужное письмо,—нужды нѣтъ, кончить не дадутъ,—одно слово: „вонъ и вонъ“. Разумѣется, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ: при извѣстныхъ условіяхъ смягчается и Гаврыло Хведоровичъ, и полицейскіе, и даютъ льготу на нѣсколько часовъ, или даже на цѣлый день; но сколько тутъ портится крови, провалъ побери совсѣмъ!

— Противно слушать, прервалъ Бабисъ!

— Изъ рукъ вонъ противно, продолжалъ Давидъ Захарьичъ: — а переносить все это еще противнѣй.... Вотъ, господа, тогда-то случилась со мной прескверная исторія... ночевалъ на съѣзжей, какъ честный человѣкъ говорю вамъ!

Лѣсникъ опять расхохотался, но на этотъ разъ всѣ слушатели послѣдовали его примѣру.

— Какъ? вы на съѣзжей? это любопытно! сказалъ Бабисъ.

— Куда какъ любопытно! отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, стараясь принужденнымъ смѣхомъ смягчить непріятное воспоминаніе. — Захотѣлось мнѣ побывать въ театрѣ, видите-ли. Какъ можно быть въ Москвѣ и не видѣть Мочалова? Давали Гамлета. Знаете вы Гамлета, бабушка?

— Видѣлъ когда-то въ Одессѣ, отвѣчалъ Бабисъ.

Digitized by Google

— А вы, матушка?

— И я тоже, отвѣчалъ Мамисъ.

— И я видѣлъ здѣсь, гардемарины играли, подхватилъ Сендеръ.—Онъ еще какъ-то по-батюшкѣ, Ѳомичъ или Сидорычъ...

— Нѣтъ, дружище, это не то, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ.—Ну, а васъ, бревно юродивое, спрашивать нечего: гдѣ вамъ въ болотѣ видѣть такія штуки? прибавилъ онъ, кивнувъ головой на лѣсника.

Лѣсникъ беззаботно сосалъ копѣечную сигару, придерживая рукой свой стаканъ, какъ будто боясь, чтобъ его у него не выхватили.

— Ну, вотъ, примѣромъ, какъ закричитъ Гамлетъ на мать: „Ты, дескать, еще башмаковъ не износила, какъ я вотъ уже шпагой этакъ и этакъ!“ продолжалъ Давидъ Захарьичъ, прыгнувъ на середину комнаты и размахивая руками въ подражаніе Гамлету. — Или: „Ступай въ монастырь, Офелія, къ монахамъ, къ монахамъ въ монастырь ступай!“

Мамисъ залился смѣхомъ.

— Да вы заврались, Давидъ Захарьичъ, сказалъ онъ:—этого тамъ нѣту.

— Какъ нѣту! много вы знаете! вскричалъ Давидъ Захарьичъ,—Есть, клянусь честью, есть?... „въ монастырь, къ монахайъ...“ А Офелія, Боже мой, что за душка! только щиплетъ себѣ цвѣточки да поетъ: „Мо-о-его-оо вы зна-а-лиль дру-у-у-га...“

Digitized by Google

И онъ съ большимъ усердіемъ принялся пѣть пѣснь Офеліи, подмигивая Машѣ своимъ косымъ глазомъ, и постукивая каблуками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ голосъ измѣнялъ ему.

— Да чтожъ ваша съѣзжая-то? спросилъ Бабисъ, улыбаясь.—Вы какъ-то съ пути свихнули.

— *Да, а-пропо-съ, виноватъ-съ*, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ по-русски.—Принеси-ка мнѣ, матушка, свѣженькій стаканчикъ: что-то въ горлѣ сухо... Ну, вотъ засидѣлся я въ театрѣ, продолжалъ онъ:—и забылъ про все на свѣтѣ, такое, по правдѣ сказать, невыразимое удовольствіе чувствовалъ. Кончилась пьеса... Меня жалость брала за бѣдную Офелію, ну и Гамлета самого тоже жаль было... На часы посмотрѣть и не подумалъ; пошелъ себѣ, знаете, въ трактиръ перехватить чего-нибудь соленькаго; оттуда домой. Звоню въ колокольчикъ... дворникъ спрашиваетъ: кто тамъ? Я и отвѣчаю: свои, молъ, отвори, любезный. Куда? и слышать не хочетъ,—не указный часъ, полночь. Я прошу, умоляю, сулю цѣлковый, потомъ два, потомъ три,—ни за что... одно слово: надзиратель приказалъ не отворять. А меня-таки этотъ Гаврыло Хведоровичъ съ перваго начала не возлюбилъ: больно я ему дерзкимъ казался, не изгибался передъ нимъ въ три погибели какъ другіе жильцы Подворья, шапки не ломалъ за двѣсти шаговъ, и перекривлять онъ меня не могъ: другихъ онъ все перекривлялъ — *червонцики, процен-*

Digitized by Google

тики, зидовскіе купцики, а я какъ-разъ сдачи далъ и показалъ ему, что чище его говорю по-русски. Такъ онъ мнѣ и удружилъ, разбойникъ!.. Стою я, братцы мои, стою у воротъ и поплясываю,—морозъ трескучій. Идти куда? знаю никто въ домъ не пуститъ... просто, хоть плачь! Вдругъ обходъ. „Что за человѣкъ?“ Такъ и такъ, говорю, въ театрѣ былъ, а теперь вотъ дворникъ не пускаетъ, квартирую, дескать, тутъ въ Подворьѣ“. А, въ Подворьѣ, отвѣчаетъ квартальный: значитъ еврей... не шляйся, мерзавецъ, по ночамъ... видишь персона, и ему въ театръ надо! веди его въ часть“. Повели меня горемычнаго въ часть и на дорогѣ раза два пинками попотчивали: „не отставай, молъ, ишь ты, шмыгнуть хочетъ“. Куда шмыгнуть, дурачье этакое? Ну, извѣстно, полицейскіе солдаты: они рады угостить всякаго, кто попадется въ руки. Усадили меня съ разными бродягами, да пьяницами, да ночными пташками. Всю ночь глазъ не смыкалъ; досада, стыдъ, чортъ побери! Первый разъ въ жизни печаль одолѣла... Думалъ, по крайней мѣрѣ, что утромъ заразъ и выпустятъ,—куда? Приставъ, изволите видѣть, еще почиваетъ; потомъ всѣхъ, задержанныхъ ночью, допросилъ, кромѣ меня, и съ рапортомъ отправился; потомъ завтракать принялся; потомъ се, потомъ то, а я все въ арестантской зѣваю да со стыда боюсь головы поднять. Спасибо, одинъ человѣкъ надоумилъ. Нечего дѣлать: пришлось прибѣгнуть къ кошельку... Насилу къ обѣду

Digitized by Google

отпустили. Каково, а? Великое преступленіе сдѣлалъ, Москву опасности подвергнулъ, что вздумалъ Гамлета посмотрѣть! Нѣтъ, думаю себѣ, плоха штука?.. Кончилъ я скоро свое рукоприкладство и давай *драла* изъ Москвы безъ оглядки, даже не успѣлъ порядкомъ городъ осмотрѣть. Такимъ-то образомъ, господа, познакомился я съ Москвой бѣлокаменной.

— Это самое происходитъ въ Кіевѣ, сказалъ Мамисъ:—только, разумѣется съ разными мѣстными варіаціями. Такое же точно Жидовское-Подворье, только въ немъ роль Гаврылы Хведоровича играетъ какая-то титулярная совѣтница. За какія заслуги отданы ей въ аренду евреи, пріѣзжающіе въ Кіевъ,—ужъ этого я не берусь рѣшить. А пріѣзжаетъ ихъ не то что въ Москву. Тамъ пріѣзжаютъ только издалека, по торговымъ дѣламъ; а тутъ совсѣмъ другое дѣло: вся губернія населена евреями и населена болѣе чѣмъ густо, а въ самомъ губернскомъ городѣ имъ жительство не дозволено. Просто злость беретъ видѣть какъ полновластно распоряжается своими подданными эта титулярная совѣтница. Просишь ее: буду, молъ, вамъ платить за квартиру сколько угодно, только позвольте мнѣ стоять въ другомъ мѣстѣ: вѣдь вы ничего не теряете, а мнѣ тамъ удобнѣе, спокойнѣй, или ближе къ своему дѣлу. Ничего и слышать не хочетъ: „стой у меня, хоть тресни: именно оттого, что тебѣ тамъ удобнѣй и ближе, хочу я, чтобъ тебѣ было и неудобно и далеко“. Какое-то особенное удовольствіе

Digitized by Google

чувствуетъ она насмѣхаться надъ своими постояльцами и всячески унижать ихъ, и это удовольствіе она ставитъ гораздо выше чѣмъ всякую наживу. Просто подумаешь, что она отправляетъ ремесло Гаврыла Хведоровича не ради пользы денежной, а ради самаго ремесла, которое ей по душѣ. Идетъ она напримѣръ по улицѣ, встрѣтитъ еврея, — „а, стой! будочникъ, тащи его, онъ мошенникъ, въ моемъ спискѣ не числится, не у меня квартируетъ, значитъ тайкомъ гдѣ-то проживаетъ. Въ полицію его!“ Тутъ уже является на помощь и другой Гаврыло Хведоровичъ... и ужъ извѣстно какая расправа пошла. Насмотрѣлся я всякихъ диковинокъ во многихъ мѣстахъ; но признаюсь, ничто не производило на меня такого сокрушительнаго впечатлѣнія какъ этотъ сыщикъ въ юбкѣ, расхаживающій по городу и хватающій людей изъ одного удовольствія насладиться ихъ мученіями. Вотъ кто насъ въ грязь втаптываетъ!

Молодой человѣкъ печально улыбнулся и залпомъ выпилъ свой стаканъ.

— Эхъ, хоть бы на часокъ заглушить свои внутреннія страданія! вскричалъ онъ. — Невѣста, наливай-ка намъ свѣжіе стаканы... Ну, а вы, лѣсникъ, имѣли когда-нибудь своего Гаврыла Хведоровича?

— Вотъ кого вздумали спрашивать! сказалъ Давидъ Захарьичъ: — разъѣ такое бревно обращаетъ на что-нибудь вниманіе!

Лѣсникъ уже былъ крѣпко па-веселѣ. Щоки его

Digitized by Google

раскраснѣлись и еще пуще раздулись, такъ что глазъ его почти вовсе не видать было. Онъ покачивался на стулѣ и обѣими руками гладилъ себѣ колѣна.

— Га! вы меня спрашиваете, *маменька?* глухо произнесъ онъ.

— Васъ же, васъ, отвѣчалъ Мамисъ.

— А что вы спрашиваете?

— Спрашиваю: имѣли ли вы когда нибудь своего Гаврыла Хведоровича?

Лѣсникъ подумалъ немного и вдругъ покатился со смѣху. Всѣ гости, улыбаясь, смотрѣли на странныя тѣлодвиженія лѣсника, который хватался то за бока, то за грудь и хохоталъ во все горло.

— Ха, ха, ха! охъ, не выдержу! вскричалъ онъ— Какъ не имѣлъ?... имѣлъ, имѣлъ, ха, ха, ха!

— Чтожъ тутъ смѣшного? спросилъ Бабисъ.

— Какъ не смѣшно? очень смѣшно, ха, ха, ха! отвѣчалъ лѣсникъ.—Связали меня какъ барана... просто, какъ барана.

— Какимъ манеромъ? спросилъ опять старикъ.

— Не манеромъ, а веревкой, отвѣчалъ лѣсникъ.— Скрутили... у-у какъ скрутили, и меня и моего кучера.

— Гдѣ-жъ это было? спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Гдѣ было? въ военномъ поселеніи было, отвѣчалъ лѣсникъ, протирая себѣ глаза, налившіеся слезами отъ хохоту.

Digitized by Google

— Разскажите же толкомъ, чурбанъ дубовый! вскричалъ Давидъ Захарьичъ.

— Разскажу, непремѣнно разскажу, только не кричите, Давидъ Захарьичъ, отвѣчалъ лѣсникъ. — Крѣпко не люблю когда вы кричите...

Онъ подумалъ около минуты и потомъ началъ умоляющимъ голосомъ:

— Не кричите только, а я разскажу... Господа! скажите ему, чтобъ онъ не кричалъ. За что онъ всегда кричитъ на меня и бранится? ну, за что? Я себѣ, бѣднята, смирный человѣкъ... Сирота я, сирота на свѣтѣ круглый... Отецъ и мать давно померли... жена тоже умретъ... самъ умру... дѣти умрутъ... Охъ, охъ, охъ!

И онъ вдругъ заплакалъ горькими слезами.

— Стыдитесь, право! воскликнулъ Бабисъ: — Ну, какую вы тутъ чепуху понесли? Вѣдь вы собирались разказывать, какъ васъ связали.

— Какъ связали?—связали крѣпко: безъ смѣху не могу просто вспомнить отвѣчалъ лѣсникъ, захохотавъ опять на всю комнату.

— Вотъ чудакъ! шепнулъ Сендеръ своему отцу: — какъ накричитъ на него Давидъ Захарьичъ, такъ разплачется какъ баба; а какъ вспомнитъ, что его вязали какъ барана, то расхохочется какъ помѣшанный.

— Какой, братецъ ты мой, „чудакъ“, отвѣчалъ Аронъ: — просто *халява*, тьфу! Отдалъ бы его нашему боцману; тотъ бы вымуштровалъ, небось.

Digitized by Google

— Ну, такъ слушайте-жъ, началъ лѣсникъ, насмѣявшись вдоволь;—вотъ какъ было дѣло. Ѣхалъ я сюда, сюда ѣхалъ... въ собственной моей бричкѣ... на рессорахъ... Знаете мою бричку?

— Чортъ васъ побери съ вашей бричкой! вскричалъ нетерпѣливый Давидъ Захарьичъ.

— Вотъ, вы опять... Перестаньте же, а то собьюсь, отвѣчалъ лѣсникъ. — На чемъ бишь я? Да, ѣхалъ... ѣхалъ, ѣхалъ всю дорогу благополучно. Въѣзжаю въ одно мѣсто военнаго поселенія... верстъ сорокъ отсюда... вдругъ—кракъ! ось пополамъ.

Онъ вытянулъ одну руку, положилъ на нее другую накрестъ и нѣсколько секундъ въ молчаніи смотрѣлъ на своихъ слушателей, какъ бы желалъ имъ дать время сообразить, какъ ось кракнула по поламъ.

— Скверно, *паскудно*, думаю себѣ, продолжалъ онъ.—Дотащился кое-какъ *съ лихомъ* къ мужику на дворъ... Жаркій былъ день, страшно жаркій... Я прилегъ на дворѣ подъ деревомъ и лежу, лежу себѣ: жду пока кузнецъ прійдетъ, чтобъ сторговаться. Вдругъ подходитъ офицеръ, — волостной, стало быть, начальникъ, съ хлыстомъ въ рукѣ. „Тебѣ, жидъ, чего здѣсь надобно?“—„Ничего, говорю: такъ, проѣздомъ“, и лежу себѣ. Онъ опять: „Да вѣдь вамъ, подлецамъ, въ военномъ поселеніи останавливаться нельзя... вонъ сію минуту изъ села!“—Ось, говорю, поломалась; только подварятъ—я заразъ уѣду.—„Нѣтъ, говоритъ, ты у меня

Digitized by Google

сію минуту уѣдешь. Эй, свяжите жидюгу!“ *Паскудно*, думаю себѣ: *биттеръ-галъ* (горько какъ желчь). Я началъ было просить... слышать не хочетъ: вяжи и вяжи! Связали меня, связали моего кучера; подвязали подъ бричку какой-то *дрючекъ* вмѣсто оси; бросили насъ въ бричку... на козлы сѣлъ мужикъ. „Ты ихъ черезъ межу, а тамъ развяжи и пусть ѣдутъ къ чорту въ зубы!“ крикнулъ начальникъ. Потащились мы шагомъ и тащились часа четыре добрыхъ. Перевезъ насъ мужикъ за черту поселенской земли, развязалъ и также отвязалъ дрючекъ, что вмѣсто оси подправили. „Теперь, говоритъ, господинъ купецъ, на водку дай.“ — *Слышишь, Лазарь, какъ дѣвка храпитъ?* говорю... А за что на водку? говорю. — „А вотъ, говоритъ, черезъ тебя прійдется назадъ верстъ шесть пѣшкомъ идти, да еще съ этимъ дрючкомъ на плечахъ“. А я же чѣмъ виноватъ? говорю. — „И я не виноватъ“, говоритъ. — Ну, такъ квиты, говорю. Мужикъ обругалъ меня, вотъ, дескать, жидовская *подяка*, и ушелъ. Охаетъ мой кучеръ, и я охаю... руки болятъ отъ веревки. Промучились мы всю ночь на трехъ колесахъ, насилу доползли до помѣщичьей деревни. Началъ я просить пана,—спасибо велѣлъ подварить ось. Я ему разсказалъ про бѣду въ такомъ-то военномъ селѣ. „Эге, братецъ! говоритъ помѣщикъ: еще будь благодаренъ, что волостной не высѣкъ. Онъ такой горячій... Мы съ нимъ ту ночь всю кутили, да въ карты

Digitized by Google

играли; онъ шибко проигрался; значитъ, скучно ему было на другой день съ похмѣлья да съ проигрышу... Ну, и не диво, что отвелъ на тебѣ душу." И сталъ панъ такъ крѣпко хохотать, что и меня охота взяла: хохоталъ я, хохоталъ что *бебухи* чуть у меня не перевернулись... Вотъ до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣху, какъ лежалъ я связанный въ бричкѣ... Видите, заключилъ лѣсникъ: — вотъ и досказалъ... когда не кричали на меня, такъ и досказалъ... Былъ, стало быть, и я въ лапахъ у Гаврыла Хведоровича.

— Ну, теперь чередъ за вами, *бабушка*, сказалъ Давидъ Захарьичъ — Разкажите-ка и вы что-нибудь.

V.

— Много имѣлъ и я Гаврылъ Хведоровичей на своемъ вѣку, началъ старикъ. — Много видѣлъ неправды и возмутительныхъ сценъ; многое уже изгладилось изъ памяти; но одного до гроба не забуду, это — изгнанія евреевъ изъ этого города, въ которомъ мы теперь бесѣдуемъ, господа.

— Ахъ, вы были тогда здѣсь? съ участіемъ спросилъ Мамисъ.

— Какъ же, отвѣчалъ старикъ. Около сорока лѣтъ я постоянно ѣзжу сюда каждый годъ по дѣламъ. Помню этотъ городъ, когда въ немъ жили тысячи нашихъ

Digitized by Google

единовѣрцевъ. Мнѣ жалъ его: почти предъ моими глазами онъ строился, расцвѣталъ; какая тоска беретъ, когда смотришь на него теперь. Можно на главныхъ улицахъ простоять четверть часа и не увидѣть ни одной живой души. Дома красивы, улицы ровны, вездѣ тихо, чинно; но развѣ такими должны быть города при судоходной рѣкѣ и со всѣми средствами къ богатой промышленности? На рынкахъ, правда, и между лавокъ еще толкается кой-какой народъ; но всѣ остальныя части города погружены въ могильное молчаніе. Лежитъ городъ-великанъ, со всѣми задатками къ здоровой жизни, да немощь преждевременно одолѣла его. А было время, когда тутъ кипѣла и жизнь и дѣятельность, и этому много способствовали *наши*. Повѣрите ли, здѣсь почти не было бѣдныхъ: всякъ имѣлъ чѣмъ заняться. Было много богатыхъ и образованныхъ семействъ, пользовавшихся вліяніемъ на все еврейское общество. Образованность начала дѣлать быстрые упѣхи, и не мудрено; обстановка здѣсь совсѣмъ не та, что въ западныхъ губерніяхъ. Какъ вдругъ получилось распоряженіе объ изгнаніи отсюда всѣхъ евреевъ. Представьте себѣ положеніе людей, которые здѣсь родились, выросли, или съ давнихъ поръ поселились и обжились, имѣли свои дома, свои торговыя заведенія. На окончаніе дѣлъ и продажу домовъ дали, правда, достаточно срока; но вѣдь легко сказать: „прекрати свою дѣятельность здѣсь и перенеси ее въ другое мѣсто, оставь кровъ, подъ

Digitized by Google

которымъ ты провелъ свое дѣтство, брось могилы родителей и родныхъ, близъ которыхъ ты надѣялся успокоить и свои кости"... это легко сказать! Да и домъ продать, *непремѣнно* къ такому-то сроку, тоже мудрено успѣть. Вѣдь всякъ знаетъ, что если не успѣешь продать, то долженъ будешь такъ бросить, какъ же этимъ не воспользоваться и не купить за безцѣнокъ! Такъ оно и вышло, что богатые разорились, а зажиточные пошли съ сумой. И вотъ представьте себѣ еще, что тысячи людей все это предвидѣли, знали какая участь ждетъ ихъ съ семействами въ будущемъ. Эта отсрочка, это, такъ сказать, переходное состоянiе, еще болѣе томило людей. Разразись эта гроза вдругъ — однимъ бы разомъ кончилось; а то муки ожиданья, — съ чѣмъ сравнить ихъ? Вы, напримѣръ, имѣете домъ, должны дожидаться, пока пріищется хоть маломальски совѣстливый покупщикъ; ну, а можете ли вы взяться за какое нибудь дѣло? можете ли предпринять что-нибудь, когда знаете, что къ такому-то времени васъ здѣсь быть не должно? а перебраться куда-нибудь у васъ нѣтъ силъ: все же не хочется бросить своего дома. Такимъ образомъ мечетесь вы изъ угла въ уголъ и не знаете, на что рѣшиться; и въ такомъ точно положенiи было тогда почти все здѣшнее еврейское народонаселенiе. Я видѣлъ людей, которые, успѣвъ продать свои дома и вывести свои семейства въ близълежащее селенiе, постоянно возвращались сами по но-

Digitized by Google

чамъ въ городъ и какъ тѣни бродили около своихъ домовъ, не будучи въ силахъ оторваться отъ нихъ навсегда. Я видѣлъ другихъ, которые, оставляя городъ, благоговѣйно цаловали землю, съ которою были связаны у нихъ дорогія воспоминанія. Я видѣлъ, какъ тянулись цѣлые ряды фуръ, нагруженныхъ печальными изгнанниками, которые, бросая во всѣ стороны отчаянные взоры, безмолвно протестовали противъ нарушенія права дышать воздухомъ своей родины. Нѣтъ, господа, надо поискуснѣе разкащика, чѣмъ я, чтобы въ вѣрныхъ краскахъ описать вамъ это отчаянное положеніе множества отцовъ семействъ.

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— А знаете ли, Давидъ Захарьичъ, продолжалъ Бабисъ: — что побудительной причиной ко всему этому служилъ вашъ хозяинъ?

— Да, да, вашъ хозяинъ, Давидъ Захарьичъ, подхватилъ Аронъ.—Слышалъ и я про это.

— Да это многимъ извѣстно, отвѣчалъ старикъ.— Не знаю такъ ли это, или нѣсколько иначе: говорю то, о чемъ въ то время всѣ говорили. Поселился онъ, вашъ хозяинъ, здѣсь, понравился—ужъ не знаю какъ— одному изъ старшихъ лицъ въ городѣ, и пошелъ въ гору: имѣлъ дѣла по кораблестроительной части. Всѣмъ рѣшительно запрудилъ онъ дорогу къ казеннымъ подрядамъ. Зналъ я его тогда, знаю и теперь. При многихъ хорошихъ качествахъ, у него одинъ ужасный недоста-

Digitized by Google

токъ, это—привязанность къ хасидизму. Пока онъ былъ человѣкомъ незначительнымъ, это еще было ничего; но когда разбогатѣлъ и забралъ въ руки всѣ важнѣйшіе мѣстные дѣла и обороты, отъ которыхъ зависѣла участь многихъ семействъ, его хасидическое направленіе начало оказывать пагубное вліяніе на общество. Люди благонамѣренные, образованные, уважаемые властями, хорошо знакомые съ дѣлами, никакъ не могли добиться дѣла изъ перваго источника: все шло черезъ руки *этого господина*. Не мудрено, что все ему подчинялось, вліяніе его росло съ каждымъ днемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ росли невѣжество и заносчивость какъ его самаго, такъ и тѣхъ, которые окружали его.

— О! прервалъ Мамисъ съ живостью:—что до заносчивости, то пальма первенства принадлежитъ хасидамъ. Это—первое условіе хасидизма. Слово „азесъ“ (нахальство, заносчивость), которое всѣ мы произносимъ съ презрѣніемъ, какъ понятіе о порокѣ, въ словарѣ хасидовъ играетъ почтенную роль: оно составляетъ одну изъ принадлежностей истаго хасида.

— Къ сожалѣнію, это такъ, отвѣчалъ старикъ.—И сколько горя стоитъ нашему народу это „азесъ“ какого-нибудь одного недостойнаго! Извѣстно, одинъ напакоститъ, а вина падаетъ на всѣхъ: съ нами это такъ принято. Не дай Богъ, если хасидъ богатъ и вліятеленъ: его невѣжество, которому онъ фанатически поклоняется, его заносчивость и отсутствіе всякаго так-

Digitized by Google

та, непремѣнно накличутъ бѣду на головы многихъ. Скромность и знаніе приличій, наука и законы общежитія, все то, что у насъ такъ свято почитается подъ словами „тора“ и „дэрэхъ-эрэцъ“ и чему такъ ревностно учили насъ наши старые мудрецы,—все это, говорю, не имѣетъ мѣста въ кодексѣ хасидовъ, а отвѣчать все-таки приходится намъ всѣмъ за нихъ. Кому прійдетъ въ голову вникать въ подробности и отыскивать единицы? Подвергнуть опалѣ всѣхъ—гораздо легче... Одна мышь съѣла сметану, а говорятъ: „*мыши* сметану съѣли“... Но возвратимся къ *этому господину*. Въ немъ было такъ сильно отсутствіе всякаго знанія людей и приличій, что онъ нажилъ больше враговъ, чѣмъ состоянія. Я уже сказалъ, что одно старшее лицо въ городѣ къ нему крѣпко благоволило. Бывало развалится на своихъ дрожкахъ и вкатитъ прямо на дворъ къ этому лицу, съ грохотомъ и шумомъ, какъ равный къ равному. И добро бы хоть наружностью какъ-нибудь взялъ: и того не было. Въ своей собольей шапкѣ и лѣтомъ и зимой, въ своемъ неуклюжемъ кафтанѣ съ широкимъ поясомъ, онъ чванился передъ другими, какъ бы желая сказать: „вотъ, смотрите, вы умники, съ вашимъ образованіемъ и европейскими манерами — всѣхъ васъ за поясъ заткну!“ Съ какимъ-то особеннымъ тріумфомъ проходилъ онъ пріемныя комнаты, и безъ доклада отправлялся въ кабинетъ хозяина, оставивъ позади себя толпу почтенныхъ заслуженныхъ людей, съ

Digitized by Google

знаками отличія и въ густыхъ эполетахъ. Какое жалкое и мелочное самолюбіе! Понятно, что его терпѣть не могли. Разные, говорятъ, доносы были посылаемы, да „лицо“ было въ силѣ: ничего сдѣлать не могли ни ему, ни его фавориту. Но всему бываетъ развязка. Послѣ одной морской кампаніи возвратилась часть нашего флота сюда, а съ нею прибылъ начальникъ, который крѣпко не ладилъ съ тѣмъ лицомъ, т. е. съ мѣстнымъ начальникомъ. Больной, какъ говорятъ, отъ ранъ и отъ трудностей войны, первый остановился въ казенномъ зданіи, гдѣ была квартира второго, и лежалъ въ большихъ страданіяхъ. Какъ вдругъ—трахъ—тарарахъ! нашъ *господинъ*, о которомъ идетъ рѣчь, въѣзжаетъ себѣ, ни о чемъ не заботясь, на дворъ къ своему покровителю. Стукъ отъ быстро подъѣхавшихъ колесъ на мощенномъ дворѣ, какъ разъ подъ ухомъ слабонервнаго и больного начальника, заставляетъ его содрогнуться; на другое утро тоже, на третье тоже. Больной не выдержалъ, сталъ крѣпко браниться и спрашивать, что это за злой духъ потрясаетъ его нервы, все въ одну и ту же пору дня? Ему называютъ этого духа. Больной приходитъ въ негодованіе отъ одной мысли, что еврей смѣетъ заѣзжать на дрожкахъ въ тотъ дворъ, гдѣ онъ живетъ; ему намекаютъ на отношеніи этого еврея къ мѣстному начальнику. Недоброжелатели и наушники не упускаютъ счастливаго случая, и пускаютъ въ ходъ разныя бывалыя и небывалыя

Digitized by Google

исторіи, на счетъ связи этого еврея съ своимъ покровителемъ. Больной начальникъ даетъ себѣ слово положить этому конецъ. Онъ выздоровѣлъ, уѣхалъ, и — черезъ нѣкоторое время получается распоряженіе объ удаленіи отсюда всѣхъ евреевъ, по причинѣ ихъ вреднаго вліянія на казенныя дѣла: обнаружить упущенія и промахи самаго мѣстнаго начальника и сломить его, какъ видно, не такъ было легко. Вотъ оно и вышло, господа, что если не по кону, то по оглоблямъ.

— Но вѣдь *этотъ господинъ* остался жить тутъ, и до сихъ поръ живетъ, возразилъ Мамисъ.

— Въ томъ-то и странный оборотъ всей этой исторіи, отвѣчалъ Бабисъ.—Послѣ полученнаго распоряженія объ изгнаніи евреевъ, пошло отсюда представленіе куда слѣдуетъ, что *этотъ господинъ* не окончилъ важнаго подряда, и употреблено ходатайство, чтобъ дать ему окончить,—вѣдь старшее то лицо въ городѣ осталось то же самое. Дали ему года два срока. Въ теченіе этого времени пошло опять представленіе, что *этотъ господинъ* беретъ на себя новый весьма важный подрядъ съ большою пользою для казны, на исполненіе котораго нужно нѣсколько лѣтъ: разрѣшили и это. Потомъ опять новый подрядъ съ большою выгодой для казны и опять разрѣшеніе. Такъ повторилось нѣсколько разъ; такъ не успѣвало окончиться одно дѣло, какъ уже было взято новое. Дѣла цѣплялись одно за другое, какъ сказки прекрасной Шехеразады въ Тысячи и Одной

Digitized by Google

Ночи, пока не выхлопотано было *этому господину* разрѣшеніе однажды навсегда: постоянно жить здѣсь съ семействомъ, повѣренными и прикащиками. Такимъ образомъ вышло, что именно тотъ, черезъ кого изгнано отсюда множество невинныхъ людей, черезъ кого разметано цѣлое народонаселеніе на всѣ четыре стороны, остался тутъ, въ видѣ исключенія, какъ будто онъ одинъ только и достоинъ этой милости. Скажите, ради Бога! слыхалъ ли кто что-нибудь подобное?

— Признаюсь, я—нѣтъ, отвѣчалъ Мамисъ, печально покачавъ головой.

— И я тоже! вскричалъ Давидъ Захарьичъ, взъерошивъ себѣ волосы на головѣ, съ видомъ человѣка, озадаченнаго при мысли, что бываютъ вещи, о которыхъ онъ дотолѣ не слыхивалъ. — Я двадцать шесть губерній объѣздилъ вдоль и поперегъ... былъ въ Иркутскѣ... отличный тамъ иркутскій соболь... былъ въ Баку, видѣлъ индѣйцевъ... игралъ въ шашки съ чеченцами... чуть не утонулъ въ Волгѣ... но такой странной исторіи не слыхалъ, какъ честный человѣкъ!

— Да чего, господа, разговорились вы все про такія печальныя вещи, сказала Маша, принимая порожніе стаканы. — Для меня сегодня такой счастливый вечеръ, а вы тоску наводите своими разсказами.

— А, вотъ, садитесь-ка лучше за столъ — ужинъ поданъ, прервала Зельда. — За ужиномъ развеселитесь; а то въ самомъ дѣлѣ тоску навели: Маша права.

Digitized by Google

къ Машѣ: — я не далъ тебѣ отвѣта на твой упрекъ, зачѣмъ въ такой радостный вечеръ разговорились мы про печальныя вещи. Дитя, дитя! дай Богъ, чтобъ ты дожила до лучшихъ дней. Но у насъ пока ни одна радость не можетъ обойтись, чтобъ мы не обратили вниманія на судьбу свою.

— Да, прервалъ Мамисъ: — какъ ни странно, а рѣдко могутъ у насъ быть веселыя пирушки въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ-то невольно разговоръ обращается самъ собой на грустные предметы. Сколько поводовъ къ тому, Боже мой, Боже мой!

— Стало быть, я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, *маминька*, что множество есть напоминаній и безъ разбитыхъ горшковъ, подхватилъ Давидъ Захарьичъ.

— А я все-таки не согласенъ, замѣтилъ старикъ Бабисъ. — Признайтесь, вѣдь разбитый горшокъ и навелъ насъ на эти разговоры... Нѣтъ, какъ хотите, я не согласенъ.

— И я не согласенъ, проворчалъ лѣсникъ, который, послѣ неудачи съ своимъ тостомъ, уперъ лобъ обоими кулаками и, закрывъ глаза, принимался уже храпѣть нѣсколько разъ, но былъ часто тревожимъ стукомъ столовой посуды, отчего онъ поминутно вздрагивалъ и обводилъ глазами присутствующихъ.

— А вы съ чѣмъ не согласны? шутливо спросилъ Сендеръ.

Digitized by Google

— Ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ, отвѣчалъ лѣсникъ рѣшительно.

— Да вотъ, слышалъ я, началъ Мамисъ: — что во Франціи и Голландіи этотъ обычай между нашими уже давно не существуетъ.

— И по дѣломъ, отвѣчалъ старикъ, вставая изъза стола. — А отчего? дагадаться не трудно... Да, господа! какъ бы рѣзко ни напоминали намъ обстоятельства о нашемъ положеніи, мы именно по этой-то причинѣ и не должны его упускать изъ виду при всякой житейской радости, которая намъ встрѣчается... По моему мнѣнію, мы *пока еще должны бить горшки на сговорахъ.*

— И цаловать невѣсту послѣ ужина, вскричалъ развеселившійся отъ вина Сендеръ, запечатлѣвъ звонкій цоцалуй на румяной щекѣ Маши.

Всѣ захлопали въ ладоши. Лѣсникъ вытаращилъ глаза, не подымаясь съ своего мѣста.

— И я того же мнѣнія, съ трудомъ проговорилъ онъ.

— Какого? *шлимазелъ* несчастный! спросилъ Давидъ Захарьичъ.

— Цаловать... цаловать горшки и... би-и-и-ть невѣсту, отвѣчалъ лѣсникъ.

Всѣ громко захохотали. Нелѣпый отвѣтъ лѣсника расположилъ всѣхъ къ веселымъ шуткамъ и былъ причиной того, что Арону Малкину не удалось спасти ни

Digitized by Google

одной полной бутылки изо всѣхъ запасенныхъ имъ бутылокъ краснаго Бессарабскаго вина.

VI.

Мы проходимъ молчаніемъ значительный промежутокъ времени.

Жаркій лѣтній день началъ клониться къ вечеру. Западъ неба заканчивался узкимъ и зазубреннымъ карнизомъ изъ густой массы бѣлыхъ облаковъ, которыхъ верхушки были еще окаймлены золотою бахрамой отъ недавно скрывшагося за ними солнца. Желтоватый отблескъ отъ золотыхъ западныхъ окраинъ лился на чистое небо, слабѣя все болѣе и болѣе, и чѣмъ далѣе раскидался сводъ небесный, тѣмъ замѣтнѣй переходилъ цвѣтъ его сначала въ пепельный, потомъ въ сѣрый, потомъ въ свѣтло-лазуревый, пока наконецъ ни разостлался однимъ сплошнымъ темноголубымъ навѣсомъ, въ который напрасно силились бы проникнуть глаза, такъ былъ онъ густъ и не проницаемъ... Еще ни одной звѣзды не показалось на небѣ. Въ воздухѣ колыхался ласковый вѣтерокъ, безъ опредѣленнаго направленія, а слегка подувая, то съ одной, то съ другой стороны, какъ будто онъ взялся, шутя, разогнать накопившійся дневной зной, и на мѣсто его водворить усладительную прохладу. На маленькомъ дворѣ квартиры Малкина, находившейся въ самомъ глухомъ кварталѣ города, сидѣло семейство матроса и впивало въ себя свѣжій ве-

Digitized by Google

черній воздухъ. Старикъ, сидя на низенькой скамейкѣ и имѣя передъ собой опрокинутый ящикъ вмѣсто стола, широкимъ ножемъ обрѣзывалъ только что подшитую подошву. Возлѣ него, на стулѣ, сидѣла Зельда, въ огромныхъ очкахъ въ широкой мѣдной оправѣ, и вязала чулокъ. Неподалеку отъ нихъ, на разостланномъ войлокѣ, полулежала Маша—не прежняя Маша съ каштановыми локонами—а замужняя Маша-*Синдерика*, какъ ее въ шутку называли домашніе, съ повязанною платкомъ головою, изъ подъ котораго украдкой выглядывали ея мягкіе, шелковистые волосы. Уже около двухъ лѣтъ какъ она замужемъ, уже кормитъ она грудью годовалаго ребенка, но она все такъ же незатѣйливо хороша, весела и простодушна, какъ прежде. Она поетъ разныя пѣсеньки своей курчавой, кругленькой дѣвочкѣ, съ голубыми большими глазами и маленькими ямочками на щекахъ и подбородкѣ. Дѣвочку эту зовутъ Ребекка; но дѣдъ, не чуя въ ней души своей, не зная какими ласковыми именами величать ее, назвалъ ее русскимъ словомъ „Рыбочка“, отчего она и осталась *Рыбочкой* для всѣхъ и дѣйствительно была гладка и свѣжа какъ рыбочка. Ребенокъ сосалъ грудь и свободной своей ручкой то хваталъ себя за ножку, но билъ по открытой шеѣ матери, что заставляло радостно хохотать послѣднюю и съ гордостью поглядывать то на Зельду, то на Арона, отъ которыхъ въ возвратъ получала одобрительную улыбку. Недалеко отъ Маши, на одной изъ

Digitized by Google

ступенекъ крылечка, ведшаго со двора въ комнаты, сидѣлъ Калманъ Мамисъ и задумчиво курилъ сигару. Онъ нѣсколько дней былъ нездоровъ и не ходилъ въ контору. Сендера не было дома.

Ну, можно, кажется, и оставить, проговорилъ Аронъ, вставая со скамейки и потягиваясь. — Охъ, болитъ проклятая, прибавилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ спину. — Старъ я становлюсь, Зельдуню-душа: въ отставку пора.... Брось и ты чулокъ: уже становится темно.... Вотъ и еще одного дня не стало.

Старуха грустно устремила глаза въ небо.

— Куда это все гонятся дни и ночи? сказала она:— и въ какой безднѣ укладываются они рядомъ другъ подлѣ друга.

— Экъ, куда заѣхала! возразилъ мужъ.—Вопросъ очень замысловатый. Гонятся они, должно быть, туда, куда и мы съ тобой и откуда возврата нѣтъ.

— И отчего это такъ крѣпко сердце ноетъ, когда еще одного дня не станетъ? продолжала Зельда тѣмъ же тономъ.

— Оттого, стало быть, что умирать не хочется, отвѣчалъ матросъ.—Вѣдь прошелъ день, значитъ ближе къ гробу, ну, такъ оно ужъ и понятно, отчего жаль.... и то и другое, и туда-сюда, и мало ли что.

— Нѣтъ, не въ смерти дѣло, отвѣчала жена, покачавъ головой.—Есть что-то другое, что заставляетъ жалѣть о вчерашнемъ днѣ....

Digitized by Google

— А другое, такъ другое, — мое дѣло сторона, отвѣчалъ матросъ.—А жаль, продолжалъ онъ, собирая свои инструменты — жаль, что Бабисъ уже къ намъ больше не пріѣдетъ, а то мы бы у него спросили: онъ былъ такой опытный, зналъ все, положительно все....

— Такъ это правда, что Бабисъ умеръ? спросилъ Мамисъ.

— Какъ же, умеръ этой весной, отвѣчалъ матросъ.— Пріѣзжалъ человѣкъ изъ Никополя.... самъ былъ на похоронахъ.

— Чего тутъ сомнѣваться? прервала старуха: — вы знаете поговорку: когда говорятъ „умеръ“, такъ вѣрь.

— Дѣло-то натуральное, отвѣчалъ Мамисъ: — отчего не вѣрить? Да не хотѣлось бы вѣрить. Жаль, старикъ былъ прекрасный.

— Ну чтожъ, отжилъ свое, сказалъ Аронъ.—Дай Богъ всякому такъ пожить: вѣдь старикъ чуть ли не восемь десятковъ на плечахъ тащилъ.

— *Пусть земля не давитъ его костей*, со вздохомъ произнесла Зельда. — Достойный былъ человѣкъ.... И какой былъ постоялецъ для насъ прибыльный! Лѣтъ семьнадцать сряду у насъ останавливался, и по три, по четыре мѣсяца стоялъ. Деньги давалъ впередъ сколько потребуешь.,,. Плохо намъ будетъ безъ него: онъ былъ намъ большою поддержкой.. Да вотъ, говорятъ, и лѣсникъ больше пріѣзжать не будетъ: про-

Digitized by Google

торговался, бѣдняга, что чуть ли не безъ копѣйки остался.

— Ну, объ *этомъ-то* жалѣть нечего, отвѣчалъ Аронъ. — Ужъ такой дуракъ *неудобосваримый*, что только одинъ Богъ да проститъ его!

— А все же былъ намъ въ помощь, возразила Зельда.—А теперь вотъ и остались только съ Мамисомъ да съ Давидомъ Захарьичемъ.... Отъ *новыхъ*, что пріѣдутъ и переночуютъ, прокъ не великъ.

— А вотъ, боюсь, скоро вы и меня лишитесь, сказалъ Мамисъ, подымаясь со ступеньки, на которой сидѣлъ.

— Какъ такъ? спросили мужъ и жена въ одинъ голосъ.

— Вчера заходилъ ко мнѣ повѣренный изъ конторы, отвѣчалъ Мамисъ.—Говоритъ, управляющій нѣсколько разъ съ неудовольствіемъ спрашивалъ, отчего меня нѣтъ? Ему кто-то сказалъ, что я болѣнъ. „Ну пусть убирается, отвѣчалъ управляющій: наша контора не богадѣльня, чтобъ содержать больныхъ на свой счетъ“.—Я увѣренъ, продолжалъ Мамисъ, что управляющій не упуститъ такого прекраснаго случая, чтобъ избавиться отъ меня. Ему и такъ крѣпко надоѣла постоянная возня съ полиціей изъ за меня.

Матросъ хотѣлъ что-то возразить въ опроверженіе преждевременныхъ догадокъ Мамиса, но въ это время сталъ приближаться къ нимъ молодой человѣкъ, съ не-небольшимъ бумажнымъ пакетомъ въ рукѣ.

Digitized by Google

— Вотъ опять тотъ повѣренный, сказалъ Мамисъ скороговоркой: — и съ *шпаргалами* (бумагами): кажется мои предположенія оправдываются.

Дѣйствительно повѣренный сообщилъ Мамису, что онъ исключенъ изъ списка служащихъ. Онъ принесъ ему паспортъ, аттестатъ и нѣсколько рублей денегъ, слѣдовавшихъ ему въ доплату, и потребовалъ росписку въ полученіи документовъ и жалованья. Мамисъ, хотя, какъ говорилъ, и приготовился къ этому, тѣмъ не менѣе былъ сильно встревоженъ, также какъ и семейство матроса, любившее его и принимавшее искреннее участіе въ его судьбѣ. Всѣ, молча, направились въ комнаты.

Когда подали свѣчу, Мамисъ распечаталъ принесенный повѣреннымъ пакетъ, бросилъ бѣглый взглядъ на то, что онъ заключалъ въ себѣ, и сѣлъ писать росписку.

— Я, впрочемъ, еще не отчаиваюсь, сказалъ Мамисъ посланному, отдавая ему росписку. — Завтра явлюсь къ управляющему, представлю ему мое жалкое положеніе. Онъ, я думаю смягчится: вѣдь я три года служилъ честно и исправно; десятки людей перемѣнялись, а я держался такъ долго. Это не даромъ. Я не замаралъ своего имени ни малѣйшимъ пятнышкомъ. Неужели управляющій не пріметъ того во вниманіе?

— Напрасно, отвѣчалъ новѣренный, взявшись за ручку двери: — управляющій именно велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ вы не трудились его безпокоить; онъ отдалъ приказаніе не пускать васъ къ нему.

Digitized by Google

Повѣренный вышелъ, а Мамисъ уныло опустился на стулъ.

Онъ долго думалъ, что теперь предпринять и куда направить шаги свои. Служба его въ откупѣ, какъ мы уже имѣли случай узнать, приносила ему выгоды далеко несоразмѣрныя съ огорченіями; но онъ крѣпился всѣми силами и былъ доволенъ однимъ: покрайней мѣрѣ она давала хлѣбъ насущный и возможность содержать, хоть и вдали отъ себя, престарѣлую мать и несчастную слѣпую сестру, — два дорогія существа, къ которымъ молодой человѣкъ питалъ самую горячую привязанность. Эта трудная и неблагодарная служба казалась ему искусомъ, временнымъ испытаніемъ, въ продолженіе котораго случай ему поблагопріятствуетъ и представитъ возможность къ другому, болѣе согласному съ его образомъ мыслей и воспитаніемъ, занятію, въ близь лежащемъ богатомъ портовомъ городѣ, гдѣ пребываніе его не будетъ стѣсняться никакими условіями, и гдѣ онъ, своими знаніями, трудолюбіемъ и честностью, надѣялся обратить на себя вниманіе. Но къ несчастью, такой случай ни разу не представился, и молодой человѣкъ убилъ лучшихъ три года своей жизни на эту службу, изъ которой онъ теперь не выноситъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ рублей, едва достаточныхъ на переѣздъ въ другое какое-нибудь мѣсто, и большого запаса грустныхъ воспоминаній о своемъ неоднократномъ униженіи и о людской неправдѣ. Что будетъ

Digitized by Google

далѣе? что ожидаетъ его впереди? въ какую сторону броситься, чтобъ достать жалкій кусокъ хлѣба? — Онъ сталъ ходить по своей маленькой комнатѣ, грустно опустивъ голову и скрестивъ на груди руки. Печальныя воспоминанія одолѣвали его. Онъ вспомнилъ свое дѣтство, свое прилежаніе къ ученію и самопожертвованіе покойнаго отца, отрывавшаго у себя послѣднюю копѣйку, чтобы дать ему хорошее воспитаніе, — и его поразилъ одинъ странный и грустный вопросъ: къ чему послужило ему воспитаніе безъ обезпеченнаго состоянія? Правда, объ образованіи вообще прилагались тогда старанія и извнѣ, и оказывалось всевозможное поощреніе; но на что годится оно ему, когда свѣтъ для него запечатанъ семью таинственными печатями? когда большая часть человѣческой дѣятельности для него недоступна по его исключительному положенію. Не получи онъ никакого воспитанія, а расти такъ, какъ сотни другихъ выростаютъ въ его родимомъ грязномъ мѣстечкѣ, онъ могъ бы быть, какъ и другіе, извощикомъ, ремесленникомъ, торгашемъ, шинкаремъ, или чѣмъ-нибудь другимъ тому подобнымъ. Стало быть, воспитаніе принесло ему только ту выгоду, что онъ глубже понимаетъ свое горе, и что ему несправненно труднѣе сыскать для себя родъ занятія, чѣмъ другому. Питая священное уваженіе къ памяти отца, онъ, въ эту трудную минуту своей жизни, не могъ, однакожъ, не упрекнуть его мысленно въ необдуманности, съ которою тотъ тра-

Digitized by Google

тилъ послѣднія деньги на его ненужное образованіе. По его мнѣнію, еслибъ отецъ лучше оставилъ эти деньги ему въ наслѣдство, онъ могъ бы, какъ другіе, разъѣзжать по ярмаркамъ съ тесемками, лентами, пуговицами, гребенками, и хладнокровно переносить исключительныя условія, тяготѣющія надъ его племенемъ. „Горьки плоды познанія для нашего брата, думалъ молодой человѣкъ: — слѣпой отъ рожденія не знаетъ цѣны дневному свѣту; но дать ему какимъ-нибудь чудомъ прозрѣть на минуту, и потомъ насильно заставить его носить всю жизнь повязку на глазахъ, тогда какъ онъ чувствуетъ въ себѣ полную способность зрѣнія, — это самая жестокая шутка, какую можно сыграть съ человѣкомъ“. Былъ ли правъ Мамисъ, или нѣтъ, — оставляемъ рѣшить читателю.

Еще долго продолжалъ онъ ходить по комнатѣ, погруженный въ свои печальныя размышленія. Легкій скрипъ двери разбудилъ его: въ ней показался Аронъ съ маленькой Рыбочкой на рукахъ.

— Можно зайдти? спросилъ матросъ. — Мы, вотъ, всѣ къ вамъ... поразсѣять какъ-нибудь.

— Сдѣлайте милость, отвѣчалъ Мамисъ, испустивъ глубокій вздохъ, значительно облегчившій ему грудь. — Сдѣлайте милость: я вамъ буду очень радъ. Вошелъ Аронъ, а за нимъ жена и Маша съ только что пришедшимъ домой Сендеромъ. Мамисъ попросилъ ихъ сѣсть и взялъ на руки Рыбочку, кото-

Digitized by Google

рую очень любилъ. Молча началъ онъ играть съ малюткой, которая гладила его ручонками по лбу, или хватала за усы.

— Вы, тово, не печальтесь, рэбъ-Калманъ, началъ Аронъ, усѣвшись. — Право, не печальтесь: Богъ не безъ милости, казакъ не безъ доли, говорятъ люди на моей родинѣ. И оно правда: къ чему печалиться? Печаль только отнимаетъ куражъ у человѣка, и, такъ сказать, и то и другое, и туда-сюда, мало ли что.

Заключивъ такъ блистательно свое утѣшеніе, матросъ окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, которые хранили молчаніе.

„Вотъ бабье набрало воды въ ротъ, подумалъ онъ: отъ нихъ развѣ дождешься умнаго слова въ пору? А Сендеръ просто *балбесъ*... по-русски жестоко знаетъ, а по-нашему порядочнаго выраженія не откопаетъ въ своей *узкой головкѣ*. Эхъ! хоть бы Давидъ Захарьичъ подоспѣлъ на выручку“.

— Ну, чтожъ вы понасупились? произнесъ онъ вслухъ. — Мало тоски у *него*, еще свою принесли!

— Да что, рѣшилась сказать Зельда: — рэбъ-Калманъ такъ огорченъ, что каждое лишнее слово можетъ для него быть скорѣе бременемъ, чѣмъ утѣшеніемъ.

— Еслибъ я знала за пятьдесятъ верстъ для него облегченіе, то я бы туда пѣшкомъ сходила, простодушно сказала Маша.

Digitized by Google

— А я бы на дно морское опустился за нимъ, хоть тамъ, говорятъ, и акулы есть, божусь вамъ по чистой совѣсти! подхватилъ Сендеръ, поерошивъ себѣ по привычкѣ волосы на затылкѣ.

— Самъ ты акула! вскричалъ отецъ. — Врешь ты! Гдѣ тамъ въ Черномъ-Морѣ акулы у тебя взялись?

— Коли въ Черномъ нѣтъ, такъ развѣ и въ другихъ моряхъ нѣтъ? возразилъ сынъ. — Вѣдь я говорю только про [illegible], что на какомъ бы днѣ морскомъ ни обрѣталось облегченіе для Мамиса, я бы не призадумался опуститься туда, чтобъ достать.

— А какъ бы ты, напримѣръ, опустился? спросилъ Аронъ.

— А для этого такіе колокола устроены, отвѣчалъ Сендеръ. — Намѣдни я слышалъ, какъ мичмана объ этомъ толковали.

— Да ты бы струсилъ, не опустился-бы, сказалъ Аронъ.

— О-о! дала-бъ я ему струсить! подхватила Маша. — Для такого дѣла трусить? Мы-бъ его съ матушкой насильно впихнули въ колоколъ.

По лицу Мамиса пробѣжала свѣтлая улыбка.

— Благодарю васъ, друзья мои, отъ всего сердца, сказалъ онъ. — Ваше безмолвное участіе для меня во сто разъ дороже всякихъ утѣшеній. Ваши простыя слова доказываютъ доброту вашего сердца. Въ самомъ дѣлѣ становится легче на душѣ, когда видишь такихъ добрыхъ людей, какъ вы.

Digitized by Google

Въ это время за дверью послышался знакомый скрипъ сапогъ. Давидъ Захарьичъ, напѣвая вполголоса, съ своимъ обыкновеннымъ шумомъ ворвался въ комнату. Онъ предполагалъ найдти Мамиса одного и приготовился разсказать про какую-то красотку, которую онъ подмѣтилъ, — онъ постоянно подмѣчалъ красотокъ, — и про очаровательную улыбку, которою она его будто-бы подарила; но увидѣвъ все семейство матроса, остановился среди комнаты.

— Что это за засѣданіе тутъ собралось! спросилъ онъ.

Мамисъ въ короткихъ словахъ разказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Скверно, чортъ побери! вскликнулъ Давидъ Захарьичъ. — Мнѣ одному ужасно скучно будетъ тутъ на квартирѣ.

— А я объ этомъ и не подумалъ, отвѣчалъ Мамисъ, улыбаясь: — я все безпокоился за себя.

— Ну, да и съ этой стороны скверно! сказалъ Давидъ Захарьичъ.

— Да вы бы подали умный совѣтъ что дѣлать, сказалъ Аронъ, очень довольный приходомъ Давида Захарьича.

— Да что тутъ совѣтовать? вскричалъ Давидъ Захарьичъ. — Остается плюнуть и уѣхать. Не только свѣту что у окна.

Digitized by Google

— Ну, и за окномъ его не больно много, сказалъ Мамисъ.

— *Впрочемъ, утро вечера мудреннѣй,* подхватилъ Давидъ Захарьичъ по-русски. — Завтра потолкуемъ серьезно съ какого боку взяться... Рыбочка, Рыбочка! продолжалъ онъ, остановясь передъ ребенкомъ и маня его руками: — пойдешь ко мнѣ, Рыбочка?

Ребенокъ быстро отворотился назадъ и бросился на шею къ Мамису, обхвативъ ее крѣпко ручонками.

— Рыбочка васъ что-то не жалуетъ, сказала Маша, улыбаясь. — Вы только взрослыхъ сводите съ ума, а маленькія вамъ цѣны не знаютъ.

— Экая колкости, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, сжавъ презрительно губы и взявшись подъ бока. — Станетъ такой человѣкъ, какъ я, обращать вниманіе на твои глупыя остроты... Да у меня триста шестьдесятъ такихъ, какъ ты, перебывало въ рукахъ!

— Будто триста шестьдесятъ? съ очень серьезной миной спросилъ Сендеръ, что заставило всѣхъ разсмѣяться.

— Честью увѣряю, ничуть не менѣе! отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, расхаживая по комнатѣ съ заложенными назадъ руками и производя своими сапогами нестерпимый скрипъ. — Да объ этакихъ нашъ братъ и думать забылъ. Бывали, душа моя, и почище. Бывали такія, что на фортепьянахъ какъ зарядитъ, какъ

Digitized by Google

зарядитъ — сердце просто разрывается... не выдержишь, такъ и бухнешься на колѣни... такъ и такъ, молъ, я твой отнынѣ и на вѣки вѣковъ, аминь! и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Мамисъ внимательно глядѣлъ на хвастунишку и, при всемъ печальномъ настроеніи своего духа, едва удерживался отъ громкаго смѣху.

— Вотъ, въ послѣднее мое пребываніе въ Варшавѣ, продолжалъ Давидъ Захарьичъ: — просто *эпоху сдѣлалъ*, честью увѣряю! Дѣла, знаете, у меня громадныя: все въ канцеляріи фельдмаршала... Медвѣжья шуба у меня — что твой пухъ, клянусь! пять фунтовъ два лота вѣсу; часы съ *репетиромъ* и секретной картинкой. Польки просто на стѣну дѣзутъ.

Онъ остановился и началъ пѣть на голосъ одной извѣстной мазурки:

Една листы пише,
Друга печентуе,
Тржѣця лужко сцѣлѣ,
Чѣварта поцалуе.

— Ну, ужъ пожилъ! продолжалъ онъ: — просто на рукахъ носили. А полуимперіяловъ, мать моя родимая! просто лопатами загребай!

— Ужъ я, чай, сколько вы тогда полуимперіяловъ домой переслали! въ простодушіи своемъ замѣтила Маша.

Давидъ Захарьичъ вдругъ остановился.

— Домой?.. переслалъ... отвѣчалъ онъ отрыви-

Digitized by Google

сто. — Да что бишь я! Да? житье тамъ было бррррръ! кожа трясется какъ вспомнишь.

— Какъ же вы послѣ *такихъ роскошей*, тово, очутились здѣсь, то есть и то, и другое! спросилъ, заикаясь, старый матросъ.

— Обстоятельства, другъ любезный, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ. — Великому кораблю великое плаванье. Не къ одному же мѣсту приковать себя.

— А полуимперіялы-то гдѣ дѣлись? спросила Зельда.

Давидъ Захарьичъ протяжно свиснулъ.

— Они круглые, проклятые! отвѣчалъ онъ: — такъ и катятся изъ рукъ въ руки. Сегодня у меня, завтра у другого, послѣ завтра у третьяго. Впрочемъ, что деньги? человѣкъ главное. Вы знаете пословицу: „*рубаху прозакладь, да человѣкомъ оставайся*“. Я, слава Богу, всегда одинаковъ: есть деньги, нѣтъ денегъ — одна собака! Были бы глаза во лбу, да мозгъ въ черепѣ... Бывали у меня и такія времена, что по трое сутокъ въ кулакъ трубилъ, помаду на хлѣбъ намазывалъ: масла не на что было купить, а помады, благо, запасъ большой былъ.

Всѣ расхохотались.

— Да какъ же вы помаду-то намазывали? вѣдь она изъ сала? спросила набожная Зельда.

— Экка бѣда! отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ, махнувъ рукой: — станетъ человѣкъ въ нуждѣ разби-

Digitized by Google

рать. Да въ такомъ случаѣ не только сало, но и щетину свиную будешь жрать. Да, впрочемъ, дѣло въ томъ, что я, какъ говорится, бывалъ и на конѣ и подъ конемъ, да всегда выходилъ сухъ, не терялъ бодрости, какъ вотъ этотъ Мамисъ, который готовъ разбабиться при каждой неудачѣ. Коли ты человѣкъ, такъ будь человѣкъ; *коли ты солдатъ, такъ нюхай порохъ*. Правда, служба морская?

— Оно отчасти правда, отвѣчалъ Аронъ, къ которому относился послѣдній вопросъ: — да не всѣ такъ беззаботны, какъ вы. Вѣдь у него, примѣромъ, мать и... и сестра... и мало ли что.

Давидъ Захарьичъ сталъ доказывать, что все это пустяки, что нѣтъ вещи, которая бы не *обдѣлывалась* такъ или иначе, и нѣтъ человѣ[redacted] свѣтѣ, который бы не *имѣлъ своего часа въ [redacted]изни*, и еще долго забавлялъ всѣхъ своей болтовней и враньемъ, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и передъ глаза бесѣдующихъ предстало новое лицо, во всемъ своемъ грозномъ величіи.

Это былъ плотный и приземистый Гаврило Ѳедоровичъ, при шпагѣ и въ каскѣ, которой верхній мѣдный шпиль былъ не болѣе какъ двумя третями короче его самого. Застегнутый на всѣ крючки воротникъ его кургузаго и вытертаго мундира такъ врѣзался ему подъ челюсти, что несоразмѣрно большой и жирный его подбородокъ, казалось, порывался внизъ и имѣлъ желаніе

Digitized by Google

лечь Гаврилѣ Ѳедоровичу на грудь. На отдутыхъ красныхъ щекахъ его, въ близкомъ сосѣдствѣ съ мясистымъ носомъ, симетрически возвышались двѣ огромныя бородавки, изъ которыхъ торчало по нѣсколько щетинистыхъ волосковъ; одинъ глазъ его, пострадавшій еще въ счастливые дни юности, когда будущій сановникъ полиціи подвизался на ученомъ поприщѣ въ приходскомъ училище, пестротой и формой походилъ на воробьиное яйцо; широкая грудь его изумляла своею форменною круглостью, а животъ узаконенною подтянутостью, отчего съ перваго взгляда казалось, что тонкія коротенькія его ноги случайно воткнуты въ верхнюю часть туловища какимъ-нибудь забавникомъ, который смастерил Гаврила Ѳедоровича и, вѣроятно, послѣ самъ [illegible]лся со смѣху, глядя на него. Квартальный был[illegible] много на веселѣ, что видно было изъ частыхъ подмигиваній его разнокалиберныхъ глазъ. При входѣ его, матросы и ихъ жены поднялись съ мѣстъ. Онъ не удостоилъ снять каски съ головы.

— *Хай тоби бисъ!* вскричалъ Гаврило Ѳедоровичъ, остановившись передъ Мамисомъ, который продолжалъ спокойно играть съ шаловливою Рыбочкой. — *Отъ колы здыхаюсь тебе...* Дай-ка сигару.

Мамисъ, молча, передалъ ребенка матери, досталъ сигару и подалъ квартальному, который между тѣмъ занялъ его мѣсто. Мамисъ придвинулъ себѣ другой

Digitized by Google

стулъ и сѣлъ; его примѣру послѣдовалъ и Давидъ Захарычъ.

— Былъ я въ конторѣ передъ вечеромъ, началъ Гаврило Ѳедоровичъ, раскуривъ сигару и втянувъ такую порцію крѣпкаго дыму, что отъ нея могъ бы задохнуться лошакъ; но Гаврило Ѳедоровичъ только замигалъ глазами, будто проглотилъ горячую *галушку*. — Въ конторѣ, то есть, продолжалъ онъ: — видѣлъ выписывали твой счетъ... Что такое? спросилъ... говорятъ — разсчитанъ.

По-малороссійски Гаврило Ѳедоровичъ объяснялся очень плавно; но по-русски рѣчь его была нерѣшительна и выходила какими-то лоскутьями.

— А, разсчитанъ, продолжалъ онъ: — ну, думаю, зайду, провѣдаю.

— Благодарю за участіе, сказал[illegible]мисъ.

— Участіе участіемъ, отвѣчалъ квартальный: — а убираться отсюда *треба*, братику.

— Ужъ, разумѣется, уберусь отсюда, возразилъ Мамисъ: — чего я буду здѣсь сидѣть.

— Правда. Думаю, днемъ все занятъ... служба... можетъ лишній день прожить... еще отвѣчать надо... теперь, вотъ, ночь... носвободнѣй... выпровожу собственноручно... гора съ плечъ долой.

Мамисъ въ недоумѣніи устремилъ на него глаза.

— Чего *баньки* выпучилъ? продолжалъ квартальный, спокойно. — Ну же, укладывайся и... маршъ!

Digitized by Google

— Какъ? ночью? вы рехнулись? вскричалъ Давидъ Захарьичъ.

— *Ну-бо, не дуже и вы*, отвѣчалъ квартальный, окинувъ взглядомъ Давида Захарьича съ ногъ до головы. — Вамъ чего? не ваше дѣло.

— Да вы шутите, Гаврило Ѳедоровичъ, сказалъ Мамисъ.

— И не думаю, отвѣчалъ квартальный: — такъ-таки возьми и укладывайся.

— Да куда поѣду я ночью? вскричалъ въ отчаяніи молодой человѣкъ.

— Хоть къ лысому *дидьку* за пазуху, мнѣ какое дѣло, спокойно отвѣчалъ квартальный. — Слышь ты, матросъ, продолжалъ онъ, обратившись къ Арону: — не сме[illegible] держать дальше... этой же ночью чтобъ его не было[illegible] то, знаешь?

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Аронъ.

Женщины начали ломать руки, зная, что если Аронъ не исполнитъ буквально приказа, онъ, по доносу квартальнаго, будетъ подвергнутъ строгому наказанію; но старый матросъ значительно посмотрѣлъ на нихъ, давая имъ жестомъ и глазами понять, что онъ готовъ вынести всякое наказаніе, но не выгонитъ изъ дому въ глухую ночь своего самаго достойнаго и любимаго квартиранта. Очень понятно, что благородная рѣшимость Арона не только не успокоила жену и невѣстку, но еще болѣе взволновала ихъ. Мамисъ, у ко-

Digitized by Google

тораго губы и руки дрожали отъ подавленнаго негодованія, ничего не замѣчалъ; но Давидъ Захарьичъ понялъ всю эту нѣмую сцену и потихоньку шепнулъ Сендеру, чтобъ они всѣ вышли.

— Да что вы уши развѣсили, Мамисъ? вскричалъ Давидъ Захарьичъ, когда опечаленное семейство матроса оставило комнату. — Развѣ не видите, что онъ хочетъ взятку?

— Хе, хе, хе, *розумный, ей розумный!* сказалъ квартальный. — Это совсѣмъ статья особая... умную рѣчь слушать пріятно.

— Отчего же вы прямо не сказали! спросилъ Мамисъ.

— Пока громъ не прогремитъ, мужикъ не перекрестится, отвѣчалъ Гаврило Ѳедоровичъ.

— Сами вы мужикъ, а не онъ[illegible]скричалъ пылкій Давидъ Захарьичъ, которому сдѣлалось не въ терпѣжъ.

— *Ну-бо, не дуже и вы,* отвѣчалъ квартальный. — Службу отправляю... нечего дѣлать... надо служить... присягу принялъ... долгъ...

— А когда заплатятъ, такъ уже не долгъ?

— Дѣло другого рода... что согрѣшишь противъ долга, то прикроешь добрымъ дѣломъ... сдѣлаешь то есть одолженіе... вотъ оно грѣха и нѣтъ...

Мамисъ подалъ ему мелкую кредитную бумажку.

— Нѣтъ, мало, какъ благородный человѣкъ, ма-

Digitized by Google

ло! сказалъ квартальный, пряча бумажку за обшлагъ своего мундира.

— Да у меня у самаго мало денегъ, отвѣчалъ Мамисъ: — вотъ, безъ мѣста остался, уѣхать надо.... еще и не здоровъ я въ добавокъ.

— *А мини що за дило?*

— Да вѣдь это за одну только ночь, чтобъ позволили мнѣ переночевать. Развѣ мало перебрали вы у меня за все время?

— Та-та-та! насилу ты, братику, на умъ напалъ. Да оттого-то и долженъ ты дать побольше теперь... уже отъ тебя брать мнѣ не доведется.

Мамисъ прибавилъ еще одну бумажку.

— Ну, теперь ладно, сказалъ квартальный.—Дай же чего-нибудь выпить.... Только смотри ты мнѣ, прибавилъ онъ, к[illegible]увъ послѣ двухъ сряду выпитыхъ рюмокъ изъ поставленнаго передъ нимъ графина съ водкой: — завтра чтобъ твоего духа здѣсь не было.

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Мамисъ, съ горечью: — не очень-то пріятно встрѣчаться съ вами.

— А что, Гаврило Ѳедоровичъ, спросилъ Давидъ Захарьичъ: — еслибъ Мамисъ вамъ не далъ, вы бъ его и впрямъ заставили ночью выѣхать?

— Служба, другъ любезный, отвѣчалъ квартальный: — *вытарабанилъ* бы, какъ благородный человѣкъ! Не будь я Гаврыло Хведоровичъ!

— Не даромъ же вы и „*гавъ*“ и „*рыло*“ въ

Digitized by Google

одно время, сказалъ Давидъ Захарычъ, презрительно махнувъ рукой.

— *Хай вамъ бисъ!* отвѣчалъ квартальный, выпивъ третью рюмку и выходя изъ комнаты.—Хлопоты мнѣ только съ вами.... Смотри же, завтра, *хлопче*, завтра.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Мамисъ.

— Эй, матросъ! крикнулъ квартальный въ растворенную дверь хозяйской половины. — Завтра, въ восемъ часовъ утра, чтобъ мнѣ этого жида у тебя въ домѣ не было!

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Аронъ Малкинъ.

VII.

Послѣ отъѣзда Мамиса изъ N., средства матроса, и безъ того незначительныя, еще болѣе съузились. Въ послѣднее время, послѣ свадьбы Сендера, семейство это постепенно потеряло трехъ прибыльныхъ постояльцевъ, и увеличилось однимъ членомъ, хотя еще очень маленькимъ, однако все таки требовавшимъ кой-какихъ расходовъ. Случалось, правда, что каждый мѣсяцъ являлся одинъ-другой какой-нибудь новый гость, но все это были залетныя птицы, какъ говорила Зельда, потому-что гости эти бывали только проѣздомъ, чтобъ покормить лошадей, переночевать, или много-много простоять день для мимолетнаго свиданія съ нужнымъ человѣкомъ, что

Digitized by Google

пріѣзжему доставалось не легко и не дешево. Отъ такихъ гостей, обыкновенно всегда сердитыхъ при отъѣздѣ, по причинѣ грозныхъ напоминаній о немедленномъ оставленіи города въ то время, можетъ быть, когда одинъ кусокъ дѣла еще не совсѣмъ додѣланъ, большой поживы ждать нельзя было. Мамисъ и Давидъ Захарьичъ одни составляли основной фондъ доходовъ, разумѣется, довольно скудный, за то постоянный; но когда первый оставилъ городъ, дѣла приняли очень грустный оборотъ: доходы уменьшились ровно на половину. Уже давно семейство матроса отказалось отъ своего вечерняго чаю: это лишеніе рѣшилось въ семейномъ совѣтѣ въ эпоху между вѣстью о смерти стараго Бабиса и еще невѣрными толками объ участи, постигшей злосчастнаго Кременчугскаго лѣсника. Когда послѣднее извѣстіе тоже подтвердилось, было рѣшено изгнаніе и утренняго чаю, мѣсто котораго заступило горячее молоко съ хлѣбомъ; а послѣ отъѣзда Мамиса, и горячее молоко было изгнано, а остался одинъ хлѣбъ для того, кто имѣлъ желаніе, вмѣсто согрѣвающаго завтрака, царапать себѣ глотку сухимъ хлѣбомъ. Давидъ Захарьичъ обыкновенно завтракалъ въ сосѣдней кондитерской.

Такимъ образомъ семейство матроса постепенно отказывалось отъ самыхъ необходимыхъ своихъ привычекъ, лишъ бы какъ-нибудь свести концы съ концами. Къ несчастью еще подрядчики въ то время поставляли самую скверную муку и крупу, такъ что казенное про-

Digitized by Google

довольствіе, которое получалъ Аронъ на свое семейство, не въ состояніи было прибавлять вкуса къ его обѣдамъ и ужинамъ, и безъ того довольно тощимъ и постнымъ. Хотя Аронъ и назначался постоянно въ комиссію, состоявшую изъ врача, коммисара, вахтеровъ и нижнихъ чиновъ, которой обязанностью было свидѣтельствовать ежемѣсячную пропорцію провіанта, представляемаго подрядчикомъ; однако, по невѣдомымъ причинамъ, сыромолотная, пригорклая мука всегда оказывалась чистою *овсянною*, а затхлая круна — отличнаго качества, на что ни вахтера, ни матросы не считали нужнымъ возражать, заключая изъ словъ и тѣлодвиженій *старшихъ*, что въ добросовѣстности поставщика не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Зельда часто ворчала на мужа, упрекая его, зачѣмъ онъ не возвыситъ своего голоса въ комиссіи, на что онъ очень справедливо возражалъ, что совѣтуетъ ей отправиться туда и возвысить голосъ, если имѣетъ охоту, а мнѣ-де зубы ничего худого не сдѣлали, что бы подвергнуть ихъ непріятному прикосновенію чьего бы то ни было кулака.

Но какъ ни ограничивала Зельда свои семейные расходы, все-таки приращенія ни откуда не являлись. Уменьшать расходы полезно при извѣстной степени дохода; но тамъ, гдѣ нѣтъ, или почти нѣтъ охода, гдѣ не изъ чего расходовать, слѣдовательно не съ чего и уменьшать. Рѣшили усилить трудъ. Сендеръ ничѣмъ заняться не могъ: весь день его былъ посвященъ обязанностямъ

Digitized by Google

службы на верфи, въ адмиралтействѣ, въ арсеналѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; на Зельду надежды было мало: на ней лежали всѣ хлопоты по хозяйству; осталась вся надежда на Арона и Машу, которые въ самомъ дѣлѣ принялись за трудъ съ горячностью, чтобы помочь критическому положенію своей семьи. Первый имѣлъ довольно свободнаго времени; онъ крѣпко сталъ потѣть надъ сапогами и просиживалъ за нимъ далеко за полночь. Маша была отличная швея, и принялась кроить и шить разныя кофточки и корсажи для сосѣднихъ *барышенъ*, которыя обѣщали дальнѣйшую рекомендацію при случаѣ. Еще пришла однажды Арону счастливая мысль въ голову—отправиться къ владѣльцу домика, имъ нанимаемаго, старому отставному чиновнику, и попросить у него сбавки съ квартирной платы, потому, дескать, что все противные вѣтры дуютъ, и что трудно становится ему на старости грести противъ теченія. Владѣлецъ, добрый и сговорчивый старичекъ, принялъ въ уваженіе всѣ резоны, представленные ему матросомъ, также и то, что семейство это живетъ въ его домѣ много лѣтъ и содержитъ все въ порядкѣ и чистотѣ, сбавилъ цѣлую треть годовой платы и еще ласково потрепалъ Арона по плечу. Пошли дѣла нѣсколько лучше. Хотя о возвратѣ къ чаю не могло быть и рѣчи, однако утреннее молоко опять вступило во всѣ прежнія права, и горячимъ своимъ паромъ навѣвало свою долю удовольствія на простую и невзыскательную

Digitized by Google

семью матроса. Только для одной Рыбочки допускалась роскошь сахара къ молоку, а иногда даже и свѣжей булочки; но ни то, ни другое не покупалось: они составляли постоянное приношеніе Давида Захарьича. Рыбочка все росла и росла, и въ ту эпоху, когда сбавленная цѣна съ квартиры и усиленная работа Арона и Маши, стали приносить свои скудные плоды и приводить въ забвеніе прошлую крайнюю нужду, Рыбочкѣ было три года, и она уже щеголяла въ голубой ситцевой рубашенкѣ и башмакахъ съ длинными ушками, собственноручнаго издѣлія дѣда, надѣтыхъ на босую ногу. Бабка связала ей двѣ пары чулковъ, но изъ предосторожности старухи, чтобъ они годились на всякую пору жизни, чулки вышли такіе большіе, что въ настоящее время надѣть ихъ на ножку ребенка было бы подвигомъ вполнѣ преждевременнымъ. Рыбочка составляла главное утѣшеніе всего семейства. Старуха была очень довольна, что родилась дѣвочка, а не мальчикъ: причину читатель легко отгадаетъ, если первыя главы нашего разсказа не совсѣмъ вышли у него изъ памяти. Ребенокъ, никогда почти не болѣвшій, былъ всегда веселъ и чрезвычайно кротокъ и добръ нравомъ. Онъ не имѣлъ несчастія быть избалованнымъ разными нянъками и мамками, дразнимъ ими въ дѣтской, взамѣнъ заказныхъ ласкъ, расточаемыхъ при матери въ гостинной, или роняемъ ими на полъ при извѣстнаго рода заигрываніяхъ съ извѣстнаго рода кавалерами; желудокъ Рыбочки не былъ об-

Digitized by Google

ременяемъ разными сластями, кашками и пирожками, о которыхъ бѣдняки и понятія не имѣли. Она росла подъ любящими глазами дѣда, матери и бабки, питаясь однообразной, простой, здоровой пищей, и испытывая искреннія ласки своихъ родныхъ, которымъ нечѣмъ и некогда было баловать ее, и не передъ кѣмъ выставлять эти ласки на показъ. За то у ней были круглыя свѣжія щечки съ ямочками, и зубъ за зубомъ прорѣзывался у нея, рѣшительно не давая знать о себѣ никому. Рыбочка распускалась, не какъ пышная оранжерейная роза, подгоняемая искуственнымъ тепломъ и приносною водой, а какъ простой полевой цвѣтокъ, который согрѣвается божьимъ солнцемъ и окропляется божьей влагой.

Забавно было видѣть, какъ сиживала часто эта малютка возлѣ работающаго надъ сапогомъ Арона, и между безсвязнымъ лепетомъ и безпричиннымъ хохотомъ, съ серьезнымъ видомъ подавала дѣду изъ рабочаго ящика то дратву, то шило, то кусокъ смолы, разумѣется, всегда не впопадъ, и всегда съ настойчивымъ требованіемъ принять подаваемую вещь. Или какъ по пятницамъ, когда Маша производила извѣстную операцію надъ боками извѣстнаго намъ подсвѣчника, Рыбочка, требуя продолженія нескончаемой сказки, о томъ какъ послушныхъ дѣтей одѣли въ чистыя рубахи и накормили кашей съ молокомъ, съ озабоченнымъ видомъ старалась помогать матери, при чемъ непремѣнно выходило, что одна щека малютки оказывалась красною отъ

Digitized by Google

толченаго кирпича, а другая бѣлою отъ растертаго мѣлу. Въ шитье и разглаживанье матери Рыбочка не мѣшалась: съ тѣхъ поръ, какъ она однажды укололась иголкой, и вслѣдъ за тѣмъ же обожгла руку утюгомъ, на рабочемъ столѣ поселился для нея страшный „хо“, котораго однозвучное имя она старалась произносить особенно толстымъ голосомъ, для наведенія страха на самое себя; за то, если попадался бабушкинъ чулокъ, то ужъ былъ веселый праздникъ: спицы вытягивались изъ петель и втыкались куды попало, а безконечный клубокъ все катился и разматывался, катился и разматывался, что заставляло ребенка бить въ ладоши и громко хохотать. Много всегда было хлопотъ Зельдѣ, пока она приводила свой чулокъ въ порядокъ; но послѣ обыкновенныхъ выговоровъ за шалость, старуха всегда оканчивала поцалуемъ и словами: „Чтобъ ты дождалась отъ *своихъ* внучекъ того же самаго!“

Такъ жило да поживало семейство матроса Арона Малкина, а дни, по выраженію жены его, все гнались вслѣдъ за ночами и все укладывались гдѣ-то рядомъ другъ подлѣ друга.

Былъ вечеръ. Давидъ Захарьичъ пришелъ на квартиру, облачился въ свой халатъ съ красными отворотами и кистями. Онъ что-то не чувствовалъ охоты взяться за чтеніе второй части „Парижскихъ Тайнъ“, единственной книжки, попавшей къ нему какими-то судьбами и прочитанной имъ уже разъ десять отъ дос-

Digitized by Google

ки до доски, такъ что ему было даже извѣстно и названіе московской типографіи, въ которой она была напечатана, и число мѣсяца, въ которое она была пропущена цензоромъ. Давидъ Захарьичъ закурилъ трубку и отправился на хозяйскую половину. Все семейство сидѣло за ужиномъ.

— Слышали? сказалъ Давидъ Захарьичъ, подсѣвъ къ столу: — война будетъ!

Зельда и Маша перемѣнились въ лицѣ.

— Съ кѣмъ война? спросилъ Аронъ, положивъ ложку на столъ.

— Съ англичаниномъ, и съ туркомъ, и еще съ кѣмъ-то, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ разсѣянно.

— Экка причина! сказалъ Аронъ: — того и гляди еще наша эскадра отправится въ море.

— Безъ сомнѣнія отправится, подхватилъ Сендеръ. — Съ туркомъ, да съ англичаниномъ война, значитъ, не на сушѣ, а на водѣ.

— Да полно, правда ли еще? вскричала встревоженная Маша.

— Дѣло рѣшенное, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ. — Манифестъ прочтенъ; уже въ Одессѣ портъ заперли.

— А я долженъ былъ къ концу года получить отставку, сказалъ Аронъ задумчиво. — Теперь вѣрно не дадутъ.

— Не дадутъ теперь, дадутъ послѣ, возразилъ

Digitized by Google

Сендеръ. — Чтожъ такое? поколотимъ турковъ хорошенько прежде.

— И наберемъ призовъ, подхватилъ отецъ. — У-у наберемъ! достанется, значитъ, и нашему брату, матросу, на долю что-нибудь, и то и другое, и туда-сюда, и мало-ли что.

Онъ сталъ потирать руки отъ удовольствія.

— И мало ли что! возразила старуха брюзгливо. — И голову можно положить, и мало ли что!

— Э, кто объ этомъ думаетъ, баба? вскричалъ Аронъ.

— Да какъ же не думать? сказала Маша, почти сквозь слезы: — вѣдь война это явная смерть.

— Какъ для кого, душа моя, отвѣчалъ Сендеръ, улыбаясь: — отъ смерти не спрячешься: и подъ кроватью найдетъ.

— Резонъ, резонъ—сказалъ Давидъ Захарьичъ. — У меня былъ знакомый, который боялся грому. Разъ, знаете, насунулась страшная гроза, онъ возьми, да спрячься въ погребъ. Чтожъ, думаете, помогло? ничуть. Ударила молнія въ крышу дома, прошла сквозь трубу, повертѣлась по комнатамъ, расплавила чугунный котелъ въ кухнѣ, прошла черезъ кладовую, мимоходомъ сожгла въ пепелъ кучу свѣжей капусты, оттуда пролетѣла черезъ дворъ прямо въ погребъ, укокошила нашего пріятеля, воротилась назадъ и тѣмъ

Digitized by Google

же путемъ вылетѣла черезъ трубу. Вотъ тебѣ и прячься отъ смерти!

Зельда покачала головой, очень яственно давая знать, что нѣсколько сомнѣвается въ этихъ странныхъ похожденіяхъ молніи.

— То, впрочемъ, другое дѣло, сказала старуха, — а война тоже другое. На войнѣ такихъ молній не одна, а тысячи, и всѣ онѣ бьютъ прямо въ цѣль; не надо имъ проходить ни черезъ кухни, ни черезъ кучи съ капустой.

— Все одинъ чортъ—отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ: — когда не суждено умереть, такъ не умрешь. Былъ у меня другой знакомый. Запутался крѣпко въ дѣлахъ: Сибирью пахло. Надоѣла ему жизнь. Вотъ онъ вздумай себя отравить. Умеръ человѣкъ совсѣмъ. Такъ нѣтъ же: начали ему саванъ надѣвать, — его и вырвало; выздоровѣлъ. Пошелъ онъ и повѣсился ночью у себя на чердакѣ. Висѣлъ онъ, вѣрно, долго; но веревка оборвалась и онъ упалъ на полъ. Хватились его, отыскали и привели въ чувство. Наконецъ, бросился онъ въ рѣчку. Нѣсколько часовъ лежалъ подъ водой; рыбаки неводъ закинули и, вмѣсто рыбы, вытащили это сокровище. Начали качать, качали и откачали скотину. Онъ плюнулъ и отправился таки соболей ловить.

— Пожалуста, съ вашими баснями! сказала старуха. — Хорошо вамъ разсуждать: вы будете себѣ

Digitized by Google

спокойно дома сидѣть, когда другіе будутъ проливать кровь.

— Не буду и я спокойно дома сидѣть, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ. — Давно ждалъ я такого случая. Укачу въ Молдавію... тамъ наши стоятъ: дѣлъ казенныхъ видимо-невидимо, — это по моей части. Вотъ случай пожить хорошо, да въ добавокъ разбогатѣть.

— „Еще этого недоставало, подумалъ старый матросъ: прійдется оставить женщинъ однѣхъ, подвергнуться опасностямъ войны, — а тутъ еще ускользаетъ и послѣдній постоялецъ, отъ котораго получалось нѣсколько вѣрныхъ рублей въ подмогу.“ —Эта самая мысль поразила и Зельду, но на одинъ только мигъ: опасенія за жизнь мужа и сына опять выступили на первый планъ.

— То-то, сказала она съ грустью: — васъ ждетъ роскошь, можетъ быть богатство, а солдата ждутъ разныя опасности войны.

— А меня развѣ не ждутъ опасности войны! вскричалъ Давидъ Захарьичъ. — Могу я, напримѣръ, поставлять для арміи говядину, или водку, или хлѣбъ, а тутъ вдругъ перестрѣлка; чтожъ, думаете, пуля пощадитъ меня, что-ли? Не можетъ развѣ какой-нибудь *шыгылыкъ-башлыкъ* меня взять въ плѣнъ и промѣнять на барана? Вотъ и доведется ословъ пасти у турка, или быть сторожемъ въ его гаремѣ и.... и.... и.... и....

Digitized by Google

Онъ запнулся. Ему пришла въ голову какая-то непріятная мысль.

— И мало ли что можетъ случиться! продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Могу даже попасть подъ военный судъ за здорово живешь: вѣдь военное время не шутка!

— Что съ вами толковать! сказала старуха.—Нашли сравненіе между собой и солдатомъ.

— Эка важность что солдатъ! отвѣчалъ онъ: — бывали и мы въ разныхъ передрягахъ. Вы думаете, я войны не видалъ? клянусь честью! Разъ на Кавказѣ я былъ по дѣламъ въ небольшой крѣпости. Вдругъ напали горцы; ну, пошла потѣха. Десять часовъ сряду продолжалась пальба; просто чуть не оглохъ.... душа едва въ тѣлѣ удержалась. Хотя я и не *очень-то*, прибавилъ онъ, мигнувъ значительно своимъ косымъ глазомъ: — а все таки цѣлый день псалтырь читалъ.

Матросы разсмѣялись.

— То-то, псалтырь вы читали, замѣтила Маша: — а еслибъ пришлось съ глазу на глазъ съ непріятелемъ схватиться, да ружьемъ поработать....

— Вотъ къ этому таланта не имѣю, признаюсь, отвѣчалъ Давидъ Захарьичъ спокойно. — Пробовалъ разъ, да не повезло. Имѣлъ я отличную табакерку съ музыкой—семь штукъ играла. Привязалась одна очень милая дама — промѣняй, да промѣняй на гитару съ нею: нечего дѣлать. Сталъ я учиться на гитарѣ, —

Digitized by Google

всѣ пальцы у меня опухли; надоѣла, проклятая, я ее и промѣнялъ на черешневый чубукъ. Чубукъ былъ отличный, черный, съ цѣльной кожицей, безъ всякихъ заплатъ, да неудобно было курить изъ него: черезъ чуръ былъ толстъ. Случился любитель, я и промѣнялъ ему чубукъ на ружье. Вотъ пошелъ я въ поле стрѣлять. Что тамъ такое въ зарядѣ было, — *черный годъ* его знаетъ; но послѣ выстрѣла меня такъ хватило прикладомъ по щекѣ, что всякая охота къ стрѣльбѣ съ тѣхъ поръ пропала, ей Богу!

— Какъ же это такъ неожиданно война? сказала Зельда, которой лежало свое на умѣ. — Вѣдь, просто, нечаянно: ничего не слыхать было прежде.

— Вольно жъ тебѣ газетъ не читать, матушка, отвѣчалъ Сендеръ, смѣясь. — А по газетамъ ужъ давно умные люди замѣчали, что быть чему-нибудь

— А ты ничего не говорилъ! сказала Маша съ упрекомъ.

— Легче бы тебѣ было, еслибъ говорилъ? отвѣчалъ мужъ.

— Все таки свыклись бы какъ-нибудь исподоволь.

— Свыкнешься и такъ, Маша-жизнь, хоть не захочешь, свыкнешься.

— Экка каменныя сердца у этихъ мужчинъ!

Обѣ женщины горько заплакали.

— Чтожъ, расхныкаться и намъ, что ли, бабье вы неразумное? — вскричалъ старый матросъ. —

Digitized by Google

Одни мы идемъ, что ли? Развѣ другимъ жизнь не мила, нѣтъ у нихъ женъ, дѣтей? Идутъ же, да еще пѣсни распѣваютъ; а мы, вотъ, еще до похода головы должны повѣсить: дескать, бѣда бѣдовая: на войну идти приходится, свѣта представленье! куда бы спрятаться? ухъ, страшно! пуля свиститъ — еще убьетъ, пожалуй!... Ну, убьетъ, такъ убьетъ: значитъ, человѣкъ честною смертью умеръ, заплатилъ отечеству свой долгъ.... Отечество призритъ вдовъ и сиротъ, а павшихъ помянетъ добрымъ словомъ и... и... и то и другое, и туда-сюда!

Энергическая рѣчь Арона нѣсколько подѣйствовала на его жену и невѣстку.

— А можетъ быть еще и кончится ничѣмъ? проговорила Маша послѣ нѣкотораго молчанія, видимо стараясь успокоить свекровь и себя.

— И то можетъ быть, отвѣчалъ Аронъ, вставъ изъ за стола и бросивъ бѣглый взглядъ на сына.

Сендеръ прищурилъ одинъ глазъ и едва замѣтно шевельнулъ плечомъ, давая тѣмъ замѣтить отцу, что война дѣло рѣшенное, но что бабъ нечего разочаровывать прежде времени. Молодой матросъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, остановился будто случайно у постели Рыбочки, поправилъ что-то и, вперивъ глаза въ спящаго ребенка, простоялъ около минуты. Этотъ взоръ не ускользнулъ отъ вниманія старухи, какъ будто молотки застучали въ вискахъ у нея отъ этого

Digitized by Google

задумчиваго взора, устремленнаго сыномъ ея на покоющуюся малютку, быть можетъ, уже обреченную на сиротство. Маша, подъ вліяніемъ своего улыбающагося предположенія, очень прилежно занялась уборкой со стола и ничего не замѣтила.

У Сендера готовъ былъ вырваться изъ груди вздохъ, но встрѣтивъ большіе, выразительные глаза своей матери, онъ задушилъ его и принялся тихонько насвистывать.

— Ну, пора на боковую, сказалъ Аронъ, когда Давидъ Захарьичъ кончилъ свою трубку и ушелъ къ себѣ въ комнату. — Лягу и я пораньше сегодня: завтра нужно кой чѣмъ позаняться.

Долго не могла Зельда сомкнуть глазъ въ эту ночь. Какъ всякой простой женщинѣ, не чуждой суевѣрія, ей эта нѣмая грусть сына надъ постелью малютки казалась дурнымъ предзнаменованіемъ. Всѣ ея старыя опасенія, которыя заснули на время отъ привычки и отъ продолжительнаго мира, вдругъ пробудились и предстали еще грознѣй, чѣмъ въ былые годы. — Есть въ молодости, какъ бы она скупа ни была на радости, своя особенная волшебная сила. Она облегчаетъ самую трудную жизнь; впереди вѣчно улыбается что-то невѣдомое, что заставляетъ мириться съ настоящими невзгодами. Всѣ представленія безпокойнаго ума, старающагося откапывать для себя опасенія, и даже самыя правдоподобныя, смягчаются этой волшебной силой молодости, и страшные призраки возникаютъ и

Digitized by Google

умираютъ по нѣскольку разъ, оставляя за собой самые слабые слѣды. Но лѣта уносятъ ее, эту силу, и стираютъ загадочную улыбку съ будущности. Будущность становится неумолимо ясною. Что сулитъ она,—это не можетъ подлежать сомнѣнію, когда большая часть жизни отложила свою пробу и вполнѣ высказалась. Въ эту пору, когда нѣтъ уже смягчающаго бальзама молодости, когда похоронено такъ много, а родиться ужъ нечему—каждый ударъ падаетъ всей своей истинной тяжестью и получаетъ свою настоящую цѣну. — Грустныя размышленія давили старуху и бросали ее то въ жаръ, то въ холодъ. Только съ разсвѣтомъ уснула она, но сонъ ея былъ тревожимъ страшными грезами, въ которыхъ смерть, одиночество, нищета, играли самую видную роль.

На другой день Аронъ вышелъ рано изъ дому и воротился только къ полудню. Онъ имѣлъ очень озабоченный видъ, но казался совершенно спокойнымъ.

— Ну, что? спросила его жена, когда онъ, бросивъ въ уголъ фуражку, сталъ приниматься за свой рабочій ящикъ.

— Приказъ прочитанъ: мы выступаемъ черезъ нѣсколько дней въ море, отвѣчалъ матросъ.

— Такъ это дѣло рѣшенное, значитъ?

— Какъ дважды два — четыре.

— Куда же направляется флотъ?

Digitized by Google

— Это не наше дѣло, — куда прикажутъ, сухо отвѣчалъ матросъ.

Старуха пригорюнилась и начала печально качать головой.

— Пусть будетъ, что Богъ дастъ! произнесла она почти шопотомъ

— Давно бы такъ, отвѣчалъ мужъ, не отрывая глазъ отъ своей работы.

Вечеромъ происходилъ семейный совѣтъ, который имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что по случаю отъѣзда Давида Захарьича, нужно непремѣнно запастись небольшою суммою денегъ, чтобы женщины, въ отсутствіе своихъ мужей, не терпѣли большой нужды.

Нѣсколько дней, оставшихся до похода, прошли въ хлопотахъ для Арона и Сендера. Они успѣли сдѣлать у знакомыхъ небольшіе займы и такимъ образомъ сколотили незначительную сумму, которая могла на нѣсколько мѣсяцевъ обезпечить ихъ семью въ необходимыхъ потребностяхъ. Отъ разсчета съ Давидомъ Захарьичемъ, перенесшимъ свой кочевой шатеръ на берега Дуная, тоже прибавилось кое-что. Давидъ Захарьичъ укатилъ черезъ два дня послѣ принятаго имъ рѣшенія: онъ не любилъ откладывать. Для Зельды и Маши время, оставшееся до выступленія эскадры, пролетѣло съ невѣроятной быстротой. Онѣ вчастую принимались охать и вздыхать, не смотря на успокоительныя и благоразумныя представленія мужей. Рыбочка,

Digitized by Google

узнавъ, что „дѣдя“ и „тятя“ куда-то уѣзжаютъ, не отступала отъ нихъ и постоянно ласкалась то къ одному, то къ другому, настоятельно требуя, чтобы они взяли съ собой и ее, и „бабу“ и „маму“.

Наконецъ, наступилъ день, который такъ грозно несся на встрѣчу скорбящимъ женщинамъ. Фрегатъ, на которомъ служили Аронъ и Сендеръ, гордо покачиваясь на зыбкой поверхности, долженъ былъ выступить въ полдень. Въ семь часовъ утра командѣ уже слѣдовало быть на мѣстахъ. За часъ до этого времени отецъ и сынъ поспѣшно одѣлись, помолились, собрали по небольшому узелку и положили въ карманы свои маленькіе молитвенники. Женщины сидѣли въ какомъ-то забытьи. Онѣ, молча, глядѣли на приготовленія мужей. Казалось, всѣ чувства притупились въ нихъ и сосредоточились въ одну глубокую скорбь, которая искала себѣ выхода и готова была излиться бурнымъ потокомъ

— Ну, съ Богомъ! вскричалъ Аронъ Малкинъ, застегнувъ на себѣ шинель.—Чуръ, не ревѣть: скверные проводы, когда плачутъ.

Жена бросилась къ нему на шею, потомъ къ сыну, потомъ опять къ старику; тоже самое дѣлала Маша, и это повторилось нѣсколько разъ, такъ что или одинъ или другой лежалъ въ объятіяхъ одной изъ тихо рыдающихъ женщинъ. Старикъ взялъ на руки внучку, горячо прижалъ ее къ сердцу и передалъ сыну.

Digitized by Google

— Съ Богомъ! повторилъ старый матросъ. — Пора! отваливай отъ берега.

Сендеръ вырвался изъ объятій жены и матери и, вытирая фуражкой глаза, послѣдовалъ за отцомъ. Старуха и Маша, съ Рыбочкой на рукахъ, проводили ихъ до воротъ, и тутъ повторились опять объятія и слезы.

— Знаете, батюшка? сказала Маша, всхлипывая: — мы васъ проводимъ до пристани и подождемъ тамъ, пока фрегатъ снимется,

— Ни съ мѣста! отвѣчалъ старикъ строго. — Не мѣшать намъ. За порогомъ должны оставаться наши связи: на палубѣ у насъ нѣтъ болѣе ни женъ, ни дѣтей. Намъ жена — служба царская, а дѣти — приказанія старшихъ. Другая намъ теперь дорога, — куда она поведетъ? — это извѣстно вонъ гдѣ...

Онъ поднялъ глаза къ небу, и всѣ, по какому-то таинственному влеченію, послѣдовали его примѣру.

— Съ Богомъ, въ третій разъ! вскричалъ Аронъ и, взявъ сына за руку, почти насильно потащилъ его за собой.

Зельда и Маша стояли убитыя горемъ и провожали ихъ глазами, унимая Рыбочку, которая протягивала ручонки и спрашивала; зачѣмъ онѣ однѣ остались, когда „дѣдя“ и „тятя“ ушли. Сендеръ безпрестанно оборачивался и дѣлалъ знаки рукой. При поворотѣ за уголъ улицы, старикъ, до того шедшій бодро и прямо, украдкой бросилъ взглядъ назадъ и быстро отвернулъ

Digitized by Google

голову. Уже за угломъ голова его какъ-то свѣсилась на одинъ бокъ, и вдоль его лица, испещреннаго морщинами, прокатились двѣ жгучія и ѣдкія слезы.

Что-то зловѣщее вѣяло со стѣнъ, когда женщины возратились въ комнаты. Не первый разъ случалось, что ни Арона ни Сендера не было дома и даже по нѣскольку дней сряду; но отчего же теперь, когда едва прошло нѣсколько минутъ, какъ они вышли, сдѣлалось вдругъ такъ пусто во всѣхъ углахъ, и стекла въ окнахъ будто потускнѣли и не пропускаютъ свѣта? Эта мысль поразила обѣихъ и онѣ, посмотрѣвъ, другъ другу въ глаза, сѣли рядомъ на скамью и долго просидѣли, наклонивъ головы и не проронивъ ни одного слова.

Наконецъ, старуха прервала молчаніе.

— Еслибъ завтра не святая суббота, сказала она — я бъ сегодня и печки не топила.

— Да, отвѣчала Маша тихо. — Кому теперь ѣда на умѣ?

Онѣ опять замолчали.

— А какъ на войнѣ, матушка? мало остается живыхъ? спросила Маша черезъ нѣсколько минутъ.

— Какъ иногда, отвѣчала старуха. — Покойный мой отецъ разсказывалъ, что когда французы наткнулись на Москву, то ни одинъ почти изъ нихъ назадъ не воротился.

Лицо Маши приняло выраженіе ужаса.

Digitized by Google

— Ну, это не всегда бываетъ, продолжала старуха: — многіе возвращаются назадъ и невредимы: какъ кого милуетъ Господь.

— Стало быть вся надежда на Бога, сказала Маша.

Зельда набожно подняла глаза къ верху.

Въ комнатѣ наступило глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое лепетомъ Рыбочки, для которой каждый неодушевленный предметъ, попавшій въ ея руки, превращался въ живое существо, съ которымъ она вела разговоръ по-своему. По временамъ, изъ груди одной или другой изъ женщинъ вырывался громкій вздохъ, похожій болѣе на болѣзненный стонъ тяжело больного, у котораго не хватаетъ уже силъ даже для стенаній. Онѣ сидѣли сложивъ руки, и дѣйствительно не думали ни о ѣдѣ, ни о хозяйственныхъ занятіяхъ, и, можетъ быть, забыли бы и о томъ, что пищу нужно приготовить и для завтрашняго дня, еслибъ въ это время не въѣхала къ нимъ на дворъ почтовая телѣга, привезшая проѣзжаго гостя. Незнакомецъ спросилъ комнату и объявилъ, что остается до воскресенья въ городѣ. Поневолѣ надобно было топить печь и взяться за стряпанье. Но у бѣдныхъ женщинъ все валилось изъ рукъ. Зельда разъ опрокинула горшокъ съ кипяткомъ, въ другой бросила въ соусъ, вмѣсто луковицы, горячій уголь; а Маша долгое время вертѣлась по комнатамъ, отыскивая ножи и тарелки, которымъ мѣсто было обыкновенно въ

Digitized by Google

небольшомъ висячемъ шкапу, что было извѣстно всему дому, не исключая даже маленькой Рыбочки. Однако занятія и приготовленія сдѣлали ихъ нѣсколько спокойнѣе, если можно назвать спокойнымъ состояніе ума, занятаго постоянно однимъ предметомъ, или видящаго одну точку, около которой все остальное вертится безпорядочно и безтолково, какъ не нужное и лишенное всякаго интереса. Чуть не было забыто чищеніе трехвѣтвистаго подсвѣчника, еслибъ объ этомъ не напомнила Рыбочка, которая видя процессъ замазыванія печи, — что, какъ извѣстно, происходитъ по пятницамъ, — знала, что вслѣдъ за этимъ чередъ доходитъ до подсвѣчника. Наступилъ вечеръ. Зельда остановилась предъ свѣчами, зажженными въ ея домашнемъ клейнодѣ; Маша заняла свое мѣсто на краю стола, напередъ поставивъ Рыбочку на самый столъ, — обыкновенное, въ этихъ случаяхъ, мѣсто ребенка, съ любопытствомъ всегда наблюдавшаго, какъ „баба“ молилась передъ свѣчами. Обѣ женщины, какъ будто сговорившись, начали медленно озираться кругомъ. Чего-то недоставало въ этой комнатѣ, чего-то сердечно теплаго и драгоцѣннаго, чему цѣна узнается еще болѣе по утратѣ. Старуха быстро прикрыла глаза руками и начала тихо молиться; но изъ подъ ея пальцевъ обильныя слезы пробивались двумя ручьями.

— Чего „баба“ плачетъ? спросиля Рыбочка,

Digitized by Google

— Молить Бога за „дѣдю“ и „тятю“. отвѣчала Маша, всхлипывая.

— Давай и я! вскричалъ ребенокъ, и ручонками прикрылъ себѣ лицо.

Нѣсколько минутъ длилась молитва трехъ безпомощныхъ существъ, изъ которыхъ одно приближалось къ гробу, другое просилося жить, а третье едва пробивалось на свѣтъ Божій, какъ нѣжная травка при первомъ дыханіи весны; и, наконецъ, отъ тихаго плача и всхлипыванья, молитва эта перешла въ громкое рыданіе, скопившееся и подавленное въ послѣдніе дни горе стремительно прорвалось наружу. Давъ волю своимъ слезамъ, обѣ женщины долго не замѣчали, что ребенокъ плачетъ навзрыдъ вмѣстѣ съ ними.

VIII.

Грустно и однообразно тянулись дни для одинокихъ женщинъ. Изрѣдка являлся какой- нибудь проѣзжій и на короткое время оживлялъ ихъ печальное уединеніе. Иногда рѣшались онѣ робко подступить къ проѣзжему съ распросами о ходѣ военныхъ дѣлъ; но о томъ, чего имъ пламеннѣе всего хотѣлось знать, не могли онѣ получить удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Большую часть ночей проводили онѣ въ безсонницѣ, особенно старуха, не могшая, со времени отлучки мужа и сына, сомкнуть глазъ иногда по цѣлымъ ночамъ. Отчего это такъ безконечно долго тянутся дни и ночи? говаривала она

Digitized by Google

часто своей снохѣ, и тяжко вздыхая, вспоминала время, когда ей казалось, что дни и ночи слишкомъ быстро гонятся другъ за другомъ.

Наконецъ — разразились синопскіе громы. Люди на улицахъ при встрѣчѣ пожимали другъ другу руки, поздравляли одинъ другого; на лицахъ ихъ сіяла радость отъ такого блистательнаго начала. Но наши побѣдоносные корабли не досчитались большого числа храбрыхъ, заплатившихъ жизнію свой долгъ отечеству. Въ числѣ ихъ были Аронъ и Александръ Малкины: одна бомба положила и отца и сына.

Если можно себѣ представить, что чувствуетъ скупецъ, моривший себя голодомъ и холодомъ, и доведшій свою скупость до такого утонченія, что не дозволялъ себѣ даже взглядывать на свое золото, которое бросалъ сквозь узкое отверстіе въ замкнутый сундукъ, а откладывалъ со дня на день это великое наслажденіе, и состарѣлся и сгорбился такимъ образомъ, — что чувствуетъ, говоримъ мы, подобный скупецъ, когда послѣ долгаго вѣка лишеній и сдержаннаго горячаго нетерпѣнія, онъ. дрожа всѣми членами, отпираетъ заржавѣлый замокъ, готовясь увидѣть то, что составляло цѣль и душу его жизни, и вдругъ, вмѣсто золота, находитъ кучу камней, и мысленно сознаетъ, что воротиться назадъ уже нельзя и для начатія съизнова уже не осталось болѣе времени; — если есть возможность представить себѣ все это, то можно составить себѣ понятіе и о

Digitized by Google

томъ, что чувствовала старая Зельда, при полученіи извѣстія о смерти мужа и сына.... Маша ничего не чувствовала: она впала въ горячку и около двухъ недѣль пролежала въ совершенномъ безпамятствѣ.

Было около восьми часовъ вечера. Тоска, давно водворившаяся въ знакомомъ намъ маленькомъ домикѣ, казалось, въ этотъ вечеръ достигла своего крайняго предѣла: и извнѣ, и внутри — все споспѣшествовало къ расширенію власти этой мрачной владычицы. Грозныя тучи носились по воздуху и, подгоняемыя вѣтромъ, то ложились какъ горы одна на другую, образуя непроницаемую массу, то отдѣлялись или разрывались, оставляя дымчатое пространство, сквозь которое на мигъ, въ неизмѣримой дали, проглядывала одинокая звѣздочка. Рѣдкій дождь съ силой падалъ на землю и, то порывисто, то мѣрно, ударялъ въ оконныя стекла, производя безпорядочный стукъ, словно дробь, бросаемая со всѣхъ сторонъ прихотливою рукой. Вѣтеръ, прорываясь въ трубу, издавалъ свирѣпый ревъ, который, съуживаясь болѣе и болѣе, переходилъ иногда въ свистъ, иногда въ дикое завыванье; но все вмѣстѣ, по быстротѣ своей, составляло какой-то ужасающій вопль, проникающій прямо въ душу. Дремавшая у печки кошка, при каждомъ порывѣ вѣтра, раскрывала свои свѣтящіеся желтые глаза и испускала слабое, болѣзненное мяуканье. Дребезжащій свѣтъ сальнаго огарка, своимъ затѣйливымъ колыханьемъ съ боку на бокъ, казалось только

Digitized by Google

дразнилъ зрѣніе, потому-что давалъ возможность видѣть лишь толстую грибообразную головку сильно нагорѣвшаго фитиля, — всѣ прочіе предметы въ комнатѣ болѣе или менѣе скрывались подъ мракомъ и теряли свои естественные формы и размѣры. Тоска и тоска, куда ни поглядишь, къ чему ни прислушаешься.

Маша, недавно оправившаяся отъ болѣзни, сидѣла въ наклоненномъ положеніи, и держа на колѣняхъ свою маленькую дочку, обняла ее крѣпко руками, приложивъ свой подбородокъ къ ея курчавой головкѣ. Щеки Маши потеряли свою круглость и свой густой румянецъ; изъ глазъ ея, очерченныхъ двумя большими синими кругами, капали слезы на волосы ребенка, который очень усердно пытался старую салфетку превратить въ куклу. Зельда сидѣла у стола, подпершн голову одною рукой; глаза ея безсознательно были устремлены на фитиль огарка, около котораго лѣниво и съ трудомъ лѣпился слабый свѣтъ.

— Когда же это будетъ „дѣдя“ и..... „тятя“? спросила вдругъ Рыбочка. Въ послѣднее время она часто повторяла этотъ вопросъ.

Обѣ женщины посмотрѣли другъ на друга.

— Когда? скажи, мама, продолжала Рыбочка.

— Никогда! отвѣчала Маша, и въ этомъ одномъ словѣ было столько боли и скорби, что у старухи вырвался звукъ, подобный тому, какой вырывается у чело-

Digitized by Google

вѣка, когда внезапный рѣзкій холодъ пронизываетъ все его тѣло.

— Отчего такъ? спросила опять дѣвочка, — нѣтъ, я не хочу: пусть они прійдутъ, пусть они прійдутъ, бабушка.

— Они умерли, дитя мое, отвѣчала Зельда: — ихъ убилъ врагъ....

Старуха остановилась на мгновеніе.

— Убили, убили твоего тятю и дѣдю, продолжала она тихо, будто напѣвая печальную пѣсенку: — убили и опустили въ море.... на самое дно.... и ужъ намъ ихъ больше не видать.

Старуха опять остановилась. Ребенокъ, бросивъ куклу, вперилъ глаза въ бабку.

— Больше не видать, продолжала Зельда тѣмъ же тономъ и качая головой: — какъ не видать вчерашняго дня. Ахъ! въ холодную воду бросили ихъ, и никто не прочелъ надъ ними молитвы, и никто не проронилъ надъ ними слезинки.....

Вдругъ раздался стукъ. Дверь растворилась и въ комнату вошелъ Гаврило Ѳедоровичъ.

— *Хай тоби бисъ!* вскричалъ онъ: — какая темь! чуть шеи не сломилъ.... Сними со свѣчки, ты, дура! Ишь, людей морочатъ: свѣча будто и горитъ.... а тутъ того и глядн.... носъ разобьешь.

Маша исполнила приказаніе квартальнаго; въ комнатѣ сдѣлалось свѣтлѣй.

Digitized by Google

— Ну, жидовки, въ дорогу, сказалъ квартальный, сѣвъ на стулѣ и вытаскивая изъ за обшлага сложенную бумагу.

Свекровь и сноха вопросительно посмотрѣли на него.

— *Ось воно якъ*, продолжалъ онъ, ударивъ рукой по бумагѣ: — приказано *вытарабанить*.... вотъ — предписаніе.

— За что же? дрожащимъ голосомъ рѣшилась спросить старуха, у которой кровь застыла въ жилахъ при мысли, что ей прійдется скитаться по міру со снохой и внучкой.

— Извѣстное дѣло за что, отвѣчалъ Гаврило Ѳедоровичъ.. — Пока ваши мужья были на службѣ... ну, хорошо, и были..... а теперь ихъ нѣтъ на службѣ.... а евреямъ здѣсь жить не позволяется.... евреямъ, еврейкамъ, какой бы тамъ чортъ ни былъ! Вотъ всѣхъ.... не только васъ... всѣхъ вдовъ... выгнать....

Женщины начали ломать руки.

— Куда же мы дѣнемся, Боже милосердый! крикнули обѣ разомъ.

— *А мини яке дило?* отвѣчалъ квартальный, вставъ со стула — *шукайте де лучше*... Три дня вамъ то есть сроку, а тамъ пѣняйте на себя.... съ солдатами выпровожу... все изъ дому въ грязь побросаю. — *Хай вамъ бисъ!* только хлопоты мнѣ съ вами, заключилъ онъ, вышедъ и захлопнувъ дверь за собой.

— Велики, значитъ, грѣхи наши, смиренно произ-

Digitized by Google

несла Зельда по уходѣ квартальнаго. — Не даромъ Богъ посылаетъ испытаніе за испытаніемъ.

Въ три дня вдовы успѣли распродать свою скудную мебель, свои постели, кухонную посуду и всѣ прочія пожитки, которыхъ нельзя было взять съ собой. Онѣ разсчитались съ хозяиномъ дома, расплатились съ тѣми, у кого мужья заняли деньги передъ походомъ, и холоднымъ весеннимъ утромъ отправились пѣшкомъ изъ города. У каждой изъ нихъ висѣла небольшая котомка за плечами; надъ котомкой старухи возвышался наслѣдственный подсвѣчникъ, тщательно завернутый въ холстину. Маша вела за руку Рыбочку. Вышедъ за заставу, старуха обернулась назадъ и остановилась. Она бросила грустный взглядъ на этотъ городъ, въ которомъ протекло около двадцати пяти лѣтъ ея жизни, и съ которыми были связаны самыя дорогія ея воспоминанія. Нѣсколько минутъ простояла она въ молчаніи, и въ это короткое время снова пережила все свое прошедшее.

— Уйдемте, матушка, прошептала Маша, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ. — Уйдемте скорѣй отъ этихъ мѣстъ, гдѣ не знаютъ жалости....

Старуха вздрогнула и тихо поплелась за снохой.

Путь странницъ лежалъ къ большому торговому городу, отстоявшему отъ нихъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Непривычныя къ ходьбѣ и обезсиленныя тяжестью Рыбочки, которую по временамъ несли на рукахъ то одна, то другая изъ нихъ, онѣ часто садились отдыхать у

Digitized by Google

верстовыхъ столбовъ. Около полудня, усталыя и голодныя, добрались онѣ до небольшой деревни и зашли въ домъ еврея, имѣвшаго тамъ мельницу на оброкѣ и содержавшаго родъ постоялаго двора.

Старый сѣдобородый еврей, сидѣвшій надъ толстою книгой, съ поникнутой головой выслушалъ печальную повѣсть странницъ, разказанную въ краткихъ словахъ. Онъ и все его семейство приняли самое горячее участіе въ изгнанницахъ. Накормивъ и напоивъ ихъ, старикъ объявилъ на-отрѣзъ, что не пуститъ ихъ пѣшкомъ въ такую дальнюю дорогу, и что завтра самъ отвезетъ ихъ въ городъ.

— Вѣдь вамъ спѣшить некуда, заключилъ старикъ: — такъ лучше отдохните, а завтра будемъ у мѣста.

— Кудажъ намъ спѣшить? отвѣчала Маша печально: — намъ все равно, днемъ раньше, днемъ позже. У насъ тамъ нѣтъ ни роду ни племени: вся наша семья тутъ на лицо.

Онѣ провели весь остатокъ дня среди добрыхъ людей, ухаживавшихъ за ними съ заботливостью самыхъ близкихъ родныхъ. Вдовы почувствовали большое облегченіе, потому-что давно не видали онѣ знаковъ участія, давно не слышали ласковаго, теплаго слова. Со смертью мужей умерло для нихъ все то, что сглаживаетъ шероховатость жизни бѣдныхъ людей и даетъ возможность находить и въ ней свою долю радости. Значительная тяжесть свалилась у нихъ съ груди, когда онѣ впервые

Digitized by Google

услышали слова утѣшенія: послѣднія событія до того были послѣдовательно жестоки, что этимъ женщинамъ казалось, будто на нихъ обрушилось и небо, и земля,— что ихъ удѣлъ — только одиночество среди этого обширнаго, холоднаго и хлопотливаго міра.

Вечеромъ усѣлись за чай. Старикъ съ женой и дѣтьми наперерывъ старались угощать странницъ, или ласкать и цаловать маленькую Рыбочку. Давно не вкушали Зельда и Маша такой роскоши.

— Что вы думаете предпринять? спросилъ старикъ.

— Мы такъ ошеломлены внезапнымъ изгнаніемъ, отвѣчала Зельда: — что ни о чемъ не успѣли подумать.

— Я имѣю *тамъ* знакомыхъ, сказалъ старикъ: — авось общими силами удастся устроить вашу судьбу.

— Нѣтъ, прошу васъ, отвѣчала Зельда: — не хочу прибѣгать къ благодѣяніямъ... Я всю жизнь трудилась честно: буду и теперь трудиться.

— Но вѣдь это не легко, возразилъ хозяинъ. — Въ чужомъ городѣ какой тамъ трудъ отыщется для старой женщины.

— Буду служить, рѣшительно отвѣчала Зельда. — Всю жизнь стряпала, — въ кухарки, думаю, пріймутъ кто-нибудь.

— А я поступлю къ швеѣ, сказала Маша: — немного смыслю въ этомъ мастерствѣ. Если ужъ не хозяйками будемъ жить съ матушкой, и даже не въ одномъ домѣ,

Digitized by Google

то все же прійдется часто видѣться. И то для меня большое счастье!

Старикъ пристально посмотрѣлъ на Машу и, взявъ свою толстую книгу, началъ ее перелистывать.

— Вотъ, точь въ точь какъ *тутъ*, сказалъ онъ, положивъ руку на открытую страницу и глядя на Машу: — и *тутъ* сноха-вдова говоритъ своей свекрови-вдовѣ: „куда ты, туда и я, гдѣ ты преклонишь голову, тамъ и я!“ * — Да ниспошлетъ вамъ Господь-Богъ обѣимъ утѣшеніе и спокойствіе!

На другой день утромъ, повозка, запряженная въ одну лошадь и намощенная сѣномъ, уже ждала нашихъ странницъ у воротъ. Онѣ усѣлись, не переставая благодарить ласковое семейство, вышедшее ихъ провожать. Хозяинъ началъ бережно укладывать скудные ихъ пожидки.

— Къ чему таскаться съ этимъ подсвѣчникомъ? сказалъ онъ: — оставте его лучше у меня: я вамъ заплачу хорошую цѣну.

— Ни за какія блага, отвѣчала Зельда рѣшительно. — Этотъ подсвѣчникъ переходитъ изъ рода въ родъ въ моемъ семействѣ. Еще моя прабабка спасла его во время пожара и грабежа въ одинъ изъ набѣговъ Гонты: теперь и со мной случилось нѣчто подобное. Еслибъ я изнемогала отъ голода, то и тогда скорѣе рѣшилась

* Руѳь.

Digitized by Google

бы просить подаяніе, чѣмъ продать мое семейное сокровище.

Старикъ бросилъ почтительный взглядъ на Зельду и проворно сѣлъ на облучекъ повозки. Молча погналъ онъ свою лошадку, и повозка покатилась по ровной и гладкой дорогѣ къ цѣли своего назначенія.

Пріѣхавъ въ городъ, старикъ вторично намекнулъ Зельдѣ о своихъ знакомыхъ, которые охотно приняли бы живое участіе въ судьбѣ ея и ея снохи; но Зельда и Маша опять отклонили его предложеніе, объявивъ на отрѣзъ, что не хотятъ быть никому въ тягость. По ихъ увѣренію, у нихъ было достаточно денегъ, оставшихся послѣ распродажи имущества и расплаты съ долгами, для прокормленія себя въ теченіе недѣли или двухъ, пока онѣ успѣютъ найдти для себя мѣста.

Дѣйствительно, едва прошло нѣсколько дней, какъ Маша пристроилась къ одной швеѣ въ помощницы на довольно выгодныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное заключалось въ квартирѣ со столомъ для нея и Рыбочки. Немного спустя, Зельда поступила кухаркой въ одно зажиточное семейство, состоявшее только изъ двухъ бездѣтныхъ супруговъ. Горячо обнялись и поцаловались свекровь со снохой въ день разставанья, обливаясь слезами. И не мудрено! имъ было о чемъ поплакать. Сколько лѣтъ прожили онѣ вмѣстѣ подъ одной кровлей и на собственномъ хлѣбѣ, — теперь пришлось разойтись по чужимъ людямъ и въ разныя стороны. И внучку привыкла ужъ давно подносить Маша къ бабкѣ

Digitized by Google

каждый вечеръ, чтобъ она поцаловала ее на сонъ грядущій; и хлѣба накрошить собственными руками въ завтракъ внучки по утрамъ привыкла издавна бабка; и мало ли какія еще привычки были у нихъ, и мало ли о чемъ другомъ было имъ горевать!

Маша насилу дождалась пятницы. Управившись заранѣ въ своей мастерской, Маша взяла Рыбочку за руку и поспѣшила къ Зельдѣ, зная, что для старухи одной довольно трудно все приготовить и привести въ порядокъ въ этотъ день, требующій всегда двойной работы. Рыбочка была одѣта въ черное платьице; для себя вдовы не могли изготовить траурного платья, — это было выше ихъ средствъ, — такъ они рѣшили, чтобъ маленькая сиротка одна за всѣхъ исполнила обычай ношенія траура.

Поздоровавшись со свекровью, Маша, какъ въ былыя времена, засучила рукава и принялась помогать старухѣ. Работа кипѣла у Маши подъ руками. Обѣ, и свекровь и сноха, старались облегчать свое сердце этимъ совокупнымъ трудомъ, который имѣлъ для нихъ обманчивый видъ прошлаго. Кончивъ со стряпаньемъ, Маша взялась за подсвѣчникъ и, по обыкновенію своему, привела его въ самое блистательное состояніе. Опять заигралъ огонь въ этомъ семейномъ клейнодѣ, хоть и въ чужомъ домѣ и на чужомъ столѣ; опять остановилась старая Зельда, постарѣвшая въ послѣднее время десятью годами, передъ своими тремя свѣчами, прикрывъ руками

Digitized by Google

глаза и имѣя спереди курчавую Рыбочку, а съ боку Машу, съ сложенными на груди руками, и опять слезы стали пробиваться промежду изсохшихъ пальцевъ старой матроски.

Послѣ молитвы Зельда присѣла на свою постель и, качая печально головой, устремила глаза на горящія свѣчи.

— Куда дѣвались наши счастливые дни? сказала Маша какъ будто про себя.

— Улеглись гдѣ-то рядомъ въ неизмѣримой безднѣ, отвѣчала старуха.

— И возврата имъ нѣтъ! продолжала Маша.

— И возврата имъ нѣтъ! повторила старуха.

— Чтожъ, прійдетъ „дѣдя“ и „тятя“? спросила Рыбочка.

— Нѣтъ, они больше не прійдутъ, дитя мое, отвѣчала Зельда.

— Зачѣмъ же ты молишься, „баба“? спросилъ ребенокъ.

— Чтобъ Богъ успокоилъ ихъ души.

Рыбочка замолчала; обѣ женщины утирали свои слезы.

— Какъ много напоминаетъ этотъ подсвѣчникъ! начала опять Маша.

— Да, онъ напоминаетъ мнѣ всю мою жизнь, отвѣчала старуха, вздохнувъ.

— И наше великое несчастье.

— И наше великое несчастье.

Digitized by Google

— А еще что? спросила Рыбочка, которая внимательно прислушивалась ко всему, что говорили между собой ея мать и бабка.

— И еще то, отвѣчала Маша, съ сверкающими глазами: — что когда отслужили службу твой дѣдъ и отецъ.... насъ выгнали.... и мы изо всего унесли съ собой одинъ только этотъ подсвѣчникъ.

Зельда строго посмотрѣла на свою сноху.

— Нѣтъ, сказала старуха, усадивъ внучку къ себѣ на колѣни. — Нѣтъ, не то тебѣ мама сказала. Видишь этотъ подствѣчникъ? Онъ мнѣ напоминаетъ мою мать; тебѣ онъ когда-нибудь напомнитъ твою бабку, другого наслѣдства она тебѣ не оставитъ. Помни, дитя мое дорогое, помни и не забудь, что у тебя были и отецъ и дѣдъ, и что они пали на войнѣ за отечество. Когда ты, глядя на подсвѣчникъ, подумаешь о бабкѣ, подумай и объ нихъ; подумай съ любовью и сожалѣніемъ, но чтобъ ни проклятія, ни ропотъ, ни негодованіе, не смѣшивались съ этою священною памятью. Обѣщаешь ты мнѣ, Рыбочка?

— Обѣщаю, отвѣчала дѣвочка, не понявъ и десятой доли изъ того, что сказала ей бабка, и обмотавъ ея шею своими маленькими ручками.

— *Дочкъ говорятъ, а въ сноху мятятъ* * — сказала Маша, догадавшись, что не къ ребенку, а къ ней относилось наставленіе старухи.

* Народная поговорка.

Digitized by Google

— Именно, отвѣчала Зельда.

Обѣ вдовы задумались и долго не спускали глазъ съ трехвѣтвистаго подсвѣчника, имѣвшаго для нихъ такой глубокій смыслъ, не смотря на то, что онъ былъ и измятъ и неуклюжъ, и что въ немъ тускло топились три копѣечныя свѣчки.

Digitized by Google

Digitized by Google

МОРИЦЪ СЕФАРДИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Богатый негоціантъ.

На одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Новому-Базару, на самомъ углу, стоялъ большой двухъэтажный домъ, очень обыкновенной сѣрой наружности. Какъ большая часть домовъ тѣхъ улицъ, онъ былъ чуждъ всякой щеголеватости, и при первомъ взглядѣ на него и на его дворъ, застроенный со всѣхъ сторонъ многоэтажными магазинами, можно было тотчасъ догадаться, что онъ принадлежитъ богатому купцу. Тишина, казалось, поселилась въ этомъ дворѣ, повсященномъ безмолвію. Изрѣдка, изъ открытыхъ оконъ магазиновъ вылеталъ говоръ поденщиковъ, работавшихъ около разныхъ продуктовъ, и стукъ лопатъ, пересыпавшихъ зерновый хлѣбъ. Къ магазинамъ заѣздъ былъ не со двора, а съ улицы, потому-что для артелей, безпрестанно нагружавшихъ магазины, дворъ былъ бы слишкомъ тѣсенъ. По отсутствію всякаго движенія и отъ однообразной высоты магазиновъ, дворъ этотъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ запущенною крѣпостью, съ тою только разницей, что на самой его серединѣ красовалась систерна, огороженная

Digitized by Google

чугунною рѣшоткой подъ замкомъ и обсаженная десяткомъ высокихъ вербъ, которыя отъ вѣтра иногда покачивали верхушками, какъ бы дивясь, какими судьбами онѣ сюда попали.

Въ верхнемъ этажѣ жилъ съ семействомъ самъ хозяинъ этого дома — киръ-Ѳемистокли Ксира, производившій свою торговлю подъ фирмой „Братья-Ксира“, потому-что этой же фирмой подписывалъ въ Аѳинахъ младшій братъ его; а въ нижнемъ этажѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, помѣщались службы и контора. Послѣдняя состояла изъ передней и двухъ комнатъ: въ первой и меньшей изъ нихъ, при входѣ съ лѣвой стороны, стояла рѣшотчатая ширма, за которою на длинномъ столѣ лежали пробы *разныхъ хлѣбовъ*, разныхъ сортовъ шерсти и бакалейныхъ товаровъ въ мѣшочкахъ, лоскутахъ бумаги и деревянныхъ небольшихъ сосудахъ; а во второй и большей комнатѣ заключалась собственно контора. Въ ней помѣщался столъ для двухъ писцовъ, высокая конторка, за которою занимался бухгалтеръ, стоя или сидя, по своему желанію, и, наконецъ, бюро, за которымъ работалъ самъ хозяинъ. Касса была вдѣлана въ стѣну, возлѣ хозяйскаго кресла.

Былъ осенній вечеръ. Хотя погода стояла прекрасная, и солнце только-что закатилось, однако въ конторѣ было уже довольно темно, потому-что окна были задѣланы снаружи густыми желѣзными рѣшотками. Въ первой комнатѣ, за ширмой, на высокомъ сундукѣ, сидѣлъ дю-

Digitized by Google

жій мужчина среднихъ лѣтъ и, упершись затылкомъ о стѣну, дремалъ. Видно было, что онъ чувствовалъ сильную усталость во всемъ тѣлѣ: иначе трудно было-бы дремать въ такомъ положеніи. Это былъ *магазинеръ* Спираки, терпѣливо ожидавшій возвращенія хозяина съ вечерней прогулки, чтобъ отдать ему отчотъ въ своихъ дѣйствіяхъ за окончившійся день и получить новыя приказанія для завтрашняго. Во второй комнатѣ занятія шли уже при свѣчахъ: старикъ бухгалтеръ, стоя за своей конторкой, медленно выписывалъ что-то изъ огромной книги, слѣдя въ ней за каждою строкой указательнымъ пальцемъ лѣвой руки; а за столомъ, покрытымъ сукномъ, сидѣлъ одинъ писецъ и бойко работалъ перомъ.

Въ самомъ крайнемъ углу комнаты, подлѣ бюро хозяина, стоялъ второй писецъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, а въ другой открытое письмо. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, атлетически сложенный, высокій и красивый собою. Видно было, что письмо онъ уже прочолъ, потому-что стоялъ неподвижно, уставивъ свои большіе, чорные, горѣвшіе умомъ глаза въ потолокъ и глубоко обдумывая прочитанное. Легкое трепетаніе письма въ рукѣ молодого человѣка показывало, что онъ сильно взволнованъ; но замѣтно было, что это волненіе не имѣло въ себѣ ничего непріятнаго. Напротивъ, можно было прочесть на этомъ прекрасномъ и полномъ выразительности лицѣ, что хотя письмо и со-

Digitized by Google

держало въ себѣ изумительную тайну, однако интересную и пріятную.

Еще нѣсколько минутъ стоялъ молодой человѣкъ въ этомъ положеніи, и потомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на послѣднія строки, бережно положилъ письмо на бюро. Передвинувъ его нѣсколько разъ съ мѣста на мѣсто и, повидимому, давъ ему то положеніе, въ которомъ оно было оставлено на бюро, молодой человѣкъ медленно оборотился лицомъ въ противную сторону, и съ выраженіемъ гордой увѣренности, вперилъ пылающій взглядъ въ своего товарища. Вѣроятно, магнитическое вліяніе глазъ заставило того поднять голову.

— Что ты тамъ расхаживаешь со свѣчой, Морицъ? спросилъ онъ: — неужели ты уже переписалъ весь *контокуренто?*

Морицъ слегка вздрогнулъ, подошолъ къ столу и, поставивъ передъ собой свѣчу, отвѣчалъ:

— Если не переписалъ, то перепишу... Не безпокойся обо мнѣ, Базиль...

Базиль улыбнулся и продолжалъ писать.

Морицъ сѣлъ за столъ и, порывшись нѣсколько времени въ своихъ бумагахъ, чтобъ показать видъ будто беретъ дописывать большую тетрадь и чтобъ усыпить вниманіе товарища, осторожно написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и тихо вышелъ изъ конторы. Ставъ за воротами, онъ нетерпѣливо началъ оглядываться на всѣ стороны, какъ-будто поджидая кого-то. Не прошло

Digitized by Google

пяти минутъ, какъ онъ услышалъ, на противоположномъ углу улицы, стукъ извощичьихъ дрожекъ. Медленный бѣгъ лошадей и веселая пѣсня извощика доказывали, что сѣдока не было. Радостный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Морица. „Судьба за меня!“ — сказалъ онъ самъ себѣ, и потомъ громко крикнулъ:

— Извощикъ, держи сюда!

— Хочешь заработать полтинникъ? спросилъ онъ извощика, когда тотъ къ нему подъѣхалъ.

— Прибавьте, сударъ! отвѣчалъ извощикъ.

— Какой ты, братецъ... возразилъ Морицъ смѣясь:— еще не знаешь, чего отъ тебя хотятъ, а уже требуешь прибавки...

— Эхъ, баринъ, баринъ! да вѣдь корны-то нынѣча какіе: сами знаете...

— Оставь ты глупости толковать, сказалъ Морицъ:— что ты, за дурака меня считаешь, что-ли?...

— Ну, да видно вы умница, паничь, отвѣчалъ извощикъ, почесавъ за ухомъ. — Нечего дѣлать: радъ услужить... Куда прикажете?

— Давно бы такъ, чудакъ ты эдакой!... Вотъ въ чемъ дѣло. Какъ-разъ противъ Петербургской-Бани есть маленькій желтый домикъ, съ двумя каменными статуями на воротахъ. Знаешь ты этотъ домикъ?

— Какъ не знать! одна статуя сидитъ верхомъ на китѣ-рыбѣ и держитъ помело въ рукахъ...

— Ну, да... Въ этомъ домикѣ живетъ нѣмецъ Штиръ.

Digitized by Google

Поѣзжай сію-минуту туда и отдай эту записку ему въ руки... отвѣта не нужно. Если его нѣтъ дома, то служанка его отыщетъ: онъ всегда говоритъ куда уходитъ... Въ запискѣ написано, чтобъ тебѣ дали полтинникъ... Живѣй же!...

Извощикъ вытянулъ шею и пристально началъ осматривать Морица.

— Кажись не таковской... проговорилъ онъ. — А правда, паничь, вѣдь вы меня не обманываете?

— Ни-чуть, любезный!... отвѣчалъ Морицъ, внутренно сознавая справедливое сомнѣніе извощика: — мнѣ нѣтъ никакой надобности тебя обманывать... Если не получишь тамъ полтинника, пріѣзжай сюда завтра утромъ, и я тебѣ заплачу цѣлковый... Я здѣсь служу въ конторѣ господина Ксиры.

— Была-не-была! сказалъ извощикъ: — давайте записку...

— Только смотри — самому Штиру... Ты, можетъ быть, забудешь эту фамилію?

— Эхъ, мусью! развѣ мнѣ впервой съ иностранцами-то знаться? Я и „Норму“ знаю, и „Ченеренголу“ знаю, такъ забыть мнѣ такое дрянное слово — Ширма!...

— Ну, вотъ видишь, у тебя ужь вышла какая-то *ширма*... Штиръ, говорятъ тебѣ?...

— Ширма, или Штирма, или Ксивра, все-равно не русскій человѣкъ!... отвѣчалъ извощикъ и понесся во всю скачь.

Digitized by Google

Мориц воротился въ контору и занялъ свое мѣсто за столомъ противъ Базиля.

Черезъ четверть часа, въ передней послышался кашель и стукъ скидываемыхъ калошъ. Магазинеръ Спираки, по-инстинкту угадывавшій приближеніе хозяина, встрепенулся, вскочилъ съ сундука и бросился въ контору съ приготовленной лампой, чтобъ зажечь ее и поставить на бюро. — „Идетъ!“ сказалъ онъ, не обращаясь ни-къ-кому, а произнесши это слово по обязанности, потому-что ужь нѣсколько лѣтъ сряду произносилъ онъ его въ урочное время, когда ему нужно было зажигать огонь для рабочаго стола хозяина, возвращавшагося съ прогулки.

Ксира медленно вошолъ и, сѣвъ въ свое кресло, надѣлъ очки и началъ осматривать съ головы до ногъ магазинера, остановившагося въ почтительномъ отдаленіи, которое писаря въ-шутку называли „обсерваціоннымъ положеніемъ капитана Спираки“.

— Сколько отпущено сегодня пшеницы для англійскаго судна? спросилъ киръ-Ѳемистокли.

— Девятьсотъ четвертей.

— Сколько еще слѣдуетъ къ *догрузкѣ?*

— Почти еще вдвое столько.

— „Галатея“ выгружена совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Въ какомъ магазинѣ помѣстилъ ты фрукты и хлопчатую бумагу?

Digitized by Google

— Въ 16-мъ нумерѣ.

— Съ артелями не разсчитываться, пока не повѣришь всѣхъ мѣшковъ... Вѣчно недостаетъ нѣсколько штукъ, а тебѣ нужды мало...

Спираки молчалъ.

— Въ рогожи, которыя дашь англичанину на судно, постарайся вмѣшать побольше старыхъ. Тебѣ вовсе дѣла нѣтъ до экономическихъ разсчотовъ: были-бъ только всегда новыя рогожи на подстилку, а что старыя гніютъ безъ пользы, кому какая надобность!..;

— Каковъ! сказалъ Базиль тихо Морицу: — не хочетъ ли онъ, чтобъ мы всѣ проливали горючія слезы о томъ, что у него много старыхъ рогожъ въ кладовыхъ!... Я скорѣй готовъ плакать о томъ, что у него много старыхъ банковыхъ билетовъ въ сундукѣ...

— Бочки съ сахаромъ перекатить завтра изъ магазина въ подвалъ... продолжалъ киръ-Ѳемистокли.

— Чтобъ отсырѣли и получили больше вѣсу, замѣтилъ опять Базиль тихо своему товарищу.

— Послѣ знаменитой доливки касисомъ бочекъ съ сотерномъ, отвѣчалъ также тихо Морицъ: — меня ужь ничто не можетъ привесть въ изумленіе...

— Какъ идетъ пріемка съ *валокъ* *? спросилъ Ксира, перешедъ отъ приказаній опять къ распросамъ.

---

* Валками называются небольшіе транспорты съ хлѣбомъ, привозимые для продажи помѣщиками или мелкими промышленниками.

Digitized by Google

— Не совѣмъ хорошо... отвѣчалъ магазинеръ: — наблюдаютъ строго за мѣрой. Въ магазинѣ нумеръ 5-й, сегодня, по вымѣркѣ, оказалось *экономіи* полтора процента.

Ксира вздохнулъ.

— Ты лѣнивецъ, Спираки! сказалъ онъ: — я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что ты лѣнивецъ... Ты не жалѣешь моего добра... Какъ можно только полтора процента!... Ты меня разорить хочешь, неблагодарный. Да меня осмѣютъ, когда узнаютъ, что мои базарныя покупки приносятъ только полтора процента *примѣру!*... Ко мнѣ потеряютъ довѣріе, я лишусь кредита... слышишь ли, кредита, говорятъ тебѣ. Ты не чувствуешь моихъ благодѣяній... Я хочу сдѣлать изъ тебя человѣка, а ты остаешься лѣнтяй-лѣнтяемъ и больше ничего!...

Спираки ничего не отвѣчалъ на эту энергическую рѣчь. Зная нравъ своего хозяина, не принимавшаго никогда и ни въ чемъ никакихъ оправданій, магазинеръ не хотѣлъ тратить словъ попустому. Онъ только слегка шевельнулъ руками и осмотрѣлъ себя кругомъ, какъ желая этимъ показать, что едва чувствуетъ себя отъ усталости и что запыленное и вымачканное его платье вовсе не доказываетъ, чтобъ онъ былъ лѣнтяй.

— Не показывай мнѣ этого! продолжалъ хозяинъ съ презрѣніемъ: — знаю я вашаго брата: вы вѣчно разбиты и запылены, но не отъ работы, а отъ „бациги“*,

---

* Игра въ карты.

Digitized by Google

за которою просиживаете цѣлыя ночи въ кофейнѣ Вранича... Я хочу сдѣлать изъ тебя человѣка, но ты не стоишь этого!...

Ксира махнулъ рукой, и Спираки отправился за ширму, мало заботясь о гнѣвѣ своего хозяина, который съ незапамятныхъ временъ все дѣлалъ изъ него человѣка и отъ котораго онъ получалъ точно такую же благодарность и тогда, когда давалъ ему по шести процентовъ *примѣру* съ базарныхъ покупокъ.

— Ну, теперь очередь дойдетъ до насъ... сказалъ тихо Базиль, когда магазинеръ вышелъ.

Но Базиль ошибся. Ксира, дѣйствительно, хотѣлъ подняться съ креселъ, чтобъ подойти къ писарямъ съ своими придирками, придерживаясь того мудраго правила, что подчиненнаго, виноватъ онъ или нѣтъ, всегда слѣдуетъ держать въ рукахъ и остерегаться всякой ласки, чтобъ не утерять надъ нимъ вліянія. Но на этотъ разъ старый купецъ былъ лишонъ удовольствія распекать другихъ, и остался въ своихъ креслахъ какъ обданный варомъ, при взглядѣ на письмо, которое лежало передъ нимъ на бюро. — Какъ? онъ, старый, опытный негоціантъ, какъ школьникъ поспѣшилъ изъ конторы гулять, забывъ спрятать письмо, заключавшее въ себѣ громадную коммерческую тайну! Онъ, слывшій образцомъ осторожности, далъ такой промахъ!... Письмо было писано по-англійски, это правда, и не всякъ былъ въ состояніи его прочесть, — одинъ-только Морицъ зналъ

Digitized by Google

этотъ языкъ, а Моринъ не болѣе-какъ коми: его опасаться нечего; но все-же непростительно ему, старому Солону, какъ онъ любилъ называть себя, забывать распечатанныя письма, когда онъ никогда въ своей жизни не забывалъ перчатокъ или носового платка! Если старость такъ глубоко падаетъ, что-же молодости остается дѣлать? подумалъ онъ, хотя и не читалъ Шекспира.— И оттого киръ-Ѳемистокли сдѣлался снисходительнѣе къ своимъ подчиненнымъ и на этотъ разъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

— Никого здѣсь не было безъ меня? спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Никого... отвѣчалъ бухгалтеръ.

Ксира немного успокоился и, послѣ краткой паузы, сказалъ, обращаясь къ Базилю:

— Завтра утромъ будьте пораньше у Дубкова и скажите ему, чтобъ первый его выѣздъ былъ ко мнѣ...

Послѣ этого, старикъ опять погрузился въ размышленія.

Моринъ изподтишка наблюдалъ за своимъ патрономъ, который былъ видимо взволнованъ и безпрестанно вертѣлся въ креслѣ, придерживая письмо обѣими руками. Проницательный юноша угадывалъ почти все, что происходило внутри стараго купца и выводилъ для себя самыя благопріятныя заключенія. „Значитъ, я не ошибаюсь“, думалъ онъ, „когда и Ксира обнаруживаетъ опасенія, не узналъ ли кто его тайны... Такъ это

Digitized by Google

дѣйствительно тайна важная, могущая превратиться въ золотой дождь, если попадется въ искусныя руки!... И такъ увидимъ, киръ-Ксира, какимъ голосомъ запоешь ты завтра!"

Наконецъ, хозяинъ поднялся съ кресель и, кашлянувъ нѣсколько разъ, потушилъ лампу. Это означало, что занятія кончены.

Морицъ, сидѣвшій до сихъ поръ какъ на иглахъ и нетерпѣливо посматривавшій на часы, вздохнулъ свободнѣй. Выбѣжавъ вслѣдъ за хозяиномъ изъ конторы, онъ сѣлъ на первыя, попавшіяся ему, дрожки и приказалъ везти себя въ Мраморный-Трактиръ какъ можно скорѣй.

— Уфъ! сказалъ онъ самъ себѣ: — я думалъ, что этотъ вечеръ никогда не кончится!...

ГЛАВА II.

Письмо изъ Лондона.

Густавъ Штиръ сидѣлъ у себя дома и, насвистывая разныя аріи, придумывалъ куда-бы ему отправиться въ этотъ вечеръ. Это былъ молодой человѣкъ однихъ лѣтъ съ Морицомъ, худощавый, рябоватый, но не лишенный пріятности. Простосердечіе и безпечность рисовались на его умномъ лицѣ, и каждый, кто его зналъ, не могъ не любить его. Отецъ его былъ столяръ, нажившій состояніе своимъ трудолюбіемъ и бережливостью. Остав-

Digitized by Google

шись вдовцомъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, онъ обратилъ всѣ свои заботы на единственнаго сына и далъ ему хорошее воспитаніе. Умирая, честный нѣмецъ оставилъ Густаву небольшой домъ и нѣсколько тысячъ банковыми билетами, совѣтуя заняться торговлею, которую старикъ уважалъ до безконечности, видя — какъ обогатились ею нѣкоторые изъ его знакомыхъ. Густавъ былъ согласенъ исполнить волю отца, но, по нерѣшительности характера, не зналъ за что взяться и, въ ожиданіи благопріятной минуты вступленія на стезю коммерціи, игралъ на скрипкѣ, посѣщалъ театръ, волочился и дѣлалъ тысячу другихъ тому подобныхъ легкихъ и пріятныхъ вещей. Онъ не могъ упрекнуть себя ни въ чемъ, потому-что велъ себя прекрасно. Состояніе его не уменьшалось: небольшого дохода съ дома и процентовъ съ капитала было достаточно на его содержаніе. Если и закрадывался иногда къ нему въ голову докучливый вопросъ: зачѣмъ онъ, будучи молодъ и небѣденъ, убиваетъ свои силы въ бездѣйствіи? вопросъ безпокойный, тревожащій благородную натуру, не находящую удовлетворенія въ однихъ пустыхъ развлеченіяхъ, — Густавъ всегда оправдывался самъ передъ собою тѣмъ, что еще не наступила минута дѣятельности.

Съ Морицомъ Густавъ Штиръ былъ задушевный другъ. Часто по-вечерамъ они сходились пить чай въ какомъ-нибудь трактирѣ, а по воскресеньямъ отправлялись на дачи стрѣлять въ цѣль и пить пиво. Густавъ

Digitized by Google

всегда со-вниманіемъ слушалъ разсказы Морица о коммерческихъ дѣлахъ, и на частые упреки его, зачѣмъ не приступаетъ онъ къ какому-нибудь дѣлу, требовалъ у него наставленій и совѣтовъ, которымъ, впрочемъ, не слѣдовалъ, откладывая исполненіе ихъ съ одного дня на другой. Главная его отговорка состояла въ томъ, что капиталъ его не великъ и потому слѣдуетъ дѣйствовать осмотрительно, чтобы — при первой неудачѣ — не лишиться его всего. Морицъ всегда подшучивалъ надъ его нерѣшительностью, называя его трусомъ и увѣряя, что будь у него, Морица, такой капиталъ, онъ-бы ужь двадцать разъ успѣлъ перекупить и перепродать весь Новый-Базаръ.

Въ этотъ вечеръ, съ котораго мы начали, Густавъ, какъ сказано выше, обдумывалъ куда отправиться. Онъ позвалъ свою старую служанку.

— Куда бы мнѣ пойдти сегодня, Дарья? спросилъ онъ ее.

— Вы-бы въ театръ, паничь, отвѣчала Дарья. — Говорятъ, сегодня будутъ плясать...

— Ну ихъ! они мнѣ надоѣли... Выдумай что-нибудь другое...

— Такъ подите въ Казенный Садъ поиграть на бильярдахъ.

— Нѣтъ, Дарьюшка, не хочется.

— Такъ оставайтесь дома... я вамъ затоплю чугунную печку, а вы будете каштаны жарить...

Digitized by Google

Густавъ покачалъ отрицательно головой.

Служанка замолчала, а Густавъ опустилъ голову на грудь.

— Мнѣ скучно, Дарья... сказалъ онъ, послѣ краткаго молчанія.

— Сами виноваты, сударь, отвѣчала служанка. — Занялись-бы дѣломъ, какъ не разъ наказывалъ вамъ покойникъ батюшка. Въ деньгахъ у васъ недостачи нѣтъ, а умъ тоже свой, не занимать стать; вотъ и было бъ вамъ весело, и время незамѣтно бы проходило въ хлопотахъ... а тамъ вы-бъ женились и завелись семьей. А то, вѣстимо, сиротой одинокимъ жить куда-какъ не радостно!...

Густавъ опять задумался. Устами старой служанки говорило собственное его сердце. Ему стало невыразимо тяжело, и упрекъ о безполезной, бездѣятельной жизни глубоко запалъ къ нему въ душу.

Вдругъ кто-то постучалъ въ окно, и вслѣдъ-затѣмъ раздался вопросъ:—Дома господинъ Штиръ?

Служанка выбѣжала отворять калитку.

Вошолъ извощикъ съ запиской отъ Морица, приглашавшаго Густава въ Мраморный-Трактиръ, для сообщенія ему важныхъ вѣстей. Густавъ прочиталъ записку, заплатилъ извощику и молча началъ одѣваться.

— Не прикажете-ли подвезть, баринъ? спросилъ извощикъ.

— Пожалуй... отвѣчалъ Густавъ:—мнѣ надобно въ Мраморный-трактиръ.

Digitized by Google

— Браво, мусью! мнѣ самому туда путь лежитъ: я тамъ всегда чай пью...

— А, такъ ты чай пьешь!... разсѣянно замѣтилъ Густавъ, отыскивая разныя принадлежности своего туалета, разбросанныя по всѣмъ угламъ.

— Пью, сударь, и чай, и водку, и ромъ, и пуншъ, и вино, и джинъ, и... даже квасъ!...

Этотъ веселый отвѣтъ разсмѣшилъ Густава, и онъ невольно остановился среди комнаты, поднявъ голову и осматривая извощика.

— Да ты, братецъ, оригиналъ, какъ я вижу!... сказалъ Густавъ.

— Можетъ быть: я не знаю, что я по-вашему такое... Знаю только, что я теперь извощикъ.

— А развѣ ты былъ чѣмъ-нибудь другимъ прежде?

— О-го-го, мусью! мало-ли чѣмъ я былъ!... Когда-то учился я кондитерскому ремеслу, потомъ пошелъ въ лакеи, потомъ разносилъ фрукты, потомъ былъ маркеромъ... потомъ...

— А какъ тебя зовутъ? спросилъ Штиръ, болѣе и болѣе заинтересованный бойкостью извощика.

— Въ Думѣ числюсь мѣщанинъ Андрей Бирюкъ, а товарищи прозвали „Щоголемъ“, за-то-что немного маракую по-иностранному.

— Зачѣмъ же ты такъ часто мѣняешь свои занятія?

— Для-ради скуки, сударь: чтобъ веселѣй было жить.

Digitized by Google

— И чтожь, ты довольнъ своею жизнію?

— До-сихъ-поръ Господь-Богъ миловалъ! Былъ обутъ и сытъ, а иногда и подъ-хмѣлькомъ; чего-жь нашему брату больше? Кораблей не отправляю въ море...

— И ты никогда не заботился о будущемъ?

— Стоитъ заботиться! отвѣчалъ Щоголь съ веселымъ смѣхомъ.— Были-бъ руки у плечъ, да голова на плечахъ, а кусокъ хлѣба и чарка *тово-съ* (онъ щолкнулъ себя пальцемъ въ шею) всегда будетъ!...

— Ну, счастливый же ты человѣкъ, Бирюкъ или Щоголь, какъ тебя тамъ!... Поѣдемъ, я готовъ.

Отъ дома Густава до Мраморнаго-Трактира была добрая верста. На дорогѣ Густавъ опять завелъ разговоръ съ извощикомъ.

— Какъ же выучился ты по-иностранному, Андрей? спросилъ онъ.

— Талантъ есть, сударь.

— Если есть талантъ, такъ, можетъ быть, изъ тебя вышло бы что-нибудь лучше разносчика фруктовъ или извощика.

— Талантъ таланту рознь... У кого талантъ бумаги писать, у кого кораблемъ править, у кого товары скупать и продавать, а у меня такъ много не хватило...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю, право. Кажись, за тридцать перехватило, а до сорока не дошло.

Digitized by Google

— Какъ ты, напримѣръ, проводишь время? зѣвая спросилъ Густавъ.

Извощикъ оглянулся съ козелъ на своего сѣдока и съ удивленіемъ пожалъ плечами.

— Не вы первый, сударь, спрашиваете меня объ этомъ, отвѣчалъ онъ: — много ужь господъ, поразговорившись со мной, задавали мнѣ этотъ вопросъ, а мнѣ и чудно, право-слово, что это всѣ толкуютъ о времени! Я и самъ ужь нѣсколько разъ старался узнать, что съ моимъ временемъ дѣется, да на-повѣрку ничего не вышло... Ну вотъ, примѣромъ-сказать, теперича... встаю рано, отправляюсь на свое мѣсто, разъѣзжаю съ сѣдоками по городу, обѣдаю часто на козлахъ; а когда насталъ вечеръ, — маршъ въ Мраморный напиться чайку или пуншику съ фруктовой; а коли былъ *хорошій* день, такъ-то не обидно хозяину, то и поужинаешь хорошо и молдавскимъ запьешь, а подъ-часъ и подъ *машину* попляшешь... гдѣжь тутъ время?

Густавъ задумался надъ этимъ простымъ способомъ весельчака-извощика, который по-своему раздѣлывается съ временемъ и даже не подозрѣваетъ его существованія.—Онъ правъ, думалъ Густавъ: у него есть дѣло, а послѣ дѣла сладкіе часы отдыха; откуда-жь ему знать, что есть на свѣтѣ люди, не знающіе куда дѣваться съ этимъ несноснымъ временемъ!...

Пріѣхавъ въ Мраморный-Трактиръ, Густавъ потребовалъ особую комнату въ такъ-называемомъ „дворян-

Digitized by Google

скомъ“ отдѣленіи и, въ ожиданіи своего друга, спросилъ чаю и принялся читать журналъ.

Моритцъ не заставилъ себя долго ждать.

— Слава Богу, что ты здѣсь! сказалъ онъ, вбѣжавъ запыхавшись въ комнату и пожавъ руку, поданную ему Густавомъ.—Я боялся, что моя записка тебя не застанетъ дома.

— Признаюсь, твоя записка меня обрадовала, отвѣчалъ Густавъ:—я скучалъ безчеловѣчно. Но что тамъ за важныя вѣсти? прибавилъ онъ улыбаясь:—кажется, у насъ еще ничего важнаго нѣтъ, чтобъ посылать нарочныхъ съ записками...

— Въ томъ-то и штука, что важныя, возразилъ Моритцъ.—Разливай-ка чай, закури сигару и слушай!

Моритцъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ своего друга. Глаза его и щоки горѣли необыкновеннымъ огнемъ. Хлѣбнувъ нѣсколько разъ изъ своего стакана, онъ началъ такъ:

— Давно ты собираешься взяться за дѣло, Густавъ, да духу у тебя не хватаетъ. Кто имѣетъ хоть какія-нибудь деньги и сидитъ, сложа руки, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все дышетъ дѣятельностью, тотъ грѣшитъ противъ самого себя много, но противъ общества вдвое болѣе, потому-что около каждаго дѣла работаетъ уже нѣсколько десятковъ рукъ, насыщается нѣсколько желудковъ; слѣдовательно, кто зарылъ свой капиталъ въ землю, тотъ отнимаетъ насущный хлѣбъ у своего ближ-

Digitized by Google

няго. Но я извиняю тебя. Боясь за свой небольшой капиталъ, ты обдумывалъ, медлилъ, однимъ словомъ — *собирался*; но этимъ сборамъ долженъ быть конецъ, и вотъ онъ теперь насталъ...

Густавъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника, въ первый разъ принявшаго такой рѣшительный тонъ.

— Слушай далѣе, Густавъ, продолжалъ Морицъ.— Три года мы знакомы и дружны съ тобой, и ты могъ меня узнать въ это время. Я могу имѣть мои недостатки... можетъ быть, съ моею пылкостью я надѣлалъ бы страшныя глупости, будучи на твоемъ мѣстѣ, или, можетъ быть, давно бы вышелъ въ люди,—кто знаетъ? Дѣло въ томъ, что я у тебя никогда не просилъ денегъ взаймы, никогда не позволялъ тебѣ истрачиваться на меня, никогда не совѣтовалъ тебѣ чего-нибудь такого, что могло бы имѣть малѣйшій намекъ на мою выгоду. Я слишкомъ гордъ для такихъ поступковъ. Ты, противъ меня, богачь, ты пользуешься безцѣнною независимостью состоянія, тогда-какъ я *комми* у стараго скряги, ничто... Но въ поведеніи моемъ съ тобой никто бы никогда не замѣтилъ этой разницы, потому-что не твои банковые билеты уважаю я, а тебя самого...

Густавъ молча пожалъ руку своему другу, и въ этомъ безмовномъ пожатіи было столько человѣческаго достоинства, что за него можно простить нѣкоторымъ людямъ ихъ благодарственныя рѣчи.

Digitized by Google

Мориц продолжалъ:

— Не скрою отъ тебя, Густавъ, — я жажду богатства, потому-что никогда его не имѣлъ; но я хочу пробиться на большую дорогу собственными силами съ поднятой головой, нагибаясь какъ-можно-менѣе. Поэтому-то, если бы предметъ, о которомъ хочу теперь съ тобой говорить, не причиняя тебѣ ни труда, ни безпокойства, а только съ маленькою твоею помощью, касался одной *моей* пользы, ты бъ его никогда не узналъ. Но онъ важенъ для насъ обоихъ: вся наша будущность теперь въ твоей рѣшимости...

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ Штиръ. — Я теперь твердо рѣшился заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ... А что твое предложеніе будетъ дѣльно —въ этомъ я увѣренъ: три года ты мнѣ ничего не предлагалъ.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Мориц.—Дѣло коротко и ясно. Ты хочешь заняться торговлей, но боишься споткнуться на первомъ шагу и потому желалъ-бы взяться за предпріятіе самое вѣрное, не такъ ли, Густавъ?

Густавъ утвердительно кивнулъ головой.

— А я хочу вырваться изъ ничтожества, которое гнететъ меня, продолжалъ Мориц.—Но въ коммерціи нѣтъ ничего вѣрнаго, а есть вѣроятное; а мнѣ, на чужой сторонѣ, безъ денегъ и связей, всплыть наверхъ рѣшительно невозможно. Согласенъ ты съ этимъ?

— Совершенно.

Digitized by Google

— Но если я открылъ средство, которое и тебѣ дастъ вѣрный барышъ и меня толкнетъ на большую дорогу, даешь ли слово, что меня послушаешся?

— Даю!...

— Слушай же. Польскому комиссіонеру Татецкому прибыло нѣсколько лодокъ съ льняннымъ сѣменемъ, кажется, до десяти-тысячъ четвертей. Не желая заняться выгрузкой и нанимать магазины, онъ старается продать сѣмя въ однѣ руки. Вчера вечеромъ маклеръ предлагалъ всю эту партію Ксирѣ, но торгъ разошолся за бездѣлицей: Ксира хочетъ немножко притѣснить комиссіонера, въ полной увѣренности, что ни кто, кромѣ него, не дерзнетъ принять всю эту партію. Сегодня, при полученіи писемъ съ почты, я замѣтилъ, что отъ одного-и-тогоже лондонскаго дома было два письма, но не обратилъ на это болѣшаго вниманія. Вообрази же мое изумленіе, когда, по уходѣ Ксиры послѣ обѣда на прогулку, я нахожу на его бюро открытое письмо, содержаніе котораго я вытвердилъ наизустъ. Вотъ оно: „Черезъ два часа послѣ отправки нашего перваго письма къ вамъ, въ здѣшнихъ кладовыхъ произошелъ сильный пожаръ и сгорѣло цѣлое депо, въ которомъ находилось до пятидесяти-тысячъ квартеровъ льняного семени. Мы узнали эту новость сію-минуту случайно — отъ одного прискакавшаго стремглавъ джентльмена, и успѣли еще васъ увѣдомить. Другіе узнаютъ объ этомъ гораздо позже, черезъ городскую почту, т. е. послѣ ухода загра-

Digitized by Google

ничной. Старайтесь употребить этотъ случай съ пользой и закупить какъ-можно-больше сѣмени. Предлагаемъ себя въ участники и позволяемъ вамъ платить на мѣстѣ по 43 шиллинга за квартеръ. Барышъ будетъ несомнѣнный, потому-что, по случаю поздней осени, не предвидится, чтобы изъ Соединенныхъ-Штатовъ прибыли новые грузы сѣмени, а то, что сгорѣло, составляло весь здѣшній запасъ. Повторяемъ: спѣшите! цѣны до весны будутъ держаться неслыханныя". Понимаешь ли теперь— въ чемъ дѣло, Густавъ?

— Кажется, догадываюсь, отвѣчалъ Густавъ. — Но не хочу ломать головы... Объясни, пожалуйста до конца...

— Изволь. Одинъ-только Ксира знаетъ объ этомъ пожарѣ въ Лондонѣ. До будущей почты еще осталось четыре дня, стало-быть здѣшніе купцы узнаютъ эту новость послѣ. Не желая возбудить ни чьего подозрѣнія и стараясь показывать какъ-можно-болѣе хладнокровія, Ксира цѣлый день сего дня ничего не говорилъ о партіи Татецкаго, и я увѣренъ, что въ казино онъ весь сегодняшній вечеръ проиграетъ въ вистъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но онъ приказалъ уже на-завтра позвать къ себѣ маклера Дубкова, который *трактуетъ* партію Татецкаго,—купитъ ее и будетъ стараться, до прихода почты, закупить исподоволь и все остальное сѣмя, какое только есть на-лицо, и, разумѣется, насыпитъ кучи золота. Дѣло съ Татецкимъ у нихъ остано-

Digitized by Google

вилось на шести рублях съ чѣмъ-то, а лондонское письмо позволяетъ платить по девяти рублей серебромъ за четверть. Понимаешь ли ты теперь, Густавъ, что если предупредить Ксиру и купить завтра все сѣмя у Татецкаго, то завтра-же, или не позже-какъ черезъ день, Ксира дастъ тебѣ огромный барышъ?

Густавъ всплеснулъ руками и вскричалъ:

— Ты правъ, Мориць? Это счастливѣйшій случай въ мірѣ. Располагай мной и моимъ капиталомъ, какъ знаешь: я весь отдаюсь въ твои руки...

— И такъ, вотъ-что надо дѣлать, сказалъ Мориць: — пока Дубковъ, отъявленный франтъ, успѣетъ напомадиться и примѣрить какой жилетъ ему будетъ завтра къ-лицу, ты возьмешь свои билеты и съѣздишь къ другому маклеру, напримѣръ, къ Триди, котораго знаешь, и пошлешь его къ Татецкому. Ты, безъ лишнихъ торговъ, купишь всѣ десять-тысячъ четвертей льняного сѣмени, съ условіемъ, чтобы лодки еще дожидались нѣсколько дней, — и дашь задатокъ. Я увѣренъ, что твои деньги не залежатся: киръ-Ѳемистокли возвратитъ тебѣ ихъ съ хорошими процентами...

— Но будутъ-ли имѣть ко мнѣ довѣріе въ такой огромной операціи, когда я лицо рѣшительно неизвѣстное въ торговомъ мірѣ?

— Не безпокойся... Ты объявишь, что, дѣйствительно, въ первый разъ выходишь на торговую арену и хочешь попробовать счастья на льняномъ сѣмени.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ты дашь въ задатокъ десять тысячъ рублей серебромъ банковыми билетами, писанными на твое имя. Для маклера — нѣтъ доказательства убѣдительнѣе ходячей монеты, а продавецъ достаточно обезпеченъ этимъ задаткомъ, когда товаръ еще находится въ его власти...

— Но если Ксира не захочетъ такъ-скоро купить у меня эту партію, и я принужденъ буду принимать ее, что тогда дѣлать, когда съ задаткомъ кончается весь мой капиталъ?

— Безъ всякихъ „но“, Густавъ?... Ксира купитъ всю твою партію и еще три такихъ, до прихода почты изъ Англіи. Онъ долженъ ее купить, прибавилъ Морицъ, стукнувъ кулакомъ по столу и улыбнувшись: — онъ долженъ ее купить, такъ же какъ долженъ дышать воздухомъ, какъ долженъ ѣсть каждый день скумбрію, жареную на прованскомъ маслѣ!... Итакъ...

— Рѣшено! отвѣчалъ Густавъ: — завтра, въ восемь часовъ, если-бъ даже панъ Татецкій еще нѣжился подъ периной, онъ подпишетъ маклерскую записку о продажѣ своего льняного сѣмени Густаву Штиру!...

— Ладно!... Теперь... послѣднее условіе...

— Знаю, прервалъ Густавъ: — половина барышей тебѣ!...

— Ты честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!... сказалъ Морицъ.

Молодые люди пожали другъ-другу руки.

Digitized by Google

Послѣ краткаго молчанія, Штиръ весело засверкалъ своими добродушными сѣрыми глазами и, вставъ съ своего мѣста, ударилъ по плечу Морица, углубившагося въ размышленія.

— Знаешь-ли, что пришло мнѣ въ голову! промолвилъ онъ. Я какъ-то, въ дѣтствѣ, разъ или два отвѣдалъ шампанскаго, ты, я думаю, никогда... Не приказать-ли подать бутылку? Я угощаю тебя на-счотъ будущихъ благополучій, мой милый товарищъ, въ надеждѣ, что и ты скоро будешь въ состояніи отплатить мнѣ тѣмъ-же... Эй, кто-нибудь!...

Вошелъ хорошенькій мальчикъ, въ тонкой бѣлой блузѣ поверхъ красной рубахи.

— *Чижикъ*, есть у васъ шампанское? спросилъ Густавъ.

— Какъ не быть, сударь... отвѣчалъ *Чижикъ*.— Какого прикажете, *вдову* или силлери?

Друзья въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

— Ужь, по мнѣ, лучше силлери, чѣмъ вдову, сказалъ смѣясь Густавъ.

Чижикъ лукаво поглядѣлъ на Густава, ловко повернулся и выбѣжалъ.

— Какіе мы съ тобой богачи, Морицъ, сказалъ простодушно Густавъ, когда воротившійся мальчикъ, поставилъ раскупоренную бутылку на столъ: — когда даже не знаемъ разныхъ названій шампанскаго...

Digitized by Google

— Выучимся, отвѣчалъ Морицъ, наполняя бокалы. — Ну, за успѣхъ перваго предпріятія!

Друзья чокнулись и принялась пить, смѣясь отъ полноты души и строя самые счастливые планы въ будущемъ.

Вино разогрѣло молодыхъ людей. Они острили надъ своими планами, не щадя ничего и никого, даже самихъ себя. Они были вполнѣ веселы, такъ веселы какъ человѣку не удается быть часто на своемъ вѣку. Это была ихъ первая бутылка шампанскаго, при первомъ выступленіи на широкую дорогу жизни. Имъ казалось, что, хохоча, спустя рукава, они пойдутъ подпрыгивать по этой дорогѣ и все имъ будетъ удаваться, все ихъ будетъ веселить, какъ это шипучее вино, и привѣтно улыбаться имъ какъ розовый круглолицый Чижикъ. Счастливцы! Они, можетъ быть, не знали, что пили первую чашу за упокой своей невозвратимой беззаботности!

— Кстати, Морицъ, сказалъ Густавъ, когда, наговорившись вдоволь и опорожнивъ бутылку, они располагали выйдти въ самомъ завидномъ расположеніи духа. — Я прикажу моему извощику, чтобъ онъ завтра рано пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ долженъ быть гдѣ-то здѣсь.... Это чудакъ преоригинальный.

Они вошли во вторую половину трактира, куда собирались простолюдины покряхтѣть надъ чайкомъ. Машина играла увертюру изъ Вильгельма-Теля, а Ан-

Digitized by Google

дрей Щеголь, безъ армяка, стоя на одномъ мѣстѣ и подбченясь, ломался на всѣ возможныя манеры, показывая этимъ, что онъ умѣетъ плясать и по-иностранному.

— Бонъ джіорно, синьйоры! вскричалъ Щеголь, завидѣвъ Морица и Густава. — Что, подаю, что-ли?... нѣтъ, шутите!...

— Говорилъ-ли ты съ нимъ? спросилъ Густавъ Морица. — Нѣтъ?... жаль, право. Это умнѣйшій человѣкъ, какого мнѣ случалось видѣть.... Послушать его, такъ всѣ бы планы къ чорту.... Онъ одинъ умѣетъ жить какъ слѣдуетъ...

— Да, это малый разбитной, отвѣчалъ Морицъ.— Когда, описывая твой домъ, я упомянулъ о статуяхъ, онъ безъ-церемоній посадилъ твоего Нептуна на кита и далъ ему помело въ руки, — лучшая оцѣнка художественному произведенію, которое твоему покойному старику вздумалось поставить на воротахъ.

Андрей между-тѣмъ напѣвалъ, подъ звуки Вильгельма-Теля, „Какъ пошолъ козелъ въ огородъ, въ огородъ“ и, потряхивая плечами и головой, медленно и важно подвигался по залѣ.

— Эхъ-ма, паничи! вскричалъ онъ, приблизившись къ двумъ друзьямъ. — Что заглядѣлись? Аль не видали, какъ голь веселится?

— Веселись, любезный, сказалъ Морицъ: — намъ весело смотрѣть на тебя.

Digitized by Google

— А, это вы, баринъ, что давича съ запиской посылали! прервалъ Андрей, узнавъ Морица. — Ха-ха-ха! не забудь, говоритъ, господину Штиру.... а а ему — Ширму Ха-ха-ха!... Вы вѣрно изъ Елисавета, сударь, гдѣ извощики ни одной нѣмецкой фамиліи не выговорятъ?

— Ну, перестань, Андрей, сказалъ Густавъ: — смотри-ка лучше завтра въ семь часовъ пріѣзжай ко мнѣ: ты мнѣ понадобишься...

— Нѣтъ-съ, позвольте!... Вотъ въ Елисаветѣ-то *они* и сочинили гостинницу *Пендика*, а нѣмецъ-то прозывался совсѣмъ иначе.... А Андрей Щоголь не изъ тѣхъ... у меня что иностранное, что свое — все равно... такъ правильно срѣжу, что ну!..- Примѣромъ сказать глинтвейнъ, оделаванъ, Александровскій - Проспектъ, Вельвю!... вотъ оно-съ, какъ на ладони...

Тутъ онъ раскрылъ свою широкую руку.

— Да послушай! завтра въ семь часовъ...

Субито, сударь, субито!... Вотъ мнѣ и смѣшно, чтобъ Штира-то забыть...

Штиръ сдѣлалъ знакъ нетерпѣнія и хотѣлъ удалиться.

— Не сердитесь-же, мусью Штиръ... и вы... позвольте узнать-съ?...

— Сефарди, отвѣчалъ Морицъ.

— И вы, мусью Сефарди, продолжалъ Андрей, скрестивъ руки на груди и, съ умоляющимъ видомъ, глядя на молодыхъ людей.

Digitized by Google

— Не сердитесь на Андрюшку!... Вы ему полюбились... вы добрые, ласковые господа... дай вамъ Богъ всего!... Пріѣду завтра безпремѣнно пріѣду.... Извините, что обезпокоилъ: мнѣ только хотѣлось, чтобъ вы не сравнивали Бирюка съ другими извощиками..... чтобъ вы знали, что онъ, то есть, не такъ, лишь-бы....а....

— Хорошо, хорошо! прервалъ Густавъ — Смотрите же, завтра рано,...

Друзья вышли, а Бирюкъ щолкнулъ пальцами и опять пошолъ ходить гоголемъ подъ звуки Вильгельма-Теля.

ГЛАВА III.

Гавдала.

Въ одномъ глухомъ переулкѣ стоялъ маленкій ветхій домикъ, состоявшій изъ трехъ или четырехъ комнатъ. Въ этомъ домикѣ жилъ еврей, портной Генохъ Хмѣльникъ, съ своей женой и единственной семнадцатилѣтнею дочерью. Онъ не имѣлъ своей мастерской, а бралъ у извѣстныхъ портныхъ работу на домъ, за которую ему платили со штуки. Семейство это было бѣдно, хотя всѣ трое всегда прилежно работали. Чтобъ какънибудь выхитрить у судьбы лишнюю копейку, Генохъ Хмѣльникъ подымался на всѣ возможныя аферы: онъ нанималъ всю свою ветхую квартиру *гуртомъ*, на-

Digitized by Google

дѣясь пріобрѣсть себѣ нахлѣбниковъ между бѣдною молодежью своего племени, приходящею въ Одессу искать счастья; по-вечерамъ онъ училъ читать по-еврейски одного молодого англичанина, страстнаго книгоѣда и полиглота, а по праздникамъ занимался сватовствомъ и сводилъ всѣ свадьбы въ низшемъ классѣ своихъ собратій. Но всѣ эти штуки геніальнаго Геноха мало имѣли вліянія на его финансы: англичанинъ платилъ очень скупо, потому-что самъ былъ не богатъ: сватовство чаще всего, вмѣсто денегъ, приносило только большой круглый пряникъ на меду спеченный, изъ ржаной муки, а изъ нахлѣбниковъ жилъ у него одинъ Моритъ Сефарди, котораго скудное жалованье загнало на эту незавидную квартиру.

Вечеръ, съ котораго мы начали, былъ подъ воскресенье. Хмѣльникъ, пришедъ изъ синагоги, засталъ жену и дочь молчаливо сидящими на кровати.

— Что задумались, бабье? спросилъ онъ, послѣ обычнаго поздравленія съ наступающей новой недѣлею.

— Какъ не думать, Генохъ! отвѣчала жена: — завтра воскресенье, а мнѣ не съ чѣмъ на базаръ пойдти....

— На базаръ?.. а кто тебѣ сказалъ, что непремѣнно нужно ходить на базаръ?...

— Тебѣ все шутки, а намъ ѣсть надобно.

И будешь ѣсть, увѣряю тебя: Богъ милостивъ! до утра еще цѣлая ночь, а въ одну ночь много сбывается... Зажги-ка скорѣй факелъ, Маргала, прибавилъ

Digitized by Google

онъ, обращаясь къ дочери: — и подержи его: будемъ дѣлать *гавдалу* *.

Пока Маргала зажигала фалелъ и отыскивала рюмку, Генохъ подошелъ къ женѣ и взялъ ее за подбородокъ.

Смотри, Ханэ, сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана шкаликъ съ пѣникомъ и опрокинувъ его горлышкомъ внизъ. — Добрые люди еще вѣрятъ, что Генохъ *Золотой Шовъ* не пропащій человѣкъ. Вотъ, далъ-же сидѣлецъ на *гавдалу* шкаликъ въ-кредитъ, и даже не отлитый; а ты вздумала меня базаромъ пугать...

Ханэ продолжала сидѣть на постели и, сложивъ руки на груди, легонько качала головой.

— У насъ нѣтъ ни дровъ, ни капусты, ни муки, сказала она:—а завтра базаръ, можно-бы все это припасти...

— Опять базаръ! вскричалъ нетерпѣливо мужъ.— Когда-бъ не подъ новую недѣлю, я-бъ сталъ браниться, право.... Сказано, до завтра еще далеко.... Не вѣришь ты въ Бога, Ханэ, что съ тобой толковать!...

---

* *Гавдала* значитъ: раздѣленіе, различіе. Когда кончается субботній день, еврей наливаетъ бокалъ вина, зажигаетъ восковой факелъ, который держитъ кто-нибудь изъ семейства и, прочитавъ надъ бокаломъ краткую молитву и благословивъ создавшаго свѣтъ и тьму, выпиваетъ часть напитка, а другую выливаетъ на столъ, и въ жидкости тушитъ факелъ. Это называется *дѣлать гавдалу*, т. е. положить различіе между свѣтомъ и тьмой, или между праздникомъ и рабочимъ днемъ.

Digitized by Google

Онъ махнулъ рукой и подошелъ къ столу, возлѣ котораго стояла дочь съ зажженнымъ факеломъ.

— Ну, а ты, моя *жемчужина* *, сказалъ Генохъ:—тоже забила себѣ въ голову базаръ?

— Нѣтъ, *татэ*, отвѣчала Маргала:— я вѣрю въ твою находчивость.... Съ тобой мы съ голоду не умремъ, не первый разъ подступаетъ бѣда, однако ты насъ никогда не оставлялъ безъ хлѣба.

— То-то, дитя мое! вѣрь въ Бога и положись на отца: хлѣбъ долженъ быть.., Еще никто у насъ съ голоду не умиралъ среди улицы... Ну, баста... слушайте!

Генохъ Хмѣльникъ, или иначе Золотой-Шовъ, набожно прочиталъ молитву и такъ хлѣбнулъ изъ рюмки, что когда онъ оборотилъ ее на столъ, изъ нея вылилось только нѣсколько капель, въ которыхъ онъ съ трудомъ потушилъ факелъ.

— Видите, какая чистая работа, сказалъ онъ весело, указывая на пустую рюмку.

— Ты—мастеръ, батюшка, нечего сказать... отвѣчала улыбаясь Маргала.

— Да! сказала Ханэ со вздохомъ:—мастеръ *свести двѣ противоположныя стѣны* * и лить въ

---

* Маргала по еврейски значитъ: перлъ, жемчугъ. Это женское имя бываетъ двоякое: *Маргала*, по еврейски, *Церль*, по-нѣмецки.

* Сосватать свальбу.

Digitized by Google

животъ какъ на раскаленный камень; а на что-нибудь путное, напримѣръ, чтобъ семейству доставить хорошее житье—недостаетъ у него мастерства.

Пока жена говорила, портной равнодушно набилъ трубку, раскурилъ ее и сѣлъ противъ жены.

— Ты изъ бабъ баба, Ханэ, сказалъ Генохъ: — тебѣ вѣчно качать головой и горевать... Ну, скажи мнѣ, чего тебѣ недостаетъ?

— Мало-ли чего недостаетъ! отвѣчала жена:—во первыхъ, коровы,—будь у меня корова, я бы и горе забыла: всю бы недѣлю держала молочный столъ и только для субботы заглянула бы къ мяснику...

— Э, вздоръ! у насъ постоялецъ порядочный человѣкъ: его на молочномъ столѣ не удержишь... Выбрось изъ головы корову, *отецъ мой*, Ханушка!

— Во-вторыхъ—кухарки. Вѣчно все дообѣденное время толкусь на кухнѣ, а послѣ обѣда должна помогать тебѣ въ работѣ...

— Вотъ еще затѣяла, кухарку! Кто тебѣ сказалъ, что кухарка есть необходимость?.. Сначала люди сами стряпали кушанье для себя, а ужь послѣ, когда у нихъ явились прихоти, стали появляться и кухарки, и вся прочая услужливая тварь... Всякому своя доля: кто въ богатствѣ живетъ, кто горе мыкаетъ!.. Оставь кухарку въ покоѣ, мой другъ: не наше дѣло мѣшаться въ эти вещи!.. Ну, что еще?

— Несносный ты человѣкъ! воскликнула Ханэ, раз-

Digitized by Google

досадованная убѣдительными доводами мужа: — ты хочешь непремѣнно увѣрить, что мнѣ горевать не о чемъ, что мы просто купаемся въ довольствѣ. Хорошо довольство, когда въ домѣ нѣтъ ни крохи хлѣба и не съ чѣмъ на базаръ показаться!

— Ну, ужь ты хочешь непремѣнно, чтобъ ни въ чемъ не было недостатка... Да и не твое дѣло объ этомъ разсуждать. Если нельзя будетъ тебѣ пойдти на базаръ, то онъ самъ къ тебѣ прійдетъ, этотъ базаръ, лопнуть бы ему!..

— Какъ такъ? спросила изумленная жена.

— А вотъ какъ! Я мужъ и хозяинъ дома, мнѣ и безпокоиться. Если Богъ не пришлетъ денегъ до утра, то Золотой-Шовъ еще не трѣснетъ: онъ похлопочетъ завтра у одного, у другаго, у третьяго, потормошитъ немножко постояльца, потолкуетъ съ пріятелемъ, словомъ: такъ-сякъ, а явится къ тебѣ и мука, и говядина, и все, что нужно. Не даромъ же я портной, сватъ и учитель вмѣстѣ... Когда достанетъ у меня ума на эти три ремесла, то ужели недостанетъ его на то, чтобъ накормить глупую бабу!..

— Накормить... накормить! повторяла безнадежно кивая головой, Ханэ, искавшая себѣ разныя придирки. — А что у тебя дочь ростетъ *какъ на дрожджахъ*, и замужъ пора ее выдать — о томъ ты и не подумаешь...

— Много ты мнѣ помогаешь своими думами, ска-

Digitized by Google

залъ насмѣшливо Генохъ:—обдѣлается и это, небойсь, безъ твоей помощи.

— Обдѣлается... а какимъ манеромъ?

— Не манеромъ, а порядкомъ, отвѣчалъ глубокомысленно мужъ и началъ ходить по комнатѣ, улыбаясь и посматривая на свою дочь, которая опустила глаза.

— А, ты вѣрно намекаешь на господина Сефарди! возразила жена:—вольно тебѣ потакать этой любви, а я ее не одобряю: не нравятся мнѣ такіе вертопрахи... куда ему жениться?.. Наше-то богатство видно какъ на ладони, а онъ ужь просто нищій на славу. Это выйдетъ: *два покойника плясать пойдутъ, кто-же за танецъ заплатитъ* (*)..

Маргала подняла на мать свои большіе черные глаза, въ которыхъ показались двѣ крупныя слезы. На прекрасномъ лицѣ дѣвушки отпечатлѣлось такое выраженіе, которое не подъ силу самой искусной кисти. Это было какое-то неуловимое, болѣзненное выраженіе, смѣшанное съ мольбой и безнадежностью. Первая любовь юнаго сердца какъ святыню чтитъ свой кумиръ и ко всякомъ обидномъ словѣ, сказанномъ объ этомъ кумирѣ, чувствуетъ себя глубоко уязвленнымъ.

— Жена! произнесъ строго Генохъ, остановившись среди комнаты и попеременно поглядывая то на свою

(*) Еврейская пословица

Digitized by Google

прекрасную, обожаемую дочь, то на старуху Ханэ: — жена, ты съ ума сходишь!..

— Да, я съ ума схожу!.. ужь я все... ужь мало-ли что я... да... только ты умнъ, а жена у тебя безумная. Охъ-охъ-охъ!.. такою ты меня взялъ, Генохъ? такова была я когда-то? а?,. Теперь ужь я ничто... Гдѣ красота моя? гдѣ моя молодость? гдѣ... гдѣ моя *жемчужная повязка* *, которую ты обѣщалъ мнѣ до свадьбы? А, гдѣ она?... Ты обманулъ меня... занялъ у своей тетки повязку и увѣрялъ, что даришь мнѣ; а потомъ божился, что, для обзаведенія хозяйствомъ, нужно ее заложить и — только я ее и видѣла!.,

Мужъ расхохотался.

— Вотъ, и *выѣхала* на повязку, сказалъ онъ. — Съ чего бы ни началось, а повязкой должно кончиться: ужь у насъ такъ, кажется, лѣтъ двадцать слишкомъ... Ну, чтожь? обманулъ тебя, зато не обманулъ тетку: я ей обѣщалъ на другой день отдать повязку — и отдалъ. Что за добрый молодецъ, который не надулъ красной дѣвицы!

— Красной дѣвицы!.. А кто теперь скажетъ, что я была когда-то красной дѣвицей?

— Ба, ба, ба! ужъ въ этомъ не я виноватъ, а годы...

---

* Еще недавно еврейки носили на головѣ жемчужныя повязки, называвшіеся *штерн-тихль*. Теперь онѣ стали выводиться изъ употребленія.

Digitized by Google

— Какіе годы! воскликнула Ханэ съ негодованіемъ.—Мнѣ всего только сорокъ лѣтъ!..

— Безъ субботнихъ и праздничныхъ дней, отвѣчалъ мужъ равнодушно.

— У тебя совѣсти нѣтъ, Генохъ!.. Ужь безумная я, и старуха я... охъ, горе мнѣ, горе!.. Такъ ли ты обѣщалъ меня любить, когда сватался за меня?..

— Эхъ, вѣнецъ мой, Ханэ! вѣдь сердце не утюгъ: его по нѣсколько разъ не разогрѣешь...

И Генохъ запѣлъ извѣстную пѣсенку:

„Гдѣ мнѣ взять такого коня.
„Чтобы догнать ускакавшую молодость?...“

— Сердце, сердце! прервала Ханэ. — Гдѣ оно у васъ?... У тебя нѣтъ его, и у твоего Сефарди тоже... Да о чемъ тутъ толковать? что-за прокъ въ нищемъ? только-что галстухъ повязываетъ большимъ узломъ, да чубъ взбиваетъ въ три вершка, — этимъ жены не накормишь!...

— А я тебѣ говорю, что это лучшій женихъ нашей Маргалѣ: красавецъ, умница, языки знаетъ... Онъ далеко уйдетъ.

— Не хочу имѣть зятемъ *эпикоїреса* *: онъ бороду брѣетъ!

— Пустое! коли-бъ я не занимался такимъ почот-

---

* Эпикуреецъ, вольнодумецъ.

Digitized by Google

нымъ ремесломъ какъ сватовство, самъ бы давно бороду сбрилъ: теперь бороды не въ чести. Умные люди говорятъ: „лучше человѣкъ безъ бороды, нежели борода безъ человѣка“.

— Да ты на все найдешь отвѣтъ. А что онъ въ субботу пишетъ — это тоже ничего?

— *Нужда жестоко сокрушаетъ*, жизнь моя Хане! Служба не различаетъ субботы отъ середы. Не въ томъ сила,—былъ бы онъ честный человѣкъ и умѣлъ нажить копейку.

— Кто онъ такой, *добрый годъ его знаетъ?* Ни роду, ни племени, какъ-будто съ висѣлицы сорвался, не осуди меня Богъ за мои рѣчи!

— Ужь это неправда, жена! многіе знаютъ кто онъ такой. Онъ изъ нѣмецкой земли, изъ города *Лайпцка* *: онъ тамъ и наукамъ обучался, и отца тамъ имѣетъ почтеннаго человѣка, кажется, часовщика или чулочнаго фабриканта. Господинъ Аба Гольдманъ, который часто ѣздитъ за границу, знаетъ всю его фамилію: мнѣ сказывалъ лакей его Эли. За то Гольдманъ и приглашаетъ Морица каждый праздникъ къ себѣ обѣдать.

— Гмъ... Морица! да и имя-то у него не еврейское...

— Тамъ у нихъ такой обычай — принимать нѣмецкія имена. Развѣ это мѣшаетъ чему-нибудь?

---

* Лейпцигъ.

Digitized by Google

— Разумѣется, мѣшаетъ, сказала Ханэ брезгливо.—А когда на томъ свѣтѣ его спросятъ: „нечестивый, какъ твое имя?“ какой онъ дастъ отвѣтъ?

— Вѣдь вотъ, пойди ты съ нею! знаетъ все что дѣлается на томъ свѣтѣ, а на этомъ и порядочной фуфайки не выкроитъ...

— Ты самъ „эпикойресъ“ и такого же зятя хочешь себѣ нажить. Нѣтъ, разъ сказала навсегда: не хочу твоего Морица! не быть за нимъ Маргалѣ, еслибъ даже весь свѣтъ перевернулся!...

Во все время этого разговора, Маргала сидѣла потупивъ глаза и легонько постукивая своей маленькой ножкой. При послѣднихъ словахъ старухи, дѣвушка встала, подошла къ матери и обняла ее обѣими руками.

— Мама! произнесла она всхлипывая:—но вѣдь я люблю его какъ мою жизнь!...

— А развѣ я позволила тебѣ его любить? отвѣчала мать.

Маргала горько заплакала.

Генохъ вскочилъ съ своего стула, оторвалъ дочь отъ матери и, посадивъ ее къ себѣ на колѣни, крѣпко обнялъ ее и задумался.

Будучи надѣленъ отъ природы здравымъ разсудкомъ и принадлежа къ классу портныхъ, которые, между евреями, вообще одарены особеннымъ остроуміемъ и беззаботностью, Генохъ Золотой-Шовъ никогда не говорилъ о своей трудной, хлопотливой жизни. Онъ давно

Digitized by Google

разстался съ надеждой поставить себя въ какое-нибудь лучшее положеніе, а видѣлъ, что ему суждено горе мыкать и хлопотать только изъ-за куска хлѣба. Какъ человѣкъ умный, онъ помирился съ своимъ положеніемъ и, не заглядывая далѣе, не завидуя другимъ, онъ довольствовался мимолетнымъ мгновеніемъ счастья, за круговою чашей, съ веселыми товарищами. Но единственною, постоянною его радостію, никогда его не оставлявшею, была его дочь Маргала, которую онъ любилъ до безумія. Онъ восхищался ея необыкновенною красотой и гордился названіемъ отца той, которая во всемъ кварталѣ называлась „Орлеанскимъ-Перломъ“ *. Онъ лишалъ себя необходимаго, чтобъ одѣть какъ куклу свою милую Маргалу; ничто не казалось ему труднымъ, лишь бы доставить ей удовольствіе. Привязанность къ ней Морица Сефарди онъ считалъ для себя счастьемъ, потому-что коми изъ коммерческой конторы стоялъ въ глазахъ его гораздо выше кикого-нибудь ремесленника, за котораго ему жаль было отдать свою красавицу дочь. Противорѣчіе жены у него ничего не значило: но видѣть— какъ она терзала дочь своими рѣчами, отъ которыхъ та такъ горько плакала, — видѣть свое дорогое дитя въ слезахъ—этого не могъ онъ выдержать. Онъ разразился сильною бранью.

— Ты была дурой, Ханэ, и дурой пропадешь!

* У евреевъ дорого цѣнится такъ-называемый *орлеанскій* жемчугъ, за его бѣлизну и правильную круглоту.

Digitized by Google

вскричалъ онъ.—Ты вѣчно тратишь слово по-пустому, хоть хорошо знаешь, что *я тебя не слышу и съ лѣвой пятъ!* *... Зачѣмъ разрываешь ты у бѣднаго ребенка сердце? развѣ это кусокъ матеріи, который послѣ сшить можно?.. Мимъ... языкъ проклятый!.. Сѣра и смола у тебя во рту, змѣя ты эдакая!..

— Перестань браниться, батюшка, сказала Маргала, гладя Геноха обѣими руками по лицу. — Лучше будемъ вмѣстѣ просить матушку, чтобъ она мнѣ позволила выйдти за Морица... Она такая добрая: она вѣрно согласится...

— Никогда! сказала мать.

— Мама, сердце, душенька, согласись! Зачѣмъ тебѣ сердить отца? у него и безъ того много огорченій... Я уговорю Морица... онъ, до свадьбы, въ угоду тебѣ, приметъ свое прежнее имя и запуститъ бороду...

— Никогда! вскричалъ Генохъ: — вотъ еще новости! Я прикажу ему, на зло ей, и усы сбрить, и самъ выбрѣюсь завтрашній-же день и назовусь Генрихомъ... *Не будь я евреемъ*, если этого не сдѣлаю!..

Въ комнатѣ раздался громкій смѣхъ.

— Герръ-Сефарди! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Онъ самъ, друзья мои, отвѣчалъ Морицъ. — Вы такъ горячо спорили, что и не замѣтили, какъ я

---

* Т.-е ухомъ не веду.

Digitized by Google

вошолъ... Ну, скажите-ка, реби-Генохъ, отчего вамъ вздумалось завтра выбриться?

— Вотъ, для нея, отрѣчалъ сердито Генохъ, указывая на жену. — Вообразите, нашла для свадьбы вашей съ Маргалой помѣху въ томъ, что вы бороду брѣете!

— Ничего, сказалъ молодой человѣкъ спокойно:— до такихъ сильныхъ пожертвованій не дойдетъ: вы, реби-Генохъ, останетесь при бородѣ, а я безъ нея... дѣла уладятся сами собою. Въ моей судьбѣ происходитъ переворотъ, и я надѣюсь въ скорости быть не тѣмъ—что теперь. А при счастьи, надѣюсь, ваша почтенная жена не откажется назвать меня своимъ зятемъ.

— Счастье! вамъ... Мориць! неужели?.. вскричалъ Генохъ.—А какое... прошу васъ?..

— Это покамѣсть секретъ... ждать не долго: завтра или послѣзавтра все объяснится. Но чтобъ доказать вамъ, что надѣюсь не даромъ, я вамъ предлагаю мои послѣднія деньги: вы вѣрно нуждаетесь...

Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, въ которомъ было нѣсколько серебряныхъ монетъ и отдалъ ихъ Геноху, убѣждая принять въ счетъ будущей платы за квартиру и столъ. Все это время Маргала не спускала глазъ съ своего милаго, и потомъ весело подбѣжала къ матери и обняла ее.

— Видишь, мама! сказала она ей на ухо:—гово-

Digitized by Google

рилъ отецъ, что для базара Богъ пошлетъ, — вотъ и послалъ. А что скажешь ты о счастіи Морица? а?.. Такъ и вижу у тебя двѣ прекрасныя тирольскія коровы, бѣлыя, знаешь, эдакія, съ красными пятнами!..

Мать самодовольно улыбнулась.

— Продажная душа! проворчалъ Генохъ, косо поглядѣвъ на жену и угадавъ причину ея улыбки.

— Не сердись-же на матушку, татэ, сказала Маргана:—видишь, она уже смягчилась.

— И ты еще просишь за нее! отвѣчалъ Генохъ;— ты истинный *перлъ*, дочь моя... Ну, такъ и быть, для тебя я все забыть готовъ... Мнѣ стало что-то очень весело на сердцѣ. Дай-ка сюда шкаликъ съ остальной запеканкой.

Маргала подпесла ему шкаликъ и рюмку.

— И такъ, сказалъ Генохъ, остановившись среди комнаты и наполнивъ рюмку: — сегодня я *справляю* вторичную гавдалу: сначала я дѣлалъ различіе между свѣтомъ и тьмой, а теперь... между добромъ и зломъ!..

Тутъ онъ указалъ сперва на дочь, потомъ на жену.

— А если хотите, господинъ Сефарди, продолжалъ онъ: — то и между вашимъ прошлымъ горемъ и будущимъ счастьемъ!

Морицъ улыбнулся остроумному предлогу Генохи допить шкаликъ.

Digitized by Google

Еще нѣсколько минутъ потолковалъ Морицъ съ Генохомъ, потомъ пожалъ руку Маргалѣ и ушелъ въ свою комнату, которая имѣла особый входъ изъ сѣней.

ГЛАВА IV.

Дебютанты.

При пожатіи руки Маргалѣ, Морицъ слегка мигнулъ однимъ глазомъ, на что дѣвушка отвѣтила едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы: это былъ условный знакъ къ свиданію въ комнатѣ молодаго человѣка. Любовники издавна привыкли къ этимъ свиданіямъ, которыя ограничивались болтаньемъ и поцалуями. Морицу чего-то недоставало, если онъ не получалъ отъ Маргалы пламеннаго поцалуя на сонъ грядущій.

Вошедши въ свою комнату, Морицъ зажогъ огарокъ, торчавшій въ тяжеломъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, и усѣлся на канапе, которое служило и постелью. Въ раздумьи сталъ онъ осматривать свою квартиру, казавшуюся еще пустѣе, при яркомъ свѣтѣ толстаго огарка, стоявшаго на продолговатомъ столѣ посреди комнаты и бросавшаго свой отблескъ на всѣ стороны. Ни зеркальца, ни картины, ничего такого не было, чтобы могло хоть на мигъ привлечь къ себѣ вниманіе. На столѣ лежалъ нѣмецко-русскій лексиконъ, принадлежавшій собственно Морицу, прилежно изучавшему русскій языкъ, и нѣсколько англійскихъ книгъ, которыя Ге-

Digitized by Google

нохъ Хмѣльникъ бралъ у своего ученика-англичанина, для прочтенія своему постояльцу. Возлѣ постели стоялъ небольшой ящикъ, обитый чорною кожей, въ которомъ хранилось бѣлье и около десяти нѣмецкихъ книгъ, привезенныхъ Морицомъ изъ своей родины: это были сочиненія Жанъ-Поля и Гете, любимыхъ его авторовъ, съ которыми онъ не могъ разстаться. На вколоченныхъ въ стѣну гвоздяхъ висѣлъ его маленькій гардеробъ, обернутый бѣлою простынею. Въ углу стоялъ низенькій дубовый шкафикъ, въ которомъ были разбросаны мелкія принадлежности туалета, перемѣшанныя съ сапогами, калошами и бритвеннымъ приборомъ. Два плетеныхъ *марсельскихъ* стула довершали остальное.

„Участь моя, участь", думалъ Мориц: „ужели ты перемѣнишься?.. Ужели я буду когда-нибудь окруженъ предметами, болѣе веселыми, чѣмъ теперь? самому что-то не вѣрится... А какъ хорошо, напримѣръ, въ домѣ у Абы Гольдмана! какія лампы... какъ свѣтло и тепло... что за картины, ковры! А кабинетъ его... а рабочій столъ... а кресло, въ которомъ, должно быть, такъ сладко дремлется послѣ хорошаго обѣда!.."

Мориц глубоко вздохнулъ, и поправилъ свой нагорѣвшій огарокъ.

Онъ мысленно перебиралъ все роскошное житье богача Гольдмана, у котораго ему случилось недавно пообѣдать, въ послѣдній праздникъ. Переходя отъ одного

Digitized by Google

предмета къ другому, онъ болѣе и болѣе разгорячалъ свое воображеніе. „Какъ хорошо — думалъ онъ — должно-быть Гольдману на своей дачѣ, когда, смѣясь надъ лѣтнею пылью и зноемъ, онъ нѣжится въ тѣни, среди благоухающихъ цвѣтовъ! Или какъ должно быть ему весело на душѣ, при видѣ всеобщаго уваженія къ себѣ на биржѣ!.. А его экипажи, лошади... о, лошади... счастливецъ!.. Можетъ-ли быть что-нибудь усладительнѣй, когда послѣ оперы, раздастся голосъ: „карету Гольдмана“ — и Гольдманъ усадится въ мягкія подушки, съ своимъ семействомъ, и начнетъ толковать о тысячѣ бездѣлицъ съ своею бойкой дочерью, съ этой будущей красавицей Саррой!.. Кому-то достанешься ты, Сарра?..“.

У Морица зарябило въ глазахъ. Трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу. Онъ съ негодованіемъ тряхнулъ головой, какъ-будто силясь внезапно блеснувшую мысль забросить далеко. Онъ всталъ и началъ поспѣшно ходить по комнатѣ.

— Что-жъ это не идетъ Маргала? сказалъ онъ съ безпокойствомъ.—Проклятое шампанское навело меня на самыя глупыя мысли!..

Чтобы успокоить себя, Морицъ раскрылъ первую, попавшуюся ему подъ руку, англійскую книгу, и сталъ читать вслухъ, чтобъ усовершенствоваться въ произношеніи.

Онъ такъ былъ занятъ своимъ чтеніемъ, что не за-

Digitized by Google

мѣтилъ, какъ Маргала сзади подкралась на цыпочкахъ и поцѣловала его въ високъ.

— Насилу-то! сказалъ Морицъ, закрывъ книгу и усадивъ дѣвушку рядомъ съ собой:—зачѣмъ такъ долго, Маргала?

— Отецъ и мать долго не засыпали... отвѣчала Маргала.—Знаешь-ли, Морицъ... мнѣ... совѣстно, что хожу къ тебѣ ночью въ комнату.

— Что за вздоръ, моя милая! Развѣ ты боишься меня? возразилъ молодой человѣкъ, прильнувъ губами къ ея щекѣ.

— Нѣтъ, Морицъ... Но то, что дурно, мы всегда скрываемъ отъ другихъ, говоритъ отецъ... Зачѣмъ-же *намъ* скрываться, скажи?

— Я тебѣ скажу *зачѣмъ*. Твои старики—люди простые: они не повѣрятъ, чтобъ наши свиданія были такъ невинны. Они не знаютъ, что не они, а я—лучшій стражъ твоей чести. Не всякому-же доступно понимать всю святость истинной любви.

Дѣвушка крѣпко обняла своего возлюбленнаго и положила голову къ нему на плечо.

— Я намекнулъ твоему отцу, началъ Морицъ, послѣ краткаго молчанія: — о счастливой перемѣнѣ въ моей судьбѣ, а ты и не интересуешся знать, въ чемъ состоитъ эта перемѣна...

— На что мнѣ знать? развѣ богатство можетъ сдѣлать тебя дороже для меня?

Digitized by Google

— Но я хочу быть богатымъ для тебя, мой милый другъ, чтобъ показать людямъ, какимъ драгоцѣннымъ „перломъ“ я обладаю...

— Мое счастье въ твоей любви, жизнь моя! Большаго счастья для меня быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не надѣнешь ты мнѣ обручальнаго кольца на палецъ... Тогда... тогда я и рая не пожелаю!..

Невольный вздохъ вырвался изъ груди Морица. Поискавъ въ глубинѣ своего сердца, онъ внутренно сознался, что у него нѣтъ достойнаго и правдиваго отвѣта на эту задушевную рѣчь невинной дѣвушки.

Любовники обмѣнялись еще нѣсколькими словами и поцалуями, и разстались.

— Нѣтъ, быть не можетъ! сказалъ самъ себѣ Морицъ, когда онъ остался одинъ и началъ ходить взадъ и впередъ. — Быть не можетъ и быть не должно: я люблю ее... И какъ ее не любить!.. Зачѣмъ-же я при ней думаю о своихъ планахъ?.. Отчего-же мнѣ мерещится богатство, блескъ... все блескъ и блескъ впереди, а одной любви Маргалы для меня недостаточно? А она, это бѣдное дитя, говоритъ, что дороже нынѣшняго я ей быть не могу... Неужели въ ней нѣтъ сочувствія къ роскоши, независимости, блеску!.. Одна любовь... и больше ничего... да, она ребенокъ! она не понимаетъ истиннаго значенія вещей... Человѣкъ, одаренный сильной душой, любитъ все прекрасное въ природѣ или въ искусствѣ, въ какихъ-бы образахъ оно не

Digitized by Google

проявлялось, одинъ предметъ его насытить не можетъ... все его окружающее должно быть блестяще, изящно; а что можетъ служить лучшимъ проводникомъ къ этому, какъ не богатство? Да!.. Въ *богатствѣ* умный человѣкъ любитъ все прекрасное... и самая любовь бываетъ тогда возвышенѣй, потому-что никакая тѣнь не заслоняетъ ея...

Этотъ послѣдній выводъ успокоилъ Морица. Онъ легъ въ постель и скоро уснулъ.

На другой день, въ началѣ девятаго часа утра, Морицъ явился на должность съ спокойнымъ и серьёзнымъ лицомъ и, сѣвъ на свое мѣсто, принялся, по обыкновенію, писать. Въ воскресные дни у кира-Ѳемистокли занимались только два или три часа утромъ, не столько по необходимости, сколько для того, чтобъ не цѣлыя сутки ходить безъ дѣла. Киръ-Ѳемистокли не понималъ, какъ можно цѣлыя сутки ничего не дѣлать.

Старикъ бухгалтеръ ворчалъ: онъ по-воскресеньямъ всегда былъ не въ духѣ. — „Другое дѣло въ будни, говаривалъ онъ часто:—тащишься съ Арнаутской, потому что надо дѣло дѣлать. Ну, а теперь за чѣмъ?.. Вѣдь вотъ-же, капризъ... непремѣнно явись на инспекторскій смотръ... эхъ, жизнь!..“

Добрый старикъ чувствовалъ всю правду своихъ разсужденій, и несмотря на то, исправно являлся по

Digitized by Google

воскресеньямъ въ контору, чтобъ пожелать добраго утра своему гроссбуху.

Около десяти часовъ, явился самъ Ксира, на-чисто выбритый и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Вслѣдъ за нимъ слуга внесъ три стакана чаю и три сухаря для конторщиковъ. Эту щедрость г. Ксира позволялъ себѣ каждое воскресенье.

Старый купецъ сѣлъ въ свое кресло, и началъ дѣлать разныя замѣтки на полулистѣ бумаги. Онъ каждое утро записывалъ для себя все то, что долженъ дѣлать впродолженіи дня, и это распредѣленіе было такъ вѣрно, что почти никогда не измѣнялось, развѣ случалось что нибудь непредвидѣнное; но у богатыхъ людей непредвидѣнные случаи довольно рѣдки.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ маклеръ Дубковъ.

— Синьйоръ Ксира, сказалъ онъ по-итальянски:— я къ услугамъ вашимъ. Что вамъ угодно приказать?

— Я рѣшился... отвѣчалъ Ксира прерывисто, не переставая писать на своемъ полулистѣ и не взглянувъ даже на маклера:—я рѣшился... купить партію Татецкаго: что-то охота взяла... Поѣзжайте, *трактуйте*... постарайтесь купить повыгоднѣй и привезите мнѣ маклерскую записку... Только сейчасъ: послѣ меня дома не будетъ...

Моритцъ зналъ, что должно было происходить въ душѣ старика, когда онъ отдавалъ это обдуманно-хлад-

Digitized by Google

покровное поручение. Молодой человѣкъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на коммерческія дарованія своего хозяина, и внутренно обѣщалъ себѣ быть достойнымъ его ученикомъ.

Черезъ четверть часа Дубковъ вбѣжалъ въ контору, блѣдный, съ разстроеннымъ лицомъ.

— Вольно вамъ мучить маклеровъ, сказалъ онъ Ксирѣ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ.—Пока вы собирались, Татецкій продалъ все!..

— Какъ? спросилъ старикъ: — не можетъ быть! когда?.. кто?.. Вы бредите, Дубковъ!..

— Ни-чуть, синьйоръ Ксира!.. Сегодня утромъ... какой-то Густавъ Штиръ... купилъ всю партію.

— Густавъ Штиръ!.. Кто такой этотъ Густавъ Штиръ?

— Не знаю... И Татецкій говоритъ, что въ первый разъ имѣетъ дѣло съ этимъ лицомъ.

— Какъ?.. что?.. помилуйте, Дубковъ, — я васъ не понимаю!..

— Помилуйте *меня*, синьйоръ Ѳемистокли!.. Я цѣлыя сутки бился съ вами до поту, а какой-нибудь Триди успѣлъ кончить дѣло. Изъ кармана, бестія, вытащилъ у меня *сто четвертей* * куртажу!..

— Да кто-же этотъ новый купецъ, этотъ Густавъ

---

*) Куртажъ полагается по полупроценту съ каждой стороны.

Digitized by Google

Штиръ, ради Бога? спросилъ Ксира, вставъ съ креселъ и, сквозь очки, сверкая своими впалыми глазами.

Дубковъ пожалъ плечами и опустилъ голову.

— Не знаете-ли *вы* его, кто-нибудь? продолжалъ Ксира, обращаясь къ своимъ конторщикамъ.

— Густавъ Штиръ!.. отвѣчалъ Базиль, кусая кончикъ своего пера. — Это молодой нѣмецъ.., человѣкъ, кажется, съ достаткомъ... Впрочемъ, Морицъ долженъ его хорошо знать: они, кажется, пріятели между собой.

— Морицъ? произнесъ киръ Ксира, возвысивъ голосъ, что съ нимъ рѣдко случалось.—Морицъ!.. Ааа!..

Морицъ всталъ и оборотился къ своему хозяину. Взоры ихъ встрѣтились. Въ глазахъ старика сверкала ярость, а въ глазахъ Морица виднѣлось наглое спокойствіе. Не переставая глядѣть на Морица, Ксира медленно началъ опускаться въ свое кресло, стараясь успокоиться; а тотъ, не перемѣняя своего гордаго положенія, закинувъ за спину руки, не спускалъ съ Ксиры своихъ большихъ, выпуклыхъ глазъ. Нѣсколько секундъ длилась эта нѣмая сцена, и никто, кромѣ разыгрывавшихъ ее актеровъ, не понималъ ея.

Дубковъ подошелъ близко къ Ксирѣ и сталъ ему что-то говорить; старикъ очнулся и машинально уставилъ глаза на него.

Морицъ спокойно сѣлъ на свое мѣсто.

Въ отвѣтъ на слова маклера Ксира махнулъ только рукой. Маклеръ понялъ, что тотъ его не слушалъ

Digitized by Google

или слушать не хотѣлъ. Въ огорченіи, онъ взялся за шляпу и вышелъ изъ конторы, не забывъ въ передней сказать магазинеру Спираки, что его хозяинъ буйволъ.

Въ конторѣ было торжественно тихо. Базиль чинилъ перья для завтрашняго дня; Мориць, опершись о спинку стула, скрестилъ руки на груди и глядѣлъ въ потолокъ; бухгалтеръ дремалъ. Среди этой тишины раздался звукъ пружиннаго кассоваго замка.

Этотъ меланхолическій звукъ пружины всегда имѣлъ сильное вліяніе на слушателей: сколько-бы ни было въ конторѣ Ксиры посѣтителей, и кто-бы они ни были, всегда, при этомъ звукѣ, глаза каждаго обращались въ ту сторону, гдѣ счастливый хозяинъ отворялъ свою кассу.

И теперь было тоже самое. Бухгалтеръ проснулся, у Базиля перочинный ножикъ остановился на ногтѣ,— только одинъ Мориць былъ равнодушенъ: онъ хорошо понялъ въ чемъ дѣло.

— Месье Сефарди, сказалъ Ксира:—подойдите!

Мориць всталъ, положилъ передъ собой на столѣ ключикъ отъ столоваго ящика, снялъ съ гвоздя шляпу и подошелъ къ бюро.

— Получите ваше жалованье, сказалъ холодно Ксира, не глядя на него и подавая ему нѣсколько полуимперіаловъ:—вы мнѣ болѣе не нужны.

Сефарди вѣжливо поклонился, кивнулъ головой своимъ товарищамъ и вышелъ.

Digitized by Google

Онъ взялъ дрожки и поскакалъ къ Штиру.

Густавъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ. На столѣ лежала развернутая маклерская сдѣлка. Каждый разъ, какъ новый спекуляторъ приближался къ столу, онъ останавливался передъ сдѣлкой и прочитывалъ ее отъ начала до конца. Радостная улыбка появилась на его лицѣ, когда онъ изъ окна увидѣлъ подъѣхавшаго Морица: самъ онъ, безъ друга, не зналъ—что предстояло дѣлать далѣе.

— Bon jour, bon jour! вскричалъ онъ весело, схвативъ Морица за руки и притащивъ его къ столу.— Ну, дѣло кончено... вотъ, смотри... читай: „Господинъ Густавъ Штиръ, по вашему приказу и на вашъ счотъ, купилъ я...“ читай-же, злодѣй!..

— Что тутъ читать? сказалъ засмѣявшись Морицъ:—знаю, знаю... Ужь мы и *развелись* съ Ксирой.

— Какъ, развѣ онъ узналъ?

— Еще-бы ему не догадаться!.. Ну, оставимъ пустяки толковать. Почемъ ты купилъ?

— По шести съ четвертью...

— Хорошо! Ксира дастъ девять. Безъ малаго тридцать-тысячъ барыша: на первый случай не худо...

— Schwärmer! ты уже и барыши сосчиталъ!...

— Нѣтъ, Густавъ, я не мечтатель: я играю наверняка. Не хочу лгать предъ тобой, мой другъ, у меня въ груди страшная суматоха: сердце въ набатъ бьетъ;

Digitized by Google

но это отъ непривычки. Надѣюсь усвоить себѣ болѣе хладнокровія,—и тебѣ тоже самое совѣтую.

— Да изъ твоей наружности и теперь ничего узнать нельзя: такъ и кажется, что собираешься въ Бельвю прострѣлять нѣсколько пустыхъ бутылокъ.,.

— Наружность давно въ моей власти, отвѣчалъ Мориць тихо, съ какою-то безотчетною грустью: — но надо передѣлать и внутренность:, терпѣть не могу, когда сердце сильно бьется...

Густавъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего друга.

— Фи, Мориць! сказалъ онъ улыбаясь! — можно-ли уничтожить въ себѣ сердце?

— Можно и должно!.. съ сердцемъ не бывать тебѣ купцомъ. Впрочемъ, предоставимъ это времени: практика—лучшій наставникъ... Теперь будемъ ковать желѣзо, пока оно не остыло. Не выходи никуда, до моего возвращенія... Я только съѣзжу на минуту домой, и отправлюсь къ Ксирѣ продавать твой товаръ.

— Хорошо! работай, Мориць, сказалъ Штиръ, потирая съ удовольствіемъ руки. — Да возьми Щоголя: онъ тутъ дожидается во дворѣ. Я зналъ напередъ, что намъ сегодня предстоитъ бѣготня, и взялъ его на цѣлый день.

Щоголь свистнулъ на гнѣдыхъ, и умчалъ своего сѣдока на противоположный конецъ города, гдѣ стояла квартира Геноха Хмѣльника.

— Эхъ, французская морда! сказалъ Андрей Би-

Digitized by Google

рюкъ, слѣзши съ козелъ и вытягивая хохолъ у своей вспотѣвшей пристяжной:—тебѣ все скакать, *кескесъ* ты эдакой!..

Онъ положилъ къ себѣ на плечо голову лошади и сталъ впускать ей въ ноздри дымъ изъ своей папироски.

Въ домѣ портного всѣ переполошились: никогда дрожки не заѣзжали на этотъ дворъ. Старуха Ханэ, приложивъ щеку къ окну, выглядывала изъ кухни; Золотой-Шовъ выбѣжалъ изъ своей рабочей комнаты, безъ верхняго платья, съ ножницами въ рукѣ и, остановившись въ дверяхъ, сталъ гладѣть во всѣ глаза на извощика и его ухарскую пару.

— Ба, ба, ба! крикнулъ Бирюкъ, завидѣвъ издали Геноха.—Ты откуда тутъ взялся, *Хмѣль*?

Генохъ подошолъ по-ближе.

— Тьфу ты, чудеса какія! произнесъ онъ, вглядѣвшись въ извощика.—Ты ли это, Андрюшка?

— А какъ бы ты думалъ?

— Да я тебя зналъ *лимонщикомъ*, въ соломенной шлянѣ. Какъ это ты влѣзъ въ кучерской армякъ?..

— Взялъ да влѣзъ... Ну, а ты-то каково?

— Да вотъ, все одно...

Генохъ показалъ ножницы.

— Давно, давно не видались мы съ тобой, продолжалъ Генохъ.—Помнишь, какъ бывало въ погребѣ катаемъ въ шашки?... Что, ты ужь къ Яни не ходишь теперь?

Digitized by Google

— Нѣтъ, дружище, не та рѣчь! теперь, видишь, кутимъ по чайнымъ трактирамъ...

Генохъ засмѣялся.

— Ты все кутишь, Андрюшка, сказалъ онъ;—это хорошо, ей Богу!.. будетъ изъ тебя человѣкъ, непремѣнно будетъ... Ты всегда веселъ—это главное.

— Ну, ужь что будетъ—не намъ съ тобой знать. Скажи-ка, Хмѣль, что мой сѣдокъ у тебя дѣлаетъ?

— Да онъ здѣсь квартируетъ...

— А!...

— Ты съ нимъ по часамъ? спросилъ въ свою очередь Хмѣльникъ, любопытствовавшій знать, по какому это чрезвычайному случаю постоялецъ его разъѣзжаетъ на дрожкахъ.

— Нѣтъ, я взятъ на весь день, отвѣчалъ Щеголь.

— На весь день?.. шутка-ли!.. *онъ* тебя взялъ на весь день?

— Не онъ, а другой..

— Другой!.. экка... скажи. Кто жь это?

— Нѣмецъ Штиръ...

— Штиръ! вотъ-что... Какъ же это... что - бишь?.. ну, ну... такъ вотъ, Штиръ... тебя...

— Ну, да. Мы съ нимъ цѣлое утро разъѣзжали, и маклера возили, усатаго тальянца. Купили, не то пять, не то восемь кораблей съ товаромъ...

Портной всплеснулъ руками и хотѣлъ продолжать

Digitized by Google

свои разспросы, но тутъ вышелъ Моріцъ и, вскочивъ на дрожки, приказалъ ѣхать въ контору Ксиры.

Сбросивъ свою алмавиву въ передней конторы, въ глазахъ изумленнаго Спираки, Моріцъ гордо вошелъ въ контору и предсталъ предъ своего экъ-патрона совсѣмъ въ другомъ видѣ чѣмъ прежде, когда служилъ у него писцомъ. На немъ былъ черный фракъ и лакированные сапоги. Молодой человѣкъ много разсчитывалъ на наружность и, можетъ быть, былъ правъ.

Онъ подошелъ къ Ксирѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ старикъ сурово.

— Только два слова... отвѣчалъ Моріцъ по англійски.

— Говорите...

— Безъ околичностей: я пріѣхалъ продать вамъ льняное сѣмя Густава Штира...

Старикъ вперилъ свои стекляные глаза въ Моріца; но Моріцъ съ твердостью выдержалъ этотъ взглядъ.

— Нннo... но... проворчалъ Ксира.

— Къ чему эти „но“? возразилъ Моріцъ.—Мы слишкомъ хорошо понимаемъ другъ друга, мистеръ Ксира. Покупаете или нѣтъ!.. До почты только три дня... сыщутся другіе...

Ксира утвердительно кивнулъ головой.

— Цѣна—девять рублей, продолжалъ Моріцъ.

Старикъ уперся обѣими локтями о бюро и взялся за голову; Тихое стенаніе вырвалось изъ его груди.

Digitized by Google

— Время дорого!.. продолжалъ Морицъ.

— По-крайней-мѣрѣ уступите! проговорилъ Ксира.

— Ни копѣйки... Вамъ изъ Лондона велятъ платить эту цѣну.

— Хоть что-нибудь, Сефарди!

Сефарди хотѣлъ повернуться и уйдти. Старикъ схватилъ его за руку и удержалъ.

— Пусть васъ судитъ Богъ! сказалъ онъ.—Привезите Штира... я согласенъ.

Въ четверть часа все было кончено. Штиръ сдѣлалъ на своей маклерской запискѣ передаточную надпись на имя г. Ѳемистокли Ксиры, получилъ обратно свой задатокъ, *снялъ*, какъ говорится въ коммерціи, *вершки*, т. е. получилъ сумму, составлявшую его барышъ и—уѣхалъ съ Морицомъ на свою квартиру.

На дорогѣ молодые люди не проговорили ни слова. Густавъ такъ много наломалъ себѣ голову въ это первое утро своей дѣятельности, такъ былъ ошеломленъ пукомъ кредитныхъ и банковыхъ билетовъ, что не находилъ средства съ чего начать. Ему хотѣлось скорѣй пріѣхать домой, скинуть сюртукъ и растянуться на диванѣ въ своемъ любимомъ положеніи—и тогда только заговорить. Морицу тоже было не до разговоровъ: у него въ головѣ завертѣлся новый планъ.

Молодые люди, молча вбѣжали въ комнату.

—. Уфъ! произнесъ Густавъ, бросивъ на столъ деньги и принимаясь раздѣваться.

Digitized by Google

— Что ты? сказалъ Морицъ:—въ умѣ-ли ты?

— Пусти... раздѣнусь; хочу отдохнуть...

— Нѣтъ, отдыхать будемъ послѣ, Густавъ: а теперь надо дѣйствовать.

— Какъ?... развѣ *дѣйствіе* еще не кончилось?

— Ничуть, мой милый: оно только началось.

— Ты шутишь, Морицъ?

— И не думаю. Надо дѣйствовать, и какъ можно поспѣшнѣй. Старый Ксира далъ промахъ. Онъ такъ былъ озадаченъ утромъ, когда узналъ, что партія Татецкаго досталась тебѣ, что забылъ поручить маклеру закупить по-крайней-мѣрѣ остальное сѣмя, которое находится въ Одессѣ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Густавъ: — да мы бы сѣли съ тобою на мель, если-бъ онъ это сдѣлалъ...

— Ну, да... немножко было-бъ неловко. Однако случай за насъ, и теперь не грѣшно воспользоваться оплошностью Ксиры. Поѣдемъ же сію-минуту и закупимъ все, что можно закупить. Мы захватимъ лучшія двѣ три партіи; а если останется мелочь, то ее опасаться нечего; Ксира не станетъ обращать вниманія на сотни четвертей,—ему нужны тысячи.

— Чортъ бы взялъ коммерцію, когда она такая хлопотливая! сказалъ Густавъ, полусердясь, полусмѣясь.—Нечего дѣлать, ѣдемъ!...

Щоголь только что успѣлъ свернуть для себя папироску, когда друзья вновь вышли и приказали ѣхать.

Digitized by Google

„Эк-ко ихъ разобрало!“ думалъ онъ, „и затянуться не успѣешь. Ужь какъ взяли на день, то и думаютъ, что день-денской надо мыкать съ конца въ конецъ“.

— Господа! сказалъ онъ громко, повернувшись къ своимъ сѣдокамъ:—коли, то-есть, тово... такъ два *карбованца* мало.

— Прибавимъ, любезный, отвѣчалъ Густавъ. — Ничего, пошелъ!

— Эхъ, вы! произнесъ Андрей весело, помахивая кнутомъ надъ лошадьми:—сивѣй, други!.. господа карбованецъ прибавили...

Друзья улыбнулись ловкости извощика.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ у Ксиры, Морицъ узналъ всѣхъ спекуляторовъ и комиссіонеровъ. Онъ объѣздилъ главнѣйшихъ и, обезпечивъ задаткомъ, безъ труда успѣлъ купить у нихъ выгодно еще нѣсколько тысячъ четвертей льняного сѣмени. Штиръ обмѣнялся съ продавцами росписками, и дѣло было кончено.

— Теперь, кажется, можно и позавтракать, сказалъ Морицъ, посмотрѣвъ на часы, которые показывали полдень.

— О, умница! отвѣчалъ Густавъ:—я самъ только что думалъ объ этомъ. А вѣдь мы сегодня заслужили свой завтракъ, неправда-ли?

Друзья приказали ѣхать въ Мраморный-Трактиръ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Птица начинаетъ перемѣнять свои перья.

Киръ-Ѳемистоклн Ксира сидѣлъ въ казино.

Всегда скупой на слова, холодный, безстрастный, не выходя изъ границъ какого-то апатическаго спокойствія, имъ самимъ для себя созданнаго, этотъ человѣкъ, въ кругу своихъ товарищей-негоціантовъ, пользовался глубокимъ уваженіемъ. Его разсчеты и предпріятія всегда были вѣрны, его разговоры кратки, но многозначительны. Никто изъ купцовъ не видѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь сердился или смѣялся, или чтобъ онъ спѣшилъ куда-нибудь. Тому, кто сталъ бы увѣрять, что Ксирѣ нѣкогда, ни за что бы не повѣрили: Ксирѣ на все и всегда было время, которое, казалось, подчинялось ему также, какъ его конторщики и магазинеры. Въ часъ онъ долженъ былъ быть въ казино; въ три онъ долженъ былъ обѣдать, если-бъ даже вся Ирландія перевернулась вверхъ дномъ и всѣ маклера стали харкать кровью отъ крику; вечеромъ онъ долженъ былъ играть въ вистъ; разъ въ три мѣсяца онъ долженъ былъ взять ложу въ Оперѣ; каждое „первое мая“ *онъ долженъ былъ* задать церемонный обѣдъ у себя на дачѣ, для нѣкоторыхъ избранныхъ—не пріятелей: пріятелей у него не было, — а знакомыхъ. Однимъ словомъ: это былъ

Digitized by Google

тяжеловѣсный золотой хронометръ, закутанный въ сукно и трико.

Всѣ комнаты казино были полны народу. Играли въ карты и въ шахматы, читали журналы, курили, ходили взадъ и впередъ, говорили, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, о новостяхъ, о коммерціи прошедшаго лѣта и надеждахъ на будущую весну.

— Buon di a vossignoria! сказалъ одинъ веселый итальянецъ, подошелъ къ Дубкову и ударивъ его фамильярно по плечу.—Что вы такъ задумались?

— Э!... житье наше горькое! отвѣчалъ Дубковъ.

— А... вы въ философію пустились?... это не дурно...

Итальянецъ захохоталъ.

— Ну, вотъ, еще этого не доставало! сказалъ Дубковъ съ досадой.—Чему вы такъ обрадовались?

— Вашему горю, отвѣчалъ итальянецъ:—я впервые вижу, что вы грустите.

— Поневолѣ будешь грустить, когда изо-рта кусокъ вырываютъ... Намъ отъ васъ житья нѣтъ. Я обработалъ дѣло, приготовилъ, уладилъ, высыпалъ три короба словъ и клятвъ, и—остался безъ ничего, а Триди—воспользовался куртажемъ...

— Eh, amico mio! а вы развѣ такихъ штукъ не дѣлаете?

Маклеръ молчалъ.

Digitized by Google

— Отвѣчайте же, продолжалъ итальянецъ:—я отъ васъ не отстану.

Дубковъ самъ былъ веселаго нрава и отъ чистаго сердца разсмѣялся неотвязчивости итальянца.

— Ну, дѣлаю... отвяжитесь! отвѣчалъ Дубковъ.

— Такъ о чемъ же грустить? Сегодня онъ, завтра вы,—круговая порука!... Всѣ вы молодцы!... Пойдемъ-же сыграемъ на бильярдѣ.

Ксира ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ и, казалось, искалъ кого-то. Спокойно перебирая свои чотки, онъ остановился у двери бильярдной.

„Пустой человѣкъ!“ думалъ онъ, увидѣвъ Дубкова, размахивавшаго кіемъ. „Мнѣ простительно, что я забылъ поручить ему закупить все сѣмя, оставшееся въ городѣ; проклятый Сефарди сбилъ меня съ толку; но у него, у этого жалкаго маклера, какъ недостало ума напомнить мнѣ объ этомъ?... Пустой человѣкъ!... Нечего дѣлать: не открываться же теперь другому; поневолѣ надо держаться его“.

— Мсье Дубковъ! тихо сказалъ Ксира, проходя мимо маклера:—когда кончите игру, вы подойдете ко мнѣ.

Старикъ опять сѣлъ, обмоталъ руку чотками и опустилъ голову.

Лакей въ красномъ жилетѣ, обшитомъ галунами, разбудилъ его отъ размышленій, сказавъ, что кто-то его спрашиваетъ.

Digitized by Google

— Проси сюда, сказалъ Ксира, и пошелъ на встрѣчу.

Онъ встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Морицомъ.

Оба, какъ-будто угадывая другъ друга, остановились у самаго крайняго окна, одинъ противъ другого.

— Что еще? спросилъ старикъ.

— Еще сѣмя, отвѣчалъ Морицъ.

— Какъ, неужели?...

— Да, синьйоръ!... Штиръ купилъ все остальное, какое только сыскалось.

— Да вы хотите ограбить меня!

— Не думаю... Я даю вамъ только случай быть честнымъ человѣкомъ... Если вы напишите въ Лондонъ, что сѣмя стало вамъ по девяти рублей, то... напишите правду.

Глаза старика заблистали: онъ не любилъ, чтобъ его угадывали.

— И такъ, синьйоръ Ксира?.., продолжалъ Морицъ спокойно.

Негодованіе на минуту овладѣло благоразумнымъ старикомъ. Еще никто не терзалъ его такъ жестоко и съ такою обдуманностью, какъ этотъ молокососъ, который за день назадъ былъ такимъ тихимъ, обыкновеннымъ, *страдательнымъ* существомъ. Кромѣ того, что Ксира лишался огромныхъ выгодъ, онъ еще видѣлъ себя игрушкой, и предугадывалъ, что когда вся эта исторія разгласится, на него посыплются сарказмы

Digitized by Google

разнаго рода. Онъ не могъ долѣе вытерпѣть: гнѣвъ, можетъ быть, въ первый разъ въ его жизни, вырвался наружу,—и Ксира произнесъ весьма энергическую греческую фразу.

Моришъ улыбнулся.

— Какъ жаль, сказалъ онъ:—что я незнаю по-гречески: я бъ вамъ далъ удовлетворительный отвѣтъ.

Старикъ спохватился. „Неужели,“ думалъ онъ, „этотъ демонъ явился сюда, чтобъ подорвать мою славу!... Меня осмѣютъ за промахъ... еще скажутъ, что Ксира горячился.... наконецъ, пожалуй, рѣшатъ, что Ксира изъ ума выжилъ!...“

Эта мысль какъ молнія пролетѣла въ головѣ Ксиры, и онъ опять принялъ свой обыкновенный, равнодушно-гордый тонъ.

— И такъ, мсье Сефарди, чего-жь вы хотите? спросилъ онъ.

— Продать вамъ, разумѣется... отвѣчалъ Сефарди.—У меня въ карманѣ готовая росписка Штира на ваше имя: мы въ двѣ минуты можемъ кончить.

— По чемъ вы заплатили?

— По-шести

— А по чемъ продадите?

— По-девяти.

— Слушайте, молодой человѣкъ: это безчеловѣчно! Вы безчес.... случайно воспользовались моею тайной, и и не имѣете никакого состраданія....

Digitized by Google

— Мораль для другихъ, синьйоръ!... Вы тоже не изъ Хіоса привезли свое состояніе.

Это было самое глубокое оскорбленіе, какое только можно было нанесть Ксирѣ. Разсказывали, что онъ изъ Хіоса пріѣхалъ матросомъ на купеческомъ кораблѣ. Но старикъ проглотилъ спокойно обиду, благодаря судьбу, что весь этотъ разговоръ происходилъ почти шопотомъ.

— Да, вы правы, сказалъ онъ Морицу: — такіе случаи бываютъ, можетъ быть, разъ въ жизни. Торговля тоже, что любовь: смѣшно не пользоваться; когда есть возможность.... Вы совершенно правы, молодой человѣкъ! Терзайте старика Ксиру, потому-что, въ подобномъ случаѣ, Ксира тоже не далъ-бы спуску никому.... Поѣзжайте ко мнѣ... я за вами.

Дубковъ только-что положилъ *желтаго въ среднюю*, и былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа.

— Я сей-часъ, синьйоръ Ксира, сказалъ онъ, увидѣвъ, что Ксира собирается выходить.

— Напрасно, Дубковъ! отвѣчалъ Ксира тихо и не останавливаясь.—Намъ сегодня съ вами не везетъ. Штиръ закупилъ все... слышите-ли, все!...

— Штиръ! вскричалъ Дубковъ:—и опять вѣрно черезъ Триди... Maladetto!...

Онъ съ такимъ ожесточеніемъ бросилъ кій отъ себя, что, полетѣвъ на бильярдъ, кій разбилъ висѣвшую лампу и самъ переломился на-двое.

Веселый партнеръ Дубкова расхохотался, и пред—

Digitized by Google

сказывалъ ему, что его или исключатъ изъ казино, или, по-крайней-мѣрѣ, оштрафуютъ за неприличный поступокъ.

Между-тѣмъ Сефарди равнодушно высчитывалъ проценты на банковые билеты, которыми Ксира платилъ ему. Старикъ во все это время не спускалъ глазъ съ молодого человѣка. Когда всѣ разсчоты кончились и Морицъ взялся за шляпу, Ксира всталъ и взялъ его за пуговицу фрака.

— Вы дали мнѣ урокъ осторожности, Морицъ, сказалъ онъ. — Воспользовавшись моею оплошностью, вы, быть можетъ, составите себѣ карьеру. Вижу въ васъ будущаго капиталиста или... банкрота, но во-всякомъ-случаѣ человѣка дѣльнаго. Нечего дѣлать: по-неволѣ уважаю васъ, хотя долженъ былъ-бы ненавидѣть... Съ-Богомъ! Не думайте, чтобъ я вамъ былъ врагъ... Прошу только одного... не разглашать....

Морицъ далъ слово, раскланялся и вышелъ.

„Что Ксира не будетъ моимъ врагомъ," думалъ онъ, „это я прежде зналъ. Такой человѣкъ, какъ онъ, уважаетъ искусство наживать деньги, еслибъ даже оно было употреблено въ ущербъ собственному его карману. Но что онъ хочетъ видѣть во мнѣ банкрота,—это ему не удастся. Дуракъ я буду, если пущусь въ торговлю съ моимъ капиталомъ, который я нажилъ въ одно утро, а въ другое могу потерять. Нѣтъ, пусть другіе рискуютъ, но не я.... у меня есть другой планъ, гораздо вѣрнѣе..."

Digitized by Google

— Кончилась-ли исторія о льняномъ сѣмени? спросилъ входящаго Морица Густавъ, беззаботно лежавшій на софѣ.

— Кончилась!.. Теперь давай считаться.

Молодые люди разсчитались скоро. Снявъ деньги Густава, которыя были употреблены въ дѣло, остальное они раздѣлили пополамъ.

Они сидѣли рядомъ за столомъ, и передъ каждымъ изъ нихъ лежала его часть прибыли. Густавъ глядѣлъ на свои деньги съ легкой улыбкой на устахъ, а Морицъ задумчиво, почти печально. У каждаго изъ нихъ роились свои мысли въ головѣ. Первый просто былъ доволенъ своимъ успѣшнымъ началомъ, и это удовольствіе выражалось тихою, добродушною улыбкой; а второй видѣлъ въ своихъ деньгахъ сильнаго помощника, который его толкнетъ въ другую сферу. Онъ зналъ, что безъ этой кучи билетовъ, лежавшихъ теперь передъ нимъ, ему бы никогда не сравниться съ тѣмъ обществомъ, на которое онъ съ завистью смотрѣлъ издали, когда былъ ничтожнымъ, безвѣстнымъ писцомъ. Онъ видѣлъ въ этихъ деньгахъ *идею*, оскорбительную для его самолюбія,—и оттого онъ былъ печаленъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! вскричалъ Густавъ, вскочивъ со стула и прыгая по комнатѣ.—Ну, что мы тутъ повѣсили носы? Развѣ такъ радуются счастью?...

— Твоя правда, отвѣчалъ Морицъ, пробужденный отъ своихъ размышленій.—Давай радоваться!...

Digitized by Google

Но радоваться невозможно по заказу. Густавъ былъ веселъ, потому-что его врожденная беззаботность нашептывала ему, что онъ уже много сдѣлалъ, и онъ успокоивалъ свою совѣсть тѣмъ, что, по его мнѣнію, онъ уже сдѣлался человѣкомъ положительнымъ, практическимъ, трудолюбивымъ. Но Морицъ не о своемъ трудолюбіи хлопоталъ: онъ привыкъ къ труду. Ему теперь предстояла широкая дорога, на которой ему хотѣлось сдѣлаться извѣстнымъ. Для начала это утро его удовлетворило; но ему-ли останавливаться на началѣ!

— Я теперь что-то болѣе серьезенъ, чѣмъ бы слѣдовало, сказалъ Морицъ.—Что-жъ будешь дѣлать? натуру не приневолишь! Въ другое время повеселимся, мой другъ, а теперь давай говорить о серьезныхъ вещахъ.

Штиръ сдѣлалъ знакъ неудовольствія.

— Неужели вѣчно хлопотать! отвѣчалъ онъ:— когда-же остается жить?

— Впереди еще много, Густавъ: мы еще такъ молоды съ тобой... Ну, чтожь ты думаешь дѣлать далѣе?

Густавъ сѣлъ.

— Право, не знаю, отвѣчалъ онъ.—Я полагалъ, что мы не раздѣлимся, и будемъ вмѣстѣ торговать. Какъ-бы, напримѣръ, хорошо звучалъ домъ: „Штиръ-и-Сефарди“? А? какъ ты думаешь?

— Нѣтъ! это бы только скомпрометировало насъ.

Digitized by Google

Надъ нами стали бы смѣяться. Зная, что *вторая половина дома* была вчера писцомъ у Ксиры, эти искусные цѣнители чужихъ кармановъ тотчасъ бы догадались, что фондъ нашъ состоитъ изъ схваченныхъ сегодня вершковъ. Мое имя повредило бы твоему... Нашъ „домъ“ прозвали бы карточнымъ домикомъ, а этого мнѣ не хочется.

— Совершенно справедливо... Однако какъ-же быть?

— А вотъ-какъ, по моему мнѣнію. Тебя до-сихъ-поръ никто не зналъ,—твоя первая операція вызоветъ тебя на сцену. Кто скажетъ, что ты богачъ, кто скажетъ противное; но твое имя завтра на биржѣ повторится не одинъ разъ. Я увѣренъ, Триди первый превознесетъ твое богатство; сколько я замѣтилъ—маклера страшно преувеличиваютъ: ты это современемъ узнаешь... Главное, твой карманъ—terra incognita для негоціантовъ, и если ты одинъ откроешь торговый домъ, никто и удивляться не станетъ.

— Ты же что будешь дѣлать?

— Я?... буду твоимъ стражемъ, твоимъ путеводителемъ, твоей правой рукой, какъ ты часто говоришь, Густавъ!... Я... буду биржевымъ маклеромъ...

— Что-то не понимаю.

— Напрасно не понимаешь. Я вотрусь въ этотъ таинственный кругъ и докажу *имъ*, что и маклеръ можетъ имѣть корреспондентовъ за границей, которые будутъ сообщать ему тоже, что и негоціантамъ: я буду

Digitized by Google

знать всѣ ихъ тайны. Я докажу имъ, что если донынѣ маклеръ былъ зависимъ отъ негоціанта, то впередъ негоціантъ будетъ болѣе зависѣть отъ маклера. Я уничтожу всю эту толпу, которая профанируетъ маклерское ремесло и—возвышу его, приведу въ систему. Я стану въ головѣ торгующаго класса и буду ворочать имъ по-произволу... Не спрашивай меня—какъ это будетъ! прибавилъ Морицъ съ улыбкой. — Можетъ-ли великій художникъ разсказать, *какимъ образомъ* онъ творитъ?... Онъ творитъ, потому-что въ немъ творческая сила!...

— Прекрасно! что же я-то!

— Ты?... ты дитя, которое я буду лелѣять. Я скажу: купи! ты купишь, скажу: продай! ты продашь. Я буду знать, когда приказать то или другое.

— Чертовски-замысловато, сказалъ Густавъ смѣясь.—Ну, другъ мой, когда мы ужъ всѣмъ распорядились такъ прекрасно, нельзя-ли хоть теперь отдохнуть и поговорить о чемъ-нибудь пріятномъ? Напримѣръ, что твоя любовь?

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Морица.

— Моя любовь! отвѣчалъ онъ.—Это дѣло второго разряда: все устроится въ свое время....

— Да теперь, когда все устроилось такъ хорошо, ты бы долженъ себя считать первымъ счастливцемъ.

— Отчего такъ?

— Помилуй, Морицъ!... Ты разбогатѣлъ; впереди

Digitized by Google

такъ много надеждъ и дѣятельности; Маргала любитъ тебя такъ горячо....

Морицъ облокотился на окно и погрузилъ пальцы въ свои чорныя кудри.

— Маргала такая добрая, прекрасная дѣвушка, продолжалъ Густавъ.—Мнѣ въ жизнь мою не встрѣчалось существо милѣе ея. Ты составишь ея счастье, окружишь довольствомъ.... Воображаю, какъ въ зимніе вечера я буду ѣздить къ тебѣ въ гости; мы будемъ пить чай не изъ рукъ Чижика или Егорки, а изъ ручекъ твоей милой хозяйки... Возьмемъ на зиму ложу въ Оперѣ, и Маргала затмитъ всѣхъ своей красотой; будемъ кататься на отличныхъ козырькахъ по Ришельевской,—если будетъ снѣгъ, разумѣется. А лѣтомъ — въ Бельвю, или на Малый-Фонтанъ... Эхъ другъ мой чудо какъ заживемъ!..

Морицъ все молчалъ.

— Да, да, Морицъ, продолжалъ Густавъ, положивъ себѣ руки подъ голову и потягиваясь на диванѣ:—прелесть, что за жена у тебя будетъ! Скромная, красавица, безъ претензій, безъ кокетства, простое дитя, незнакомое съ жеманствомъ... истинная будетъ „бюргерфрау“...

Морицъ поднялъ голову.

— „Бюргерфрау“! произнесъ онъ медленно, глядя насмѣшливо на Густава.

Въ его голосѣ выразилось нерасположеніе къ этому

Digitized by Google

слову. Ему имѣть „бюргерфрау“! ему ограничиться скромнымъ обладаніемъ въ тишинѣ! Гдѣ же тотъ блескъ, къ которому рвется его душа, и который, какъ полярная звѣзда, указываетъ ему дорогу?

— Бюргерфрау! произнесъ онъ вторично.—Нѣтъ!.. да... это мы увидимъ послѣ...

— Что тутъ видѣть? сказалъ Густавъ: по моему, женился, и дѣло съ концомъ.

— Да надо же перевести духъ, Густавъ! отвѣчалъ Морицъ, съ улыбкой.—Не успѣлъ я еще освоиться съ моимъ настоящимъ положеніемъ, и уже жениться. Будетъ время на все... посмотримъ какъ еще пойдутъ дѣла.

— Ты—Фабій-Cunctator! вѣчные разсчеты и осмотрительность. Скажи, пожалуйста! да съ твоимъ теперешнимъ состояніемъ многіе слывутъ богачами!

— Ребенокъ ты, ребенокъ! ужь это у тебя называется богатствомъ... Нѣтъ, Густавъ! быть не бѣднымъ и быть богатымъ—не одно и тоже. Богачъ тотъ, которому всѣ завидуютъ, на котораго обращены всѣ глаза, котораго всѣ терпѣть не могутъ, а между тѣмъ дрожатъ пожатіемъ его руки. А мы-то съ тобой что такое? ни одного врага, ни одного завистника, хоть-бы на смѣхъ!...

— Да погоди, будетъ еще все.

— То-то я и говорю! подождемъ... увидимъ... и себя покажемъ. До тѣхъ поръ, пока вѣсть о томъ,

Digitized by Google

что Мориц Сефарди женится, не будет интересною новостью въ городѣ, до тѣхъ поръ Мориц Сефарди не женится!

— Мориц! вскричалъ Густавъ:—я люблю тебя, но вижу въ тебѣ ужасный недостатокъ, который страшусь выговорить!...

— Ну, оставимъ этотъ разговоръ, сказалъ Мориц холодно:—это можетъ повесть насъ далеко, а мнѣ некогда: надо еще кое-что сдѣлать... Au revoir!

Друзья разстались

ГЛАВА VI.

Золотой-Шовъ разсуждаетъ о географіи и древностяхъ, а герой выказываетъ свои геройскіе когти.

Печальная комната Морица, въ квартирѣ Геноха Хмѣльника, въ короткое время совершенно преобразилась. Средства теперь уже позволяли Морицу устроить ее, если не такъ, какъ ему часто мерещилось, то, по-крайней-мѣрѣ, съ нѣкоторымъ комфортомъ. Она была за-ново расписана и уставлена прекрасною мебелью, купленною у лучшего мастера. Гардеробъ видимо увеличился и помѣщался въ щегольскомъ орѣховомъ шкафѣ. На окнахъ красовались кисейные занавѣски. Въ каминѣ отрадно трещали толстыя дубовыя полѣна.

Морица не было дома.

Маргала, съ салфеткой въ рукѣ, ходила по ком-

Digitized by Google

натѣ и стирала пыль съ блестящей мебели. Старуха Ханэ, растворивъ дверь, всунула голову, и съ безсмысленнымъ испугомъ на лицѣ озирала комнату своего постояльца.

— Ты впускаешъ холодъ въ комнату, матушка, сказала Маргала:—лучше войди.

— А можно? спросила старуха, скинувъ башмаки и въ однихъ чулкахъ ступая осторожно по мягкому ковру.

— Отчего-жь нѣтъ, отвѣчала дочь: — вѣдь онъ нашъ.

Маргала имѣла свѣжій, довольно пріятный голосъ. Она тихо напѣвала какой-то устарѣлый русскій романсъ, продолжая свою работу. Каждая вещь, къ которой она подходила, напоминала ей ея милаго Морица. Дотрогиваясь къ тому, къ чему онъ дотрогивался, ей казалось, что она осязаетъ его, видитъ его, слышитъ его. Тихая радость наполняла все существо дѣвушки; она вполнѣ была счастлива: будушность рисовалась передъ нею такъ плѣнительно.

— Что *онъ* заплатилъ за этотъ стеклянный пузырь? спросила Ханэ, указывая на дорогую лампу, стоявшую на кругломъ столикѣ, предъ кушеткой.

Дѣвушка улыбнулась.

— Это не пузырь. а лампа, отвѣчала она.—Она чудесно какъ свѣтитъ: лучше десятка свѣчей.

— Ну, а что онъ заплатилъ за нее?

Digitized by Google

— Не знаю.

Ханэ подошла къ кушеткѣ и ткнула въ нее пальцемъ. Съ ужасомъ отскочила она, когда пружина поддалась подъ ея рукой.

— Ай! вскричала она:—тамъ что-то шевелится...

Маргала громко захохотала.

— Какая ты пугливая, мама, право! сказала она.— Это кушетка на пружинахъ... вотъ попробуй...

Она хотѣла посадить мать на кушетку, но та отказалась.

— Отцы мои не сидѣли на такихъ *штукахъ*, и я не хочу сидѣть на нихъ, сказала она съ неудовольствіемъ. — Все глупыя изобрѣтенія эпикойресовъ, и больше ничего... Ну, а что заплатилъ онъ за эту дрянь?

— Не знаю право.

— А это что такое? спросила опять мать, поворачивая въ рукахъ красивый бинокль, оправленный въ слоновую кость.

— Это? что-бишь это? Въ него, кажется, смотрятъ на море, что-ли.

Старуха, по своему обыкновенію, закачала головой.

— А что *оно* стоитъ? спросила она

Какая ты странная, матушка! отвѣчала Маргала.— Почему мнѣ знать, что все это стоитъ? развѣ мое дѣло спрашивать Морица!...

Ханэ остановилась передъ маленькимъ изящнымъ

Digitized by Google

шкафикомъ, въ которомъ стояло нѣсколько десятковъ книгъ въ красивыхъ переплетахъ.

— А что это за книги, Маргала? спросила она.

Маргала слегка покраснѣла. Она знала, что если мать нападаетъ на невинную мебель Морица, то ужь книгамъ болѣе всего достанется. Съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчала она матери, что это либимыя нѣмецкія и англійскія книги Морица.

— Должно-быть все прекрасныя исторіи, прибавила она. — Морицъ часто съ удовольствіемъ читаетъ ихъ.

— Ужъ пожалуйста не говори, возразила мать, плюнувъ въ сторону: — вѣрно какіе-нибудь глупости.

— Чтобъ Морицъ читалъ глупости! о, никогда!...

— Такъ я жь тебѣ говорю, что глупости!

— А вотъ, Морицъ обѣщаетъ меня учить по-нѣмецки, — я тогда прочту и докажу тебѣ, что нѣтъ.

— Сохрани тебя Богъ учиться по-нѣмецки! и дочерью тогда не назову!...

— Ну, вотъ опять! вѣдь я все для тебя, мама, сказала дѣвушка, подошедъ къ матери и ласкаясь къ ней. — Мы будемъ жить въ хорошемъ домѣ; у насъ будетъ прислуга... Ты ничего не будешь дѣлать, только сидѣть на диванѣ и вязать чулокъ... Послѣ обѣда, напримѣръ, когда служанка подастъ фрукты, — ты видѣла какіе *на Греческомъ* апельсины и гранаты? — вотъ такіе фрукты ты будешь кушать.... или розовое

Digitized by Google

вареніе съ водой... да!... или, положимъ, когда вечеромъ ты будешь лакомится свѣжей сметаной отъ собственной коровы,—я буду читать тебѣ разныя веселыя исторіи, какъ царевичи женились на принцесахъ, или какъ купцы были заброшены съ своими кораблями, нагруженными алмазами, въ *густое* море... и все это на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ,— развѣ это будетъ не хорошо?...

Передъ этой обольстительной картиной Ханэ не могла устоять. Она опустилась въ кресло, стоявшее передъ каминомъ, и — прищуривъ глаза — мысленно предвкушала прелести свѣжей сметаны отъ собственной коровы.

Маргала знала чѣмъ задобрить мать свою. Ограниченный умъ старухи бросалъ ее изъ одной крайности въ другую. То, что казалось ей за минуту ненавистнымъ, принимало привлекательныя формы, если представлялось что-нибудь такое, что удовлетворяло ея мелочнымъ желаніямъ и грубому вкусу. Добрая дѣвушка не въ состояніи была понимать этого тривіальнаго направленія характера своей матери: ей казалось, что всякая мать должна быть капризна, должна браниться, упорствовать, и потомъ уступать просьбамъ и смягчаться. „На то она мать“, думала Маргала: „а долгъ дочери любить свою мать и не выходить изъ ея повиновенія.“

Мысль, что, вышедши за-мужъ за Морица, она мо-

Digitized by Google

жетъ составить благополучіе своихъ родителей, восхищала Маргалу. Не нужно будетъ уже отцу ея столько хлопотать; прекратятся вздохи, ворчанье матери и вѣчныя жалобы на недостатокъ: довольство окружитъ ихъ. Моришъ такъ силенъ, такъ дѣятеленъ; его станетъ на десять такихъ семействъ. Онъ только пошевельнулся однажды—и ужъ явились у него тысячи, что-жъ будетъ далѣе?... Моришъ будетъ любить стариковъ и угождать имъ, — и среди такого счастья, съ какимъ восторгомъ скажетъ она своимъ родителямъ: „я ваша дочь? ваша радость на землѣ!...

Маргалѣ было очень весело на душѣ. Какой-же дѣвушкѣ не бываетъ весело, когда она собирается выйдти замужъ?

Ханэ пробудилась отъ своего полудремотнаго состоянія.

— Отецъ намъ оставилъ работу, Маргала, сказала Ханэ:—надо вшить рукава въ синій фракъ; Пойдемъ!... Я буду вшивать одинъ, а ты другой.

Дѣвушка продолжала размышлять и пѣть.

— Пойдемъ-же; повторила мать. — Полно возиться тутъ: ужъ все, кажется, на мѣстѣ.

— Ахъ, мама! отвѣчала Маргала:—нельзя такъ скоро: надо все повытереть на-чисто. Моришъ по случаю отдѣлки своей комнаты, пригласилъ насъ на чай сегодня вечеромъ... Еще много кой-чего осталось приготовить...

— И меня тоже пригласилъ? спросила Ханэ,

Digitized by Google

— Какъ-же! отца, и тебя, и меня, — всѣхъ насъ.., Вотъ видишь изъ чего ты будешь сегодня пить чай!

И она показала ей пальцемъ на стоявшій въ углу блестящій самоваръ и щегольскій чайный приборъ, съ позолоченными ложечками и крошечными узорчатыми салфетками.

— Ну, такъ приготовляй-же, отвѣчала мать: — уже не рано... Пойду шить одна.

Ханэ вышла, не забывъ мимоходомъ погладить самоваръ и перещупать всѣ чайныя ложечки. Ей очень хотѣлось знать, сколько стоилъ весь приборъ, который одинъ только казался ей и прекраснымъ, и полезнымъ.

Около семи часовъ вечера, новый самоваръ весело шипѣлъ на кругломъ столикѣ. Пара стеариновыхъ свѣчей на письменномъ столѣ Морица и лампа въ углу довольно ярко освѣщали комнату. Морицъ сидя на кушеткѣ, задумчиво курилъ гаванскую сигару, Генохъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, тоже молчаливо курилъ изъ длиннаго чубука: ему было неловко въ этой щегольской комнатѣ. Ханэ дремала въ креслахъ предъ каминомъ; Маргала разливала чай.

— Я теперь хозяйка, а вы мои дорогіе гости, сказала Маргала съ веселой улыбкой.

Генохъ поглядѣлъ на Морица и, лукаво прищуривъ глазъ, махнулъ головой на дочь. Морицъ принужденно улыбнулся.

— Ну-ка, попробуемъ твой чай, Маргала, сказалъ

Digitized by Google

Золотой-Шовъ, хлебнувъ изъ стакана. — Не дуренъ!... Что, герръ-Сефарди, это *русскій* чай?

— Китайскій? отвѣчалъ Моринцъ.

Ханэ открыла глаза и въ недоумѣніи стала глядѣть на Морица.

— Вотъ вы только произнесли: „китайскій", сказалъ Генохъ: — а ужь она и струсила. Во всемъ, ей неизвѣстномъ, она видитъ тяжкій грѣхъ... Пей, пей, Ханэ! ничего! мы знаемъ, что такое „китайскій"... Это народъ такой есть китайскій. Не-правда-ли, герръ-Сефарди?

Моринцъ кивнулъ головой.

— И знаемъ даже гдѣ живетъ этотъ народъ, продолжалъ Генохъ.

— Не-уже-ли, тате? спросила Маргала.— Скажи-же и намъ.

— За Средиземнымъ-Моремъ, сказалъ важно Генохъ, выпустивъ длинную струю дыму:—тамъ, гдѣ Европія отдѣляется отъ Шпанія, ростутъ непроходимые лѣса... въ нихъ живутъ одни разбойники. Если минуть разбойниковъ, то и начинаются большія озера, а на озерахъ выстроены палатки и шалаши, въ которыхъ обитаетъ китайскій народъ... ловитъ рыбу и продаетъ чай...

— Э-э-э, реби-Генохъ! сказалъ Моринцъ, громко разсмѣявшись:—ужь что касается до знанія народовъ, то это не ваше дѣло: оставьте ихъ лучше въ покоѣ!

Digitized by Google

— Пожалуй, можетъ быть, я и совралъ, отвѣчалъ Генохъ:—за что купилъ, за то и продалъ; я наукамъ не обучался...

— И здоровѣй для тебя! прервала Ханэ.

— Можетъ, здоровѣй, можетъ и нѣтъ, возразилъ Генохъ:—кто его знаетъ? Можетъ быть, я бы въ золотѣ ходилъ, еслибъ былъ ученъ!

— *Ученая вѣдьма хуже природной*, сказала Ханэ.

— Ну, къ чему ты прилѣпила эту пословицу, жена? Вотъ я, такъ скажу лучшую: длинный волосъ, короткій умъ!...

— Прошу у меня не ссориться, сказалъ улыбаясь Моричъ:—а то отобьете охоту къ женитьбѣ.

Моргала съ упрекомъ взглянула на Морица.

— Дѣйствительно, правда, отвѣчалъ Генохъ. — Впрочемъ, вы съ насъ примѣра не берите: мы люди простые и бѣдные, а въ бѣдности какъ-то ссориться очень удобно. Есть у малороссіянъ поговорка очень вѣрная: „когда на току не молотится, то въ хатѣ колотится.“

Моричъ молчалъ. Маргала вздохнула.

— А вотъ вы, продолжалъ Генохъ: — вамъ съ Маргалой—Богъ дастъ согласіе и счастье: вы богачъ!...

— Да, сказалъ Моричъ, подошедъ къ Маргалѣ и взявъ ее за руку — ты будешь доброю, преданною женой.

Digitized by Google

— Преданною, Мориць, всей жизнью! отвѣчала дѣвушка.

— Какъ-бы ужь дождаться этого скорѣй, вскричалъ развеселившійся отецъ.—Ну что, герръ-Мориць, зачѣмъ откладывать?... Когда-жь будемъ бить посуду? *

— Еще успѣемъ... отвѣчалъ Мориць: — все прійдетъ въ свое время.

— Еслибъ вы не знали Маргалы, сказалъ Генохъ:—я бы подумалъ, что вы откладываете для того, чтобъ испытать ее прежде. Но вы у насъ уже другой годъ квартируете: кажется, можно въ такое время узнать человѣка.

— Нѣтъ, реби-Генохъ! объ испытаніяхъ у меня и мысли нѣтъ. Повѣрьте, я знаю вашу дочь, можетъ быть, лучше нежели вы.

— И не мудрено: я гляжу на нее сквозь отцовскіе очки... А вѣдь куда какъ не глупо узнать дѣвушку прежде, чѣмъ женишься на ней!.. прибавилъ Генохъ, бросивъ бѣглый взглядъ на свою жену.

— Да... отвѣчалъ разсѣянно Мориць, поставивъ передъ Маргалой маленькій графинчикъ съ бѣлымъ ромомъ и показавъ ей знакомъ, чтобъ она подбавила отцу и ему въ стаканы этой ароматной жидкости.

Видъ этого свѣтло-голубого, съ золотыми звѣздоч-

* У евреевъ сохранился старинный обычай—на сговорѣ молодыхъ разбивать нѣсколько штукъ посуды. Кажется, у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ существовалъ такой-же обычай.

Digitized by Google

ками, графинчика имѣлъ сильное вліяніе на Генеха: ему стало невыразимо отрадно на сердцѣ. Комната приняла такой ласковый видъ; матовая лампа казалась яснымъ мѣсяцемъ въ лѣтнюю ночь; запахъ отъ мелкаго сахару, брошеннаго Маргалой въ самоваръ, разносился упоительно по всѣмъ угламъ и отдавался семейнымъ счастьемъ. А тутъ еще впереди пуншъ съ бѣлымъ ромомъ, о которомъ Генохъ зналъ только по неяснымъ слухамъ... „Чортъ побери!“ думалъ онъ: „ужь коли *это* не хорошо, такъ я не знаю, что можетъ быть хорошо!“ и онъ даже готовъ былъ поцѣловать свою жену.

— Вы говорите „да“, герръ-Моритъ, сказалъ Генохъ: — а я вамъ говорю, что это даже необходимо. Женщина—*товаръ скользкій:* можно крѣпко обмануться.

— О, не спорю...

— Вотъ, старики наши тоже были не глупы, продолжалъ Генохъ.—Разсказываютъ, что въ старину испытывали невѣстъ, когда приходили ихъ сватать.

— Какимъ образомъ? спросилъ Моритъ, поставивъ пуншъ передъ своимъ гостемъ и собой.

— Простые люди были, герръ-Сефарди, простое было и испытаніе... Невѣстѣ бросали вѣникъ подъ ноги,—разумѣется, неряха пройдетъ мимо, не обращая вниманія, а добрая хозяйка подниметъ вѣникъ и поставитъ въ уголъ. Потомъ давали дѣвушкѣ распутывать запутанный мотокъ шолку. Нетерпѣливая, сварли-

Digitized by Google

ваш будетъ рвать шелкъ и бѣситься, а скромная и добрая дѣвушка втихомолку будетъ стараться распутать. Наконецъ, третье и послѣднее испытаніе состояло въ томъ, что невѣсту спрашивали: сколько разъ должно мыть пшено, чтобъ оно годилось на кашу? Дура такъ и бухнетъ: три, пять, десять разъ; а умница скажетъ: до тѣхъ поръ слѣдуетъ мыть, пока вода не будетъ совершенно чиста.

— Это неудобный способъ испытывать, сказала Маргала смѣясь.—Когда онъ сдѣлался общимъ, всякой дѣвушкѣ не трудно было обмануть сватовъ.

— Потому то онъ, вѣроятно, и вывелся изъ употребленія, замѣтилъ глубокомысленно отецъ.—Такъ вы, герръ-Морицъ, говорите, что хорошо знаете Маргалу? А?.. Ну, это мнѣ очень пріятно...

— О!..

— А какъ она, по вашему мнѣнію?

— Она, по моему мнѣнію, заслуживаетъ быть любимой и счастливой.

— Жаль, сказалъ отецъ:—что я не могъ дать ей образованія! Танцовать то она умѣетъ, и шьетъ хорошо... и по русски немного читаетъ: цѣлую книгу прочла... Оно, конечно, мало, зато будетъ хозяйка, ужъ въ этомъ смѣю увѣрить.

Въ ушахъ Морица такъ и загремѣло страшное слово: «бюргерфрау», когда то произнесенное Густавомъ. Онъ невольно отвернулся отъ Геноха и, устремивъ гла-

Digitized by Google

за на самоваръ, задумался. «Бюргерфрау..., бюргерфрау!» раздавалось у него въ ушахъ, и самоваръ, казалось, превратился въ призракъ, одѣтый въ огромный чепецъ и желтый капотъ, призракъ отвратительный, съ толстымъ брюхомъ, который становился передъ Морицомъ и, взявшись подъ бока, сказалъ ему съ гордостью: «Смотри, я бюргерфрау!..»

— Фи! произнесъ испуганный Морицъ.

— Что фи? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

Молодой человѣкъ спохватился.

— Это я вспомнилъ про одно мое дѣло на биржѣ, отвѣчалъ Морицъ.—Одинъ чудакъ ко мнѣ придирался и безпрестанно повторялъ это слово.

Всѣ были удовлетворены этимъ неудачнымъ отвѣтомъ.

— Кстати, какъ ваши торговыя дѣла? спросилъ Золотой-Шовъ.

— Очень не дурны, реби-Генохъ.

— Вы тѣмъ господамъ... гмъ!.. задаете феферу хорошаго, надѣюсь?

— По-немножку...

— Разскажите же намъ, любезнѣйшій герръ-Сефарди!

Морицъ удовлетворилъ просьбѣ Генохa. Странная вещь! Этотъ молодой человѣкъ, который былъ такъ высокомѣренъ и считалъ себя столь сильнымъ, что надѣялся совершить перевороты въ коммерціи, который всег-

Digitized by Google

да говорилъ разсчитанно, умно, съ цѣлью,—который, любя одного себя и стремясь къ задуманной цѣли, къ своему обожаемому блеску, какъ къ единственному благу въ жизни, цѣнилъ людей гораздо хуже, чѣмъ они того заслуживаютъ,—этотъ Морицъ Сефарди, который не любилъ Маргалы, какъ читатель, быть можетъ, уже догадался, ставилъ ни-во-что Геноха, презиралъ старуху,—этотъ человѣкъ, говорю я, не могъ удержаться, чтобъ не похвастать передъ простыми, бѣдными людьми своими великими подвигами!

Онъ разсказалъ имъ очень весело о своей первоначальной продѣлкѣ съ Ксирой, которая принесла ему чистыхъ тридцать тысячъ рублей серебромъ. Потомъ, какъ онъ обзавелъ Густава конторой, пустивъ циркуляры о вновь открытомъ торговомъ домѣ, подъ фирмой „Густавъ Штиръ“, а самъ сдѣлался биржевымъ маклеромъ. Какъ нѣсколько дѣлъ онъ успѣлъ уже обработать съ успѣхомъ, показавъ свою ловкость и дѣятельность. Знакомства его расширялись все болѣе и болѣе: уже начали говорить о немъ, уже онъ вышелъ на большую дорогу.—„По крайней мѣрѣ, заключилъ онъ:—уже нѣкоторымъ людямъ извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ нѣкто Морицъ Сефарди“.

— Да, замѣтилъ Генохъ:—въ васъ будетъ прокъ: вы знаете, *гдѣ скрипка виситъ* *...

*. Эта поговорка равносильна русской: „онъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ“.

Digitized by Google

Маргала была задумчива. Исторія съ лондонскимъ письмомъ ей не совсѣмъ нравилась. Женщина — первая нарушительница чужихъ тайнъ, а между тѣмъ тайна все-таки составляетъ для нея что то завѣтное. Маргала не могла отдать себѣ отчета въ своей грусти, потому что чувство чести, ни воспитаніемъ, не примѣрами, не было въ ней столь сильно развито, чтобѣ она могла видѣть въ продѣлкѣ своего милаго Морица безчестный поступокъ. Только ея благородная натура что-то нашептывала ей объ этомъ, и то не внятно. Маргала была прекрасное существо, богато надѣленное природой. Искусная рука, развивъ въ этой дѣвушкѣ врожденныя способности, могла бы изъ нея сдѣлать украшеніе женскаго пола, — и тогда она, дѣйствительно, составила бы счастье умнаго человѣка-гражданина, безъ высшихъ взглядовъ, который женится для себя, а не для свѣта. Густавъ угадалъ, сказавъ, что она будетъ доброю бюргерфрау, но для Морица это было недостаточно.

Въ первое время своего переселенія въ квартиру Геноха Хмѣльника, далеко до описываемой нами эпохи, Морицъ, видя мало проку въ своихъ трудахъ, былъ крайне убитъ духомъ; онъ понималъ, что изъ него могло бы быть *что нибудь*, когда въ сущности ему предстоитъ перспектива вѣчнаго писца. Видя постоянно въ конторѣ Ксиры такое множество перебывающихъ людей, всегда занятыхъ, всегда толкующихъ о деньгахъ, и

Digitized by Google

никогда почти необращавшихъ ни малѣйшаго вниманія на него, Морица, онъ свыкся съ идеей, что человѣкъ—нуль, тогда только получающій значеніе, когда стоитъ рядомъ съ какой нибудь цифрой. Оттого грусть преобладала надъ его природной гордостью, которая еще въ Лейпцигѣ, въ первую его юность, нашептывала ему, что онъ рожденъ для блеска, для извѣстности, въ какомъ-бы то ни было слоѣ общества, но все-таки для извѣстности. А какую извѣстность могъ онъ ожидать, служа писцомъ въ конторѣ Ксиры!

Въ то время, когда онъ такъ грустилъ и почти терялъ надежду на лучшее, онъ, можетъ статься, былъ добръ, потому что гордость—этотъ источникъ многихъ бѣдъ — была въ немъ подавлена горемъ. Случайная дружба съ Штиромъ имѣла на него мало вліянія. Хотя онъ любилъ Штира, какъ добраго, благороднаго малаго, однако сердца своего не открывалъ ему, изъ опасенія, чтобъ тотъ не подумалъ, что онъ ищетъ его помощи. Но увидѣвъ въ первый разъ Маргалу, Морицъ немного ожилъ душой: красота дѣйствуетъ успокоительно на многіе характеры. Онъ забылъ свои ежедневныя дрязги и униженіе въ обществѣ этой простой красавицы, которая съ жадностью слушала его умные разсказы о другихъ краяхъ, о другихъ людяхъ, и которая привязывалась къ нему болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Онъ увидѣлъ, что есть одно существо, для котораго и онъ имѣетъ значеніе, не будучи украшенъ никакими

Digitized by Google

цифрами. Изъ благодарности, онъ взаимно привязался къ этому существу; ему даже показалось, что онъ влюбленъ въ Маргалу.

Такъ шли дѣла около года. Молодые люди любили другъ друга, и Морицъ рѣшительно привыкъ глядѣть на Маргалу, какъ на будущую жену свою. Онъ отказывалъ себѣ во многомъ, чтобъ скопить небольшую сумму и жениться. Въ Генохѣ онъ видѣлъ простого человѣка, но умнаго и честнаго, который въ нуждѣ можетъ быть тестемъ не хуже другого; а что касается до Ханэ, то Морицъ не обращалъ на нее вниманія. И самъ Золотой-Шовъ, часто сознаваясь передъ Морицомъ въ его безконечномъ превосходствѣ надъ собой, портнымъ-горемыкой, не разъ повторялъ поговорку: *когда выведешь коня изъ конюшни, то конюшня можетъ себѣ сгорѣть.*

Но частыя размышленія о женитьбѣ, о чудной красотѣ Маргалы наводили Морица опять на его любимыя мечты о блескѣ и извѣстности, на время уснувшія въ немъ. Онъ видывалъ многихъ женщинъ, гуляющихъ съ своими мужьями пѣшкомъ или въ экипажахъ, или сидящихъ въ своихъ ложахъ, и замѣчалъ блестящія толпы поклонниковъ около тѣхъ, которыя привлекали своею красотой или великолѣпіемъ наряда. Онъ думалъ, что еслибъ онъ имѣлъ возможность показать свою Маргалу свѣту,—предъ ней склонилось бы много головъ, а ему—извѣстность и слава. И онъ мало по малу опять

Digitized by Google

возвращался къ своимъ давно забытымъ мечтамъ, стараясь увѣрить себя, что любовь къ Маргалѣ гонитъ впередъ его задремавшія силы и развиваетъ въ немъ стремленіе къ лучшей будущности. Его одушевляла двойная цѣль: и собственное возвышеніе, и счастье женщины, которая казалась ему дорогою, и оттого сильная его натура не утомлялась отъ препятствій. Но поверхностная, меркантильная любовь его должна была пасть передъ эгоизмомъ. Когда вдругъ, неожиданно, онъ увидѣлъ возможность разбогатѣть, глаза его прозрѣли: онъ почувствовалъ, что не любитъ Маргалы. Еще наканунѣ того счастливаго воскресенья, которое послужило первою ступенью къ его извѣстности, въ то время, какъ Морицъ мечталъ о богатствѣ Абы Гольдмана, въ взволнованномъ умѣ его уже промелькнула Сарра Гольдманъ.

Такимъ образомъ, бѣдная Маргала, сама ничего не подозрѣвая, сначала воскресила Морица отъ апатіи къ его любимымъ стремленіямъ, и при первомъ появленіи чего-то похожаго на осуществленіе мечты эгоиста, первой жертвой была та же Маргала. Какая злая насмѣшка человѣка надъ человѣкомъ, а между тѣмъ это было дѣйствительно такъ!

Напрасно золото называли презрѣннымъ металломъ,— это неправда: презрѣнъ только тотъ, кто не знаетъ настоящаго его употребленія. Никто же не вздумалъ называть даръ слова презрѣннымъ даромъ, оттого, что при превратномъ употребленіи, онъ можетъ быть при-

Digitized by Google

чиной многихъ золъ. Названіе презрѣннаго металла уже стало выводиться: люди, наконецъ, сдѣлались безпристрастнѣй и поняли, что если что нибудь виновато въ природѣ, то это скорѣе сами они. Это названіе еще иногда является у нѣкоторыхъ поэтовъ, вѣроятно оттого, что книгопродавцы и издатели дешево имъ платятъ за поэзію. Золото можно скорѣй назвать *опаснымъ* металломъ, но ничуть не презрѣннымъ.

Пока Моритъ только мечталъ о богатствѣ, не будучи еще увѣренъ въ немъ, то въ минуту, когда Сарра Гольдманъ мелькомъ пролетѣла въ его головѣ, онъ, хотя и началъ анализировать свою любовь и спускать ее на вторую степень, однако все еще воображалъ, что онъ любитъ, что онъ долженъ, что онъ можетъ любить Маргалу. Онъ еще боролся съ самимъ собой. Но когда онъ увидѣлъ передъ собой *свои* деньги, ощупалъ ихъ, увѣрился, что онѣ дѣйствительно его, превратилъ ихъ въ одинъ банковый билетъ на свое имя, и спряталъ билетъ въ шкатулку,—борьба оказалась вовсе не нужною. Маргала предстала простой, необтесанной дѣвчонкой съ хорошенькимъ личикомъ и — больше ничего, а Золотой-Шовъ, съ своими тривіальными манерами, показался просто ужаснымъ. Хорошъ будетъ извѣстный въ городѣ человѣкъ, Моритъ Сефарди,—а онъ будетъ извѣстенъ: въ этомъ уже нѣтъ сомнѣнія,—когда на него станутъ указывать, какъ на зятя Геноха Хмельника, жалкаго портного и жалкаго свата, который въ доба-

Digitized by Google

векъ имѣетъ несмѣтное множество двоюродныхъ братцевъ, свояковъ и зятей, почтенныхъ сапожниковъ, лудильщиковъ и мелкихъ торговцевъ Стараго-Базара!

Съ перемѣной судьбы Морица, характеръ его принялъ совершенно деспотическое направленіе: все у него рѣшалось безъ измѣненій. Этотъ человѣкъ сдѣлался такъ самонадѣянъ, что вѣрилъ во все то, что имъ было обдумано, какъ въ непреложную истину и, рѣшившись однажды поступать такъ, а не иначе, онъ уже болѣе не думалъ объ этомъ предметѣ. Что Маргала ему не пара, — это было рѣшено. Правда, что-то похожее на сожалѣніе иногда проявлялось у Морица; но онъ скоро утѣшался. Изъ его мимолетнаго влеченія къ Маргалѣ во времена оны, такъ скоро уничтожившагося передъ его холоднымъ разсудкомъ, онъ заключилъ, что та только любовь постоянна, которую человѣкъ питаетъ къ самому себѣ. По этому то онъ полагалъ, что магическое слово: „невозможно“, столь рѣшительно подѣйствовавшее на него, также подѣйствуетъ на Маргалу. Онъ рѣшился сказать это страшное слово тогда только, какъ оставитъ домъ Геноха. Теперь онъ еще не могъ занять новой квартиры и зажить по своему желанію: это обратило бы слишкомъ большое вниманіе на быструю перемѣну въ его судьбѣ, и могло повредить въ общемъ мнѣніи торговому дому Штира, а Морицу хотѣлось, чтобъ „домъ“ этотъ считался гораздо богаче, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, и чтобъ никто не подозрѣвалъ,

Digitized by Google

что Штиръ дѣлился съ кѣмъ нибудь своими первыми барышами. Пусть же семейство портного гоститъ у него, пьетъ чай и до времени воображаетъ его, Морица, *своимъ*. Что за потеря въ этомъ! А наступитъ часъ, онъ откровенно имъ скажетъ: „вы, мои милые, ошибались“. На то онъ человѣкъ съ сильною волей, чтобъ очищать себѣ дорогу отъ всѣхъ препятствій. Онъ ставилъ себѣ еще въ большую заслугу и то, что не воспользовался довѣрчивостью Маргалы и не зашолъ далеко въ своей связи, что было возможно при ихъ частыхъ свиданіяхъ.

Вотъ отчего Морицъ такъ принужденно принималъ своихъ гостей, передъ которыми, впрочемъ, ему пріятно было блеснуть своею мебелью и комфортомъ.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько времени. Было подано нѣчто въ родѣ легкаго ужина, за которымъ роспита бутылка сотерну, и потомъ молодой человѣкъ дружески разстался съ своими гостями.

ГЛАВА VII.

Читателю все менѣе и менѣе остается дочитывать.

Дѣла Густава и Морица дѣйствительно шли очень хорошо. Они зарабатывали деньги и входили въ извѣстность, первый какъ честный и аккуратный негоціантъ, второй какъ искусный маклеръ. Было-ли тогда для коммерціи счастливое время, или что нибудь другое, но

Digitized by Google

имъ сильно повезло. Есть одинъ маленькій законъ въ жизни, который можно бы примѣнить къ счастливому началу Штира, и который основанъ на одномъ только „говорятъ“. Говорятъ, что каждый, неумѣющій играть въ карты, выигрываетъ до тѣхъ поръ, пока не выучится. Впрочемъ, причину возвышенія двухъ друзей можно разъяснить проще, не прибѣгая къ мистицизму. Все новое имѣетъ свою привлекательность, и нашъ городъ, въ отношеніи любви къ новостямъ, ни мало не хуже другихъ. Пробовали открывать, для нашей забавы, новые рестораны съ музыкой и китайскими фонарями на зеленѣющихъ деревьяхъ, на подобіе „Café zum Sperl“ въ Вѣнѣ, и пока это было новостью, мы всѣ отправлялись толкаться около ресторана и рвать оборки отъ безконечно длинныхъ женскихъ платьевъ. Пробовали устраивать на Бульварѣ храмики съ разными угощеніями—разумѣется, за деньги — и мы хлынули на Бульваръ съ такою же яростью, какъ иногда волны залива на невинныя сваи гавани. Открыли какъ-то водолечебное заведеніе — и мы принялись *душеваться* отъ чистаго сердца... Но я удаляюсь на слишкомъ большую дистанцію.

Я только хотѣлъ сказать, что новый торговый домъ Густава Штира привлекъ къ себѣ вниманіе. Заграничные дома охотно вошли съ нимъ въ сношенія, можетъ быть, по той же самой причинѣ, по которой люди оставляютъ старый свѣтъ для новаго. Мѣстные

Digitized by Google

спекуляторы также охотно продавали свои продукты новому дому, зная, что новая метла всегда хорошо мететъ. Что же касается до новаго маклера Морица Сефарди, то это въ самомъ дѣлѣ была вещь очень новая и оригинальная. Онъ держалъ нѣсколькихъ людей въ своей конторѣ и, съ помощью ихъ, ежедневно зналъ кѣмъ и за сколько купленъ каждый пудъ сала или шерсти, или каждая четверть хлѣба: все это записывалось въ особую книгу. Ему былъ извѣстенъ самый точный ходъ мѣстной коммерціи. Исправно извѣщая о немъ свои заграничные дома, съ которыми онъ вошолъ въ связи, Морицъ отъ нихъ получалъ такія же откровенныя извѣстія о положеніи тамошнихъ торговыхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, онъ въ своихъ рукахъ держалъ оба конца торговой нити. Какъ успѣлъ онъ втереться въ довѣріе къ заграничнымъ домамъ,—это собственная его тайна: мы объ ней ничего не знаемъ.

Получая приказаніе о какой-нибудь закупкѣ, Морицъ ничуть не обманывался притворнымъ равнодушіемъ приказывавшаго и увѣреніями, что это покупается такъ, на счастье: Морицъ хорошо зналъ, кто именно поручилъ изъ за-границы, и по какой причинѣ. Исполняя порученіе исправно, онъ не забывалъ шепнуть своему другу Штиру, что нужно дѣлать и, въ одинъ день, глядь— Штиръ сдѣлалъ блистательное дѣло. Какой бы продуктъ въ городѣ ни находился, у Морица въ конторѣ отъ него былъ образчикъ, съ описаніемъ мѣста, гдѣ

Digitized by Google

онъ лежитъ, количества и качества. Если негоціанту что нибудь понадобилось, онъ не долженъ былъ имѣть дѣло со многими маклерами: безъ шуму, тихо, негоціантъ отправлялся въ контору Сефарди, выбиралъ по пробамъ что ему нужно, и дѣло кончено. За это полезное сбереженіе времени, Сефарди понравился купечеству, которое видѣло въ немъ трудолюбиваго человѣка, а трудолюбія нельзя не уважать. Понравился онъ и за то, что объяснялся свободно на нѣсколькихъ языкахъ и, главное, объяснялся кратко, не надоѣдая настойчивостью. Онъ не ронялъ своего достоинства: если ему давали въ отвѣтъ: „нѣтъ“, то онъ не докучалъ. Охотникамъ до сарказма онъ, съ перваго раза, отплачивалъ еще злѣйшимъ сарказмомъ, и его стали уважать за прямой характеръ. Однимъ словомъ: Моритъ сдержалъ свое обѣщаніе, т. е. привелъ свое ремесло въ систему и уничтожилъ многихъ изъ своихъ соперниковъ.

Самъ Ѳемистокли Ксира не разъ говаривалъ, что Моритъ человѣкъ необходимый въ коммерціи. Иногда втихомолку онъ даже любилъ прибавлять, что это онъ изъ Морица сдѣлалъ *человѣка*. Старикъ думалъ, что онъ хвастаетъ, а это была совершенная правда.

Молодежь уважала Морица за его образованный умъ, за его умѣнье жить, потому что онъ первый показалъ, что и маклеръ можетъ давать блистательные обѣды въ ресторанахъ, ѣздить прекрасно верхомъ, одѣваться по парижскимъ журналамъ: это все были вещи

Digitized by Google

дотолѣ невиданныя. И какъ не прійдти въ восторгъ отъ человѣка, который до обѣда завязываетъ и развязываетъ самые мудреные коммерческіе узлы, а вечеромъ отчаянно козыряетъ въ преферансъ, по рублю серебромъ поенъ.

Андрей Бирюкъ, по обыкновенію любившій мѣнять занятія, уже служилъ прикащикомъ у Штира. Онъ, безъ всякаго труда, сдружился съ своею новою должностью. Расторопность и природный умъ дѣлали его способнымъ ко всему, а беззаботный нравъ незамѣтно переводилъ его отъ занятія къ занятію, и это не имѣло на него никакого вліянія. Перебѣгая отъ амбара къ амбару и напѣвая пѣсни, которыхъ зналъ многое множество, онъ также былъ веселъ, какъ и тогда, когда сидѣлъ на козлахъ. Въ короткое время, онъ незамѣтно усвоилъ себѣ всѣ нужные, въ его новомъ быту, пріемы и термины, такъ что его легко можно было принять за стараго, испытаннаго *базаріота* *.

Все это успѣло совершиться впродолженіи нашей скоротечной зимы.

Заливъ совершенно очистился отъ льда. Дѣятельный классъ нашего города радовался скорому приближенію весны въ такое время, когда — по другимъ мѣстамъ — еще разгуливалъ русскій дѣдушка-морозъ.

Штиръ и Сефарди гуляли по Бульвару.

---

* Мѣстное прозваніе отъ слова „базаръ“.

Digitized by Google

— Смотри, Мориць, опять прибыло шесть, сказалъ Штиръ, указывая на суда, стоявшія на обсерваціи.

— Да, отвѣчалъ Мориць. — Въ Константинополѣ зимовало до четырехъ-сотъ кораблей; три четверти, я думаю, пожалуютъ къ намъ. Будетъ хорошая весна; фрахтъ сильно упадетъ.

— Я думаю зафрахтовать штуки двѣ-три и отправить съ рожью въ Голландію. А?.. какъ ты думаешь, Мориць?

— Да, не худо бы.

А не лучше-ли запастись теперь пшеницей съ базаровъ? Вѣдь не *порожняком* же пойдутъ эти суда отсюда: ихъ нужно будетъ нагрузить... Я тогда могу взять хорошую цѣну. Какъ ты скажешь?

— Да... можетъ быть.

— Или не дождаться-ли, что скажутъ заграничныя почты о тамошнихъ видахъ на урожай?

— Не мѣшало бы, да...

Густавъ быстро обернулся къ Морицу.

— Что это за отвѣты ты мнѣ даешь, Мориць? спросилъ онъ, взглянувъ на задумчивое лицо своего друга: — ты, кажется, меня не слушаешь!

— Не слушаю, Густавъ.

— Отчего-же?

— Оттого, что я не въ духѣ.

— Можно ли мнѣ знать причину?

— Причину?.. Видишь ли, почти нѣтъ причины...

Digitized by Google

— Гдѣ же твои мечты о счастливой жизни, Морицъ, когда въ лучшіе свои годы, съ твоей извѣстностью, съ твоимъ состояніемъ, ты не въ духѣ... безъ всякой причины?

— Бываютъ минуты грусти тяжелой, безотчетной... Впрочемъ, есть что-то похожее на причину, но это, кажется, вздоръ. Я почти не вѣрю, чтобъ такой пустякъ могъ имѣть на меня вліяніе.

— Чтожь тамъ такое, скажи?

— Я отдѣлалъ мою новую квартиру; она уже совсѣмъ готова. Завтра я думаю перебраться. Но Маргала... Генохъ... Какъ мнѣ отдѣлаться отъ нихъ?.. Я немножко растерялся. Не думалъ я никогда затрудняться такимъ вздоромъ...

— Значитъ, ты сильно любишь Маргалу, если и на короткое время не можешь разстаться съ нею?.. спросилъ Густавъ, не совсѣмъ ясно понявшій Морица.

— О, рѣшительно, нѣтъ!

Густавъ остановился.

— Въ умѣ-ли ты, Морицъ? спросилъ онъ.

— Въ полномъ, мой другъ.

— Ты, значитъ, обманывалъ бѣдную дѣвушку?

Морицъ не отвѣчалъ.

— О! продолжалъ Густавъ:—я считалъ тебя гораздо честнѣе...

Морицъ обидѣлся. Густавъ продолжалъ.

— Можешь сердиться сколько тебѣ угодно, а я

Digitized by Google

тебѣ говорю правду. Можетъ быть, у *васъ* смотрятъ на эти вещи иначе; но у *насъ* такіе поступки называются безчестными.

— Чѣмъ же наполнены ваши романы и драмы, если не измѣной въ любви? спросилъ Морицъ улыбаясь.

— Фи, какая пошлость, Морицъ! Тебѣ хочется быть драматическимъ героемъ и для того убить бѣдную дѣвушку!

— Вотъ еще вздоръ! Не долженъ же я жертвовать своею будущностью для чувства, которому не поклоняюсь.

— Но ты меня не разъ увѣрялъ, что любишь Маргалу.

— Я самъ такъ думалъ.

— Ну...

— Ну, а вышло, что нѣтъ...

Густавъ пожалъ презрительно плечами. Сефарди упалъ въ его мнѣніи на двадцать процентовъ. Благородный, честный нѣмецъ, Густавъ Штиръ, не могъ простить Морицу такой жестокой насмѣшки надъ дѣвушкой, которую самъ зналъ и отъ которой былъ всегда въ восхищеніи.

— Знаешь-ли Морицъ, сказалъ Густавъ:—если-бы не наша давнишняя дружба, я бы боялся тебя: у тебя нѣтъ сердца!

— Убирайся ты съ своимъ сердцемъ! отвѣчалъ

Digitized by Google

Мориць. — Умъ главное, а сердце есть и у воробья. Сердце безъ ума — корабль безъ руля: скоро ко дну пойдешь съ однимъ сердцемъ!..

— Твои теоріи мнѣ не нравятся.

— Да я тебѣ ихъ и не навязываю, сказалъ Мориць.—Мнѣ хочется тебѣ только доказать, что я вовсе не такъ виноватъ, какъ ты думаешь. Ну, что тутъ за бѣда такая? любилъ... и разлюбилъ: вѣтеръ перемѣнился. Въ теперешнемъ моемъ положеніи я не могу уронить себя женитьбой на Маргалѣ.

— Знаю, возразилъ Густавъ: тебѣ снится Сарра Гольдманъ, ты началъ бредить ею. Не даромъ сталъ ты учащать къ Гольдману и играть по большой въ карты.

— Э, вздоръ! играю, чтобъ пріобрѣсть болѣе знакомствъ: карты — прекрасный къ этому проводникъ; а Сарра сущій ребенокъ: ей недавно минуло пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, если бы и такъ, что-жь тутъ за невозможность такая?..

Друзья нѣсколько времени продолжали свою прогулку молча.

— Отчего-жь ты не въ духѣ, началъ опять Густавъ:—когда не любишь Маргалы и рѣшился ее оставить? Вѣдь я тебя знаю: рѣшившись одинъ разъ, ты уже ничѣмъ не затрудняешься.

— И знаешь съ прекрасной стороны, отвѣчалъ Мориць съ самодовольной улыбкой. — Но—homo sum,

Digitized by Google

Густавъ! не люблю гладѣть на слезы... Могутъ быть пренепріятныя сцены... Вотъ это-то проклятое обстоятельство и лежитъ у меня камнемъ на груди; хочется скорѣй сбросить этотъ камень и освободиться: тогда, кажется, міръ для меня просвѣтлѣлъ бы... Если что нибудь являлось кошмаромъ въ самыя лучшія мои минуты, то это развязка съ Маргалой. Ахъ, какъ мнѣ хочется скорѣй постарѣть нѣсколькими днями, чтобъ *все это* уже было позади! Только тогда я буду совершенно доволенъ собой и назову себя счастливцемъ.

— Если у тебя нѣтъ сердца, сказалъ Густавъ:— то, по крайней мѣрѣ, есть совѣсть; утѣшусь хоть этимъ...

— Ты непремѣнно хочешь меня разсердить, Густавъ; но это тебѣ не удастся: я принялъ себѣ за правило не сердиться... Ну, оставимъ это!.. Облегчивъ передъ тобой мою тоску, мнѣ сдѣлалось веселѣй, — развяжусь, и баста!.. Что же ты говорилъ о кораблях-то?

— Теперь я не отвѣчаю.

— Почему?

— Потому что *я* не въ духѣ...

Морицъ захохоталъ, взялъ подъ руку своего друга и увлекъ въ толпу гуляющихъ.

Въ это время, когда происходилъ описанный нами разговоръ двухъ друзей, въ Мраморномъ Трактирѣ происходилъ другой разговоръ.

Digitized by Google

Тамъ, за особымъ столикомъ, накрытымъ цвѣтной скатертью, сидѣли: Щоголь, Золотой-Шовъ и одинъ старый, богатый болгаръ, и прохлаждались чаемъ съ кизляркой.

Угощалъ Щоголь. Деньги у него ничего не значили: ему только нуженъ былъ предлогъ чтобъ покутить, а предлогъ былъ. Андрей только что принялъ отъ богатаго болгара нѣсколько повозокъ съ пшеницей въ магазинъ Штира, и позвалъ старика запить магарычъ. На дорогѣ ему попался Генохъ Хмѣльникъ, котораго, зная его за хорошаго компаніона въ попойкѣ, онъ тоже потащилъ съ собой.

Лица бесѣдующихъ были ужс довольно красны, потому что штофъ съ жолтой кизляркой значительно поблѣднѣлъ.

Разговоръ этихъ трехъ людей былъ самый оригинальный. Щоголь выражался рѣзко и иносказательно; Генохъ, по обыкновенію, привыкшій въ свою еврейскую рѣчь вмѣшивать пословицы и „портняжскія“ поговорки, переводилъ ихъ теперь по русски, полагая, что онѣ должны имѣть ту же самую силу, а между тѣмъ онѣ часто отзывались безсмыслицей; а старый болгаръ, весьма плохо знавшій по русски, только кивалъ головой, не спускалъ глазъ съ своихъ собесѣдниковъ и иногда выбрасывалъ изъ глотки какіе то мудреные звуки. Изъ этого выходило то, что разговаривавшіе не слишкомъ

Digitized by Google

ясно понимали одинъ другаго, что имъ, однакожъ, не мѣшало пить очень прилежно.

— Ну, вотъ видишь, Хмѣль ты мой! сказалъ Щоголь Геноху:—опять насъ свела нелегкая съ тобой... Это ужь не у Яни, когда я разносилъ фрукты: теперь вишь ты какой я американецъ.

Щоголь гдѣ то слышалъ о торговомъ духѣ американцевъ и, при первомъ вступленіи своемъ на поприще Новаго-Базара, по врожденной смѣтливости своей, тотчасъ заклеймилъ его названіемъ „Америки“, а промышленниковъ „американцами“.

Генохъ какъ-то не понялъ Щоголя.

— Какой ты американецъ, Андрюшка? отвѣчалъ онъ.—Нѣтъ ей Богу! ты добрый парень... очень добрый. Я тебя люблю...

— Ну, братъ, полюбится сатана лучше ясна сокола! И я отъ тебя не прочь; и ты добрый человѣкъ,— да жаль, что жидъ...

Андрей положилъ руку на плечо Хмѣльнику и засмѣялся.

— Ты не сердись, Хмѣль, продолжалъ онъ:—вѣдь это такъ, пришлось къ слову.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генохъ, самъ засмѣявшись.— *Лучше отъ умнаго оплеуха, чѣмъ отъ дурака поцалуй.* Я не сержусь: вѣдь я *прокуренная трубка* *.

* Т. е., бывалый человѣкъ, тертый калачъ.

Digitized by Google

Болгаръ, смотря на смѣющихся, самъ хохоталъ до упаду.

— Вѣдь, вотъ, смѣется, а ни бельмеса не знаетъ, сказалъ Андрей.—Ему только: арнаутка, чиста... нѣту сурѣпы, нѣту... семнадцать рубля... двадцать рубля...

— Да, да, нѣту сурѣпы, отвѣчалъ болгаръ:—сурѣпа не хорошъ хлѣбъ...

— Ну, такъ, прервалъ Андрей:—слышали мы это. На-ка лучше выпей.

Онъ ему налилъ рюмку; но старикъ ее отодвинулъ, показавъ рукой на лобъ и проговоривъ съ большимъ трудомъ:

— Не надо, братецъ: будетъ не добаръ!

— Э, нѣтъ! возразилъ Щоголь: *квести* штуки *сонъ* извѣстны! нашихъ не надуешь, батюшка...

— Какой батюшка? спросилъ болгаръ съ изумленнымъ видомъ.

— Никакой, чучело ты! вскричалъ нетерпѣливо Щоголь.—Вишь, какимъ прикидывается, а на той недѣлѣ меня перепилъ. Помнишь, что-ли?

Болгаръ только глядѣлъ ему въ глаза и не отвѣчалъ.

— Не помнишь! продолжалъ Щоголь: — тогда, какъ ты не хотѣлъ талеровъ принимать... Эхъ, войлокъ старый! вотъ, когда шолъ дождикъ!..

— Куда шолъ? спросилъ оторопѣвшій болгаръ.

— Убирайся ты въ пекло! отвѣчалъ Андрей и

Digitized by Google

махнулъ рукой.—Съ нимъ и послѣдній толкъ потеряешь... Нука чокнемся, Генохъ... На здоровье!

— На здоровье, Андрей! отвѣчалъ весело Генохъ.— Я не отстану. „Портные ребята, славные ребята! умѣютъ шить, умѣютъ пить...“

— Славное дѣло пить, возразилъ Андрей: — хоть оно немножко тово... Вотъ мнѣ намедни досталось на орѣхи за это питье.

— Какъ такъ? спросилъ Генохъ.

— Выругалъ меня какъ бестію Густавъ Христіановичъ. Да ужъ зато былъ я веселъ, братъ, чудо какъ!

— Ничего, Андрюшка: человѣкъ онъ добрый, твой хозяинъ—я его знаю. Онъ часто бывалъ у моего постояльца, когда еще былъ *очень маленькимъ человѣчкомъ*. Отъ хозяина можно перенесть; выбранитъ и помилуетъ.

— Да ужъ выбранилъ, прахъ побери, на славу! И лѣнтяемъ, и пентюхомъ, и подлецомъ, и извощикомъ назвалъ, ха, ха, ха!

— Извощикъ подлецъ! сказалъ болгаръ и выпилъ стоявшую передъ нимъ рюмку:—у меня сегодня колесо поломалъ.

— Молчи, азіятъ! не твое дѣло... сказалъ сердито Щоголь.—Вотъ *онъ* бранить-то бранитъ, а я ему

---

* Пѣсня.

Digitized by Google

въ отвѣтъ: пей, да дѣло разумѣй!.. А онъ говоритъ: коли не перестанешь, прогоню...

— А! произнесъ Генохъ.

— Да что „прогоню“! что мнѣ такое? мнѣ все равно... не вѣнчались мы съ нимъ, ха, ха, ха!.. Эй, Чижикъ! дай-ка намъ *чорно-крѣпкаго* для десерта!

— *Вино вошло, а тайна вышла* *, Андрюшка! сказалъ Генохъ. - Не выдержу, скажу... Вѣдь ты другъ, пріятель?

— Ужъ что пріятель, то пріятель... скажи!

— Мнѣ скоро Богъ радость дастъ: думаю дочку выдать замужъ.

— Дѣло, Хмѣль, дѣло! у тебя дѣвка тово!..

Андрей такъ сильно щолкнулъ языкомъ, что всхрапнувшій болгаръ проснулся.

— А что за птица женихъ? спросилъ Андрей.

— Ужь птица, нечего сказать: ты его знаешь.

— Вѣрно Тевель золотошвей, твой сосѣдъ?

— Подымай выше!

— Такъ вѣрно тотъ хватъ, часовой мастеръ, что въ чорной манишкѣ ходитъ?

— Еще выше, Андрюшка!

— Ну, ужь выше не знаю: знать пріѣзжій какой?

— Нѣтъ, здѣшній, гмъ...

— Кто-жь это?

---

* Почти тоже, что: in vino veritas.

Digitized by Google

— Морицъ Сефарди!..

— Будто?

— *Какъ я еврей!*

— Ужь воля твоя, Генохъ, а мнѣ не вѣрится. Вѣдь онъ вишь ты какимъ фанаберьей сталъ.

— Да, теперь сталъ; но я съ нимъ издавна *пуговица...* *

— Экка важная штука пуговица! сказалъ Щоголь, не совсѣмъ ясно понимавшій поговорки Геноха. — Что пуговица? дрянь!.. Ужь, по мнѣ, лучше крючокъ! ха, ха, ха!..

Тутъ Генохъ, въ свою очередь, не понялъ Андрея, намекавшаго на кабацкую мѣру съ длинной ручкой.

— Пуговица сама по себѣ, сказалъ Генохъ: — а крючокъ самъ по себѣ... гдѣ пуговица нужна, тамъ крючка не нашьешь.

— Ну ихъ къ лѣшему, и пуговицы, и крючки, и портныхъ за компанію!.. Что же твой женихъ-то?

— Господинъ Сефарди? да что!.. у насъ съ нимъ *не перчаточный разговоръ* **, моя Маргала ему крѣпко полюбилась.

Щоголь протяжно свистнулъ.

— Дудки, братъ, сказалъ онъ: — не вѣрится —

---

* За панибрата.

** Т. е. не скрытное, а откровенное дѣло, безъ всякихъ хитростей.

Digitized by Google

хоть тресни, не вѣрится: слишкомъ высоко ты лѣзешь.

— Ну, вотъ, чтобъ я подавился этимъ стакаиомъ, коли это не правда! отвѣчалъ Генохъ и залпомъ выпилъ свой стаканъ съ черно-крѣпкимъ.

Еще долго бесѣдовали Андрей Щоголь и Генохъ Золотой-Шовъ въ Мраморномъ-Трактирѣ, и когда они, шатаясь, вышли на улицу, у перваго словно ледъ ломался подъ ногами, а второму все казалось, что гдѣ-то недалеко цымбалы играютъ.

Долго блуждалъ Генохъ по улицамъ и переулкамъ, и каждый одноэтажный домъ съ двумя трубами принималъ за свою квартиру: онъ все глядѣлъ на крыши и считалъ трубы. Наконецъ, послѣ трудныхъ странствій, которыя обошлись не безъ кораблекрушеній, онъ добрался до цѣли, и пришелъ къ себѣ домой, напѣвая пѣсню съ извѣстнымъ припѣвомъ, который, въ переводѣ, значитъ:

„Ужь какъ ѣдемъ—не зѣваемъ:
Гдѣ корчма—не пропускаемъ...
Эй, хозяйка,
Дай капусты!..
Гдѣ корчма—не пропускаемъ!..“.

Маргала улыбалась веселости отца и, уложивъ его въ постель, пошла въ комнату Морица дожидаться его пріѣзда.

Маргала была печальна. Съ нѣкотораго времени начало ее тревожить холодное обращеніе Морица. Хотя она старалась приписать это его безпрерывнымъ забо-

Digitized by Google

тамъ, однако ея любящее сердце говорило ей, что не такого сочувствія заслуживала она отъ Морица.

Далеко за полночь пріѣхалъ Морицъ. Онъ вошолъ бризгливо въ комнату и, не говоря ни слова, сбросилъ сюртукъ и одѣлся въ халатъ. У бѣдной дѣвушки сердце чуть не выскочило. Она дожидалась, не заговоритъ-ли къ ней Морицъ, не окажетъ ли какой-нибудь ласки. Ея чорные, впивающіеся глаза не сходили съ этого человѣка, котораго она такъ страстно любила. Но онъ былъ молчаливъ и угрюмъ, и она рѣшилась первая заговорить.

— Морицъ, сказала она робко: — что ты такъ печаленъ?

— Что-то невесело на сердцѣ, отвѣчалъ Морицъ, и сѣлъ противъ Маргалы.

Дѣвушка подошла и, сѣвъ подлѣ него, обняла его обѣими руками.

— Что-жь тебя тревожитъ, жизнь моя? спросила Маргала.

Сколько ни старался Морицъ, согласно своей доктринѣ, приказывать уму, чтобъ онъ повелѣвалъ сердцу, но на этотъ разъ сердце не слушалось и сильно билось. Онъ не въ состояніи былъ отвѣчать.

— Или мои ласки надоѣли тебѣ, Морицъ? спросила Маргала.

— Морицъ вырвался изъ объятій Маргалы и сдѣлалъ надъ собой усиліе.

Digitized by Google

— Маргала!.. произнесъ онъ, [illegible] среди комнаты и не глядя на дѣвушку.— Маргала! я завтра выбираюсь... изъ вашего дома...

Въ страшномъ испугѣ вскочила Маргала на ноги.

— Зачѣмъ?.. ради Бога? спросила она.

— Затѣмъ... затѣмъ, что теперь я не могу жить, какъ прежде жилъ... Я не тотъ безвѣстный Сефарди, которымъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ...

— А наша любовь, Морицъ? наша свадьба?..

Дѣвушка ломала руки.

— Наша любовь — ребячество, отвѣчалъ жестокій человѣкъ:—наша свадьба — химера...

Если-бъ тысячи громовъ разразились у ногъ Маргалы, они не столько-бы оглушили ее, сколько этотъ отвѣтъ. Ноги задрожали подъ бѣдною дѣвушкой. Она прислонилась къ камину, и тихія рыданія вырвались изъ ея груди, такъ безчеловѣчно разбитой въ одно мгновеніе.

Морицъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Ни разу не взглянулъ онъ на Маргалу, боясь чтобъ ея очаровательная красота и горесть не поколебали его рѣшимости, стоившей ему столько борьбы.

Онъ подошелъ къ своей шкатулкѣ и набралъ полную горсть золота.

— Маргала! сказалъ онъ: — будь благоразумна: противъ невозможности не пойдешь.... Возьми *это*... это обезпечитъ твою будущность... Будь счастлива съ

Digitized by Google

другимъ!... Моя помощь тебя никогда не оставитъ... я не забуду тебя...

Но послѣднихъ словъ Маргала не дослушала. Закрывъ лицо руками, она стремглавъ бросилась вонъ и, вбѣжавъ въ комнату отца, всѣмъ тѣломъ ринулась на него.

Генохъ въ испугѣ проснулся. Свѣча еще горѣла. Маргала лежала на груди его.

— Что?... горитъ?... пробормоталъ онъ.

— Хуже, татэ, хуже!.. *Онъ* не любитъ меня.... Она лишилась чувствъ.

Генохъ протеръ глаза и взглянулъ на свое дорогое дитя. Весь хмѣль его пропалъ въ одно мгновенье.

ГЛАВА VIII.

Какъ иногда дѣла обдѣлываются.

Новая квартира Морица была на одной изъ главнѣйшихъ улицъ города и представляла собой образецъ изящества и роскоши. Тщеславный молодой человѣкъ не пощадилъ ничего, чтобъ заставить говорить о своей щегольской квартирѣ; въ роскоши ему видѣлось истинное счастье. Заставить говорить о себѣ, о своей дѣятельности, о ловкости, посредствомъ которой онъ, въ нѣсколько минутъ, связывалъ самыя трудныя предпріятія,—быть безпрестанно въ устахъ другихъ, обращать взоры многихъ умныхъ и богатыхъ людей на свою особу:—вотъ чего ему хотѣлось и чего онъ достигъ

Digitized by Google

въ короткое время. Былъ-ли онъ счастливъ отъ всего этого? это другой вопросъ...

Маргалу онъ совершенно забылъ. Свою былую любовь къ ней онъ даже считалъ пріятнымъ воспоминаніемъ или пріятною глупостью. Онъ не удостоивалъ никакого воспоминанія о чувствѣ, которому нѣкогда былъ преданъ хотъ лицемѣрно; онъ просто, разъ навсегда, *приказалъ* себѣ болѣе не думать ни о Маргалѣ, ни о своей прежней горемычной жизни — и не думалъ. Онъ хотѣлъ проникнуться своимъ настоящимъ положеніемъ, чтобъ не омрачить его ничѣмъ прошедшимъ, и чтобъ ему самому казалось, что онъ всегда жилъ какъ теперь, мыслилъ какъ теперь, дѣйствовалъ какъ теперь. Только тогда, думалъ онъ, будетъ онъ истиннымъ львомъ, когда все его существо пропитается настоящимъ и не оставитъ на себѣ никакого темнаго пятнышка изъ того, что было въ прошломъ. Блескъ—блескъ—блескъ—вотъ что его ослѣпляло и подвигало все впередъ и впередъ. Онъ хотѣлъ быть богатымъ и извѣстнымъ для своего идола, — для блеску; а тамъ, гдѣ есть воспоминаніе о быломъ мракѣ, тамъ совершеннаго блеску быть не можетъ. Онъ-бы даже отказался отъ дружбы съ Густавомъ Штиромъ, еслибъ Густавъ Штиръ не былъ *торговымъ домомъ*.

Но часто, развалившись, послѣ трудовъ, на своихъ бархатныхъ подушкахъ, Морицъ зѣвалъ. На первый случай, онъ былъ сытъ и извѣстностью, и врагами.

Digitized by Google

Онъ зналъ, что его никто не любитъ, хотъ его носили на рукахъ какъ феномена въ своемъ родѣ. Дружба между нимъ и Густавомъ тоже потеряла свой братскій колоритъ, потому что она была уже не той безкорыстной дружбой какъ нѣкогда, а простой короткостью двухъ молодыхъ дѣятелей торговаго поля. Они начали находить недостатки другъ въ другѣ: дѣятельная жизнь, богатая разнообразіемъ, давала къ тому тысячу возможностей. Надобно быть надѣленнымъ отъ неба очень теплымъ сердцемъ, чтобъ богатство его не оледенило.

Спектакли, катанья, дачи, роскошные вечера скоро теряютъ свое опьяняющее свойство. Морицу все это нравилось: вездѣ онъ могъ показать свою прекрасную наружность, свой умъ, образованность и бросать деньгами. Но часто, наединѣ съ самимъ собой, онъ зѣвалъ, вспоминая о блистательно проведенномъ днѣ или вечерѣ, и внутренно признавался, что вспоминать рѣшительно не о чемъ. Если голова его не была занята какимъ нибудь новымъ коммерческимъ оборотомъ, то въ ней была пустота, и Морицу, какъ человѣку умному, было досадно, зачѣмъ пусто у него въ головѣ и сердцѣ. Толкуйте теперь съ человѣческою природой! Она сама иногда по одиначкѣ срываетъ съ себя лучшія свои украшенья, чтобъ одѣться въ лохмотья, и хочетъ непремѣнно приневолить себя радоваться этимъ лохмотьямъ.

Одно только существо иногда, въ минуты скуки и бездѣйствія, мелькало передъ Морицомъ въ отрадномъ

Digitized by Google

свѣтѣ, — это была Сарра, дочь богатаго Абы Гольдмана. Часто на вечерахъ у ея отца, гдѣ было шумно и весело, онъ встрѣчалъ задумчивый взглядъ ея голубыхъ глазъ, въ которомъ, какъ казалось Морицу, выражалось болѣе чѣмъ простое вниманіе. Въ этомъ домѣ въ который Морицъ, въ былыя времена, заглядывалъ съ боязнью, когда гостепріимный хозяинъ приглашалъ его къ церемонному обѣду или ужину, изъ уваженія къ его старому отцу въ Лейпцигѣ,—онъ былъ теперь принимаемъ за просто, какъ равный. Ему были всегда рады, ему жали руки и въ глаза удивлялись его умѣнью составить себѣ карьеру. Морицъ зналъ, что этой перемѣнѣ онъ обязанъ своимъ банковымъ билетамъ и соглашался, что это такъ и быть должно. За картами онъ былъ любезенъ до невѣроятности; остроты его вошли въ пословицы; его бобровые воротники, дорогіе перстни, воронье скакуны приводили въ восхищеніе и составляли предметъ горячихъ споровъ. Все это было крайне лестно, когда оно было en train, и забывалось съ первымъ зѣвкомъ; только Сарра не совсѣмъ скоро выходила изъ головы. Миловидная пятнадцатилѣтняя дѣвушка эта, не принимавшая участія ни въ игрѣ, ни въ шумныхъ разговорахъ, была, однакожъ, всегда весела общею веселостью. Она всегда разговаривала съ Морицомъ по англійски, спрашивала совѣтовъ на счетъ книгъ и музыкальныхъ пьесъ, показывала ему свои рукодѣлья, а иногда задумчиво заглядывалась на него, потому что

Digitized by Google

онъ былъ прекраснѣе всѣхъ и разговоръ его всегда былъ интереснѣе чѣмъ кого-нибудь другого. Морицу было отрадно видѣть, что будущая красавица и богатая наслѣдница отличаетъ его отъ другихъ, и онъ даже соглашался, что со временемъ въ состояніи будетъ влюбиться въ нее. Но чтобъ сравниться съ нею, надобно возвыситься еще болѣе: онъ зналъ, что между нимъ и Гольдманомъ еще нѣтъ параллели. Нужны время и дѣятельность, а главное, фундаментальное богатство, чтобы изгладить все свое прошедшее изъ какой-бы то ни было памяти, которая вздумала-бы порыться въ прошедшемъ. И послѣ такихъ разсужденій, Морицъ съ горячностью бросался въ свою торговую сферу, изобрѣталъ новыя средства, хлопоталъ, зарабатывалъ большія деньги, и былъ въ нѣкоторой степени счастливъ, представляя себѣ въ перспективѣ прекрасную свѣтскую жену, богатую родню, дачи, поѣздки за границу и—блескъ.

Былъ прекрасный лѣтній полдень, не знойный и не пыльный, именно одинъ изъ тѣхъ полдней, которые случаются у насъ одинъ разъ въ два лѣта. Морицъ, въ шляпѣ и плащѣ, стоялъ въ своей конторѣ и лѣниво перебиралъ листы въ одной изъ своихъ счотныхъ книгъ. Двое изъ его помощниковъ рыскали гдѣ-то по городу, а третій взвѣшивалъ на *скандалъ* * какой-то продуктъ.

* Отъ итальянскаго *Scandaglio*, повѣрка, испытаніе. Такъ называется небольшой металлическій аппаратъ, по которому узнается вѣсъ въ четверти зернового хлѣба.

Digitized by Google

Въ контору вошелъ дюжій мужчина, лѣтъ пятидесяти, краснощокій и плѣшивый. Это былъ комиссіонеръ многихъ богатыхъ польскихъ помѣщиковъ, панъ Гемба, олицетворенная неповоротливость. Онъ не вошелъ, а ввалился.

— А, пане Гемба, какъ поживаете? сказалъ Морицъ, не подымая глазъ: онъ по пыхтѣнью узналъ своего гостя.

— Садитесь-ка сюда, отвѣчалъ Гемба, усаживаясь на мягкій диванъ.—Поговоримъ кой-о-чемъ.

„Вѣрно что-нибудь необыкновенное“, подумалъ Морицъ: „когда самъ притащился сюда: вѣдь онъ въ это время еще спитъ“.

Какъ будто въ отвѣтъ на послѣднюю мысль Морица, Гемба богатырски зѣвнулъ.

— Ну, что вамъ Богъ далъ? спросилъ Морицъ.

— А вотъ что, пане Сефарди: избавьте меня отъ моей шерсти.

— Отчего-жъ это такъ?

— Надоѣла, дидько ее бери! четвертый мѣсяцъ вожусь съ нею...

— Много теперь набралось ея у васъ?

— Пудовъ четырнадцать-тысячъ...

— Трудно такое большое количество разомъ продать.

— Ну, ужъ раздробить слуга покорный.

— А что вамъ дать за нее?

Гемба опять зѣвнулъ и объявилъ цѣну.

Digitized by Google

— Да знаете, прибавилъ онъ:—это мое послѣднее слово... Деньги черезъ сто дней, пожалуй...

— Да, пане Гемба, отвѣчалъ Моришъ: — все это хорошо; но у васъ... извините меня... прескверная натура: тысяча перемѣнъ въ одну минуту...

— Нѣтъ, нѣтъ! ужь теперь рѣшился...

— Да вы ужь не разъ рѣшались: кажется въ пятый разъ вы продаете эту партію шерсти...

— Нѣтъ, нѣтъ, пане Сефарди! теперь рѣшительно... Надоѣла, дидько-бъ ее взялъ!..

— Хорошо! погодите, я сейчасъ съѣзжу, сказалъ Моришъ, отыскавъ пробу этой шерсти, лежавшую въ особомъ сосудѣ съ билетикомъ.

— Только смотрите-же, продолжалъ Моришъ, выходя изъ конторы. — Я вѣдь васъ знаю: ни съ того, ни съ другого, возьмете, да уйдете... Я надѣюсь покончить въ четверть часа, и привезу подписанную сдѣлку... Не выходите же никуда отсюда, а то васъ попадетъ кто-нибудь да разстроитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, отвѣчалъ Гемба, положивъ ноги на диванъ и мостясь прилечь половчѣй. —Я, авось, вздремну, пока вы возвратитесь...

Моришъ по итальянски приказалъ своему помощнику не впускать никого въ контору и не стучать: онъ очень желалъ, чтобъ Гемба уснулъ, потому что покажись только кто-нибудь посторонній, или выйди панъ Гемба на улицу, онъ готовъ со всякимъ встрѣчнымъ совѣтоваться,

Digitized by Google

и дѣло можетъ разстроиться. Вѣдь многіе любятъ показать, что не даромъ къ нимъ прибѣгаютъ за совѣтомъ, и всегда готовы говорить „нѣтъ“, когда спрашивающій совѣта говоритъ „да“ и наоборотъ. А Гемба былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, рѣшившись на какое-нибудь дѣло, думаютъ, что тѣмъ дѣло уже сдѣлано, и если они послѣ измѣняютъ своей рѣшимости, имъ кажется, что это ужъ опять новое дѣло.

Морицъ сѣлъ въ свой экипажъ, который всегда стоялъ на готовѣ и отправился въ контору Штира.

Густавъ не заставилъ долго убѣждать себя, потому что вѣрилъ Морицу, который, по разнымъ соображеніямъ фабричной промышленности за границей, и вопросамъ, возникавшимъ тамъ о фабрикантахъ, очень основательно полагалъ, что тонкая шерсть должна сильно вздорожать. Чтобъ увѣрить Штира еще болѣе, онъ предложилъ принять себя въ половинщики. Дѣло было улажено: Штиръ подписалъ сдѣлку и записалъ у себя въ книгѣ, что къ этой операціи Морицъ его компаньонъ.

— Ну, пане Гемба, сказалъ Морицъ, будя комиссіонера, который, храпѣлъ на всю комнату:—вставайте подписывать!

Панъ Гемба началъ протирать глаза, фыркнулъ нѣсколько разъ и принялся читать сдѣлку, поглаживая свои румяныя щоки. Но увидѣвъ поднесенное Морицомъ перо для подписи, панъ Гемба, по обыкновенію, струсилъ и съ безпокойствомъ началъ оглядываться.

Digitized by Google

— Знаете что, пане Сефарди, сказалъ онъ:—пойдемъ въ казино... Можетъ-быть почта принесла какія-нибудь новости.

— То-то, отвѣчалъ Сефарди, съ неудовольствіемъ: —я это зналъ прежде. Вы только рѣшительны—прошу не гнѣваться—за обѣдомъ, а дѣла съ вами имѣть невозможно... Зарекусь, просто слушать ваши предложенія... Вѣдь я за вами не посылалъ!

— Э, коханый мой! возразилъ Гемба:—нельзя же такъ взять, да и подписать: надо осмотрѣться... Пойдемъ, пойдемъ... что-за бѣда?... Подпишу пятью минутами послѣ.

Они ушли въ казино.

Почты еще не было, и Гемба, по неволѣ, долженъ былъ потребовать чернильницу. Но Дубковъ, увидѣвъ Гембу вмѣстѣ съ Морицомъ, смекнулъ, что дѣло идетъ о шерсти. Онъ ловко дернулъ перваго за рукавъ.

— Кстати, пане Гемба, сказалъ Дубковъ, отведя его въ сторону. — Я именно васъ жду здѣсь. Мнѣ нужна проба съ вашей партіи шерсти: есть покупщикъ... Дайте мнѣ записку къ вашему приказчику, чтобы далъ пробу...

Гембѣ болѣе не нужно было. Обрадовавшись случаю опять отложить подпись сдѣлки Морица, онъ свободно вздохнулъ.

— Записки не дамъ, отвѣчалъ Гемба, для котораго писать было почти также трудно, какъ ходить на

Digitized by Google

головѣ: — а если мой приказчикъ вамъ не повѣритъ, скажите ему знакъ, что при немъ я сегодня приказывалъ повару готовить на обѣдъ *зразы съ колбасой*.

Мориць увидѣлъ какъ Гемба перешептывался съ Дубковымъ, догадался, что дѣло пропало. Онъ съ упрекомъ взглянулъ на Гембу и презрительно улыбнулся.

— Коханный мой! сказалъ Гемба, подошедъ къ Морицу и взявъ его за руку. — Ну, завтра... право, завтра... ужь это вѣрно, какъ я Матеушъ Гемба!

Мориць, знавшій, что въ его положеніи ни съ кѣмъ ссориться нельзя, и что надо терпѣливо переносить капризы и странности каждаго, дружески пожалъ руку пана Гембы и сѣлъ съ нимъ играть въ пикетъ — любимую игру богатаго комиссіонера.

Послѣ игры, Мориць получилъ нѣсколько порученій отъ нѣкоторыхъ негоціантовъ и пустился рыскать по разнымъ частямъ города. Онъ сказалъ своимъ помощникамъ, что не успѣетъ быть въ конторѣ и что если будутъ письма, то прислать ему ихъ въ казино, къ десяти часамъ вечера.

Въ десять часовъ воротился онъ въ казино, запыленной и усталый; онъ даже не успѣлъ пообѣдать въ тотъ день. Таковъ былъ этотъ человѣкъ! Если ему хотѣлось роскошничать — онъ былъ bon vivant, въ полномъ смыслѣ; если-жь онъ работалъ — другого такого труженика найти было не легко. Многіе удивлялись

Digitized by Google

именно этимъ лихорадочнымъ припадкамъ какъ того, такъ и другого.

Потребовавъ шоколаду, Моринъ присоединился къ кружку молодыхъ людей, разговаривавшихъ очень весело. Первый вопросъ его былъ: „получена ли почта?“

— Получена, отвѣчалъ одинъ изъ толпы.

— А какія новости принесла она? спросилъ Моринъ.

— Кажется *ничего нѣтъ*.... Впрочемъ, мы еще не читали писемъ: онѣ насъ дожидаются дома... Синьоръ Каструччьйо, вы уже читали почту?

— Убирайтесь вы съ своей почтой! отвѣчалъ синьоръ Каструччьйо.—Вы видите, мы теперь говоримъ о новой примадоннѣ!...

— Чудная талья, чудныя формы и чудный голосъ, восторженно сказалъ одинъ молодой адвокатъ.

— И въ Чудномъ-Домѣ * живетъ, отвѣчалъ агентъ какого-то торговаго общества.

Всѣ расхохотались.

— И мужъ... старикъ... замѣтилъ адвокатъ.

— О-го! послышалось въ толпѣ.—Юриспруденція уже успѣла все пронюхать?

Моринъ былъ въ этотъ вечеръ слишкомъ запыленъ и настроенъ на коммерческій ладъ, чтобъ принять уча-

---

* Такъ называется одинъ домъ въ Одессѣ, по странности своей архитектуры. *Примѣчаніе для иногородныхъ.*

Digitized by Google

стіе въ этомъ пустомъ разговорѣ. Онъ ушелъ въ другую комнату, гдѣ киръ-Ѳемистокли Ксира игралъ въ вистъ.

Подсѣвъ къ своему экс-патрону, давно съ нимъ помирившемуся, онъ, во время жаркаго спора остальныхъ портнеровъ за ренонсъ, успѣлъ шопотомъ спросить старика:

— Есть что-нибудь?

— А вы развѣ не получали писемъ? спросилъ Ксира.

— Я велѣлъ принесть сюда, но не приносятъ; вѣрно нѣтъ....

— Да, сказалъ Ксира, немного замявшись: — то-есть, ничего такого особеннаго нѣтъ... Впрочемъ потолкуемъ послѣ.

„Надуваетъ, мошенникъ“, подумалъ Морицъ: „ужь когда хочетъ потолковать послѣ, то вѣрно что-нибудь да есть.“

Морицъ углубился въ карты Ксиры и задумался надъ какою-то десяткой, которая недавно выиграла ему пятнадцать кушей.

Въ это время лакей тихонько тронулъ его. Морицъ платилъ слугамъ, чтобы они, въ случаѣ надобности, всегда звали его не иначе, какъ незамѣтно отъ другихъ. Онъ всталъ и поглядывая съ беззаботнымъ видомъ на всѣ стороны, отправился въ переднюю. Тутъ дожидался одинъ изъ его людей, который сказалъ ему, что онъ навѣды-

Digitized by Google

вался въ казино нѣсколько разъ съ письмами, полученными еще съ восьми часовъ вечера.

Пробѣжавъ быстро письма, Моринцъ самодовольно улыбнулся. Именно на тонкую шерсть оказалось большое требованіе въ Бельгіи, и тамошній корреспондентъ увѣрялъ его, что черезъ одну или двѣ почты, въ Одессу вышлются большія порученія на покупку этого продукта.

„Не мѣшаетъ знать все напередъ", думалъ Моринцъ, расхаживая по комнатамъ: „будетъ работа, безъ всякаго сомнѣнія. Но, до того, надо взяться за Генбу: онъ, вѣрно, теперь только-что проснулся отъ послѣобѣденнаго сна и зѣваетъ на весь кварталъ. Отправляюсь къ нему: кажется, теперь я его *распечатаю*..."

Моринцъ закурилъ сигару, и накинувъ свой легкій плащь на одно плечо, отправился пѣшкомъ къ Генбѣ, хотя квартира его была довольно далеко отъ казино. Дѣловые люди ѣздятъ только по дѣлу, а пѣшкомъ ходятъ когда нечего дѣлать.

Сошелъ съ крыльца, Моринцъ замѣтилъ какого-то человѣка, стоявшаго, опершись о стѣну и, вѣроятно, поджидавшаго кого-то. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, Моринцъ услышалъ за собой топотъ и обернулся быстро назадъ. При ясномъ свѣтѣ луны, онъ увидѣлъ Геноха Хмельника.

— Добрый вечеръ! сказалъ Генохъ:—узнаете вы меня?

Digitized by Google

— Отчего-жь не узнать, отвѣчалъ Морицъ:—только нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ мы не видались съ вами.

— Да, только нѣсколько мѣсяцевъ... А что претерпѣлъ я въ это короткое время!

Генохъ глубоко вздохнулъ.

— Что-жь такое случилось? спросилъ Морицъ съ убійственною сухостью.—Что вы! какъ вы?... Что ваша дочь подѣлываетъ?

— *Ваша дочь*! вы ужъ забыли ее имя... *Моя дочь*, герръ-Морицъ, четыре мѣсяца не встаетъ съ постели болѣзнь изнурила ее.

— А, жаль!... очень!...

— Вамъ жаль? въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Генохъ съ горькой усмѣшкой.—Какъ вы добры... вамъ жаль! Жестокій человѣкъ, вы убили мое бѣдное дитя!

— Я, реби-Генохъ? ни чуть...

— Вы ограбили у меня мое единственное счастье, которое я имѣлъ, продолжалъ Генохъ, не слушая Морица.—Ахъ, суди васъ Богъ за вашъ поступокъ!

Морицъ вздернулъ плечами и ускорилъ шагъ. Генохъ продолжалъ:

— Четыре мѣсяна лежала *она* безъ всякаго сознанія, и вы были вѣчнымъ демономъ, мучившимъ ее. Богъ... слышите-ли, Морицъ? Богъ, котораго вы не знаете, наконецъ умилосердился надъ нею: ей стало немного легче, и первое ея слово было: „Отецъ! не мо-

Digitized by Google

жетъ быть... Морицъ *не можетъ* обмануть меня: это былъ страшный сонъ...“

Морицъ все молчалъ.

— И я не могъ отказать моему дѣтищу, продолжалъ Генохъ, у котораго крупныя слезы катились по лицу:—я рѣшился еще разъ видѣть васъ и... отъ васъ самаго услышать...

— Что-жь вы хотите услушать? спросилъ Морицъ.

— Охъ! я не въ состояніи продолжать... Вы сами должны знать...

— Я ничего не знаю... Нужны вамъ деньги?

— О, нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, больше я ничего не могу сдѣлать для васъ, отвѣчалъ Морицъ холодно.

— Рѣшительно, Морицъ?..

— Рѣшительно, Генохъ.

Генохъ съ быстротою молніи отскочилъ въ сторону.

— Подлецъ! вскричалъ онъ.—На четыре локтя вокругъ тебя горитъ гегенемъ *!..

Ни одинъ мускулъ не пошевельнулся въ лицѣ Морица; онъ только перешелъ на противоположный тротуаръ.

Вечеръ былъ восхитительный. Полная луна висѣла надъ моремъ какъ газовый фонарь и разливала свой

* Адъ.

Digitized by Google

меланхолическій свѣтъ на шумный городъ. Тротуары были полны гуляющаго народу, съ восторгомъ вдыхавшаго въ себя ночной воздухъ, который, не будучи напитанъ пылью, былъ прозраченъ и свѣжъ. Наши деревья—которыя, при дневномъ свѣтѣ, словно вырѣзаны изъ картонной бумаги пепельнаго цвѣта, въ этотъ вечеръ, подъ волшебнымъ вліяніемъ луны, были именно похожи на деревья и восхищали взоры гуляющихъ. Магазины и аптеки блистали разноцвѣтными, причудливыми огнями; фруктовыя лавочки обнажили передъ публикой свои роскошные южные плоды; ни одинъ экипажъ не грохоталъ по улицѣ, какъ-будто совѣстясь запылить эту прекрасную картину. Ласковый вѣтерокъ доносилъ съ моря протяжную русскую пѣсню или задумчивые звуки итальянскихъ стансовъ, напѣваемыхъ матросами, возвращавшимися на баркасахъ отъ выгрузки балласта. Красавицы, не боясь запылить свои наряды и личики, торжествовали и благодарили природу. Все дышало наслажденіемъ и поэзіей. И въ это время только два человѣка не раздѣляли общаго удовольствія: одинъ—старикъ, согнутый подъ своею тяжкой долей, проливалъ горькія слезы о больной своей дочери; а другой—въ полномъ цвѣтѣ жизни и здоровья, прекрасный и богатый, поднявъ гордо голову, мечталъ—объ испанской шерсти.

— А, пане Сефарди! воскликнулъ Гемба, щеголявшій у себя дома въ парусинной куртке и ситце-

Digitized by Google

выхъ шаравархъ. — Милости просимъ!... Что такъ поздно?

— Да такъ, отвѣчалъ Морицъ:—дѣла нѣтъ, я и вздумалъ зайдти къ вамъ потребовать реваншъ.

— Вашъ слуга! сказалъ Гемба весело.—Я и выспался хорошо... Предчувствую, что порядкомъ обработаю васъ... Эй, малый! картъ и лафиту!.. Да вы не сердитесь на меня, что я отложилъ на завтра сдѣлку-то... Согласитесь, нельзя-же...

— Ни чуть, отвѣчалъ Морицъ разсѣянно:—и думать забылъ... Снимайте, мнѣ сдавать!

Игра ихъ была довольно значительна: они играли не на поэнъ, а по пятидесяти рублей серебромъ партію въ пикетъ до ста-одного очка.

Морицъ дѣлалъ ужасные промахи. То разносилъ онъ самую лучшую масть; то, ни съ того ни съ другого, терялъ послѣднюю взятку, и даже не разъ, будучи *въ ружѣ*, вмѣсто рокового „шесть-десятъ“ произносилъ: „тридцать“, что у строгихъ игроковъ, какъ извѣстно, считается неизмѣннымъ. Морицъ бѣсился, а панъ Гемба потчивалъ его лафитомъ, самъ пилъ и хохоталъ во все горло.

— Ну, коханный мой, сказалъ Гемба, записывая вторую партію на Морица:—вы сегодня изъ рукъ вонъ какъ плохо играете.

— Э, пустое! отвѣчалъ Морицъ.—Я хочу васъ непремѣнно обыграть.

Digitized by Google

— Э-э-э, обыграть!.. Обыграть—значитъ разорить... за что-же?.. ха, ха, ха!

Чтобъ доказать вамъ, что рѣшительный всегда беретъ верхъ надъ нерѣшительнымъ.

— Вотъ опять! вы все таки не можете забыть... Двадцать-семь и три дамы—*девяносто!*..

— И думать забылъ, увѣряю васъ, о вашей шерсти.

— Да развѣ долго до завтра! умилительно сказалъ Гемба, весьма довольный, что и третья партія клонится на его сторону.—Къ тому же и Дубковъ взялъ пробу... нельзя же! вы знаете... вѣдь товаръ не мой: надо стараться продать подороже...

— Ужь дастъ вамъ, я думаю, Дубковъ больше, возразилъ Морицъ, засмѣявшись.—Пора вамъ уже быть опытнѣй!.. Неужели вамъ кажется, что Дубковъ взялъ пробу для того, чтобъ продать вашъ товаръ?

— А для чего же? спросилъ Гемба съ удивленіемъ.

— Для того, чтобъ мнѣ испортить. Эту тактику я пустилъ въ ходъ... Когда маклеръ готовъ окончить дѣло и схватить куртажъ, стоитъ, по крайней мѣрѣ для своего утѣшенія, подвернуться къ продавцу и шепнуть ему, что есть покупщикъ за добрую цѣну. Разумѣется, нерѣшительный продавецъ... Да что толковать! это скучно... Сдавайте-ка карты.

— Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста научите: вѣдь это нужно знать.

Digitized by Google

— Ну... продолжалъ Моритцъ, разставляя свои карты.—Нерѣшительный продавецъ и пріостановится; дѣло затянется на день, на два, а тамъ и совсѣмъ разстроится, какъ случается очень часто. Эта метода называется: „Ни тебѣ ни мнѣ“; но она ужъ устарѣла.

— Такъ вотъ оно какъ! сказалъ Гемба.—Понимаю, понимаю. Ну, извините, коханны: виноватъ, виноватъ!.. Но завтра не за горами: сказалъ слово, такъ ужь сдержу.

— Нѣтъ, не сдержите! отвѣчалъ быстро Моритцъ, положивъ вдругъ карты на столъ.

— Какъ не сдержу?

— Такъ, не сдержите!

Моритцъ вперилъ свои огненные глаза въ Гембу.

„Что за чортъ!“ думалъ Гемба: „увѣряетъ, что не сдержу. Вѣдь въ моей волѣ сдержать или нѣтъ...“

— Сдержу! вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— То есть, что сдержите? спросилъ Моритцъ.

— Сдержу свое слово, и подпишу сдѣлку...

— Не подпишите, сказалъ Моритцъ сухо.

„Онъ съ ума сошелъ“, подумалъ разсерженный Гемба, который, по обыкновенію всѣхъ трусовъ, не зналъ мѣры своей рѣшимости, при усиленномъ припадкѣ храбрости.

— Объявите же, что тамъ у васъ такое? продолжалъ Моритцъ, взявъ свои карты.

Digitized by Google

Гемба не выдержалъ этого насмѣшливаго тона маклера. Онъ вскочилъ со стула.

— Да какъ вы смѣете увѣрять, что я не сдержу слова? вскричалъ онъ запальчиво:—когда я господинъ моему слову, слышите ли? я, Матеушъ Гемба... а не какой-нибудь... мффф!..

— Увѣряю и даже пари держу, отвѣчалъ Морицъ равнодушно.

— Нѣтъ, ужь это слишкомъ... Пари держите? Ну, пари!.. Что идетъ?

— Что угодно.

— Ящикъ шампанскаго... полсотни ананасовъ и... вороной рысакъ, что мы видѣли съ вами вчера... и... и ваши столовые часы съ Венерой...

— Идетъ! отвѣчалъ Морицъ, вставъ съ мѣста.

Спорящіе ударили по рукамъ. Гемба прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, а Морицъ сѣлъ на свое мѣсто и сталъ мѣломъ чертить по столу разныя фигуры. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Ну, что, успокоились вы, пане Гемба? спросилъ Морицъ.—Садитесь-же и не горячитесь: вы проиграли закладъ.

— Я? сказалъ Гемба, усѣвшись противъ Морица.— Посмотримъ!

— Нечего смотрѣть.... Вы вѣдь бились объ закладъ, что подпишите завтра сдѣлку о продажѣ шерсти Густаву Штиру... такъ, что-ли?

Digitized by Google

Гемба сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Хорошо! продолжалъ Моринцъ. — А я говорю, что нѣтъ... Я вамъ везъ готовую сдѣлку, подписанную Штиромъ... вотъ она здѣсь!—Моринцъ ударилъ по боковому карману.—Но Дубковъ васъ разстроилъ—и я ему очень благодаренъ. Почта получена самая убійственная: шерсть упала на долго... Еслибъ вы теперь хотѣли уступить даже цѣлковый съ пуда, никто ея не возьметъ. Штиръ мнѣ другъ... я радуюсь за него... Спасибо вамъ за вашу нерѣшительность! Вотъ, увѣрьтесь: вы кажется, читаете по-французски!...

И Моринцъ, знавшій очень хорошо, что Гемба зналъ по-французски точно столько-же, сколько по-финикійски подалъ ему тонкое письмецо съ синими и красными штемпелями.

У Гембы на-минуту потемнѣло въ глазахъ. Ему не страшенъ былъ закладъ, а убытокъ въ цѣнѣ, которымъ онъ долженъ былъ поплатиться, по-милости своего нерѣшительнаго характера. Но, при всѣхъ своихъ странностяхъ. Гемба былъ самъ не промахъ. Вдругъ его озарила свѣтлая мысль, съ помощью которой онъ надѣялся надуть маклера и выпутаться изъ труднаго положенія.

— Да! сказалъ онъ. — Дидько его побери!... Я проигралъ...

Онъ облокотился на столъ и задумался.

Послѣ нѣкотораго молчанія Гемба продолжалъ, разсѣянно и не глядя на Морица:

Digitized by Google

— Какого-жъ чорта возитесь вы съ сдѣлкой Штира, когда нашъ торгъ сегодня не состоялся? Отчего... не возвратили вы ея Штиру?...

— Я его не видѣлъ послѣ того.

— Не видѣли! воскликнулъ Гемба, вставъ съ торжествующимъ лицомъ.—Не видѣли!... Ладно-же... давайте ее сюда: я подписываю!

— Какъ такъ? вскричалъ Морицъ, вскочивъ съ видомъ сильнаго испуга.

— Я подписываю сдѣлку, говорятъ вамъ, *господинъ маклеръ*!.. Вы знаете, какъ строго законы предписываютъ вамъ исполнять порученія въ точности! Вамъ поручено купить товаръ; покупщикъ подписалъ актъ; новаго приказа, въ отмѣну порваго, вы не получали, а вы сами отмѣнять ничего не въ правѣ: вы машина, мой коханный, не болѣе!..

Но это... это... бормоталъ Морицъ.

— Ни слова, *господинъ маклеръ*!... Сдѣлку сію минуту, или вы потеряете должность и...

Морицъ, съ видомъ величайшаго огорченія, бросилъ на столъ маклерскую записку; Гемба судорожно схватилъ ее и подписалъ.

— Теперь... напишите росписку, сказалъ Гемба сладкимъ голосомъ:—что вы получили отъ меня обратно формальную сдѣлку, за обоюдною подписью—надо быть осторожнымъ—и занесите ее себѣ въ книгу, а завтра вы мнѣ привезете дубликатъ.

Digitized by Google

Когда Морицъ исполнилъ требованіе Гембы и положилъ сдѣлку въ карманъ, съ самой кислой миной, Гемба захохоталъ своимъ богатырскимъ хохотомъ.

— Ну, что? играемъ дальше? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Морицъ, бросивъ нѣсколько ассигнацій на столъ. — Моя игра кончена... Получите свои три партіи!... Дайте записку къ вашему прикащику: Штиръ утромъ начнетъ пріемку... Хорошо!... Спокойной ночи!

— Ха, ха, ха! проревѣлъ Гемба вслѣдъ уходившему Морицу.—Потрудитесь завтра прислать рысака и столовые часы, а шампанское и ананасы—я запишу на счетъ куртажа...

«Пиши что хочешь», думалъ торжествующій Морицъ: «ты гораздо глупѣе, чѣмъ я полагалъ».

ГЛАВА IX.

Андрей щеголь оказывается философомъ эпикурейской школы, а панъ Гемба стоической.

Генохъ Золотой-Шовъ долго блуждалъ по улицамъ, не рѣшаясь возвратиться къ дочери съ такимъ убійственнымъ отвѣтомъ отъ того, кого она такъ страстно любила. Но разсудивъ, что лучше кончить все однимъ разомъ и вывести свою несчастную дочь изъ заблужденія, которымъ сама она желала обманывать себя,—открыть ей глаза и излечить, если возможно, отъ этой

Digitized by Google

любви, принесшей всей семьѣ горе и страданіе, Генохъ, скрѣпя сердце, вошолъ къ себѣ въ домъ.

Таже бѣдность господствовала въ домѣ. Несчастіе опустошительно дѣйствуетъ только на богатство и страшно измѣняетъ его наружность; но физіономію бѣдности оно измѣняетъ мало. Что измѣнять тамъ, гдѣ никогда не было ни суетливой радости, ни шума? Все остается по старому, только съ ирачнѣйшимъ оттѣнкомъ, замѣтнымъ развѣ для пытливаго глаза, или участвующаго сердца. Пятно бросается въ глазъ на богатомъ нарядѣ, а на рубищѣ оно незамѣтно, безъ яркаго освѣщенія. А многіе-ли любятъ, при яркомъ освѣщеніи, глядѣть на рубище!...

Маргала, съ закрытыми глазами, полулежала на постелѣ. Блѣдная, худая, она все еще была прекрасна. При неподвижномъ положеніи страдалицы, ея античный силуэтъ рѣзко очертился на стѣнѣ и выказывалъ благородную правильность этого изнуреннаго лица. Старуха Ханэ сидѣла у постели больной и, молча, вязала чулокъ. Ветхій комодъ, стоявшій въ головѣ кровати, былъ уставленъ пузырьками и банками; свѣча, обернутая аптечною сигнатуркой, торчала въ бутылкѣ. Мѣдные тяжолые подсвѣчники, нѣсколько хорошей посуды, зеркало, висѣвшее нѣкогда на стѣнѣ, пять-шесть серебряныхъ ложекъ,—все это спустилъ Генохъ на пользованіе своей дочери, во-время ея продолжительной болѣзни.

Отворивъ осторожно дверь, Генохъ на-цыпочкахъ

Digitized by Google

вошолъ въ комнату. Ханэ, переставъ вязать, вопросительно уставила глаза на мужа. Генохъ сѣлъ у стола и испустилъ глубокій вздохъ.

— Это ты, тате? спросила Маргала, не открывая глазъ.—Я не сплю... Говори, видѣлъ ты *его*?

— Лучше-бъ я его не видѣлъ... отвѣчалъ Генохъ, подошедъ къ постели и сѣвъ подлѣ Маргалы.

Маргала открыла глаза, и въ лицѣ отца прочла отвѣтъ, который она ожидала такъ нетерпѣливо.

— Такъ это былъ не сонъ! сказала Маргала, положивъ руку на плечо отца. —Боже, Боже въ небѣ!...» И два потока слезъ полились по ея лицу.

— Плачь, дитя мое, плачь! произнесъ Генохъ, обрадованный слезамъ, въ первый разъ показавшимся изъ изъ глазъ дѣвушки, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ. — Плачь! Богъ посылаетъ намъ отраду въ слезахъ.

Хане набожно возвела глаза къ небу.

Во время болѣзни, Маргала была почти въ постоянномъ бреду; жаръ оставлялъ ее очень рѣдко и тогда только она повергалась въ какой-то родъ забытья. Ея жалобы, во время бреда, раздирали сердце, но не имѣли смысла, потому что онѣ навѣвались разстроеннымъ воображеніемъ. Врожденная потребность выплакаться была сдерживаема изнурительною болѣзнію, которая лишала больную сознанія и держала ея духъ въ страшномъ напряженіи. Теперь, когда опасность миновала, и къ бѣдной страдалицѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ, явились слезы,—

Digitized by Google

эти, столь долго запруженныя, слезы прорвались стремительнымъ потокомъ. Плачь Маргалы, начавшійся тихо, перешелъ въ громкое рыданіе. Ея кроткая, безъискусственная любовь, которую она могла чувствовать, но не высказывать, ея свѣтлый утренній сонъ, такъ обманчиво приласкавшій ее на зарѣ жизни, — все разсѣялось и оставило послѣ себя страшную темноту. Какъ-было не рыдать бѣдной Маргалѣ!

— Да падутъ эти слезы тяжкимъ камнемъ на душу злодѣя, сказала Ханэ, сама плакавшая на-взрыдъ, глядя на свою дочь.

— Аминь! отвѣчалъ Генохъ.

— А я его такъ любила... тихо произнесла Маргала.

— Но онъ не заслуживалъ твоей чистой любви, дитя мое, сказалъ Генохъ.

— Нѣтъ! тогда... тогда онъ заслуживалъ; можетъ-быть теперь...

— Ни тогда, ни теперь.

— Тогда и онъ меня любилъ... Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ внимателенъ... Моя несчастная звѣзда всему виной! Еслибъ Моритъ не разбогатѣлъ, онъ-бы до-сихъ-поръ любилъ меня: богатство измѣнило его...

— Не измѣнило, а разоблачило, Маргала, сказалъ отецъ. —Повѣрь, если вложенно небомъ благородное зерно въ душу человѣка, то ни богатство ни нищета его искоренить не можетъ.

— Онъ, казалось, безъ меня жить не могъ. Если

Digitized by Google

онъ желалъ для себя счастья, то только для того, чтобъ раздѣлить его со мной... Такъ онъ говорилъ...

— Говорилъ-то онъ красно, это правда.

— Зачѣмъ-же этотъ злой человѣкъ обманывалъ меня? спросила Маргала глубоко вздохнувъ.

— Зачѣмъ обманывалъ!... Спроси: зачѣмъ воетъ волкъ въ полѣ?... Онъ обманывалъ, потому что его натура—обманывать: онъ обманываетъ всѣхъ, и даже самого себя.

— Но меня... что я ему сдѣлала?

— Ты ему ничего не сдѣлала, бѣдное дитя мое! отвѣчалъ Генохъ, тронутый до глубины души этимъ наивнымъ вопросомъ дѣвушки, и поцаловавъ ее съ горячностью.—Ты ему ничего не сдѣлала; но люди такого рода какъ онъ, обманывая, не думаютъ, о томъ, что имъ сдѣлалъ тотъ, кого они обманываютъ, а что *можетъ* онъ имъ сдѣлать, если откроетъ обманъ. А что можешь ты ему сдѣлать, или я?...

— Проклинать! сказала торжественно Ханэ.

— Бабьи страсти, отвѣчалъ Генохъ.—Людей проклинаютъ въ твои лѣта, но не въ ея...

— Ахъ, ты правъ татэ! возразила Маргала.—Я проклинать его никогда не буду: пусть совѣсть его накажетъ.

— Эхъ-эхъ-эхъ, птичка моя! отвѣчалъ Генохъ:—въ томъ-то и бѣда, что совѣсть для него незнакомая матерія.

Digitized by Google

— Я всегда это насквозь видѣла, Генохъ! сказала Ханэ.

— Вздоръ, жена! мы всѣ сначала ничего не видѣли.

— Но я всегда противилась этому браку... Ты, Генохъ, ты причиной!

— Никто не причиной, матушка, сказала Маргала: — такъ Богъ хотѣлъ.

— Но я видѣла... я всегда говорила...

— Перестань-же, жена; прервалъ сердито Генохъ, бывшій въ дурномъ расположеніи духа.

— Но меня никогда не слушали, продолжала старуха, которая, по обыкновенію, рада была упрекнуть кого-нибудь и выставить свою прозорливость. — Никогда... никогда! Развѣ я что-нибудь значу? развѣ...

— Перестань-же, Ханэ, говорятъ тебѣ! или я скажу горькое слово...

— Гдѣ былъ твой умъ, Генохъ? твои глаза?... продолжала Ханэ, не слушая мужа и качая головой. — Я глупа, говоришь ты, а между тѣмъ я понимала...

— Такъ ты не хочешь замолчать, сказалъ Генохъ, съ трудомъ удерживая свой гнѣвъ. — Ну такъ и быть!... Ты видѣла, ты понимала, ты противилась... ты, все ты... Но знаешь-ли! отчего *ты* видѣла, а никто другой?

— Отчего? спросила Ханэ.

— Оттого, что Богъ иногда вразумляетъ младенцевъ и... безумныхъ, — и тогда они видятъ глубже другихъ!...

Digitized by Google

Ханэ замолчала. Маргала съ трудомъ приподнялась на постели и обняла отца.

— Не бранись, теперь не время, сказала она.— Забудемъ все... Ахъ, какъ трудно забыть!

— Трудно, но должно, моя жемчужина, отвѣчалъ отецъ.

— Какъ щиплетъ тутъ, тутъ за сердце, сказала тихо Маргала, указывая на грудь. — Забыть то, что радовало! что вшилось *сюда* такъ далеко... Охъ! я умру, но не забуду! вскричала она, упавъ на подушки.

— Но ты убьешъ меня! сказалъ Генохъ, припавъ къ лицу дочери.

Ханэ въ испугѣ бросилась къ постели. Маргала, послѣ нѣкотораго молчанія, опять приподнялась и стала протирать глаза.

— Нѣтъ, не убью васъ, сказала она спокойно.— Небо дастъ мнѣ силу жить и забыть прошедшее... Ахъ, какъ у насъ пусто въ комнатѣ! прибавила она, озираясь кругомъ.

Генохъ и Ханэ молчали.

— Ты все распродалъ, батюшка, чтобъ лечить меня, продолжала больная.—Я тебя въ конецъ разорила... ты лишился всего...

— Не всего, отвѣчалъ Генохъ:—когда ты мнѣ осталась.

— Но ты еще бѣднѣе прежняго... Болѣзнь моя лишила тебя всего... ты не работалъ.

Digitized by Google

— Выздоравливай скорѣй, дитя мое; а это все дѣло наживное.

— Но и прежде ты съ трудомъ перебивался, возразила Маргала:—а теперь ты вѣрно задолжалъ... Въ комнатѣ однѣ голыя стѣны... Боже мой, Боже мой! за что мы такъ наказаны?

Хане заплакала.

— Нищета, нищета... еще страшнѣе прежней, продолжала дѣвушка:—когда въ виду было совсѣмъ другое..,

Генохъ всталъ и торжественно поднялъ руку.

— Богъ!... произнесъ онъ медленно,—больше не могъ онъ выговорить: горе сдавило ему грудь. Но это великое слово, такъ часто произносимое людьми безъ вниманія, въ эту минуту, имѣло весь свой высокій смыслъ, и повѣяло на скорбящую семью утѣшеніемъ и надеждой.

Въ это время, Моритъ Сефарди уже скакалъ на извощикѣ къ Штиру, съ подписанной панамъ Гембой сдѣлкой въ карманѣ. Онъ торжествовалъ и почти готовъ былъ прыгать на дрожкахъ, вспоминая о хитрости, посредствомъ которой ему удалось обработать дѣло о шерсти.

„Да... *это* прямое счастье!“ думалъ онъ: „умѣть взять своимъ умомъ—съ бою—то, чего не даютъ добровольно, заставить силой узнать кто я—о, такую жизнь нельзя назвать обыкновенною жизнью! Пусть всѣ они толкуютъ о моемъ *прежнемъ*,—это только возвы-

Digitized by Google

шаетъ меня. Я гну ихъ, по своему желанію, какъ прутья; я душа ихъ предпріятій; на меня гладятъ со всѣхъ сторонъ; я установляю имъ цѣны; я вожу ихъ за-носъ, хоть они и не хотятъ въ томъ сознаться... Со мной спорить нельзя, меня перехитрить нельзя, потому-что понимать въ этомъ дивертиссманѣ, называемомъ торговлей, то понимаю я, а не они. Все я, я, я, я... какъ это хорошо!... Да! наконецъ, вижу—въ чемъ состоитъ прямое счастье: въ... въ... безцѣнномъ *я*."

При послѣднемъ заключеніи, Морицъ сдѣлалъ движенье грудью впередъ, какъ-будто желая оттолкнуть что-нибудь, какъ будто совѣстясь чего-то, — и наконецъ, вполнѣ согласился съ этимъ заключеніемъ. Согласіе это, по-обыкновенію, было такъ рѣшительно, что когда будочникъ, увидѣвъ скакавшаго во всю прыть запоздалаго сѣдока, спросилъ: „Кто ѣдетъ?" Морицъ громко отвѣчалъ: „Я!"

Густавъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить много охладѣлъ къ Морицу. Дѣйствительность успѣла уже наложить на молодого нѣмца свои когти; онъ узналъ, что не все то дружба, что зовется дружбой и что это слово, въ разные возрасты жизни человѣка и въ разныя фазы его дѣятельности, имѣетъ разное значеніе. Искать дружбу со всей горячностью любящей души и обрѣсть ее, и въ ней сосредоточиться, и забыть для нея себя и окружающій свѣтъ, и безкорыстно страдать за нее, когда надобно,—до этого не доросла натура Гус-

Digitized by Google

тава. Довольно съ него, что онъ былъ благоразуменъ, понявъ дружбу съ Морицомъ и согласившись, что такова она по-большой-части бываетъ на свѣтѣ, что такую дружбу и разорвать легко можно, безъ угрызеній совѣсти, и найдти можно на каждомъ шагу, безъ затрудненій, и что она впрочемъ, не заслуживаетъ труда, ни чтобъ ее разрывать ни чтобъ ее заискивать.

Но это не мѣшало *негоціанту* Густаву Штиру обрадоваться новой спекуляціи Морица, которая обѣщала прекрасный барышъ и, главное, вѣсъ въ обществѣ, и отъ души смѣяться остроумному пари Морица, когда этотъ, прискакавъ къ нему въ полночь, разсказалъ подробно всю исторію съ Гембой.

— Ну, а еслибъ Гемба въ-самомъ-дѣлѣ какъ-нибудь разобралъ, что шерсть вздорожала, улыбаясь спросилъ Густавъ Морица:—чтобъ ты тогда сдѣлалъ?

— Тогда навѣрное не подписалъ бы онъ маклерской записки, отвѣчалъ Морицъ: — и я бы утѣшился выигранным пари.

Молодые люди долго разговаривали объ эттомъ предметѣ и рѣшили, что завтра рано слѣдуетъ начать пріемку, чтобъ успѣть до полудня, т. е. до обыкновеннаго пробужденія Гембы, принять часть шерсти, прежде-чѣмъ онъ успѣетъ узнать о своемъ промахѣ.

На другой день, около восьми часовъ утра, Штиръ послалъ за своимъ прикащикомъ Андреемъ Бирюкомъ, чтобъ ему поручить спѣшную пріемку шер-

Digitized by Google

сти изъ магазина Гембы. Расторопность Андрея и его дѣятельность, когда онъ только хотѣлъ быть дѣятельнымъ, ручались, что дѣло мигомъ закипитъ.

Андрею въ это время слѣдовало быть въ одномъ изъ магазиновъ, въ которомъ поденщики пересыпали и провѣтривали на лѣтнемъ солнцѣ пшеницу.

Моритъ, съ нетерпѣніемъ дождавшись утра, поспѣшилъ въ контору Штира, чтобъ настоять на скорѣйшемъ приступѣ къ дѣлу. Узнавъ отъ Штира, что послано за Бирюкомъ, Моритъ остался въ конторѣ дожидаться его прихода, чтобъ дать ему нѣкоторыя необходимыя наставленія.

Магазинъ отстоялъ далеко, и посланный воротился не скоро.. — Ну, что, гдѣ Андрей? спросили Густавъ и Моритъ въ одинъ голосъ.

— Прахъ его побери! отвѣчалъ посланный.—Онъ меня выругалъ на всѣ стороны и не захотѣлъ пойдти.

— Какъ не захотѣлъ? спросилъ изумленный Густавъ.

— Такъ-таки не захотѣлъ: онъ мертвецки пьянъ.

— Такъ рано?

— Всю ночь прогулялъ въ трактирѣ, продолжалъ посланный: — и для запасу принесъ съ собой въ магазинъ штофъ съ ерофеичемъ.

— Какая досада! сказалъ Моритъ съ неудовольствіемъ. — Это изъ рукъ вонъ, какъ непріятно... Что-жь онъ тебѣ сказалъ, этотъ мерзавецъ?

Digitized by Google

— Да что сказалъ!... такія слова сказалъ, что и повторять совѣстно, отвѣчалъ посланный.

— Однако?...

— Убирайся, говоритъ, къ чортовой матери съ Густавомъ Христіановичемъ... Извините, Густавъ Христіановичъ! это Андрей Микитичъ сказалъ... Мнѣ, говоритъ, другое дѣло есть...

— Я-жъ тебѣ говорилъ, болвану эдакому, чтобъ ты оставался за тѣмъ дѣломъ смотрѣть, а его-бы послалъ сюда!...

— Да я такъ и хотѣлъ сдѣлать, Густавъ Христіановичъ!... что-жь будешь дѣлать съ хмѣльнымъ человѣкомъ? Взялъ да въ шею и вытолкалъ меня изъ магазина, да и говоритъ: „ отчаливай подальше, хамъ! не тебѣ за такимъ продухтомъ смотрѣть; а не уйдешь, говоритъ, по добру, такъ прибью какъ жучку...“

Штиръ вопросительно посмотрѣлъ на Морица.

— Поѣзжай самъ и уговори его, сказалъ Морицъ. — Ты видишь, онъ какъ-то не поладилъ съ твоимъ посланнымъ, который, вѣрно, затронулъ его...

— Да, нечего дѣлать, отвѣчалъ Густавъ. — Этотъ проклятый Щоголь имѣетъ свое самолюбіе. Порядочный былъ бы прикащикъ, еслибъ не кутилъ такъ часто.

Штиръ пріѣхалъ къ магазину. Поденщики, не имѣя надъ собой надзирателя, преспокойно сидѣли на окнахъ безъ всякаго дѣла; только нѣкоторые, для виду, держали лопаты въ рукахъ и, лѣниво погружая ихъ въ

Digitized by Google

пшеницу, не пересыпали, а, такъ сказать, для забавы, перецѣживали ее. Щоголь, лежа на большой кучѣ пшеницы спиною вверхъ, въ самомъ комфортабельномъ положеніи, съ папиросою въ зубахъ, выпускалъ затѣйливые кружки дыму.

Густавъ разсердился не на шутку. Онъ быстро прошелъ мимо гуляющихъ поденщиковъ, которые его не знали въ лицо и приняли за маклера, пріѣхавшаго за пробой, и подошелъ къ лежавшему своему прикащику.

— Бонъ джіорно, синьоръ міо! вскричалъ Андрей, не перемѣняя своей удобной позиціи передъ своимъ хозяиномъ.

— Ты съ ума сошелъ, Бирюкъ! сказалъ Густавъ.

— Сошолъ, сударь, отвѣчалъ Бирюкъ спокойно.

— Полно дурачиться: ты мнѣ очень нуженъ на этотъ день...

— Да вы мнѣ не нужны, Густавъ Христіановичъ, на этотъ день... Забыли вы, что-ли? только вчера я жалованье получилъ.

— Да вставай, сумасшедшій!

— Не могу: я пьянъ какъ... какъ спиртъ...

— Дѣло есть, необходимое, спѣшное...

— Дѣло и завтра будетъ... Что оно уѣзжаетъ что-ли, это дѣло-то?..

„Не уѣзжай, сердечный другъ,
Не покидай меня младую"!..

Digitized by Google

— Да какъ же ты Бога не боишься? вскричалъ Густавъ, выведенный изъ терпѣнія Андреемъ, который принялся пѣть во весь голосъ. — Магазинъ отворенъ, люди не работаютъ, а ты нарѣзался и знать ничего не хочешь!

— Нарѣзался за свои деньги, протрезвлюсь своей головой... не ваше дѣло...

— Да, протрезвишься цѣлымъ штофомъ ерофеича...

— Клинъ клиномъ выбиваютъ... Это вамъ непонятно, нѣмецкій-штукъ!

— Ты грубишь, негодяй! пошелъ вонъ: не хочу тебя больше держать!

— Воля ваша, сударь; только пока не высплюсь— не выйду, развѣ прикажете вынесть на носилкахъ.

— Вонъ съ глазъ моихъ! кричалъ взбѣшенный Густавъ, который стыдился наглости своего служителя, при поденщикахъ, собравшихся въ кружокъ около кучи, на которой лежалъ Андрей, и хохотавшихъ во все горло.—Надалъ же мнѣ чортъ изъ извощика сдѣлать прикащика! Вонъ въ глазъ моихъ,—терпѣть не могу грубіяновъ и пьяницъ!

— Терпѣть не можете, мусью? на распѣвъ сказалъ Андрей.—Жаль! ахъ, жаль! Вы меня очень, очень любили, а теперь ужь не любите... Богъ вамъ судья, Густавъ Христіановичъ!...

Андрей на-взрыдъ заплакалъ и самымъ жалобнымъ голосомъ запѣлъ:

Digitized by Google

„Не знатенъ я, не славенъ.
За что меня любить?...„

Густавъ увидѣлъ, что всякія дальнѣйшія разсужденія съ Андреемъ будутъ напрасны. Онъ дѣйствительно приказалъ вынесть своего прикащика на носилкахъ и, разсчитавъ поденщиковъ, въ сильномъ гнѣвѣ уѣхалъ домой.

Покоряясь необходимости, Густавъ принужденъ былъ самъ отправиться въ магазинъ Гембы для распоряженій при пріемкѣ шерсти, пока Моритъ успѣлъ пріискать какого-нибудь человѣка, который замѣнилъ-бы Щоголя.

Когда Гемба, послѣ сытнаго завтрака, вышелъ на свѣтъ Божій, чтобъ похвалиться выиграннымъ у Сефарди пари, онъ былъ оглушонъ со всѣхъ сторонъ хохотомъ знакомыхъ и незнакомыхъ, уже успѣвшихъ узнать объ этомъ затѣйливомъ пари, которое стоило пану Гембѣ нѣсколько тысячъ. Молодежь успѣла сдѣлать вѣрный счотъ, почемъ прійдется ананасъ и бутылка шампанскаго, въ данной пропорціи съ вороными рысаками и часами. Серьезный Ксира былъ очень доволенъ, что другой попался гораздо ловчѣе, чѣмъ онъ, и что его промахъ, по-крайней-мѣрѣ, остался тайной, тогда-какъ о Гембѣ трубили гласно. Ксира внутренно былъ благодаренъ Моритцу, который, послѣдней своей продѣлкой, помирилъ его съ самимъ собой, потому-что умный и точный старикъ долго не прощалъ себѣ своей оплошности въ дѣлѣ о льняномъ сѣмени. Киръ-Ѳемисто-

Digitized by Google

кли по обыкновенію своему, всегда молчаливый и задумчивый, теперь не могъ удержаться, чтобъ, встрѣтивъ въ казино Гембу, не сказать: — „Пане Гемба, вы очень дорого платите за ананасы...„

Крупный потъ капалъ съ румянаго и круглаго лица Гембы. Онъ былъ сильно озадаченъ и клялся ужаснымъ образомъ. Молодой адвокатъ, цѣнитель оперныхъ знаменитостей, подсѣлъ къ нему и началъ длинную энергическую рѣчь, изъ которой панъ Гемба понялъ только конецъ и на ухо сказанное магическое слово: „процесъ“.

У бѣднаго коммиссіонера мелькнуло въ головѣ, сколько разъ ему прійдется рано вставать и сколько завтраковъ можетъ пропасть, если онъ затѣетъ процесъ. Онъ опрометью бросился отъ искусителя и пустился скорымъ шагомъ по улицѣ.

„Процесъ!“ думалъ онъ: „ да я умру отъ апоплексіи при первомъ рукоприкладствѣ: я самъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, служилъ въ какомъ-то повѣтовомъ судѣ. Нѣтъ, вздоръ, коханный мой! Я лучше приколочу мошенника Сефардя какъ бестію и—дѣло съ концомъ..“

Панъ Гемба съ этою рѣшительной мыслію отправился домой. Онъ даже съ какою-то пріятностью началъ лелѣять эту прекрасную мысль, какъ вдругъ, другая мысль, очень правдивая, поразила его.„ А что,“

Digitized by Google

подумалъ онъ: „если Сефарди меня приколотитъ назадъ? вѣдь онъ сильнѣе и моложе меня“...

Онъ вошолъ въ свою квартиру и началъ раздѣваться: канлотовый сюртукъ душилъ его. Рѣшимость его, приколотить Морица, видимо начала ослабѣвать, — и когда онъ влѣзъ въ свои ситцевые шаравары, все лицо его выразило сильный испугъ, потому-что у него родилась еще новѣйшая мысль: „хорошо если Сефарди только прибьетъ *назадъ*, а что будетъ если онъ затѣетъ процесъ за личную обиду?... Процесъ... ужасъ!... тогда прощай сонъ, и этотъ удобный нарядъ, и все!“...

Гемба не-на-шутку испугался. Бросившись на мягкій диванъ, онъ зѣвнулъ тѣмъ двойнымъ зѣвкомъ, который только одному ему былъ извѣстенъ, и проговорилъ вслухъ:

— Чортъ его унеси! не хочу связываться съ этимъ подлецомъ.... Лучше.... стану учиться по-французски!....

И убаюканный этимъ невиннымъ предположеніемъ, которому—увы! — никогда не суждено было осуществиться, панъ Гемба предался дообѣденному отдохновенію.

ГЛАВА X.

Арфистка.

Между предъидущею и этой главой, мы, по авторской привиллегіи, пройдемъ молчаніемъ большой проме-

Digitized by Google

жутокъ времени, можетъ быть, года въ два. Эти два года жизни нашего героя не могутъ представить ничего новаго для читателя. Морицъ Сефарди попрежнему былъ періодически дѣятеленъ, періодически разгуленъ, наживалъ деньги, наживалъ завистниковъ, даже пріятелей, но не нажилъ ни одного друга. По-прежнему его занимала часто мысль о бракѣ съ Саррой Гольдманъ; но дѣвушка эта все еще была очень молода, и Морицъ ограничивался одними посѣщеніями, карточными вечерами у ея отца, пикниками и т. п.; влюбляться въ нее онъ еще не рѣшался. Можетъ-быть, многіе не повѣрятъ мнѣ, чтобы такимъ чувствомъ, какъ любовь, которое привыкли считать внезапнымъ и самовластнымъ, человѣкъ могъ повелѣвать и назначать ему сроки, по своей волѣ; но съ Морицомъ это было именно такъ. Онъ такъ привыкъ систематически управлять собой, что не рѣшался никогда приступить къ тому, что еще не совсѣмъ было готово къ совершенному своему исполненію. Онъ столько любилъ себя, что не хотѣлъ въ своей хлопотливой жизни, допустить одно лишнее преждевременное безпокойство. Приказавъ себѣ ждать, онъ ждалъ твердо и былъ увѣренъ, что, когда наступитъ рѣшительная минута, онъ скажетъ: «пора!» и будетъ дѣйствовать. Подводя все подъ ледяное слово „цѣль“, онъ былъ убѣжденъ, что можно любить только тогда, когда цѣль видна какъ на ла-

Digitized by Google

дони. Амуръ съ повязкой на глазахъ былъ для него нелѣпостью, ни съ чѣмъ несравнимою.

Насытивъ свое самолюбіе извѣстностью въ кругу своей дѣятельности, вѣсомъ, которымъ онъ пользовался, и вліяніемъ своимъ на многія важныя торговыя дѣла, Морицъ почувствовалъ, что этого еще мало для человѣческаго счастья, потому-что, если все это не совершенно ему прискучило, то, по-крайней-мѣрѣ, потеряло прелесть новизны. На него находили иногда тягостныя минуты пресыщенія этими вѣчными оборотами и толками о деньгахъ, и онъ очень часто скучалъ. Минутныя развлеченія служили только мгновеннымъ лекарствомъ: послѣ нихъ скука являлась еще настойчивѣе.

Одинъ разъ, выгнанный этою непріятною гостьей изъ дому, Морицъ гулялъ въ Городскомъ-Саду. Солнце великолѣпно скрывалось на западѣ; воздухъ, послѣ дождя, многократно шедшаго въ тотъ день, былъ чистъ и легокъ; деревья, обмытыя дождемъ, дышали свѣжестью. Гуляющихъ было немного, и то почти одни мужчины: женщины пожалѣли замочить башмаки по еще не высохшимъ дорожкамъ. Морицъ шелъ, потупя голову и не обращая ни на что вниманія вокругъ себя. Мысли въ головѣ у него толпились безъ всякой послѣдовательности. То представлялись ему минуты его торжества, когда, въ виду умныхъ и богатыхъ людей, имѣющихъ значеніе и имя въ свѣтѣ, онъ разсуждаетъ о всемірной промышленности, и умные и богатые люди отдаютъ спра-

Digitized by Google

ведливость его широкому взгляду. То перелеталъ онъ назадъ въ свою первую юность, въ свою прекрасную Саксонію, когда онъ былъ душой студентческихъ пирушекъ и только по временамъ мечталъ о богатствѣ, но еще не имѣлъ его,—и у него чуть замѣтно промелькнулъ вопросъ: не лучше-ли было тогда, чѣмъ теперь? Недовольный этимъ скептическимъ сомнѣніемъ въ своемъ настоящемъ счастьи, — а ему хотѣлось насильно увѣрить себя, что онъ счастливъ, — онъ обращалъ свою мысль къ Саррѣ Гольдманъ, къ ея красотѣ и уму, къ богатству ея отца. Онъ хотѣлъ проникнуться своею надеждой на бракъ съ Саррой и развеселиться хоть на минуту, хоть на минуту почувствовать электрическій ударъ, который, бывало, съ такой силой пробѣгалъ по всему его тѣлу, при каждомъ новомъ предпріятіи, и дѣлалъ его бодрымъ и веселымъ. Напрасно! все тоска и тоска...

Вдругъ послышалось ему пѣніе женщины. Голосъ выходилъ изъ круглой садовой площадки, обсаженной большими деревьями. Морицъ направилъ шаги къ этому мѣсту и остановился подъ деревомъ слушать пѣвицу.

Нѣсколько посѣтителей сидѣло на скамьяхъ, окружавшихъ площадку; другіе, примостивъ столики къ деревьямъ, наслаждались прекраснымъ чаемъ, которымъ въ то время славился садовой трактиръ; иные ходили взадъ и впередъ по прилегающимъ аллеямъ; дѣти рѣзвились и бѣгали по срединѣ площадки. Звѣзды уже покрыли

Digitized by Google

темное небо; разноцвѣтные круглые фонари, развѣшенные по деревьямъ, затѣйливымъ блескомъ обливали эту маленькую панораму, которая замыкалась ярко освѣщенными трактиромъ, набитымъ веселыми гостями. Передъ входомъ въ трактиръ, женщина лѣтъ двадцати, прекрасная собой, въ клѣтчатой юбкѣ и черномъ бархатномъ корсажѣ, рельефно обрисовывавшемъ ея роскошныя формы, играла на арфѣ и пѣла. Граціозно закинувъ голову за спинку стула и потряхивая своими бѣлокурыми локонами, ниспадавшими на бѣлую шею, пѣвица представляла собой типъ германской красоты, то задумчивой и нѣжной—подъ вліяніемъ поэзіи, то бурной, неукротимой—отъ избытка жизни, пробивавшейся сквозь всю ея наружность. Она пѣла «Das Mädchen aus der Fremde», Шиллера. Меланхолическіе звуки напѣва, выходившіе изъ волновавшейся и полной груди, имѣли обаятельную силу, и когда пѣвица, обративъ свои большіе голубые глаза на звѣздное небо, грустно произнесла первые два стиха втораго куплета:

Sie war nicht in dem Tahl gaboren,
Man wusste nicht woher sie kam,—

у нашего Морица по всему тѣлу пробѣжала легкая дрожь. Прекрасный голосъ проникалъ ему въ душу, а слова, полныя очаровательной тоски, раскрыли передъ нимъ рядъ сценъ изъ его дѣтства на далекой родинѣ, давно изгладившихся изъ его памяти. Наклонивъ голову, онъ жадно впивалъ волшебные звуки, и когда ар-

Digitized by Google

фистка перестала пѣть, онъ все еще прислушивался — не раздастся-ли вновь эта пѣсня, такъ больно ущипнувшая его за сердце и между тѣмъ такъ отрадно повѣявшая на него сладкими воспоминаніями.

Шелестъ платья пробудилъ Морица. Передъ нимъ, съ блюдечкомъ въ рукѣ, стояла арфистка, успѣвшая обойти кругомъ большую часть посѣтителей сада.

— Бѣдной музыкантшѣ! сказала она, съ полувеселой, полугрустной улыбкой.

Морицъ положилъ серебряную монету.

— Постойте! сказалъ онъ, удержавъ за руку пѣвицу, хотѣвшую удалиться.—Не ошибаюсь-ли я? По вашему произношенію я узнаю землячку: я тоже саксонецъ...

— А! произнесла дѣвушка, оскаливъ рядъ жемчужныхъ зубовъ и томно взглянувъ на Морица.—Вы не ошиблись.

— Изъ какого-же вы мѣста? спросилъ Морицъ.

— Изъ Шандау.

— И вы оставили свои великолѣпныя горы, свои виноградники и Эльбу, чтобъ пѣть пѣсни въ *этомъ* саду?

— А вы откуда, guter Herr? спросила арфистка.

— Изъ Лейпцига....

— И вы оставили свой прекрасный „Розенталь“, чтобъ гулять въ *этомъ* саду?

Digitized by Google

— Судьба мужчины!... отвѣчалъ Мориць отрывисто.

— Судьба женщины!... со смѣхомъ возразила пѣвица и порхнула на свое мѣсто. Она одной рукой начала перебирать струны арфы, и опять устремила глаза на вечернее небо.

Мориць стоялъ какъ вкопанный. Онъ не спускалъ глазъ съ арфистки, и сознавался, что еще впервые видитъ столько красоты, силы, жизни, грусти и беззаботности вмѣстѣ.

Еще долго пѣла арфистка; еще долго слушалъ Мориць и ощущалъ удовольствіе, въ которомъ самъ себѣ не могъ дать отчета.

— Что, небось, больно нравится, мусью Сефарди? раздался знакомый голосъ позади Морица.

Онъ оглянулся и увидѣлъ Андрея Щоголя, сидѣвшаго подъ деревомъ на шарманкѣ. Въ то время судьба опредѣлила Андрею быть шарманщикомъ.

— А, Щоголь! сказалъ Мориць:—давно я тебя не видѣлъ...

— Гдѣ вамъ меня видѣть, сударь? вамъ путь, мнѣ другой, отвѣчалъ Щоголь.

— Ну, а какъ живется?

— Ничего; вотъ, слѣлался артистомъ! отвѣчалъ Андрей, ударивъ по шарманкѣ.

Мориць улыбнулся.

— Шесть штукъ, батюшка, играетъ, продолжалъ

Digitized by Google

Андрей:—и все какія штуки! съ варіяціями... Хоть она на шестой-то немножко заикается, да все хлѣбъ даетъ... Хотите послушать?

— Нѣтъ, спасибо, любезный!

— А! вамъ, послѣ залетной канарейки, вѣстимо, не понравится мой струментъ... А славно поетъ эта дѣвка, чертъ возьми!

— Ты слышалъ? спросилъ разсѣянно Моріцъ.

— Еще-бы! отвѣчалъ Щоголь!—ужь другой разъ...

— А развѣ она давно здѣсь?

— Нѣтъ, дня два-три какъ появилась... Ужь такъ поетъ, что мое почтѣніе! такъ Норму и отхватала-бы... Жаль, что не знаю по-нѣмецки, а то, правослово, подошелъ бы, да сказалъ: *ихъ данке, мамзель!* ты поешь очень ферфлюктеръ шварнутъ!...

— Да, она поетъ прекрасно...

— А ужь краля... мимимъ!... сказалъ Андрей, замотавъ головой:—просто роскошь!...

Моріцъ не отвѣчалъ.

— О чемъ говорили вы съ нею, что она такъ бѣгомъ отъ васъ бросилась? спросилъ Андрей.

— Ну, ужь это не твое дѣло, отвѣчалъ Моріцъ.

— Нѣтъ мое... докажу, что мое!...

Моріцъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Щоголя и отошелъ отъ него въ смежную неосвѣщенную аллею.

Digitized by Google

Андрей, повѣсивъ свою шарманку черезъ плечо, послѣдовалъ за нимъ.

Долго разговаривали Морицъ и Щоголь шопотомъ. Подробности ихъ таинственнаго разговора не дошли до насъ: только то достовѣрно, что съ этого вечера уже болѣе не видѣли прекрасной пѣвицы въ Городскомъ Саду.

Прошло нѣсколько недѣль—послѣ описанной нами сцены. Морицъ сидѣлъ вечеромъ въ кабинетѣ у Гольдмана и разсказывалъ какую-то веселую сплетню.

— Вотъ теперь люблю васъ, Сефарди, сказалъ Гольдманъ, который любилъ самъ веселиться и видѣть другихъ веселыми.—Вы теперь на своей дорогѣ. А то, въ послѣдній разъ у меня, вы были несносны съ вашей скукой. Что съ вами было тогда?

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Морицъ.—Проклятая тоска долгое время грызла меня...

— Вамъ тосковать, помилуйте! Когда я былъ въ вашихъ лѣтахъ, я не подозрѣвалъ, даже существуетъ-ли тоска на свѣтѣ.

— Другія времена, другіе нравы, герръ-Гольдманъ.

— Эхъ вы, тридцатилѣтніе старцы! отвѣчалъ Гольдманъ, ударивъ Морица по плечу.—Горько вамъ придется въ шестьдесятъ лѣтъ, если доживете!

— Не браните-же, сказалъ Морицъ, улыбаясь:—вы видите, я теперь веселъ какъ нельзя болѣе.

Digitized by Google

— И прекрасно!... Чѣмъ-же вы избавились отъ своей тоски?

— То тѣмъ, то другимъ...

Морицъ замялся.

— Прошу не лицемѣрить! сказалъ третій собесѣдникъ, молодой мануфактуристъ.—Я знаю, чѣмъ вы излечились.

— Ахъ скажите! произнесъ Морицъ насмѣшливо:— я самъ что-то хорошенько не знаю.

— Частыми поѣздками къ Тираспольской заставѣ, отвѣчалъ тихо мануфактуристъ, устремивъ ироническій взглядъ на Морица.

— Ахъ, злодѣй! вскричалъ Гольдманъ, захохотавъ и схвативъ Морица за руку. — Такъ вотъ оно какъ!... Экой смиренникъ, ха, ха, ха!...

— Пустите, сказалъ Морицъ, вырываясь отъ Гольдмана:—охота вамъ толковать о вздорахъ... Смотрите-ка лучше, какъ докторъ Флаксъ занимаетъ фрейлейнъ Сарру... Она, бѣдная, умретъ со скуки съ этимъ хиноѣдомъ...

Морицъ, сопровождаемый хохотомъ Гольдмана и мануфактуриста, весело выбѣжалъ изъ кабинета въ залъ, гдѣ жена хозяина и нѣсколько гостей мужчинъ и женщинъ играли въ лото. Сарра, сидя возлѣ угольнаго столика, задумчиво облокотилась на него одной рукой, а другою ласкала хорошенькую собачку, которая, стоя на заднихъ лапкахъ, переднія, вмѣстѣ съ своей мохнатой мордой, положила къ своей хозяйкѣ на колѣни.

Digitized by Google

Подлѣ дѣвушки сидѣлъ докторъ Флаксъ, положивъ одну ногу на другую. Безпрестанно складывая руки на груди, или опуская ихъ и бренча часовою цѣпочкой, онъ выказывалъ явное незнаніе, что дѣлать съ своими длинными руками. Докторъ Флаксъ недавно пріѣхалъ изъ Іены и привезъ рекомендательныя письма къ Гольдману, который принялъ его очень радушно, потому что любилъ принимать у себя въ домѣ образованныхъ людей, въ особенности изъ своихъ единовѣрцевъ. Молодой докторъ былъ не глупъ и не бѣденъ; но его бѣлокурая и худощавая наружность не могла обратить на себя ничьего вниманія, хотя и выказывала, что онъ много учился и размышлялъ. Прибывъ изъ Германіи въ новую сферу, между другихъ людей, съ другими понятіями и обычаями, докторъ Флаксъ, отъ природы вовсе не свѣтскій человѣкъ, еще болѣе обнаруживалъ свою неловкость въ домѣ Гольдмана, гдѣ веселый тонъ и толки о пустякахъ были въ большомъ ходу. Не имѣя еще никакихъ знакомствъ, молодой докторъ почти каждый вечеръ бывалъ у Гольдмана, гдѣ самъ скучалъ и наводилъ скуку на другихъ.

— О чемъ у васъ такой интересный разговоръ? спросилъ, лукаво улыбаясь, Моритъ, остановясь предъ Саррой и докторомъ.

Сарра громко засмѣялась, а докторъ покраснѣлъ до ушей.

— Докторъ хотѣлъ разсказать о своихъ поэтичес-

Digitized by Google

кихъ путешествіяхъ по Рейну, сказала Сарра:—а вы перебили.

О, сдѣлайте одолженіе, докторъ! возразилъ Моритцъ, сѣвъ противъ него и Сарры.—Рейнъ мнѣ тоже сродни немного.

— Рейнъ... да... Ахъ, Рейнъ!... пробормоталъ докторъ.

— И вы долго скитались по Рейну? спросила Сарра.

— То-есть не по Рейну, а около него, отвѣчалъ докторъ.—Нѣсколько недѣль я ботанизировалъ, съ котомкой на плечахъ и гербаріумомъ подъ мышкой.

— Какъ это должно быть пріятно! сказалъ Моритцъ, покачиваясь на стулѣ.

— Все наше прошедшее должно намъ быть пріятно, если оно насъ ни въ чемъ не упрекаетъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ докторъ, вошедшій въ свою колею.—Тѣмъ болѣе, если мы его употребили для пользы науки и человѣчества.

Моритцъ зѣвнулъ и, закрывъ ротъ рукой, поглядѣлъ на потолокъ.

— И вы, вѣрно, обогатились свѣдѣніями? спросила Сарра, изъ сожалѣнія къ доктору желавшая продолжать разговоръ.

— Я еще очень бѣденъ ими, фрейлейнъ, отвѣчалъ докторъ съ скромностью.—Но если мы вѣримъ, что въ природѣ нѣтъ ничего лишняго и негоднаго, и что такъ же почтенъ труженикъ, добывающійся жизни въ полипѣ,

Digitized by Google

какъ и тотъ, который заботится о вѣнцѣ созданія—о человѣкѣ, то я сдѣлалъ довольно пока...

— Что-жеРейнъ-то? спросилъ Морицъ.

— Я напечаталъ въ Магдебургѣ „Прирейнскую флору", отвѣчалъ докторъ:—со многими новыми взглядами и замѣчаніями... и... и... получилъ благодарственный адресъ отъ двухъ нѣмецкихъ университетовъ...

Докторъ покраснѣлъ.

— Очень похвально! возразилъ Морицъ.—Я самъ, при выпускѣ, напечаталъ въ Лейпцигѣ брошюру о буквахъ SS и SZ, за которую не выручилъ ни полталера; но это не помѣшало мнѣ отвѣдать прекрасныхъ форелей въ Пильнитцѣ; а вы изъ своихъ рейнскихъ воспоминаній только и знаете, что флору... Нельзя-ли намъ чего-нибудь поинтереснѣе, докторъ?

Докторъ опять смѣшался и покраснѣлъ. Онъ видѣлъ себя уничтоженнымъ этимъ красивымъ и ловкимъ франтомъ, который своею болтовнею сбивалъ его съ толку не въ первый разъ. Онъ негодовалъ на самого себя, зачѣмъ, въ кругу свѣтскихъ людей, ему такъ неловко и вѣчно приходиться, либо молчать, либо говорить о предметахъ, не для всѣхъ интересныхъ.

— Повѣрьте... повѣрьте... произнесъ, заикаясь, докторъ: —все въ природѣ интересно! Надобно только проникнуться любовью къ ней и захотѣть читать ея страницы. Все, что живетъ въ насъ—живетъ внѣ насъ,—другими словами: наша видимая индивидуальность...

Digitized by Google

„О, Боже!“ подумалъ докторъ, самъ испугавшись: „опять ученая фраза... О, наука, ты меня губишь!...“ и его вытянутыя впередъ ноги съ такою силой поджались подъ стулъ, что обѣ штрипки узкихъ его панталонъ лопнули въ одно время, какъ-будто по единодушному заговору.

Сарра сжала свои полныя губки, чтобъ не разсмѣяться.

— Да! сказалъ съ притворною серьезностью Моритъ, вставая со стула:—индивидуальность вещь очень замѣчательная... Съ вами, докторъ, не чувствуешь, какъ время летитъ...

Бѣдный докторъ сложилъ руки на колѣняхъ и устремилъ умоляющій взоръ на Сарру.

— Выручайте Флакса! вскричалъ хохотавшій Моритъ, вошедши въ другую комнату, гдѣ хозяинъ и нѣкоторые гости садились за карты.—Онъ сѣлъ на мель: надо его поднять на буксиръ!

— Что такое? спросилъ Гольдманъ.

— Доктора, доктора, говорю я, выручайте! Съ нимъ случилось обстоятельство, которое будетъ его держать подъ арестомъ на стулѣ, если вы не отзовете какъ-нибудь вашей дочери.

Моритъ разсказалъ всю сцену съ докторомъ и катастрофу съ его панталонными штрипками. Гости хохотали.

— Вы все смѣетесь надъ докторомъ, злой Моритъ! сказалъ Гольдманъ:—а вѣдь онъ прекрасный, преуче-

Digitized by Google

нѣйшій человѣкъ... Онъ происходитъ отъ весьма древней фамиліи...

— Мы всѣ, кажется, не вчерашніе, замѣтилъ Моринъ.

— Нѣтъ, не то! возразилъ Гольдманъ: — я хотѣлъ сказать, что его фамилія извѣстна учеными людьми. Онъ потомокъ знаменитаго Беньямина-де-Тудела и близкій родственникъ ученаго доктора Акса, проповѣдника Кельнской синагоги.

— Аксъ и Флаксъ — богатѣйшая рима, сказалъ Моринъ:—но, несмотря на то, Аксъ можетъ быть ученымъ и умнымъ человѣкомъ, а Флаксъ — увы! — набитымъ дура-комъ...

— Ну, прикусите свой злой языкъ! отвѣчалъ Гольдманъ.—Возьмите-ка лучше карту.

— Не могу, сказалъ Моринъ, поглядѣвъ на свои часы.

— Это что за новость?

— Не могу: я долженъ уѣхать сейчасъ.

— Вѣрно къ Тираспольской заставѣ? спросилъ молодой мануфактуристъ.

— Думайте, какъ хотите, отвѣчалъ Моринъ и ушелъ пожелать добраго вечера хозяйкѣ и Саррѣ.

— Такъ скоро, герръ-Сефарди? сказала послѣдняя, подавая ему руку на прощаньи.

— Необходимость, фрейлейнъ...

— Вамъ вѣрно скучно у насъ?

Digitized by Google

— О! отвѣчалъ Морицъ, съ нѣжностію посмотрѣвъ на дѣвушку и наговоривъ ей кучу комплиментовъ, которые обыкновенно всѣ на одну стать и которыхъ здѣсь повторять не для чего.

„Злодѣйка! подумалъ Морицъ, садясь на дрожки: „упрекаетъ“ зачѣмъ такъ скоро... О, погоди, Сарра! твой я буду на всегда, а теперь еще надо пошалить...“

ГЛАВА XI.

герой въ своемъ зенитѣ.

На самомъ краю города, можетъ-быть, и не далеко отъ Тираспольской заставы, навѣрное не знаемъ, стоялъ чистенькій домикъ, осѣненный двумя густо-разросшимися акаціями. Къ этому домику подъѣхалъ Морицъ. Онъ пробѣжалъ переднія двѣ комнаты, слабо освѣщенныя, но меблированныя отлично, и взошелъ въ третью, гдѣ знакомая намъ красавица-арфистка, въ щегольскомъ неглиже и гарусныхъ туфляхъ съ огромными кистями, полулежала на модной кушеткѣ и разговаривала съ старой служанкой, стоявшей у рѣшетки камина.

— Ахъ, мой Морицъ,! вскричала арфистка, вскочивъ съ кушетки и съ горячностью обнявъ вошедшаго Морица.—Ты меня вѣчно мучишь... я умираю въ ожиданіи тебя...

Служанка тихонько вышла изъ комнаты.

— Минхенъ! сказалъ Морицъ, цалуя арфистку въ

Digitized by Google

очаровательное круглое плечо, которое своею бѣлизной затемняло матовый свѣтъ горѣвшей лампы. — Добрый вечеръ, Минхенъ! Какъ ты восхитительна сегодня!...

— Я-бъ желала превзойти красотой всѣхъ женщинъ въ мірѣ, чтобъ вѣчно тебѣ нравиться, мой Морицъ!

— Ну, чтожъ-ты подѣлываешь, соловей мой?

— Теперь, съ тобою — блаженствую, безъ тебя — умираю...

Поцалуй въ горячія губы Вильгельмины былъ отвѣтомъ Морица.

— И ты, не добрый, навѣщаешь меня такъ рѣдко! сказала Вильгельмина, разглаживая волосы Морица.

— Такъ рѣдко! отвѣчалъ со смѣхомъ Морицъ.— Четыре раза въ недѣлю у тебя значитъ рѣдко!

— Сто четыре! тысячу-четыре раза.. вѣчно съ тобой, вотъ чего я хочу!

— Дитя! я принадлежу торговлѣ... прежде всего дѣла, а потомъ отдыхъ и наслажденіе.

— Дѣла...несносный!

— А если-бъ не дѣла, Вильгельмина, то пришлось бы плохо жить, сказалъ Морицъ, съ улыбкой осмотрѣвъ роскошный будуаръ и потомъ значительно уставивъ глаза на Вильгельмину.

— Ахъ, ты правъ, мой милый другъ! отвѣчала Минхенъ.—Все *это*—дѣло трудовъ твоихъ. Я глупа:

Digitized by Google

у меня въ головѣ только ты, да пѣсни моей родины... а на тебѣ лежатъ другія заботы.

Она задумчиво склонила голову на плечо Морица.

— Спой что-нибудь, Минхенъ, сказалъ Морицъ.— Только сядь подальше... противъ меня... такъ! чтобъ я могъ любоваться тобой.

Вильгельмина взяла нѣсколько аккордовъ на арфѣ и потомъ своимъ прекраснымъ голосомъ запѣла: „Die Erwartung“.

Страстно лились звуки изъ груди арфистки; въ ея щекахъ горѣлъ пламень неукротимой любви, а ея глаза, полные томной негги, то закрывались, то открывались, пронзая насквозь сердце Морица, который трепеталъ отъ удовольствія, еще имъ никогда неизвѣданнаго.

— Очаровательно! воскликнулъ Морицъ, когда пѣвица кончила.—Но знаешь-ли, Минхенъ, что мнѣ вздумалось?... Только обѣщай, что исполнишь...

Морицъ съ горячностью цаловалъ ее въ глаза.

— Все, что угодно, Морицъ.

— Одѣнься такъ, какъ ты была одѣта, когда я тебя увидѣлъ въ первый разъ, и спой ту самую пѣсню... Тотъ вечеръ такъ глубоко врѣзался мнѣ въ душу!... Я желалъ-бы, чтобъ онъ повторялся до безконечности...

— Могу-ль отказать тебѣ, когда съ того вечера началось мое счастье!... Выйди въ другую комнату, чтобъ не повредить эффекту, прибавила Минхенъ смѣясь... Я переодѣнусь и дамъ сигналъ на арфѣ.

Digitized by Google

Мориц весело выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и, въ ожиданіи сигнала, остановился передъ огромнымъ зеркаломъ любоваться своею прекрасною, мужественною наружностью, которая разставшись съ своимъ вѣчно-серьезнымъ выраженіемъ и принявъ выраженіе беззаботной веселости, казалась еще прекраснѣй.

„Что бы подумалъ торговый міръ“, сказалъ самъ себѣ Мориц улыбаясь: „если-бы увидѣлъ, какъ дурачится этотъ суровый маклеръ, у котораго на языкѣ только и вертится что: биржа, фрахтъ, грузъ, почта, qualité, quantité, consommation, et cetera, et cetera?.. Впрочемъ, такъ и быть должно!... Только теперь узналъ я настоящую тайну счастливой жизни... Дѣятельность, *блескъ*, удовольствіе и...

Раздался аккордъ и Мориц поспѣшилъ въ будуаръ.

Въ слабо-освѣщенномъ углу будуара, гдѣ въ красивыхъ зеленыхъ кадкахъ стояло нѣсколько южныхъ деревъ, сидѣла Вильгельмина, одѣтая въ свою клѣтчатую юбку и черный корсажъ. Зелень невысокихъ но густыхъ деревъ, изъ которой граціозно свѣсились маленькіе персики и блѣдные тонкокожіе лимоны, составляла самую роскошную драпировку для красавицы, которая выпукло рисовалась, какъ античная статуя нимфы, скрывающейся въ кустахъ. Мориц обомлѣлъ, при видѣ этого искусно-разсчитаннаго положенія Вильгельмины, и

Digitized by Google

почти въ изнеможеніи упалъ въ кресла, не спуская пожирающихъ глазъ съ своей очаровательницы.

— О! вскричалъ онъ: — ты изъ истукана можешь сдѣлать поэта!

Комната огласилась мелодіею пѣсни: „Дѣвушка изъ Чужбины“. То страстно, ослѣпляя Морица огнемъ своихъ глазъ, Минхенъ выражала красоту чудной дѣвушки, неизвѣстно откуда пришедшей; то съ глубокою грустью, почти со слезами на рѣсницахъ, пѣла она о цвѣтахъ и плодахъ, созрѣвшихъ подъ другимъ солнцемъ, взлелѣянныхъ другою природой; то, наконецъ, восторженно подражала она величію незнакомки, одарявшей и юношу, и старца. Пѣвица, во что бы то ни стало, хотѣла, какъ можно болѣе, приблизиться къ поэтическому образу, набросанному знаменитымъ поэтомъ, и совершенно въ этомъ успѣла, потому что когда, кончивъ пѣснь, она весело подбѣжала къ Морицу, съ протянутой рукой, ему казалось, что передъ нимъ именно предстала та неземная гостья, которая надѣляла бѣдныхъ жителей долины.

— Бѣдной музыкантшѣ, Guter Herr! произнесла Минхенъ съ дѣтскимъ хохотомъ, держа передъ Морицомъ блюдечко.

— О, шалунья, ты ничего не забыла! отвѣчалъ Морицъ, вынувъ изъ кармана маленькій красивый футляръ и бросивъ его на блюдечко.

Digitized by Google

Богатый брилліантовый фермуаръ брызгалъ искрами во всѣ стороны.

— Зачѣмъ это, Морицъ? сказала Минхенъ, стараясь скрыть восторгъ, пробужденный въ ней фермуаромъ. Ты въ короткое время истратилъ такъ много на меня...

— И все это не стоитъ и одного твоего взгляда.

— Зачѣмъ, Морицъ? одна твоя любовь... болѣе мнѣ ничего не нужно...

Она упала къ нему на шею, и оба забылись въ долгомъ поцалуѣ. Это былъ не тотъ поцалуй, который кончается механическимъ пошлымъ звукомъ, а поцалуй медленный, мягкій, слабый, при которомъ дыханіе смѣшивается, полуоткрытыя уста дрожатъ и чуть касаются другъ друга и, послѣ упоительнаго наслажденія, отнимаются тихо, расширенные зрачки издаютъ ослѣпительный блескъ, а изъ груди вылетаетъ вздохъ, какъ будто перерванный по-поламъ...

Морицъ полулежалъ на софѣ, съ которой Минхенъ тихо спустилась и сѣла на низенькій табуретъ у ногъ своего любовника, положивъ подбородокъ къ нему на колѣни и глядя ему въ глаза съ видомъ безпредѣльной преданности.

— Какъ ты хорошъ! сказала Минхенъ почти шопотомъ.

Морицъ гладилъ ее по головѣ.

— Какъ ты силенъ, какъ ты щедръ! продолжала Минхенъ.

Digitized by Google

— Но, вѣрно, глупъ, сказалъ Морицъ.—Говорятъ, дураки очень нравятся женщинамъ...

— Нѣтъ, отвѣчала Минхенъ, замотавъ своею прекрасной головкой: — не вѣрь. Будь ты глупъ, я-бъ и смотрѣть на тебя не хотѣла.

— Не взирая на мои дорогіе подарки?

— Не взирая ни на что!

— А признайся, Минхенъ, я тебя не слишкомъ понравился въ первый разъ въ Казенномъ Саду?

— Да. Ты меня упрекалъ, зачѣмъ оставила я мою родину, какъ будто я виновата, что бѣдность бросила меня въ скитальческую жизнь!

— Надобно-же было начать съ тобой разговоръ съ чего-нибудь...

— Можно было начать немного полюбезнѣй, сказала Минхенъ, грозя Морицу пальцемъ.

— Я былъ тогда скученъ, и мнѣ очень хотѣлось распечь кого-нибудь.

— И жребій палъ на бѣдную арфистку!

— А развѣ я не загладилъ перваго проступка?

— Болѣе чѣмъ загладилъ, Морицъ! ты пересоздалъ мою судьбу. Я и мечтать не смѣла о такой роскоши, о такомъ гардеробѣ, о столькихъ перстняхъ и фермуарахъ... Могла-ли я когда-нибудь надѣяться на это, я, бѣдная арфистка, которая своими пѣснями едва-едва вырабатывала хлѣбъ насущный!

Морицъ блаженствовалъ. Онъ купилъ жертву за

Digitized by Google

деньги, и жертва сама сознавалась, что за нее хорошо заплачено.

— Теперь я ни о чемъ не думаю, продолжала Минхенъ:—я даже послала деньги роднымъ домой... У меня деньги!—ахъ, Боже мой! кто-бы этому повѣрилъ?

Минхенъ вскочила и какъ шаловливый ребенокъ начала прыгать по комнатѣ.

— Значитъ, ты сознаешься, что деньги: великое дѣло? спросилъ Моритъ.

— Какой же сумасшедшій станетъ спорить въ этомъ? сказала Минхенъ, остановившись среди комнаты.

— Ты же, помнится, сначала толковала о поэзіи...

— По неволѣ, мой милый Моритъ... Для моего утѣшенія ничего другого не было. Теперь, когда я узнала *вкусъ* въ деньгахъ, я узнала три великія истины.

— Какія, Минхенъ?

— Поэзія съ деньгами—прекраснѣйшая вещь въ мірѣ; деньги безъ поэзіи—тоже вещь не послѣдняя; но поэзія безъ денегъ—чепуха ужасная.

— Ого-го, Минхенъ, такъ скоро? сказалъ Моритъ, засмѣявшись.

Минхенъ сама почувствовала, что слишкомъ далеко зашла.

— Не слушай меня: я глупа!... сказала она.

— Значитъ, если-бъ не мои деньги, не сидѣть бы мнѣ никогда такъ съ тобой, какъ теперь?

Digitized by Google

— Не слушай меня, говорятъ тебѣ! отвѣчала Минхенъ, зажавъ ему ротъ рукой.

— Нѣтъ... отвѣчай-же на мой вопросъ!

— Неблагодарный! сказала Минхенъ надувшись.— Что за пытка такая?

— Да я хочу знать...

— Я люблю,—тебя,—тебя,—тебя.—тебя, а не твои дѣньги... не твои подарки:.. тебя — мой безцѣнный, мой единственный! продолжала она, осыпая его поцалуями.—Тебя одного!...

Она опустилась на табуретъ и опять положила голову къ Морицу на колѣни.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

Морицъ тихо поднялъ Вильгельмину за голову и увидѣлъ, что глаза ея были заплаканы.

— Какъ тебѣ не стыдно? сказалъ онъ съ нѣжностью.—О чемъ ты плачешь?

Минхенъ, молча, сняла съ себя перстни и браслеты, взяла со стола новый подарокъ Морица, завязала все это въ платокъ и подала Морицу.

— На возьми все, сказала она.—Отдай, кому хочешь: мнѣ ничего не нужно, кромѣ тебя одного.

— Прости меня, дитя мое! сказалъ растроганный Морицъ.—Прости, не буду.

— То-то! отвѣчала Минхенъ, лаская его за подбородокъ и играя его красивыми мягкими усами.—

Digitized by Google

Ты вздумалъ сомнѣваться! Я за тебя умереть готова въ жесточайшихъ мукахъ, за тебя одного, Морицъ...

— Вѣрю, вѣрю!... сказалъ Морицъ.—Ну, оставимъ упреки для другихъ, а мы будемъ рвать цвѣты любви, пока не надоѣли другъ другу... Ахъ, какъ съ тобой время летитъ, Вильгельмина! прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на часы.

— Спрячь, спрячь... что за часы? вскричала развеселившаяся Минхенъ, съ милою кокетливостью ударяя Морица по рукѣ.—Они вѣчно мѣшаютъ мнѣ блаженствовать, эти гадкіе часы! выбрось ихъ!...

— Зачѣмъ выбрасывать? отвѣчалъ смѣясь Морицъ. —Это дорогой полухронометръ.

— Ну его! онъ отнимаетъ тебя у меня...

— Кстати, прервалъ Морицъ: у тебя, кажется, нѣтъ карманныхъ часовъ?

— Нѣтъ! а что-жъ такое?

Надо купить. Я сегодня видѣлъ премиленькіе въ одномъ магазинѣ...

— Вотъ еще! я и такъ разорю тебя.

— Не бойся, не разоришь. Благодаря судьбѣ, каждый день даетъ мнѣ прибыль.

— Чѣмъ ты занимаешься, Морицъ, что такъ богатѣешь?

— Это не твое дѣло, мой ангелъ!... Мои занятія трудны и сухи: ты ихъ не поймешь и понимать тебѣ не для-чего.

Digitized by Google

— Я-жъ тебѣ сказала, что я дура, отвѣчала Минхенъ:—болтаю, что ни вздумается, а болѣе для того, чтобъ подольше тебя удержать у себя.

Любовники подсѣли къ приготовленному въ другой комнатѣ ужину, впродолженіи котораго Минхенъ безпрестанно то пѣла, то болтала. Морицъ былъ счастливъ, именно настолько, насколько можетъ быть счастливъ человѣкъ въ его возрастѣ, за вкуснымъ ужиномъ, приправленнымъ хорошимъ виномъ, и tête-à-tête съ прекрасной, веселой, шаловливой, капризной женщиной...

— Пора! сказалъ Морицъ, вырываясь изъ объятій Вильгельмины:—пора домой, хоть мнѣ и самому не хочется уѣхать отсюда: тутъ такъ уютно, тутъ живетъ такая прелесть!

Онъ напечатлѣлъ прощальный поцалуй на устахъ Вильгельмины.

— Когда-же... Морицъ? спросила она, повиснувъ ему на шеѣ, когда онъ уже стоялъ у дверей.

— Разумѣется, во вторникъ...

— Ахъ, какъ долго ждать! сказала Минхенъ, обнявъ талію Морица обѣими руками и цалуя его въ грудь, которая просвѣчивалась сквозь тонкую рубашку.—Какъ долго ждать!... Пріѣзжай-же хоть пораньше: каждая лишняя минута для меня вѣкъ счастья... А... а... ахъ, Боже мой! какая я балованная!... А... а часы тѣ очень дорогіе, Морицъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не слишкомъ.

— И вѣрно съ эмалью?

— А вотъ привезу — увидишь...

На востокѣ показалась чуть-замѣтная бѣлая полоса, когда Моринъ пріѣхалъ къ себѣ домой.

„Удивительная женщина," думалъ Моринъ, проснувшись на другое утро въ девять часовъ и потягиваясь на постели. „Какъ пріятно обладать такой красавицей!... Ужъ *они* узнали, что я часто ѣзжу къ Тираспольской Заставѣ... тѣмъ лучше: пусть ихъ завидуютъ мнѣ. А что-бъ еще сказали они, еслибъ видѣли ее? еслибъ были при томъ, какъ эта роскошная красавица, съ виду такая гордая и насмѣшливая, лежитъ у ногъ моихъ, явно сознаетъ мое превосходство, живетъ и дышетъ мною? Чортъ возьми! ужасныя глупости толкуютъ люди. Съ чего взяли они, что любовь держитъ насъ въ оковахъ? что мы въ зависимости отъ любимой женщины?... О, нѣтъ: въ такой любви нѣтъ блаженства... Видѣть женщину на колѣняхъ предъ собой, однимъ взглядомъ вызывать у нея то слезы, то радость... заставить ее забыть себя для своего *господина*... ну, да... господина!... имѣть такую прелестную рабу, которая даритъ тебѣ бездну наслажденій и вмѣстѣ-съ-тѣмъ съ трепетомъ глядитъ тебѣ въ глаза, какъ-будто сознаваясь, что ты гораздо большаго стоишь... О, это вполнѣ достойно мужчины! это — можно назвать счастьемъ!... Жаль, что посторонніе не

Digitized by Google

могутъ присутствовать при этомъ,—тогда это счастье могло-бы получить двойную цѣну. Какъ-бы хорошо было показать хоть одному изъ этихъ хвастуновъ, какое различіе между ихъ унизительною любовью и любовью моею! Впрочемъ... люблю-ли я въ-самомъ-дѣлѣ Вильгельмину? кажется... да: мнѣ такъ хорошо съ нею!..."

— Господинъ Дубковъ желаетъ съ вами поговорить, сказалъ слуга, прервавъ мечтанія Морица.

— Проси, отвѣчалъ Морицъ.

— Ахъ вы, баловникъ! сказалъ вошедшій Дубковъ:—можно-ли такъ поздно валяться въ постели?

— Разъ въ жизни вамъ удалось встать раньше меня, и вы ужъ рады меня попрекнуть, отвѣчалъ Морицъ, смѣясь.

— Какой разъ въ жизни!... Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ у васъ завелись какіе-то привилегированные дни, въ которые встаете позже всѣхъ... Гдѣ ваши сигары?

— Поищите—найдете... Такъ вы замѣчаете дни, мсье Дубковъ?

— Какъ же не замѣчать! отвѣчалъ Дубковъ, закуривъ сигару и сѣвъ у постели Морица.—Развѣ отъ нашего брата скроется что-нибудь? Вы сами принадлежите къ нашему штандарту и знаете это очень хорошо.

— Мнѣ до другихъ дѣла нѣтъ...

Digitized by Google

— О, я думаю!

— Ну, что-жъ вы замѣтили такое?

— Мало-ли чего!... Вы, напримѣръ, покупаете часто фермуары, торгуете дамскіе часы... исчезаете иногда, Богъ вѣсть, куда...

„Пусть ихъ лопаются съ досады,“ подумалъ Моpицъ: „это имѣетъ свою пріятность.“

— Что-жъ еще, мсье Дубковъ?

— Пока довольно.... Есть надежда, что вы когда-нибудь провалитесь.

— А вамъ бы ужасно хотѣлось, чтобъ я разорился? спросилъ Моpицъ, зѣвая.

— Еще-бы не хотѣть.... отвѣчалъ равнодушно Дубковъ.

— Хорошъ молодецъ, нечего сказать!

— Какъ аукнется, такъ и откликнется, мсье Сефарди.

— Что вы, ссориться ко мнѣ пришли, что-ли? вскричалъ весело Моpицъ, вскочивъ съ постели.—Изволь, я готовъ!

— Такіе люди, какъ мы съ вами, никогда не ссорятся, отвѣчалъ Дубковъ.

— То-то и есть.... Что-жъ вамъ угодно?

— Разумѣется, дѣло есть....

— Говорите-же.

— Извольте! отвѣчалъ Дубковъ, заботливо притворивъ дверь и понизивъ голосъ.—Одинъ мой зна-

Digitized by Google

коный купецъ теперь въ критическихъ обстоятельствахъ.... Вы знаете истинное значеніе этихъ двухъ словъ?

— Кандидатъ въ банкррр....

— Тсъ!... почти.... У него есть большой грузъ сахару, который онъ продаетъ за безцѣнокъ....

Дубковъ шепнулъ Морицу на ухо цѣну. Тотъ ужаснулся.

— Да это дешевле гороху! вскричалъ Морицъ.

— Именно, mon cher ami.... Тутъ, кромѣ куртажа, можно заработать хорошую деньгу: стоитъ прибавить что-нибудь къ цѣнѣ, — и тогда еще будетъ очень дешево.... Сдѣлки не нужно: товаръ готовъ на рейдѣ. Продавецъ отдастъ коносаменты и получитъ деньги, не зная истинной цѣны.

— Да, это не дурно.

— Вы же спросите: зачѣмъ обратился я къ вамъ, мсье Сефарди....

— Parbleu, какъ вы умны, Дубковъ! вы сорвали у меня вопросъ съ языка.

Дубковъ засмѣялся.

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека, сказалъ онъ.—А вотъ отчего обратился къ вамъ. По большей части мои знакомые *дома* — кредиторы продавца. Еслибъ я обратился къ кому-нибудь изъ нихъ съ такой цѣной, тотчасъ явились-бы подозрѣнія, и бѣднякъ попался-бы въ ловушку.... Штиру онъ не долженъ ни копѣйки, а къ Штиру, признаться, я не имѣю счастья....

Digitized by Google

Мориц улыбнулся.

— Вы его такъ опутали, продолжалъ Дубковъ:— что другого маклера онъ слушать не хочетъ, еслибъ тотъ ему даже предлагалъ боченокъ карбованцевъ за полуимперіалъ... Вотъ, я, радъ-не-радъ, а долженъ прибѣгнуть къ вамъ: я имѣю продавца, вы—покупщика... барышъ и куртажъ пополамъ.

—Ainsi soit il! отвѣчалъ весело Мориц, ударивъ Дубкова по плечу.—Сейчасъ ѣду къ Штиру!

„Выживу тебя, бестію, отъ Штира," думалъ Дубковъ, уходя отъ Морица. „Небось и къ тебѣ дойдетъ горькая чаша.... Давно острю я зубы на тебя, голубчикъ: теперь, кажется, услужу службу...."

ГЛАВА XII.

Патетическая сцена, за которую автору непремѣнно достанется.

Дубковъ дожидался въ казино Морица, который вскорѣ пріѣхалъ туда отъ Штира.

— Беретъ! сказалъ Мориц Дубкову на ухо:—и даже очень радъ: *наша* цѣна показалась ему невѣроятно дешевою; жаль, можно было еще кое-что натянуть... Впрочемъ, теперь пропало. Отправляйтесь за коносаментами.

— Сію минуту, отвѣчалъ Дубковъ.—Ждите здѣсь. Можетъ-быть, я не скоро отыщу нашего продавца: ему

Digitized by Google

не сидится на одномъ мѣстѣ... только ужъ вы ждите...

Дубковъ уѣхалъ, но не отыскивать продавца, а прямо въ контору Штира.

— Что хорошаго? спросилъ вошедшаго Дубкова Густавъ Штиръ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ.

— Не купите-ли...

— Ничего не покупаю, отвѣчалъ Штиръ, не давъ маклеру кончить: вѣдь вы знаете — у меня *свой* маклеръ.

— Да выслушайте-же, сказалъ Дубковъ, рѣшившись ни-за-что не отстать.

— Мнѣ слушать некогда: я отправляю почту.

— Одно слово, мсье Штиръ!

— Ахъ, Боже мой!... Ну, говорите-же скорѣй...

— Не купите-ли грузъ сахару?... просто безцѣнокъ.

— То-то грузъ сахару! отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Густавъ, взявшись за перо. — Говорилъ же я вамъ снова, что у меня свой маклеръ... Далеко вамъ до Сефарди: онъ предупредилъ васъ...

— То-есть въ чемъ, мсье Штиръ?

— Ахъ, отвяжитесь, ради Бога!... Ужъ я купилъ черезъ него этотъ сахаръ...

— Не можетъ быть: онъ обманулъ васъ... Вотъ коносаменты!

Штиръ съ недоумѣніемъ взглянулъ на Дубкова.

— Я что-то не понимаю васъ, Дубковъ, сказалъ онъ.

Digitized by Google

— А вотъ скоро поймете. Скажите, почомъ онъ вамъ продалъ?

Густавъ объявилъ цѣну.

— Бездѣльникъ! воскликнулъ Дубковъ:—онъ низко обманулъ васъ. Продавецъ объявилъ цѣну полтиной дешевле... улика на лицо: берите коносаменты за цѣну, которую я вамъ предлагаю. Сефарди хотѣлъ воспользоваться дешевизной, и натянулъ для себя излишекъ, который, въ общемъ итогѣ, составляетъ значительную сумму.

— Быть не можетъ! вскричалъ огорченный Густавъ.

— Кажется, ясно.... отвѣчалъ Дубковъ, протянувъ руку съ коносаментами.

Штиръ въ волненіи нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Дубковъ торжествовалъ: онъ на-славу поддѣлъ Морица. Вмѣсто того, чтобъ дѣлиться съ нимъ излишкомъ и куртажемъ, онъ теперь одинъ получитъ и то и другое. Хотя съ перваго онъ долженъ былъ сбавить немного, чтобъ показать Штиру разницу въ своей цѣнѣ передъ цѣной Морица, однако и за тѣмъ еще излишку оставалось болѣе, чѣмъ пришлось-бы на часть Дубкова, еслибъ онъ не измѣнилъ предположенію, начертанному вмѣстѣ съ Морицомъ. У Дубкова, какъ у маклера довольно опытнаго и искуснаго въ счетныхъ выкладкахъ, тотчасъ въ головѣ мелькнула почтенная цифра заработка, не считая уже той отрадной выгоды,

Digitized by Google

что Штиръ можетъ возненавидѣть Морица, отказать ему отъ своего дома и, на мѣсто его, сблизиться съ Дубковымъ: это тоже стоитъ хорошаго куша. Дубковъ дѣйствительно не обманулся въ своихъ предположеніяхъ.

— Хорошо, мсье Дубковъ, сказалъ Штиръ, остановившись передъ нимъ и взявъ у него изъ рукъ коносаменты: — я беру *черезъ васъ* сахаръ,.. Получайте деньги. Благодарю васъ! Вижу, вы честный человѣкъ... Сефарди потерялъ мой домъ на-всегда. На зло ему, я отнынѣ всѣ мои дѣла поручаю вамъ.

Дубковъ почтительно поклонился, пожалъ съ горячностью руку, поданную Густавомъ, и вышелъ.

Когда Дубковъ проѣхался мимо казино и увидѣлъ Морица, стоявшаго у открытаго окна и дѣлавшаго ему какіе-то знаки, онъ махнулъ рукой, проговоривъ про себя: „Насолилъ я тебѣ порядкомъ, бестія ты эдакая!... Жди, жди... я разсчитаюсь съ моимъ продавцомъ, отправлюсь отвѣдать свѣжихъ устрицъ, а потомъ за городъ поохотиться за воронами, а ты жди, дружокъ...“

Около полудня Штиръ пріѣхалъ въ казино и, увидѣвъ Морица, шедшаго къ нему на встрѣчу, съ пренебреженіемъ отворотился.

— Ты чѣмъ-то недоволенъ, Густавъ? спросилъ удивленный Морицъ.

Густавъ остановился, и измѣрилъ его глазами съ головы до ногъ.

— Я для *васъ* не „ты“ и не „Густавъ“, ми-

Digitized by Google

лостивый государь! произнесъ онъ съ холодною гордостью.— Оставьте меня въ покоѣ: отнынѣ у насъ нѣтъ ничего общаго съ вами.

„Штуки Дубкова“, подумалъ Моринъ, который, хотя и не могъ знать всѣхъ подробностей, однако тотчасъ догадался, что Дубковъ ухитрился какъ-нибудь продать ихъ тайну съ выгодой для себя. „Я далъ жестокій промахъ, повѣривъ этому мерзавцу. Нечего дѣлать: съ Штиромъ теперь у насъ кончено! Спасибо, что это случилось теперь; а не года за два назадъ: тогда это могло-бъ мнѣ страшно повредить, а при теперешнемъ моемъ состояніи—потеря не велика...“

Но, не смотря на эти утѣшенія, Моринъ былъ не въ духѣ весь день. Ему было неловко показаться въ казино, гдѣ онъ могъ встрѣтить холодный упрекъ во взорѣ Густава, или, еще хуже, убійственную насмѣшку въ лицѣ Дубкова. Съ самаго начала своей дѣятельности, Моринъ привыкъ разбивать другихъ и встрѣчать взгляды ненависти, огорченія, на что онъ не удостоивалъ обращать вниманія; но теперь *его* разбили, и кто? какой-нибудь Дубковъ, котораго онъ ставилъ ни во грошъ. Это былъ сильный ударъ его безмѣрному самолюбію.

„Чортъ возьми!“ думалъ Моринъ: „придется скучно провести этотъ вечеръ... Въ казино не пойду... къ Гольдманамъ тоже неловко: только вчера былъ,—къ тому-жъ я этого Флакса что-то терпѣть не могу... Спектакля,

Digitized by Google

какъ на зло, нѣтъ!... Куда-нибудь въ другое мѣсто, наткнешься на этого проклятаго Дубкова съ голубымъ шарфомъ и бѣлыми зубами... или на Штира, который надулся какъ громовая туча... Думалъ-ли я о такомъ скверномъ днѣ, когда проснулся сегодня утромъ и мечталъ о Вильгельминѣ!... Ба! чудесно!... Куплю часы, и поѣду на весь вечеръ къ Вильгельминѣ. Хоть сегодня не *ея* день, но она изнываетъ, бѣдняжка, безъ меня... Вотъ сюрпризъ-то будетъ для шалуньи!... и самъ развеселюсь..."

Морицъ купилъ часы, окончилъ въ своей конторѣ нѣкоторыя дѣла, отдалъ приказанія своимъ помощникамъ, погулялъ немного на берегу морскомъ и, когда совершенно стѣмнело, умчался къ извѣстному намъ маленькому домику, который осѣняли двѣ вѣтвистыя акаціи.

Морицъ незамѣтно вошелъ къ Вильгельминѣ, желая поразить ее неожиданнымъ своимъ посѣщеніемъ. Онъ заранѣе представлялъ себѣ, какіе прыжки будетъ дѣлать веселая арфистка, увидѣвъ своего безцѣннаго друга.

— Ахъ, Морицъ! вскричала Минхенъ, бросившись къ нему на встрѣчу.—Что это значитъ? Вѣрно какое нибудь несчастье!... ты такъ строгъ въ своихъ правилахъ...

— Успокойся, милая, отвѣчалъ Морицъ смѣясь:— все благополучно. Я только хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ и больше ничего... А вотъ и часы, смотри—какіе миленькіе!

Digitized by Google

Но Минхенъ не успокоилась. Взявъ часы, она, даже не взглянувъ на нихъ, положила въ карманъ; потомъ спохватившись, молча поцаловала Морица въ лобъ, вынула часы изъ кармана, стала перебрасывать ихъ изъ руки въ руку, то поглядывая на Морица, то опуская глаза, и кончила тѣмъ, что выпустила часы изъ рукъ. Попавъ на львиную, выдавшуюся впередъ, лапу круглаго стола, бѣдные часы задребезжали.

— Ахъ! вскричала Минхенъ:—я съ ума схожу!...

— Что съ тобой, Вильгельмина? спросилъ встревоженный Морицъ, поднимая съ полу свой новый подарокъ, который былъ страшно изуродованъ.

Вильгельмина сидѣла на софѣ блѣдная, съ закинутой назадъ головой и не отвѣчала.

— Ангелъ мой! сказалъ Морицъ нѣжно!—не безпокойся... Неужели такой вздоръ тебя тревожитъ?

Онъ съ презрѣніемъ бросилъ часы на столъ.

— Я больна... я очень больна... проговорила дрожащимъ голосомъ Минхенъ.

— Что такое, ради Бога! что съ тобой?

— Я больна... я лягу въ постель... Поѣзжай себѣ, Морицъ, домой, поѣзжай! видишь, какая я несносная...

— Какъ, поѣзжай! вскричалъ съ досадой Морицъ, который обѣщалъ себѣ такъ много удовольствія въ этотъ вечеръ и нашелъ совсѣмъ противное.

— Ахъ, да... Поѣзжай, сдѣлай милость... Я такъ слаба...

Digitized by Google

— Больна, слаба!... проговорилъ Морицъ, вскочивъ съ дивана и потирая себѣ лобъ рукой, какъ будто соображая что-то, дотолѣ имъ незамѣченное.—*Больна!*... между тѣмъ ты одѣта какъ на балъ!...

Онъ подскочилъ къ Вильгельминѣ, громко захохоталъ и съ силой началъ трясти ея руку.

— Больна! продолжалъ онъ.—Зачѣмъ же заковала ты себя въ эти браслеты, въ эти перстни? зачѣмъ нацѣпила ты эти бриллiантовыя серьги? *Кто эти серьги*, Вильгельмина?

Вильгельмина, закрывъ глаза, молчала.

— *Кто эти серьги?* спрашиваю я тебя! закричалъ Морицъ ей въ ухо такъ, что она затрепетала всѣмъ тѣломъ.—Это не отъ меня: мои меньше...

Минхенъ очнулась. Открывъ глаза и собравшись съ силами, она вынула одну сережку изъ уха и, бросивъ на нее бѣглый взглядъ, сказала, силясь улыбнуться и быть спокойной:

— Ахъ, точно... это не твои. Онѣ мнѣ понравились, и я ихъ сама купила... Что-жъ въ этомъ?... Я и не замѣтила какую пару серегъ надѣла сегодня утромъ.

Морицъ стоялъ противъ Вильгельмины нѣсколько секундъ, не спуская съ нея своихъ горѣвшихъ какъ уголь глазъ. Онъ взялъ со стола свѣчу, поднесъ ее близко къ лицу Вильгельмины и убійственно холодно произнесъ:

— Врешь!

Digitized by Google

Вдругъ раздались два легкіе удара въ наружную оконную ставню.

— О... умираю! вскричала побледневшая какъ смерть Минхенъ, и упала на диванъ.

— Тсъ.... молчи... Тебѣ даютъ условный знакъ! сказалъ Морицъ шипящимъ змѣинымъ голосомъ.—Тсъ! отвѣчай же на призывъ... какъ тамъ вы условились?.. отвѣчай-же!...

Минхенъ подняла умоляющіе глаза на Морица и испустила тихій, глубокій стонъ.

— Скорѣе-же! продолжалъ Морицъ, слегка пожимая ея шею обѣими руками. — Или ты не встанешь отсюда...

На его лбу и подбородкѣ выступили два красныя пятна; ротъ его вполовину искривился; все лицо его было обезображено кипѣвшею въ немъ яростью. Минхенъ упала на колѣни и тихо прошептала:

— Помилуй! Умилосердись!...

— Скорѣй-же дай знакъ, отвѣчалъ Морицъ: — спѣши! я сегодня не отвѣчаю за себя...

Два мѣрные, спокойные удара съ улицы повторились.

Минхенъ еще разъ взглянула Морицу въ глаза и быстро вскочила на ноги. Отчаянная рѣшимость изобразилась на блѣдномъ ея лицѣ, можетъ быть отъ увѣренности, что съ *двумя* она будетъ безопаснѣе, чѣмъ съ *однимъ*. Судорожно схватила она арфу, однимъ

Digitized by Google

прыжкомъ очутилась подъ окномъ, гдѣ раздавался стукъ, и взяла полный аккордъ, который неожиданно загрохоталъ и застоналъ, какъ вѣтеръ, промчавшійся сквозь узкое ущелье.

Исполнивъ это, арфистка, истощенная сильнымъ волненіемъ, прислонилась къ стѣнѣ и, опустивъ голову, закрыла глаза. Безсознательно прижимая арфу всѣми силами, такъ, что казалось, никто не въ состояніи былъ бы вырвать ее изъ оцепѣнѣвшихъ ея рукъ, прекрасная и блѣдная Минхенъ могла показаться художественнымъ изваяніемъ Сапфо, въ тотъ мигъ, когда она, стоя на левкадской скалѣ, готова низринуться съ нея, вмѣстѣ съ лирой, орудіемъ своихъ страстныхъ пѣсенъ.

Морицъ вошелъ въ темную спальню арфистки и остановился въ полуотворытой двери. Хотя его ярость, выразившаяся слишкомъ сильно, успѣла въ одно мгновеніе охладѣть и перейти въ стыдъ и негодованіе, однако онъ все еще никакъ не могъ собраться съ мыслями. Въ его ушахъ только раздавался гулъ, колебавшійся въ комнатѣ отъ сильнаго звука, изданнаго арфой, а его глаза впились въ дверь, въ которую слѣдовало войти ненавистному гостю.

Кто-то, весело посвистывая, прошелъ скорымъ шагомъ передняя комнаты; вотъ онъ взялся за ручку двери... вотъ онъ рванулъ ее и однимъ прыжкомъ очутился среди будуара... У Морица что-то стукнуло въ

Digitized by Google

груди и потомъ поднялось къ головѣ, распространяя непріятную теплоту внутри черепа.

Новый гость былъ—Густавъ Штиръ.

Онъ стоялъ спиной къ Морицу, съ распростертыми руками и улыбающимся лицомъ. Пожирая страстнымъ взглядомъ Вильгельмину, стоявшую въ окаменѣломъ положеніи у окна, съ арфой въ рукахъ, Густавъ восхищался ея красотой. Привыкнувъ, вѣроятно, къ разнымъ шалостямъ арфистки, умѣвшей выбирать самыя обольстительныя позы, онъ весело воскликнулъ:

— Безподобно, моя прелестная Вильгельмина!

— Не совсѣмъ, мсье Штиръ! раздался голосъ позади.

Штиръ обернулся. Морицъ, заложивъ руки въ карманы, стоялъ передъ нимъ.

— Морицъ! виноватъ... мсье Сефарди! вы... здѣсь, какимъ случаемъ? вскричалъ Густавъ.

— Основываясь на законности давняго владѣнія, отвѣчалъ Морицъ, принужденно улыбаясь: — мнѣ-бы слѣдовало предложить этотъ вопросъ вамъ, милостивый государь. Кажется, не далѣе, какъ сегодня утромъ, вы сказали, что мы съ вами *не имѣемъ ничего общаго*... Вы солгали, мсье Штиръ!

Морицъ съ презрѣніемъ указалъ пальцемъ на Вильгельмину.

— Нѣтъ, вы клевещете на меня, хладнокровно отвѣчалъ Густавъ.—Я не зналъ, что вы здѣсь хозяинъ...

Digitized by Google

— О, вы изворачиваетесь новою ложью...

— Будьте вѣжливѣй, мсье Сефарди. Изъ состраданія къ вашему незавидному положенію, — тутъ Густавъ улыбнулся — и изъ уваженія къ нашей давней короткости, которую мы имѣли глупость считать дружбой, я могу перенесть оскорбленіе, вырвавшееся въ пылу негодованія; но прошу васъ не повторять дерзостей.

Обезоруженный хладнокровіемъ Густава, Морицъ опустилъ глаза.

— Васъ обманывали болѣе, меня менѣе, продолжалъ Густавъ. — Меня увѣряли, что, по извѣстнымъ днямъ, бываетъ старый дядя брилліантщикъ; а васъ, какъ догадываюсь, заставляли вѣрить, что вы единственный счастливый обладатель...

— Какая низость! произнесъ Морицъ, стиснувъ зубы и гнѣвно взглянувъ на арфистку.

Густавъ съ наивностью пожалъ плечами, бросилъ на столъ шляпу и сѣлъ.

— Разумѣется, въ дуракахъ болѣе вы, чѣмъ я, сказалъ онъ: —потому что, во-первыхъ, вамъ измѣнили для меня, что немножко утѣшительно для вашего покорнаго слуги; а во-вторыхъ, вы, какъ я вижу, дороже платили за *ласки*, чѣмъ панъ Гемба за ананасы... помните?

Густавъ, посвистывая, обводилъ глазами комнату.

— Блаженствуйте на здоровье! сказалъ Морицъ,

Digitized by Google

выведенный изъ терпѣнія холодной насмѣшкой Густава. Уступаю вамъ поле и желаю всякаго благополучія!

— Покорно благодарю! отвѣчалъ Густавъ и, глядя вслѣдъ за уходившимъ Морицомъ, захохоталъ во все горло.

— Пошелъ, закричалъ Морицъ, ожидавшему его за угломъ, извощику, такимъ страшнымъ голосомъ, что тотъ, дремавшій на козлахъ, чуть не свалился подъ ноги лошадямъ.

— Куда прикажете? спросилъ извощикъ.

— Увидишь послѣ.

Извощикъ, не совсѣмъ ясно понявшій этотъ загадочный отвѣтъ, подумалъ, что его сѣдокъ хватилъ черезъ край: онъ съ недоумѣніемъ оглянулся назадъ. Морицу показалось, что извощикъ улыбался.

— Пошелъ! повторилъ Морицъ, заскрежетавъ зубами.

— Да куда-же, баринъ?

— Куда хочешь, варваръ!

— Ну, это другое дѣло-съ, отвѣчалъ извощикъ, разсудившій, что и ему все равно куда-бы ни ѣхать: онъ зналъ, что Морицъ хорошо платитъ.

Заколыхавшись слегка на козлахъ, извощикъ, съ притворной энергіей, протянулъ руку на лошадей, поводилъ ею въ воздухѣ раза два-три и, проговоривъ какимъ-то тоненькимъ дѣвичьимъ голосомъ: „Эй други,

Digitized by Google

шевелитесь!“ опустилъ голову и возжи и замурлыкалъ подъ носъ что-то похожее на пѣсню.

Мысли, одна другой мрачнѣе, терзали Морица. Быть такъ низко обманутымъ женщиной, которую онъ извлекъ изъ нищеты, для которой ничего не жалѣлъ, которая притворялась любящею его такъ горячо, между тѣмъ какъ она, по всѣмъ вѣроятностямъ, внутренно смѣялась надъ его простотой,—о, это рана неизлечимая! Ему, человѣку съ такими высокими понятіями о своей особѣ, быть жалкой игрушкой женщины, тогда какъ онъ искренно вѣрилъ въ ея преданность и жалѣлъ, отчего другіе не видятъ, какъ въ своемъ обожаніи она простирается у его ногъ! Стыдъ!.. стыдъ!... вопіяло что-то внутри Морица. Стыдъ! любили не тебя, а твое богатство, и измѣнили тебѣ не оттого, что полюбился другой, а только по желанію пріобрѣсть какъ можно болѣе... И ты могъ приходить въ восторгъ отъ такого созданія?... Морицъ горѣлъ какъ въ огнѣ, члены его дрожали, онъ готовъ былъ терзать самого себя, и ощущалъ дикое наслажденіе, когда воспоминанія о подробностяхъ, унижавшихъ его въ собственныхъ глазахъ, какъ отравленныя стрѣлы, вонзались къ нему въ грудь. А между тѣмъ, всѣ обольстительныя картины прошлаго, еще столь свѣжія, льстившія такъ много его самолюбію,—эти долгіе часы опьяненія въ объятіяхъ обманщицы, были такъ похожи на счастье!

Digitized by Google

„Тяжело похмѣлье!“ подумалъ Морицъ: „невыносимо тяжело!.. Нѣтъ счастья въ любви купленной женщины!“ И тутъ, въ разгорячонной его головѣ, съ быстротою падающей звѣзды, пронеслось воспоминаніе о любви Маргалы, объ этой безкорыстной, нѣжной преданности, не знавшей ни границъ, ни обольщающихъ хитростей.

Сила физическая уступила чрезмѣрному моральному напряженію. Морицъ чувствовалъ какъ потъ капалъ изъ-подъ его шляпы; нервы его отъ сильнаго напряженія ослабли, какъ опускаются струны музыкальнаго инструмента; слабость разлилась по всему его тѣлу; онъ былъ такъ утомленъ и разбитъ, какъ-будто копалъ заступомъ нѣсколько часовъ сряду. Раздался какой-то звонъ, который заставилъ его вздрогнуть: на близкой колокольнѣ били часы. Морицъ со вниманіемъ считалъ удары и насчиталъ одиннадцать. Онъ оглянулся. Лошади, понуря головы, стояли у какого то колодца; извощикъ храпѣлъ.

„Страшно съ самимъ собой“, подумалъ Морицъ:— „мнѣ нужны люди.“

Онъ тихонько толкнулъ извощика и приказалъ ѣхать на-лѣво. Дрожки остановились у дома Гольдмана. Взбираясь съ трудомъ по лѣстницѣ, Морицъ услышалъ звуки фортепьяно. Какъ бы не найти здѣсь этого глупаго Флакса, думалъ онъ.

Но, на зло ему, докторъ Флаксъ стоялъ за сту-

Digitized by Google

ломъ Сарры, разыгрывавшей съ необыкновеннымъ одушевленіемъ финалъ какой-то новой оперы.

— Что такъ поздно? спросилъ всегда радушный и веселый Гольдманъ, подавая Морицу руку.

— Дѣла! отвѣчалъ Морицъ, и подошолъ къ Саррѣ.

— Что вы такъ блѣдны? спросила съ участіемъ Сарра, остановивъ свои прозрачно-бѣлыя руки на клавишахъ и глядя пристально Морицу въ глаза.

— Ахъ, я не люблю вопросовъ, фрейлейнъ Сарра! отвѣчалъ Морицъ, бывшій въ высшей степени раздражительности.

— Что-жъ вы любите?

Морицу тогда было трудно отвѣчать на этотъ вопросъ.

Что, ушолъ этотъ жалкій эскулапъ? спросилъ онъ, оглядываясь.

— Вы все нападаете на доктора, сказала Сарра: — вы несправедливы: это благороднѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. Его доброе сердце вполнѣ выкупаетъ недостатокъ развязности.

— Я его не люблю.

— Вы много кой-чего не любите: я это замѣтила. Что-жъ вы любите? спрашиваю я васъ опять.

— Сарра улыбалась.

— Я люблю... слезы, отвѣчалъ Морицъ мрачно.

— Вы съ ума сошли, мсьэ Сефарди...

Digitized by Google

— Жаль, что это неправда.

— Что съ вами, ради Бога? спросила испуганная Сарра, взявъ его дружески за руку.—Никогда не видѣла я васъ въ такомъ состояніи... Вы меня пугаете...

— Вамъ жаль меня, Сарра?

— Ахъ, Боже мой! разумѣется, жаль, отвѣчала дѣвушка.

— Идите-же сюда, Сефарди! кричалъ Гольдманъ изъ другой комнаты, въ которой было нѣсколько гостей и стоялъ карточный столъ.—Сюда, нашъ рыцарь! Что вы тамъ замѣшкались?

Морицъ оставилъ Сарру.

— Чего я тутъ у васъ не видѣлъ? спросилъ Морицъ Гольдмана.

— А насъ-то! отвѣчалъ Гольдманъ съ громкимъ хохотомъ.

— Э! все это вещи очень обыкновенныя... сказалъ Морицъ.

— О, о, о, вы ужасно злы сегодня!

— Можетъ быть.

— Ну, къ чорту! опять хандра?... У васъ, вѣдь кажется, есть отличное лекарство...

Гольдманъ шепнулъ Морицу что-то на ухо.

— Пощадите меня! вскричалъ Морицъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и упавъ на кресло. Страшная блѣдность покрыла его лицо.

Digitized by Google

Ему серьезно дурно, сказалъ Гольдманъ съ безпокойствомъ.—Докторъ, потрудитесь...

Докторъ Флаксъ подошелъ къ Морицу и хотѣлъ взять его за руку.

— Не безпокойтесь, докторъ, сказалъ сквозь зубы Морицъ:—менѣе всѣхъ я прибѣгну за помощью къ вамъ.

— Люди обязаны помогать другъ другу, отвѣчалъ докторъ, съ своей обычною скромностію:—и если вы въ самомъ дѣлѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ... я совершенно здоровъ, здоровѣе васъ.

— Бываютъ случаи, продолжалъ задумчиво докторъ:—когда больной хвастаетъ своимъ здоровьемъ, и это самые опасные случаи... Медицина называетъ ихъ...

— Ахъ, отвяжитесь! прервалъ нетерпѣливо Морицъ. —Лучше разскажите что-нибудь о вашихъ путешествіяхъ: вы такъ прекрасно разсказываете!

Гольдманъ понялъ иронію Морица. Онъ значительно взглянулъ на него и сказалъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Можно-ли этакъ, Сефарди?

— Да! произнесъ вполголоса Морицъ, вставая съ креселъ.

— Я сегодня несносенъ... Прощайте!

Онъ ушелъ домой, чувствуя нестерпимую головную боль.

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Прошло нѣсколько недѣль. Морицъ отдѣлался неопасною болѣзнію. Ему совѣтовали побольше дѣятельности и развлеченія, чтобъ укрѣпить нервы и утишить раздражительность, доходившую у него до высокой степени. Онъ одинъ зналъ причину своей болѣзни и смѣялся надъ разными толками врачей. Припоминая прошедшее, онъ сознавался, что оно на него подѣйствовало сильнѣй, чѣмъ заслуживало; онъ съ презрѣніемъ думалъ объ немъ, издѣвался надъ самимъ собой, зачѣмъ поддался онъ такой мелочи, онъ, образецъ мужской силы и твердости; но, тѣмъ не менѣе, это прошедшее оставило свои неизгладимые слѣды на немъ.

Въ его нравѣ произошла большая перемѣна. Нестерпимая тоска часто грызла его; скука была почти неизмѣнною его спутницей. Эта несносная гостья залетала къ нему каждый день, раскидывалась на его изящной мебели и превращала ее въ пустынные камни, вцивалась въ его любимыя книги и вытирала самыя отрадныя страницы. Онъ впалъ въ апатію и получилъ, наконецъ, отвращеніе ко всему.

Отчего-же этотъ человѣкъ такъ рано распростился съ радостями жизни?

Ограниченныя натуры не задаютъ себѣ вопросовъ,—

Digitized by Google

и благо имъ. Онѣ живутъ, не анализируя ни своего горя, ни своего счастья; для перваго у нихъ всегда въ запасѣ надежда, а второе онѣ только однѣ и понимаютъ, именно потому, что не стараются понимать его. Завидна участь людей, одаренныхъ такими натурами! До глубокой старости, они хохочутъ надъ всякою плоскостью, которую удастся имъ сказать; никогда не перестаютъ они быть умными и прекрасными въ собственныхъ глазахъ; никогда новая статуэтка, новый портфель, прессъ-папье, сигарочница, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, не теряютъ для нихъ своей прелести. Это баловни природы: она позволяетъ имъ оставаться вѣчными дѣтьми.

Въ противоположность имъ, есть несчастливцы, одареннные неугомоннымъ, инквизиторскимъ умомъ. Въ несчастьи они въ двадцать разъ несчастнѣе первыхъ, потому что все они подводятъ подъ законы возможности, не допускаютъ случайностей, и оттого „надежда“ и „химера“ у нихъ синонимы. Въ счастьи они и въ десятую долю не такъ счастливы какъ первые, потому-что на все у нихъ есть вопросы, глубокіе взгляды, и на все хотятъ они отвѣта. Они до-тѣхъ-поръ роются въ составныхъ частяхъ своего счастья, пока каждая отдѣльно не загрязнится въ ихъ глазахъ и не заставитъ ихъ содрогнуться. Точно-такъ дитя, восхищенное новою игрушкой, послѣ первыхъ порывовъ восторга, старается узнать ее подробнѣе и, разобравъ ее на части, испач-

Digitized by Google

кавъ и перепортивъ все, плачетъ, отчего не, можетъ она быть составлена вновь и также блестѣть какъ прежде. Такіе люди замѣчаютъ у себя каждый сѣдой волосъ, каждую морщину, и если ужъ не о чемъ горевать, то горюютъ хоть о томъ, что они идутъ впередъ, а не назадъ. Имъ страшно видѣть позади себя свою молодость; всего прошедшаго имъ жаль, потому только, что оно уже прошло, и, боясь всеопустошающей старости, они старѣются прежде времени.

Къ этимъ людямъ принадлежалъ теперь Морицъ. Онъ былъ отъ природы очень уменъ, даже черезчуръ, если можно быть черезчуръ умнымъ, и получилъ основательное воспитаніе. Но подавленный сначала бѣдностью и своимъ ничтожествомъ, онъ завистливо взглянулъ на окружавшій его свѣтъ, и оттого первый взглядъ его на жизнь получилъ ложное направленіе. Когда-же обстоятельства перемѣнились и дали ему возможность ощупать вблизи то, что, въ минутномъ ослѣпленіи, онъ принималъ за прямое счастье, природная наклонность къ анализу постепенно брала свои права, и у него рождались вопросы. Чѣмъ менѣе ему оставалось желать, тѣмъ грустнѣй становилось ему. Вспоминая о времени, когда онъ бодро шелъ на добычу своихъ многочисленныхъ требованій, и сравнивая его съ настоящимъ своимъ положеніемъ, богатымъ и независимымъ, но однообразнымъ до пошлости, онъ грустно покачивалъ головой и гово-

Digitized by Google

рилъ самъ себѣ: „Что-же изо-всего этого вышло, я что-то не понимаю!..“.

Тоска странно дѣйствовала на нервы Морица: она повергала его въ тяжолый и мучительный сонъ. Вставая поздно утромъ, онъ чувствовалъ себя не успокоеннымъ, а усталымъ. Вздыхая, онъ вспоминалъ то время, когда, бывало, пробуждался съ разсвѣтомъ и бодро принимался за дѣла, или гулялъ за городомъ или по берегу моря; когда онъ могъ сказать себѣ, чего ему хочется, когда у него были желанія. Онъ съ горестью глядѣлъ на свои банковые билеты, которые не могли ему дать того, чего ему хотѣлось. Тяжело было для Морица это положеніе, которое иногда длилось по цѣлымъ днямъ. Всѣми своими силами онъ долженъ былъ рваться изъ него, пока какая-нибудь новая дѣятельность не пробуждала его энергической натуры. Очертя голову, онъ бросался во всевозможныя спекуляціи, чтобъ хоть какою-нибудь сильною неудачей доставить себѣ новое ощущеніе; но, къ его несказанному огорченію, все ему удавалось, и, послѣ каждаго приращенія его богатства, онъ спрашивалъ себя: „что-жъ будетъ далѣе?“ Не находя отвѣта, ни въ окружающемъ его мірѣ, ни въ самомъ себѣ, онъ погружался въ уныніе еще мрачнѣе прежняго, и не разъ повторялъ, вздыхая: „Ни въ богатствѣ, ни въ купленной любви—нѣтъ счастья!“.

Сарра, Сарра, одна Сарра доставитъ ему счастье, думалъ онъ. Припоминая свиданіе съ нею, передъ своею

Digitized by Google

болѣзнію, и участіе, которое добрая дѣвушка къ нему обнаружила, ему становилось легче на душѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Сарра его любитъ, и въ семейной жизни видѣлъ для себя новое поле, еще ему незнакомое, которое непремѣнно упрочитъ за нимъ счастье, — этотъ фантомъ, за которымъ онъ гонялся съ такимъ ожесточеніемъ.

Однажды, послѣ долгаго послѣобѣденнаго сна, когда, зѣвая, Моритъ лѣниво ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и старался ободриться непремѣнною увѣренностью въ привязанности Сарры, и даже по временамъ улыбался отъ самолюбія, онъ былъ вдругъ пробужденъ слугой, подавшимъ ему незапечатанное письмецо, на тонкой голубой бумагѣ.

Уже начало вечерѣть. Моритъ подсѣлъ къ окну и раскрылъ письмо. Оно было изящно отпечатано на еврейскомъ языкѣ и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Господинъ Аба Гольдманъ имѣетъ честь просить къ себѣ господина Морица Сефарди на семейный вечеръ, имѣющій быть сегодня, во вторникъ, по случаю бракосочетанія дочери его, дѣвицы Сарры, съ докторомъ медицины Натаномъ Флаксомъ“.

Моритъ нервически захохоталъ и швырнулъ отъ себя пригласительный билетъ.

— И тутъ обманъ... Опять обманъ!... сказалъ онъ, грустно опустивъ голову.

Digitized by Google

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ.

„О, глупая дѣвчонка!“ думалъ онъ: „любить одного и выходить за другого, потому-что первый для нея слишкомъ силенъ: его нельзя держать подъ каблукомъ... Пойду, непремѣнно пойду!... Не пойдти—она подумаетъ, что я слишкомъ опечаленъ. Нѣтъ, баста! женщины не будутъ смѣяться надо мной... Пойду, и докажу этому глупому отцу, помѣшанному на предкахъ и родственникахъ Флакса, что я ихъ всѣхъ презираю...

Морицъ былъ ужасно взбѣшонъ. Негодованіе подѣйствовало на его организмъ и придало ему нѣкоторый родъ бодрости. Онъ сѣлъ бриться и, при свѣтѣ двухъ свѣчей, замѣтилъ рѣзкую морщину, прорѣзавшую его широкій лобъ.

„Хорошо счастье... нечего сказать!“ подумалъ онъ, горько улыбнувшись.

Около десятаго часу, когда вечеръ у Гольдмана былъ въ самомъ разгарѣ, явился Морицъ, изящно одѣтый, съ спокойною наружностью, но съ цѣлымъ адомъ въ душѣ. Много женскихъ глазъ засмотрѣлось на его блѣдное, прекрасное лицо, въ которомъ было столько ума и тайной грусти. Морицъ ничего не замѣчалъ. Онъ не обратилъ вниманія на обступившую его молодежь, даже не чувствовалъ какъ трясъ его за руку радостный хозяинъ, который вертѣлся какъ флюгеръ и оставлялъ за собой ослѣпительный слѣдъ отъ трехъ огромныхъ

Digitized by Google

брилліантовыхъ запоновъ, красовавшихся на его груди. Морицъ пробормоталъ Гольдману что-то похожее на поздравленіе и, не дожидаясь отвѣта, пошолъ по комнатамъ, толкаясь между множествомъ гостей, оглушонный говоромъ и музыкой.

Онъ издали замѣтилъ жениха, который былъ закованъ въ бѣлый накрахмаленный галстухъ. Лицо Флакса было спокойно и задумчиво по обыкновенію. Онъ тихо разговаривалъ съ другимъ докторомъ, сидѣвшимъ подлѣ него, и внимательно слушалъ отвѣты своего собесѣдника.

„Дуракъ!“ подумалъ Морицъ: „онъ столько-же похожъ на жениха, сколько комаръ на птицу!“

Кадриль кончился. Морицъ пошолъ отыскивать невѣсту. Она стояла въ гостиной у окна, и разговаривала съ другой дѣвушкой. Сарра, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ натуральныхъ цвѣтахъ, перемѣшанныхъ съ крупными жемчужинами на золотыхъ стебелькахъ, и заплетенныхъ въ ея прекрасные волосы, въ прозрачномъ, бѣломъ покрывалѣ съ золотыми блестками, ниспадавшемъ, по мѣстному обычаю, съ затылка до колѣнъ, — была восхитительна. Лицо ея дышало блаженствомъ, полная грудь слегка волновалась отъ утомленія послѣ кадриля. Прислонясь къ огромному вазону съ цвѣтами, счастливая невѣста сама походила на роскошный цвѣтокъ. Она улыбалась своей подругѣ, по временамъ обмахиваясь вѣеромъ.

Мать разговаривавшей съ Саррой дѣвушки подошла

Digitized by Google

къ своей дочери, начала ее обдувать и обтирать ей платкомъ лобъ и щеки, уговаривая отойдти отъ окна, чтобъ не простудиться. Морицъ воспользовался этой минутой и подошолъ къ Саррѣ.

— А, здравствуйте, мсье Сефарди! сказала Сарра.— Какъ ваше здоровье?

— Благодарю васъ.

— Что вы такъ скучны?

— Чему мнѣ радоваться, скажите?

— Развѣ васъ не радуетъ мое счастье?

— О, это ужъ слишкомъ! сказалъ Морицъ, съ упрекомъ остановивъ глаза на Саррѣ.—Неужели и вы уже научились играть словами?

— Я васъ не понимаю... Я никогда не играю словами: я говорю, что чувствую.

— И вы въ самомъ дѣлѣ счастливы? спросилъ Морицъ.

— О!...

— Нѣтъ, я вамъ не вѣрю.

— Почему-же.

— Потому-что вы не любите этого... Флакса.

Сарра засмѣялась.

— Съ чего вы это взяли? спросила она.

— Съ чего?... Вы его не любите, говорю я вамъ! Вы его не можете любить...

— Да вы смѣшны, Сефарди.

Digitized by Google

— Вы его не можете любить, продолжалъ Морицъ, воспламеняясь болѣе и болѣе:—вы любите другого...

— Теперь я скажу, что это ужъ слишкомъ, отвѣчала Сарра съ неудовольствіемъ. — Вы просто съ ума сошли!

— Ничуть, Сарра. Я знаю, вы... вы любите... или, покрайней-мѣрѣ, любили меня!...

— Васъ?

— Меня, меня!... Смотрите мнѣ прямо въ глаза!

Сарра съ достоинствомъ выпрямилась и устремила глаза на Морица.

— Васъ! сказала она.—Никогда!

— Неужели я ложно понималъ вашу долголѣтнюю привязанность, ваше вниманіе ко мнѣ? спросилъ Морицъ. — Неужели, съ самаго дѣтства вашего, вы меня мистифицировали?

— Я съ дѣтства привыкла только удивляться вамъ, мсье Сефарди, сказала Сарра съ наивною откровенностью.—Я безпрестанно слышала о вашихъ коммерческихъ дарованіяхъ, о томъ, какъ вы изъ ничего умѣли составить себѣ состояніе, какъ изъ ничтожества вы сдѣлались замѣтнымъ человѣкомъ... Я любила слушать ваши веселые разсказы, восхищалась вашей образованностью... Повторяю: въ дѣтской простотѣ, я удивлялась вамъ, какъ генію въ своемъ родѣ; но я подросла, поумнѣла и поняла васъ, и — извините за откровенность—я еще такъ мало видѣла на свѣтѣ, что въ глаза смѣю отвѣ-

Digitized by Google

чать вамъ слова изъ Bulver'a «I never saw one, whom I admire more, or could love less!...

Пока Сарра говорила, Мориць съ яростью рвалъ свою перчатку на мелкіе куски; когда-жъ она кончила и, вѣжливо присѣвъ передъ нимъ, удалилась въ толпу дѣвушекъ, расхаживавшихъ подъ-руки по комнатамъ, у него закружилась голова, и онъ поспѣшно выбѣжалъ на свѣжій воздухъ.

Самъ не зная какъ, Мориць очутился у театра. Лѣтній вечеръ былъ свѣтлый, прелестный. Множество людей, въ ожиданіи третьяго акта, расхаживало передъ театромъ взадъ и впередъ, куря сигары и разговаривая. Раздавались разныя восклицанія, шутки и толки pro и contra, о пѣвцахъ и пѣвицахъ. „Все это счастливцы“, думалъ Мориць: „только мнѣ не дается счастье!“

Онъ сѣлъ въ кресла и повѣсилъ голову. Что-то игралъ оркестръ, что-то пѣли, суетились—Мориць ничего не слышалъ: онъ былъ такъ погруженъ въ свои мрачныя думы, что совершенно не зналъ, гдѣ находится. Только когда раздался оглушительный стукъ и хлопанье въ ладоши, послѣ счастливо-пропѣтаго дуо, Мориць какъ-то очнулся и поднялъ голову. Въ боковой ложѣ, неподалеку отъ него, Густавъ Штиръ, въ обществѣ разряженныхъ дамъ и мужчинъ, аплодировалъ и топалъ ногами, смѣясь и крича: „браво! фора!“ При взглядѣ на довольное и веселое лицо Густава, у

Digitized by Google

Морица сжалось сердце отъ боли. Это лицо такъ и говорило: „Я живу и умѣю находить радость во всемъ...“

Морицъ быстро отвернулся въ другую сторону. Въ первомъ ярусѣ ложъ, прямо противъ него, сидѣлъ Ксира съ своимъ семействомъ. Глубокое спокойствіе, никогда не оставлявшее лица старика, теперь смѣшалось съ какою-то торжественностью. Окружавшія его дочери были разодѣты въ пухъ и привлекали общее вниманіе. Дверцы ложи не затворялись: входили то молодые щеголи, то степенные негоціанты; все кланялось и благоговѣйно пожимало руку старику, который, по лицу, особенно въ тотъ вечеръ, казался гораздо моложе, чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Скупой на удовольствія, Ксира по своему понималъ пользованіе ими, и именно по своей рѣдкости, они никогда не переставали быть для него удовольствіями. Какъ-бы то ни было, старикъ былъ бодръ, здоровъ, спокоенъ и даже веселъ. Морицъ не выдержалъ. Въ испугѣ выбѣжалъ онъ изъ театра, мысленно повторяя: „И онъ, это сухая цифра... тоже! Боже мой, Боже мой!“

Боясь зайти къ себѣ домой, чтобъ на единѣ мысли не задушили его, Морицъ бѣжалъ изъ улицы въ улицу, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Его черепъ словно разрывался въ куски, въ глазныхъ впадинахъ онъ чувствовалъ невыносимую боль. Долго бѣжалъ онъ и, наконецъ, по какому-то инстинктивному чувству, остановился передъ небольшимъ домикомъ, изъ котораго свѣтъ,

Digitized by Google

сквозь растворенное окно, переливался на улицу. Морицъ узналъ этотъ домикъ, въ которомъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя бѣдный и неизвѣстный, однако имѣлъ свои блаженныя минуты. Онъ остановился среди глухой улицы, по которой не проходило ни одно живое существо, и устремилъ глаза въ открытое окно.

За большимъ рабочимъ столомъ, прислоненнымъ къ самому окну, при двухъ свѣчахъ, работалъ Золотой-Шовъ съ женою и дочерью. На столѣ были разбросаны куски сукна и принадлежности ремесла трудолюбиваго семейства. Генохъ значительно посѣдѣлъ, но былъ все такъ же бодръ и веселъ, какъ прежде. Онъ болталъ безъ умолку и, вѣроятно, очень занимательно, потому что жена, по временамъ, снимала съ носа очки и, держа ихъ обѣими руками, со вниманіемъ уставляла глаза на мужа; а Маргала, улыбаясь и облокотясь на столъ, тоже часто не сводила глазъ съ отца. Эта дѣвушка и тогда еще имѣла право носить названіе „Орлеанскаго Перла“, потому что она была также очаровательна, какъ прежде, хотя на восточный окладъ ея лица время наложило нѣкоторую строгость. Морицу не слышно было ихъ разговора, но лица всего семейства въ полномъ блескѣ рисовались передъ нимъ, и прочелъ на нихъ спокойствіе и довольствіе. Можетъ быть, какія-нибудь благопріятныя обстоятельства совершились съ Генохомъ Хмѣльникомъ,—бѣдному такъ мало надобно, чтобъ ему подняться на ноги,—или, можетъ быть, ничего не со-

Digitized by Google

вершилось, а все шло обычнымъ порядкомъ, и семейство это забыло свои страданія, причиненныя ему Морицомъ, какъ всякій бѣднякъ, чтобъ не броситься въ первый колодецъ, обязанъ забывать свои ежедневныя огорченія, — такъ или иначе, но Морицъ не обманулся, когда съ отчаяніемъ въ груди, бросившись бѣжать отъ ветхаго домика, безпрестанно повторялъ: „И тутъ, въ этой нищетѣ... тоже своя доля счастья!“

Огни потухали въ окнахъ, гулъ постепенно сталъ умолкать, городъ предался покою, а Морицъ все бѣжалъ, бѣжалъ, не переводя духа, облитый потомъ. Онъ, наконецъ, очутился за городомъ, неподалеку отъ Сѣнной Площади и, безъ всякаго сознанія, перескочивъ канаву, остановился на Бульварѣ, окружающемъ городъ съ этой стороны.

Завернувшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу, Морицъ прислонился къ дереву. Онъ былъ весь уничтоженъ, изломанъ. Не какъ гордый ненавистникъ жизни, стоялъ онъ, не съ насмѣшливымъ упрекомъ во взорѣ, а пригорюнившись, съежившись, какъ преступникъ передъ этой жизнію, которую онъ понялъ съ превратной стороны и безсовѣстно запятналъ.

И вся прошедшая его жизнь предстала передъ нимъ въ омерзительномъ видѣ. Его первый дебютъ съ Ксирой, его поступокъ съ Маргалой, такъ нѣжно его любившей, разрывъ съ Густавомъ, обманъ съ Гембой, всѣ хитрости и пронырства, всѣ мелкія низости, способство-

Digitized by Google

вавшія его обогащенію, которыми онъ въ свое время восхищался, которыя онъ называлъ подвигами твердости, ума, воли, ловкости, — все это приняло свою настоящую форму и вытянулось передъ нимъ однимъ колоссальнымъ вопіющимъ упрекомъ. Тайный голосъ твердилъ ему: „да! ты былъ твердъ, уменъ, ты былъ *маклеръ*, *торгашъ*, но ни разу не вспомнилъ быть человѣкомъ! Ты не цѣнилъ людей, не любилъ никого и не искалъ ничьей любви,—какія же права имѣешь ты на счастье?“

Уже началъ показываться день, а Моритъ все стоялъ, какъ уличенный преступникъ, у дерева, дрожа всѣмъ тѣломъ и стыдясь поднять глаза на пробуждающуюся природу. Онъ сталъ ничтожнымъ въ собственныхъ глазахъ, когда мысленно пробѣжалъ путь, лежавшій позади его. Ему было душно: дыханіе его сперлось. Онъ не отстегнулъ, а сорвалъ съ пуговицъ свой жилетъ и старался впивать въ себя воздухъ, чтобъ освѣжить просохшее горло. Что-то нестерпимо давило его въ груди и рвалось наружу: онъ не понималъ, что такое съ нимъ дѣлается.

Вдругъ, чья-то звонкая пѣсня заставила его поднять голову.

По дорогѣ, лежавшей по ту сторону канавы, ѣхалъ водовозъ и, сидя верхомъ на бочкѣ, изо всей мочи надрывалъ себѣ горло. Голосъ показался знакомымъ

Digitized by Google

Морицу,—онъ протянулъ шею и узналъ—Андрея Щоголя.

„И ты, бездомный бѣдняга, тоже... по своему, счастливъ!...“ шопотомъ произнесъ Морицъ, сдавивъ глаза, въ которыхъ показалась какая-то ѣдкая влага. „Только я одинъ... я одинъ... лишній... пичтожный... *нуль!*..

Онъ закрылъ лицо руками, и горько, болѣзненно зарыдалъ.

А утро было такое радостное!... Воробьи чирикали и суетились надъ головою Морица; ласточки, заливаясь, порхали вокругъ него, а вдали постепенно замирала веселая пѣсня Андрея Щоголя.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИСТОРІЯ

о томъ, какъ ребъ Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишинева въ Одессу, и что съ нимъ случилось.

Digitized by Google

Digitized by Google

Моему другу,

СИМОНУ САЛОМОНОВИЧУ

Гуровичу.

Вамъ, который знаетъ, что подъ покровомъ смѣха таится иногда теплое чувство,—который понимаетъ разницу между веселымъ смѣхомъ и насмѣшкой, — вамъ, у котораго сердце на надлежащемъ мѣстѣ, посвящаются слѣдующія страницы.

Одесса, въ февралѣ 1865.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Это было уже давно, очень давно, еще когда наши прекрасныя половины стригли себѣ головы, а Бендерскій цадикъ * пугалъ чертей своимъ черешневымъ чубукомъ.

Въ то время въ славномъ городѣ Кишиневѣ многія улицы еще были такъ узки, что два человѣка, при встрѣчѣ, должны были повернуться бокомъ и втянуть въ себя дыханіе, чтобъ свободно разойдтись. Что же касается до экипажей, то они и носа своего туда показывать не смѣли. Есть преданіе, что разъ, какимъ-то несчастнымъ случаемъ, въ одной изъ такихъ улицъ встрѣтились двѣ молдованскія каруцы **. Онѣ такъ застряли, что не могли ни назадъ ни впередъ. Несчастные волы сильно барахтались и до того перепутались ногами, что хозяева ихъ, молдаване, никакъ не могли

---

* Глава секты хасидовъ *(хасидимъ)* называется цадикъ. Одно изъ главныхъ его достоинствъ, —это сообщеніе съ духовнымъ міромъ. Къ счастью, просвѣщеніе начинаетъ уничтожать и хасидовъ, и ихъ предводителей.

** Каруца — крестьянскій возъ.

Digitized by Google

разобрать какія какому волу принадлежатъ ноги. Послали за знахаремъ, и тотъ послѣ долгихъ шептаній рѣшилъ, что воловъ слѣдуетъ зарѣзать. Когда это было исполнено и кожи съ воловъ сняты, то тогда только вопросъ о ногахъ разъяснился. Молдаване, дивясь мудрости знахаря, по кускамъ вынесли говядину и кожу изъ проклятой трущобы, и въ тотъ же день пропили и то и другое въ сосѣднемъ погребѣ; каруцы же остались торчать въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ остановились, и можетъ быть торчали бы до сихъ поръ, но вскорѣ послѣ этого событія случился пожаръ и вся та улица сгорѣла до тла. Послѣ пожара никакъ нельзя было отыскать каруцъ, что даетъ поводъ предполагать, что и онѣ сдѣлались жертвою пламени. Выражаясь языкомъ нашихъ правдолюбивыхъ газетъ, я, однакожъ, прибавлю, что за достовѣрность этого преданія не ручаюсь.

На одной изъ такихъ улицъ стоялъ домъ, который — какъ вы уже догадаетесь — былъ гораздо меньше дома Папудова *. Этотъ домъ состоялъ всего на всего изъ двухъ комнатъ съ сѣнцами и имѣлъ очень дерзкую наружность, потому что покривившіяся бугорчатыя стѣны и остроконечная камышевая крыша, изъ которой на подобіе лапъ торчали балки, придавали ему видъ буяна, готоваго вступить въ драку съ

* Одно изъ громаднѣйшихъ зданій въ Одессѣ.

Digitized by Google

сосѣдними домами. Въ этомъ домѣ жили счастливые супруги: ребъ Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ и жена его Мени-Кройна, съ ихъ пузатыми и курчавыми ребятишками. Супруги жили въ совершенномъ мирѣ и спокойствіи, если не считать ровно по двѣ ссоры на каждыя сутки, т. е. утромъ и вечеромъ. Утромъ ссору затѣвалъ обыкновенно мужъ, а вечеромъ — жена. Чтобы понять это обстоятельство, мы начнемъ съ вечера.

Въ этотъ вечеръ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, ребъ Хаимъ-Шулимъ, любившій запивать кусокъ соленаго бараньяго курдюка кувшиномъ добраго молдаванскаго, пришелъ поздно домой, крѣпко пошатываясь на ногахъ и въ шляпѣ черезъ-чуръ нахлобученной на глаза. Жена, отворявшая ему дверь, ворчала и бранилась.

— М-мъ, *паскудняк!* произнесла она сердито: — опять залилъ глаза *какъ бестія*.

— Молчи, *Мимикуцъ*, отвѣчалъ мужъ, который, не знаю почему, называлъ ее этимъ именемъ, когда хотѣлъ нѣжничать. — Ей Богу, молчи!

— Нѣтъ, не буду молчать, а буду кричать по всѣмъ улицамъ, возразила Мени-Кройна, она же и Мимикуцъ, входя за своимъ шатающимся мужемъ въ комнату. — Буду кричать, что ты негодяй и *гультяй*.

— Я гультяй, произнесъ мужъ печально, садясь на скамью и стараясь освободиться отъ своей взбунто-

Digitized by Google

вавшейся шляпы съ широкими полями, которая упрямо лѣзла не вверхъ, а внизъ. — Я гультяй! Развѣ я съѣмъ кусокъ хлѣба, не умывши прежде рукъ? Развѣ у меня нѣтъ бороды? Развѣ я не вѣрю въ Бендерскаго цадика? Я гультяй!.. Ты врешь, Мимикуцъ, какъ подлѣйшая собака, чтобъ мнѣ такъ Богъ далъ здоровье и счастье!

— Еще будешь ругаться, ты *гугоманъ:* * Смотри, чтобъ я тебѣ не плюнула въ рожу! вскрикнула жена.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ, который хотя и былъ здоровый мущина, а его нѣжная половина была маленькая и сухопарая женщина, однако струсилъ, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ не исполнила своей угрозы. Секретъ лежалъ въ томъ, что онъ весьма дорожилъ своею физіономіею, потому что имѣлъ большіе чорные глаза, великолѣпный носъ съ порядочнымъ горбомъ, густую чорную бороду, и вообще въ своемъ грязномъ кварталѣ, наполненномъ курносыми шинкарями и чахоточными меламдами, могъ называться красивымъ мущиной. Ему очень не хотѣлось получить плевка въ лицо.

— Слушай, ты, баба, сказалъ онъ: — будемъ мириться.

— Помирись ты съ лихорадкой, отвѣчала жена. — Ложись лучше спать.

---

* По-молдавски значитъ: болванъ, дуракъ.

Digitized by Google

— Поцалуемся, продолжалъ мужъ, желая ее обнять.

— Цалуйся съ *Малахамувесомъ* *, отвѣчала жена и бросилась въ постель.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ махнулъ рукой, сталъ раздѣваться и вскорѣ захрапѣлъ во всю ивановскую.

Утромъ онъ всталъ не въ духѣ: послѣ прекраснаго молдавскаго вина и соленаго курдюка у него было кисло и сухо во рту. Онъ наскоро помолился и угрюмо крикнулъ: Завтракать!

Пока жена суетилась около печки въ передней комнатѣ, служившей кухней и дѣтской, мужъ усѣлся за свой рабочій столъ въ спальнѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и мастерскою. Читатель уже, разумѣется, догадался, что ребъ Хаимъ-Шулимъ былъ часовой мастеръ, потому что въ то время въ Кишиневѣ, по большей части, евреи, если не былъ шинкаремъ, или меламдомъ, или шадхаомъ **, или лавочникомъ, или подрядчикомъ, то былъ непремѣнно часовымъ мастеромъ. Въ первой юности своей ребъ Хаимъ-Шулимъ предполагалъ быть музыкантомъ и учился играть на цымбалахъ. Объ этомъ узналъ дядя его, исправлявшій должность раввина въ пресловутомъ городѣ Оргѣевѣ, и очень оскорбился. Онъ написалъ племяннику письмо, въ которомъ объ-

* Ангелъ смерти.

** Лицо, занимающееся сватовствомъ.

Digitized by Google

яснилъ, что онъ, племянникъ осквернитъ весь ихъ *гихесъ* *, если поступитъ въ музыканты; что покойный отецъ его непремѣнно перевернется въ гробѣ, когда узнаетъ объ этомъ; и что, наконецъ, всѣ музыканты — *апикойресы* **, служатъ діяволу, и отправляются послѣ смерти прямо въ адъ, чтобъ тамъ кипѣть въ растопленномъ сургучѣ въ теченіе обыкновенной адской земской давности, т. е. ста милліоновъ лѣтъ. Племянникъ съ одной стороны пожалѣлъ фамильный *гихесъ*, а съ другой испугался адской земской давности и — пошелъ въ часовые мастера. Кто его училъ — это не наше дѣло; а дѣло въ томъ, что, выучившись ремеслу, онъ женился на Мени-Кройнѣ, взялъ за нею въ приданое извѣстный намъ домъ, и въ настоящее время былъ извѣстенъ во всемъ Кишиневѣ какъ хозяинъ прекрасной вывѣски, на которой былъ нарисованъ красный единорогъ, держащій въ переднихъ лапахъ синій циферблатъ, съ розовою надписью подъ нимъ: „Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ“, въ каковой надписи было не менѣе двадцати ошибокъ. Сверхъ того, для большей вѣрности, внутри мастерской на окнѣ, на показъ всѣмъ проходящимъ, висѣло болѣе дюжины карманныхъ часовъ золотыхъ и серебряныхъ, находившихся у него въ починкѣ. Онъ иногда пользовался

---

* Семейное достоинство. Отсюда—меihхесъ, аристократъ.

** Эпикуреецъ, вольнодумецъ.

Digitized by Google

услугами этихъ часовъ, т. е. закладывалъ какіе-нибудь изъ нихъ, когда нечего было посылать на базаръ; а когда ихъ нужно было возвратить хозяину, то закладывалъ другіе. Такимъ образомъ онъ дѣлалъ постоянный оборотъ чужими часами; но никто не могъ пожаловаться, чтобъ ребъ Хаимъ-Шулимъ не возвратилъ часовъ въ исправности, хотя этотъ возвратъ, по приведеннымъ нами причинамъ, иногда замедлялся. Конечно, строго судя, можно было полагать, что кто нибудь долженъ же наконецъ пострадать, когда неначто будетъ выкупить его часовъ и не будетъ другихъ для замѣны; но такъ какъ у ребъ Хаимъ-Шулима недостатка въ работѣ не было, то этотъ послѣдній страдалецъ могъ оказаться только вслучаѣ внезапной смерти нашего часоваго мастера. Опасаться же этого не было достаточной причины, потому что если ребъ Хаимъ-Шулимъ, дѣйствительно имѣвшій очень короткую и толстую шею, могъ умереть отъ апоплексіи, то и послѣдній хозяинъ заложенныхъ часовъ могъ также умереть отъ Кишиневской лихорадки. Стало быть, шансы были равные.

Мы оставили ребъ Хаимъ-Шулима за рабочимъ столомъ въ ожиданіи завтрака, который иногда состоялъ изъ огромной дунайской селедки, покрошенной на половину съ лукомъ, иногда изъ полдесятка круто сваренныхъ яицъ, а иногда изъ большой чаши паренаго молока. Въ это утро очередь была за молокомъ.

Digitized by Google

Ребъ Хаимъ-Шулимъ погрузилъ огромный ломоть хлѣба въ чашу, поставленную передъ нимъ женой.

— Опять скипѣлось! вскричалъ онъ, бросивъ пылающій взглядъ на жену.

— Ахъ, смотри, пожалуйста, опять скипѣлось, отвѣчала Мени-Кройна робко.—Должно быть, молоко нехорошее.

— Врешь, не молоко нехорошее, а ты хозяйка дрянная, чтобъ Господь избавилъ меня отъ тебя скорѣй!

Какъ можно, я, право...

— Замолчи, уродъ! Всю харю залью молокомъ... Кастрюли ты не вымыла, вотъ что.

— Я не вымыла кастрюли! Чтобъ мнѣ руки отсохли!

— Дай Боже, чтобъ таки отсохли! Ишь ты, молоко нехорошее... Знаю я тебя. Никогда не подашь завтрака, какъ слѣдуетъ. То съ яйцами, то съ молокомъ, то съ селедкой непремѣнно что-нибудь да случится.

— Ну, не сердись же: право, ужъ этого не будетъ.

— Да, разсказывай, не будетъ. Каждое утро ты меня бѣсишь.

— А ты меня каждый вечеръ.

При этомъ сильномъ аргументѣ ребъ Хаимъ-Шулимъ замолчалъ и принялся уписывать куски желто-бураго творогу, плававшіе въ океанѣ блѣдной жидкости, которая не переставала бы быть молокомъ, еслибъ Мени-

Digitized by Google

Кройна не забыла очистить стѣнки кастрюли отъ остатковъ варениковъ, которые тамъ вчера помѣщались.

Теперь для читателя сдѣлалось ясно, что ссору въ вечеру затѣвала жена оттого, что мужъ выпивалъ всегда однимъ стаканомъ больше, чѣмъ слѣдовало, а утромъ мужъ оттого, что завтракъ никогда не былъ въ исправности.

Отчего же, спрашивается, Мени-Кройна, такая исправная жена, успѣвшая въ теченіе своего десятилѣтняго замужества подарить мужу семь человѣкъ дѣтей, была такая *шлимазальница* * въ отношеніи мужнина завтрака?

Дѣло въ томъ, что Мени-Кройна была влюблена въ своего мужа и считала его первымъ красавцемъ во всемъ Кишиневѣ. Чтобы быть достойной своего мужа, она уже заурядъ считала и себя красавицей. Она была увѣрена, что когда въ субботу идетъ съ мужемъ въ синагогу или послѣ обѣда къ кому-нибудь въ гости, то непремѣнно изо всѣхъ оконъ выставляются головы и всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Смотрите, какая прекрасная пара!“ Единственнымъ средствомъ для поддержанія этой репутаціи она считала тщательное занятіе туалетомъ. Она подбривала волосы на головѣ, для того, чтобъ лобъ ея казался широкимъ и блестящимъ. Она носила *штернъ-*

---

* Разиня, неряха.

Digitized by Google

тихлъ * съ огромною мѣдною позолоченною цѣпью, около которой былъ нашитъ жемчугъ, конечно, мелкій, желтый, зубастый и горбатый, но все-таки жемчугъ. Не думайте, однакожъ, чтобъ его было очень много; напротивъ, по выраженію одного остряка, отъ одной жемчужины до другой нужно было ѣхать на почтовой тройкѣ битыхъ три часа. Относилась ли эта колкость только къ жемчужной повязкѣ Мени-Кройны или же и къ содержателю Кишиневской почтовой станціи, котораго лошади славились отсутствіемъ ногъ,—я не знаю; знаю только то, что Мени-Кройна, она же, въ извѣстныхъ случаяхъ, и Мимикуцъ, имѣла *штернъ-тихлъ*, и очень гордилась имъ. Къ переднимъ *колесамъ* обѣихъ половинокъ повязки было прицѣплено по сережкѣ, и къ заднимъ колесамъ по сережкѣ, такъ что у Мени-Кройны одна пара серегъ красовалась на лбу, а другая пара подъ висками. Серьги эти были очень длинной формы, выкованы изъ серебра, и назывались *алмазными*, вѣроятно потому, что по мѣстамъ дѣйствительно были насажены какіе-то тусклые камешки, для того, чтобы блескъ серебра ярче бросался въ глаза. Какъ бы то ни было, а весь свѣтъ зналъ, что алмазныя серьги Мени-Кройны цѣнились въ *пятьдесятъ* талеровъ. Надо знать, что это были не настоящіе талеры, не тѣ испанскіе *кругляки*, которые ходили одною четвертою

* Головной уборъ, вышедшій нынѣ изъ употребленія.

Digitized by Google

частью дороже нашихъ карбованцевъ, и которые—увы!—вмѣстѣ съ нашими карбованцами исчезли съ лица земли. Нѣтъ, не безпокойтесь. Серьги Мени-Кройны цѣнились на Кишиневскіе талеры, а въ Кишиневѣ въ то время должность талера исправлялъ простой гривенникъ. На тамошнемъ языкѣ сначала гривенникъ назывался *лево*, а *лево* все равно что піастръ, а отъ піастра до талера, какъ отъ высокаго до смѣшного,—одинъ шагъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что алмазныя серьги Мени-Кройны стоили *пятьдесятъ* гривенниковъ, какъ одна копѣйка. Отъ подбородка Мени-Кройны, вверхъ по обѣимъ щекамъ, восходила тоненькая косынка и на самомъ темени оканчивалась узломъ. Въ этой выпуклой повязкѣ, маленькая Мени-Кройна, съ своимъ лоснящимся покатымъ лбомъ, большими черными на выкатъ глазами и острымъ, взнузданнымъ посредствомъ косынки, подбородкомъ, по моему мнѣнію, болѣе походила на поджарую лошадку въ англійской шорѣ, чѣмъ на прелестную дщерь Израиля; но она была противнаго мнѣнія. Она полагала, что именно такова была наружность нашей прабабушки Ребекки, когда она впервые предстала передъ Исаакомъ. Въ силу такого предразсудка, Мени-Кройна каждое утро подбривала лобъ и прикрѣпляла себѣ шоры,—виноватъ! — повязку, очень тщательно и долго. А такъ-какъ зеркало, висѣвшее на стѣнѣ передъ печкой, дошедшее къ Мени-Кройнѣ по наслѣдству отъ матери, еще въ младенчествѣ своемъ попало въ

Digitized by Google

лоханку съ помоями, отчего въ немъ на самой серединѣ образовались двѣ трещины и одно темное пятно, то вслѣдствіе этого Мени-Кройна всегда должна была очень долго вертѣть головою, чтобъ удостовѣриться, что у нея не полтора носа, не три и три четверти глазъ, и что отражавшееся въ зеркалѣ ужасное множество жемчуга и драгоцѣнныхъ камней есть не болѣе какъ пріятная мечта. Эти упражненія были причиной, что завтракъ ребъ Хаимъ-Шулима постоянно оказывался въ неудовлетворительномъ состояніи.

Объяснивъ все какъ, слѣдовало, я, однакожъ, какъ правдивый историкъ, долженъ прибавить, что, за исключеніемъ этой ежедневной двукратной перебранки, во всемъ прочемъ супруги были очень довольны другъ другомъ, и мужъ, какъ подобаетъ вѣрному супругу, даже отчасти побаивался своей жены. Бранчивыя ихъ выраженія и проклятія, отъ частаго употребленія, потеряли въ глазахъ ихъ всякое значеніе; и если Мени-Кройна иногда изъявляла желаніе, чтобъ мужъ сломилъ себѣ шею, а ребъ Хаимъ-Шулимъ высказывалъ нетерпѣніе скорѣе похоронить жену, то это были только пустыя слова, въ которыхъ было ровно столько же правды и искренности, сколько и въ нашихъ словахъ, когда мы освѣдомляемся „о драгоцѣнномъ здоровьѣ пріятеля“, или когда, заканчивая письмо, мы подписываемся: „вашъ преданнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга“.

Digitized by Google

II.

Былъ жаркій лѣтній день. Ребъ Хаимъ-Шулимъ возсѣдалъ за обѣденнымъ столомъ безъ верхняго платья; противъ него сидѣла его жена въ полномъ вооруженіи; кругомъ помѣщались дѣти. Супруги были оба весело настроены, — онъ потому, что выпилъ добрый стаканъ трехпробной водки, а она, — потому, что, проходя съ супомъ мимо извѣстнаго намъ зеркала, успѣла увидѣть, какъ граціозно болтались серьги.

— Э-эхъ, жена! вскричалъ мужъ. — Знаешь, что я придумалъ? Очень хорошо быть богатымъ.

— Ба, ба, ба, что и говорить! отвѣчала жена.

— Вотъ, напримѣръ, продолжалъ мужъ: — будь мы богаты, я послѣ такой славной чарки закусилъ бы голландской селедкой, а не началъ бы прямо съ картофельнаго супа.

— То-то и есть, отвѣчала жена: — голландскія сельди, говорятъ, очень малы ростомъ и очень дороги, — *не по нашимъ костямъ*. Что тебѣ одна! Тебѣ бы нужно полдюжины.

— Безъ всякаго сомнѣнія, замѣтилъ мужъ.

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы и яйца, продолжала жена: — богачи ѣдятъ ихъ въ смятку, ну, а нашему брату нельзя. Тебѣ полдесятка на одинъ глотокъ мало будетъ. А вотъ крутыя совсѣмъ другое дѣло: съ ними можно полхлѣба уписать.

Digitized by Google

— Эхъ, Мимикуцъ, Мимикуцъ, будемъ ли мы богаты когда-нибудь?

— Кто его знаетъ, можетъ и будемъ. У меня сны всегда бываютъ такіе добрые. Вотъ и въ эту ночь мнѣ снилось, что я ловила рыбу и цѣлую корзину послала въ подарокъ Бендерскому цадику.

— И я ловлю рыбу во снѣ, мама, душенька, подхватила осьмилѣтняя Ханеле: — только ты меня всегда больно сѣчешь послѣ этого.

— Молчи, сорока! крикнула на нее мать. — Когда тата кушаетъ, такъ говорить нельзя.

Вдругъ въ сѣняхъ послышался ужасный стукъ. Двери съ шумомъ распахнулись, и въ комнату ворвался закадычный пріятель ребъ Хаимъ-Шулима, почтенный ребъ Хаскель Шкаликманъ, небольшой и проворный человѣчекъ, съ безпокойными глазками, румяный и рябой до расточительности. Онъ былъ весь въ поту: видно было, что онъ бѣжалъ во всѣ лопатки. Поясъ на его кафтанѣ развязался и болтался у него межъ ногами, а шляпа такъ сдвинулась на затылокъ, что когда ребъ Хаскель подбѣжалъ къ столу, то его засаленная ермолка прямо упала въ суповую чашу.

— Ой, упаду въ обморокъ! кричалъ ребъ Хаскель. — Ой, уфъ, не выдержу! Дайте мнѣ сѣсть!

— Что такое? что такое? вскричали оба супруга въ одинъ голосъ.

— Ой, уффффъ! продолжалъ ребъ Хаскель, опуска-

Digitized by Google

ясь на стулъ. — Ребъ Хаимъ-Шулимъ, отецъ мой... Мени-Кройна, мать моя... не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! Уффъ!

— Что такое случилось? повторили супруги, которыхъ лица были блѣдны, какъ полотно, и которые отъ ловкихъ пріемовъ гостя, разумѣется, перепугались донельзя.

— Милые мои, дорогіе мои, продолжалъ гость: — соберите всѣ свои силы... Ооохъ!.. Гдѣ моя ермолка?

И ребъ Хаскель сталъ мокрою ермолкою обтирать потъ, катившійся въ три ряда по его лицу.

— Ай, ай, горе мнѣ, *мрачно* мнѣ! вскричала вдругъ Мени-Кройна. — Знаю, знаю! Вѣрно уже указъ пришелъ... пришелъ... пришелъ! Горе мнѣ, дѣти мои, кровь моя!

И она, какъ помѣшанная, бросилась обнимать и прижимать къ сердцу своихъ четырехъ дѣвочекъ, перебѣгая отъ одной къ другой и испуская отчаянные вопли надъ ихъ головами. Испуганныя дѣвочки, въ свою очередь, начали громко рыдать, а глядя на нихъ, заголосили уже и мальчики, отчего поднялся невыносимый вопль и вой. Ребъ Хаимъ-Шулимъ стоялъ блѣдный, разстроенный, воткнувъ палецъ въ лобъ, какъ человѣкъ, который начинаетъ догадываться, въ чемъ дѣло; а ребъ Хаскель продолжалъ вытирать лицо ермолкою, удивляясь крѣпко, отчего это, чѣмъ болѣе

Digitized by Google

онъ вытираетъ свою физіономію, тѣмъ мокрѣе она становится.

Что жъ это такое за ребъ Хаскель, и что это за указъ, который повергъ всю семью въ слезы и отчаяніе?

Ребъ Хаскель Шкаликманъ былъ извѣстенъ во всемъ городѣ за разносчика всякихъ новостей, — это собственно было его капитальное занятіе. Для развлеченія, онъ еще содержалъ питейный домъ и промышлялъ продажей билетовъ Варшавской пятиклассной лотереи, которая тогда была дозволена въ Имперіи. Онъ получалъ лотерейные билеты отъ ребъ Бороха Прутикмана, который содержалъ постоялый дворъ и торговалъ рогатымъ скотомъ; Прутикманъ получалъ ихъ отъ ребъ Теодореса Цифермана, который служилъ кассиромъ въ питейной конторѣ, имѣлъ бакалейную лавку и занимался казенными подрядами; а этотъ получалъ ихъ уже прямо изъ Одессы, отъ самого Маркуса Владиміровича Пробкемана, который, будучи коллекторомъ, получалъ ихъ изъ Варшавы и, кромѣ коллекторства и картежной игры, уже болѣе ничѣмъ другимъ не занимался. — Что же касается до указа, то дѣло въ томъ, что въ то время между евреями носились слухи, что еврейскихъ дѣвушекъ всѣхъ заберутъ на казенныя фабрики, и эти слухи были предметомъ постоянныхъ толковъ кумушекъ и всякаго легковѣрнаго и празднаго люда. Мени-Кройна, какъ догадливая жен-

Digitized by Google

щина, сообразивъ, что государство крѣпко нуждается въ рабочихъ рукахъ ея четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшей было восемь лѣтъ, а младшей едва три года, — и зная, что всякую важную новость ребъ Хаскель Шкаликманъ долженъ знать прежде всѣхъ, даже прежде губернатора, была увѣрена, что страшный указъ о дѣвушкахъ уже полученъ, о чемъ ребъ Хаскель и прибѣжалъ ихъ увѣдомить.

Говорятъ, и очень основательно, что ожиданіе неизвѣстнаго несчастія гораздо хуже самого несчастія. Какъ ни была увѣрена Мени-Кройна, что ребъ Хаскель принесъ вѣсть о страшномъ указѣ, въ силу котораго завтра же забрѣютъ лобъ ея дочерямъ: Ханеле, Генеле, Этеле и Іентеле,—дѣвочкамъ непремѣнно будутъ брить лбы, какъ новобраннымъ рекрутамъ,—какъ, говорю я, ни была Мени-Кройна увѣрена въ этомъ, однако все-таки желала услышать скорѣе всѣ подробности этой новой ужасной *гзейры*; * и потому отчаянная мать подбѣжала къ гостю и начала теребить его за бороду, испуская оглушительные крики. За нею послѣдовали и дѣти, которыя, глядя на мать и находя, что ребъ Хаскель долженъ быть самый лютый врагъ ихъ дома, тоже стали тормошить со всѣхъ сторонъ несчастнаго разносчика новостей.

— Душегубецъ, разбойникъ! кричала Мени-Кройна.

---

* *Гзейра*— взысканіе.

Digitized by Google

на.—Говорите же, какъ и что! Говорите, чтобъ я уже знала, что у меня нѣтъ дѣтей.

— Богъ съ вами! отвѣчалъ пришедшій нѣсколько въ себя ребъ Хаскель. — Какія тамъ дѣти, Богъ съ вами! Это совсѣмъ не то...

— Не то! вскрикнули обрадованные мужъ и жена.— Такъ что же, ради Бога?

— Не кричите же такъ, отвѣчалъ ребъ Хаскель:— и уймите дѣтей. Вы меня такъ оглушили своимъ воплемъ, что я совсѣмъ растерялся.

— Ну, ну, хорошо, подхватилъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.—Говорите же скорѣй.

— А вотъ что, сказалъ ребъ Хаскель.—Вѣдь вы держите у меня четверть лоттерейнаго билета?

— Ну...

— Номеръ *пятьсотъ десятый?*...

— Ну, ну...

— Соберитесь же съ духомъ, милые мои, дорогіе мои...

— Ахъ, чтобъ вы издохли, проклятый мучитель! вскричалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Постойте же... успокойтесь..... отвѣчалъ ребъ Хаскель, мигая своими маленькими глазками то на мужа, то на жену, какъ бы опасаясь, чтобъ они не упали замертво.—Успокойтесь... вашъ билетъ..... выигралъ.

— Ай, неужели?

Digitized by Google

— Какъ я ношу бороду и *пэисъ*!

— Выигралъ?.. билетъ?.. мой? горланилъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.—Сколько же, отецъ, родитель, другъ вы мой сердечный?

— Весь билетъ выигралъ двѣсти тысячъ польскихъ злотыхъ.

— Такъ сколько жъ это приходится мнѣ?

— Вамъ пятьдесятъ тысячъ.

— Сколько же это по нашему?

— Семь тысячъ пятьсотъ *жербелей*, т. е. семьдесятъ пять тысячъ левовъ.

— Слышишь, жена? вскричалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, котораго лицо сіяло отъ счастія.

— Слышу, слышу, отвѣчала Мени-Кройна, все это время не перестававшая весело кивать головой, отчего обѣ пары серегъ работали безъ устали.

— Семь-де-сятъ-пять ты-сячъ! повторилъ ребъ Хаимъ-Шулимъ протяжно.—Фу, какая куча левовъ!.. Что вы, однакожъ, за скотина, ребъ Хаскель! Почему не сказать сразу!..... Мимикуцъ, ура! *Гвалтъ* буду я кричать: ура!.. Ну, отправимся же скорѣй, ребъ Хаскель, побѣжимъ, побѣжимъ какъ стрѣла изъ лука!

И въ комнатѣ все пошло вверхъ дномъ. Ребъ Хаимъ-Шулимъ метался изъ угла въ уголъ какъ бѣшеный, стараясь одѣться какъ можно скорѣй и роняя изъ рукъ все, за что ни хватался; за нимъ метался и ребъ Хаскель, спотыкаясь на каждомъ шагу и шаря по всѣмъ

Digitized by Google

угламъ, самъ не зная, для чего; по ихъ слѣдамъ прыгала Мени-Кройна, размахивая руками и повторяя безпрестанно: „На, на“, какъ будто подавая что-нибудь, хотя она рѣшительно ничего не подавала; между всѣми же ими кувыркалась вся ватага дѣтей, и безпрестанно то одному, то другому попадала подъ ноги.

— Побѣжимъ, побѣжимъ, ребъ Хаскель, кричалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

— Побѣжимъ, побѣжимъ, ребъ Хаимъ-Шулимъ, повторилъ ребъ Хаскель.

— Смотри же, Мени-Кройна, душа моя, чтобъ тово..... какъ бишь оно называется, продолжалъ кричать ребъ Хаимъ-Шулимъ.

— Будь спокоенъ на счетъ этого, отвѣчала жена, хотя вовсе не понимала, о чемъ хотѣлъ мужъ говорить.

— Такъ и слѣдуетъ, кричалъ въ свою очередь ребъ Хаскель, тоже ничего не понимавшій.

— Ого-го, у меня такъ! продолжалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

— Ого-го, такъ, такъ! повторилъ ребъ Хаскель.

И оба бросились къ двери. Опрокинувъ на пути столъ и стукнувшись лбами, они не переставали размахивать руками и испускать неопредѣленные звуки и, наконецъ, вырвались на улицу. И побѣжали они, и побѣжали, и побѣжали съ такою силой, какъ будто все населеніе ада гналось за ними.

Мени-Кройна тоже не дремала. Шестерыхъ дѣтей

Digitized by Google

разослала она съ извѣстіемъ о радостномъ событіи ко всѣмъ теткамъ, двоюродныхъ сестрицамъ, свахамъ и знакомыхъ, вблизи и вдали живущимъ; седьмое дитя было отправлено съ этимъ же порученіемъ къ повивальной бабкѣ; сама же она Мени-Кройна, по наведеніи надлежащей справки въ зеркалѣ насчетъ положенія дѣла о серьгахъ, надѣла капотъ на одинъ рукавъ и тоже пустилась въ путь. По временамъ она глубоко вздыхала и испускала громкіе стоны, какъ будто изнемогая подъ тяжестью важнаго извѣстія, которое она самолично взялась доставить одной изъ своихъ сосѣдокъ, хотя она ея терпѣть не могла, и пользовалась отъ нея такою же взаимностью.

Долго бѣжали ребъ Хаимъ-Шулимъ съ ребъ Хаскелемъ, и ни разу не пришелъ имъ въ голову вопросъ: куда именно и для чего они бѣгутъ. Наконецъ, они добѣжали до главнаго рынка, гдѣ много погребовъ, много лавокъ, много мѣнялъ, много столиковъ и ларей съ разнымъ хламомъ, много дегтярнаго запаху, много дряни и много сброда всякаго сорта. Тутъ они остановились, чтобъ перевести духъ. Черезъ минуту весь этотъ рынокъ уже зналъ въ чемъ дѣло, и когда наши скитальцы пустились бѣжать далѣе, все-таки не зная куда и зачѣмъ, то за ними уже бѣжала и половина этого рынка. Какъ маленькій комокъ снѣга, сорвавшійся съ вершины Альповъ, стремясь внизъ, выростаетъ на пути до громадныхъ размѣровъ и подъ конецъ стано-

Digitized by Google

вится катящеюся горою, — такъ эта толпа бѣгущихъ, въ каждой улицѣ, получала новый контингентъ и увеличивалась все болѣе и болѣе. Съ другой стороны и посольства, снаряженныя Мени-Кройною, тоже оказали очень скорый успѣхъ, и толпы бѣгущихъ образовались по разнымъ улицамъ и въ разныхъ направленіяхъ. Такимъ образомъ, сумятица сдѣлалась всеобщая и черезъ часъ времени, не болѣе, половина Кишиневскаго еврейскаго населенія бѣжала по всѣмъ рынкамъ, улицамъ, переулкамъ, закоулкамъ и проѣздамъ, и никто не зналъ зачѣмъ и куда бѣжитъ, да и никто объ этомъ не заботился. Надобно было бѣжать, потому что кто-то выигралъ милліонъ, пять милліоновъ..... нѣтъ не выигралъ, а получилъ въ награду отъ Варшавскаго намѣстника... нѣтъ, не отъ намѣстника, а отъ Ротшильда... нѣтъ, самъ Ротшильдъ, переодѣтый, ходитъ по улицамъ Кишинева..... нѣтъ, не переодѣтый, а въ генеральскомъ мундирѣ, съ брилліантовыми пуговицами... и прочая, и прочая, и прочая. И былъ это знаменитый день въ знаменитомъ городѣ Кишиневѣ, и занесъ, по приказанію кагала, кагальный писарь въ *пинкасъ* * этотъ день подъ заглавіемъ: „Такого-то года и числа, *понедѣльникъ, день великой бѣготни*“.

Долго ли, коротко ли бѣжалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ съ ребъ Хаскелемъ Шкаликманомъ, — это по-

* Общественная лѣтопись.

Digitized by Google

крыто толстымъ слоемъ неизвѣстности; исторія сохранила только слѣдующіе факты: сначала къ нимъ присоединился трехаршинный ребъ Борохъ Прутикманъ, который, не смотря на то, что одна нога у него была нѣсколько короче другой, тоже пробѣжалъ съ ними порядочное разстояніе; потомъ всѣ трое захватили съ собою и широкоплечаго ребъ Теодореса Циферманa, и съ нимъ еще пробѣжали немалое пространство. Затѣмъ, размахивая руками и крича всѣ вмѣстѣ, они очутились въ одномъ погребѣ, гдѣ продавалось доброе полынное вино; тутъ они усѣлись за столомъ, на которомъ ребъ Теодоресъ Цифермань разостлалъ полученную изъ Одессы огромную печатную табель, покрытую цифрами, которыя казались разбѣжавшимися по всѣмъ направленіямъ, подобно тому какъ разбѣгаются муравьи, когда кто-нибудь потревожитъ ихъ гнѣздо. Потомъ они всѣ четверо уткнули пальцы въ то мѣсто табели, гдѣ стояла сумма 510 и возлѣ нея другая сумма 200,000; а за этимъ они уже замолчали, подняли головы и начали кивать другъ на друга, пріятно улыбаясь. Далѣе повѣствуетъ исторія, что на столѣ появилось нѣсколько *ожъ* * вина, которыя собесѣдники истребили очень скоро; что потомъ они опять побѣжали, и опять куда-то завернули; что это повторилось нѣсколько разъ до вечера; и что, наконецъ, уже поздно вечеромъ, ребъ Хаимъ-Шулимъ

* Мѣра жидкости, —около $2^1/_2$ кварт.

Digitized by Google

причалилъ домой, въ своемъ обыкновенномъ, сомнительно-величественномъ положеніи, съ крѣпко надвинутою на глаза шляпой и съ видимымъ ослабленіемъ нижнихъ оконечностей.

Мени-Кройна, отворяя мужу двери, только что хотѣла произнести свое обычное привѣтствіе, заключавшееся въ сильномъ словѣ „паскуднякъ“, но спохватилась, вспомнивъ, что отнынѣ обстоятельства приняли совсѣмъ другой оборотъ.

Мимикуцъ! крикнулъ входящій мужъ такимъ голосомъ, что семь маленькихъ головокъ, какъ будто по командѣ, поднялись съ разныхъ мѣстъ въ одинъ мигъ и потомъ опять опустились. — Мимикуцъ, ура! Чтобъ мнѣ Богъ такъ далъ здоровья и счастья, ура!

— Ну, ну, ура, отвѣчала Мени-Кройна, улыбаясь и помогая мужу усѣсться.

— То-то продолжалъ мужъ. — Ура, и еще разъ, ура!.. Мимикуцъ, слышишь, зась!

— Хорошо, хорошо, отвѣчала жена: — раздѣвайся и лягъ спать.

— Зась, говорятъ, не лягу! возразилъ мужъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

Онъ опустилъ голову на грудь и началъ тяжело дышать, какъ будто его душилъ домовой. Помолчавъ около минуты, онъ опять крикнулъ:

— Мимикуцъ, золотая жена моя... ѣду!

— Куда? спросила жена.

Digitized by Google

— Въ Одессу, за деньгами.

— Развѣ непремѣнно надо самому?

— Да, надо самому, потому что, видишь ли, деньги— капиталъ, а если капиталъ, такъ я, значитъ, *скоробогачъ*, а ребъ Хаскель Шкаликманъ выходитъ скотина, перепугалъ было на смерть, а ты тоже, дура, съ своею *гзейрою*, а онъ еще въ добавокъ мошенникъ, требуетъ десять процентовъ, а тотъ коллекторъ, бритая борода, въ Одессѣ, тоже подлецъ, ему давай пятнадцать процентовъ по положенію, а вы всѣ, значитъ, не стоите моей подметки, самъ лично обдѣлаю дѣло какъ мастеръ, а завтра, то есть легкій день вторникъ, значитъ на субботу въ Одессу прикачу, а *балагула*, * бриліантовая жизнь ты моя Мимикуцъ, получилъ задатокъ, чтобъ завтра непремѣнно рано маршъ, а ребъ Хаскель съ него тоже сорвалъ пять левовъ фактерства, бездѣльникъ этакой. Вотъ она въ чемъ штука, чтобъ мнѣ такъ Богъ далъ здоровья и счастья!

Облегчивъ душу этимъ безсвязнымъ монологомъ, ребъ Хаимъ-Шулимъ вскорѣ захрапѣлъ своимъ богатырскимъ храпомъ.

III.

На другой день рано утромъ Мени-Кройна укладывала въ большую толстую простыню багажъ мужа,

* Извощикъ.

Digitized by Google

готовившагося отправиться въ Одессу. Самъ мужъ, какъ привидѣніе въ сказкѣ, то исчезалъ изъ дому, то внезапно опять являлся: надо было прибѣгнуть къ извѣстному намъ способу закладыванія часовъ. А такъ какъ ребъ Хаимъ-Шулиму непремѣнно хотѣлось взять съ собою побольше денегъ, чтобы совершить свой путь съ подобающимъ достоинствомъ, то на этотъ разъ досталось по боку не однимъ часамъ, а тремъ разомъ. Ребъ Хаскель Шкаликманъ тоже уже семь разъ прибѣгалъ, принося съ собою каждый разъ извѣстіе, что *балагула* сію минуту прибудетъ. А поѣздка, по словамъ ребъ Хаскеля, будетъ знатная: четверка коней, — что твои львы, брика — просто корабль, а пассажировъ всего трое: ребъ Хаимъ-Шулимъ съ одной старушкой на первыхъ мѣстахъ, да еще одинъ очень хорошій человѣкъ насупротивъ, — больше никого. Не только прибудетъ ребъ Хаимъ-Шулимъ на субботу, въ Одессу, но еще успѣетъ тамъ, въ пятницу, и въ баню сходить.

— Только вы, Мени-Кройна, чтобъ вы мнѣ были здоровы, не забудьте ему халатъ положить, прибавилъ ребъ Хаскель: — тамъ, въ Одессѣ, очень жарко: я бывалъ уже и знаю. Соберутся этакъ человѣкъ шестнадцать на одну подводу и ѣдутъ въ халатахъ къ морю купаться. Очень, очень пріятно.

— Ваша правда, отвѣчала Мени-Кройна:—положу халатъ.

Digitized by Google

— А три или четыре подушки тоже надобно.

— Какъ-же! Подушки положила.

— И псалтырь не забудьте.

— А это зачѣмъ?

— Эхъ, Мени-Кройна, чтобъ вы мнѣ были здоровы! Одесса — городъ балованный, *гультяйскій*. Тамъ евреи ѣдятъ швейцарскій сыръ, а еврейки въ субботу съ зонтиками ходятъ.

Мени-Кройна заболтала своими серьгами и выпучила глаза на ребъ Хаскеля, все-таки не понимая, почему это мужу ея нужна псалтырь, если въ Одессѣ еврейки ходятъ въ субботу съ зонтиками.

— Балованный, балованный городъ, говорю я вамъ, продолжалъ ребъ Хаскель. — Соблазновъ для вашего мужа будетъ тьма: то въ кофейню, то въ театръ ему захочется. А лучше, знаете, когда съ нимъ будетъ псалтырь, то онъ въ свободные часы сядетъ и будетъ читать псалмы. Это и душеспасительно, и дешево.

— Ваша правда, отвѣчала Мени-Кройна, и пихнула псалтырь тоже въ узелъ.

— Чтожъ это нѣтъ фуражки? вскричалъ прибѣжавшій ребъ Хаимъ-Шулимъ. — Вѣдь уговоръ былъ, чтобъ рано выѣхать.

Ребъ Хаскель, вмѣсто всякаго отвѣта, собралъ около себя полы своего длиннаго и широкаго кафтана, и въ восьмой разъ исчезъ изъ комнаты.

— Уфъ, намучился же я сегодня, жена! сказалъ

Digitized by Google

ребъ Хаимъ-Шулимъ, садясь на лежавшій среди комнаты огромный узелъ съ багажемъ, и ударивъ себя по боковому карману. — Намучился, а таки досталъ.

А много? спросила жена.

— Много, душа моя: вѣдь нельзя же пріѣхать въ Одессу безъ ничего. „Кишиневскій нищій — скажутъ — выигрышемъ разбогатѣлъ“. А вотъ пріѣдемъ по-барски; мы, дескать, и безъ выигрыша люди не простые. Я для этого и беру еще съ собой вотъ тѣ часы, что съ золотою цѣпочкой и тремя печатями. Пусть эти Одесскіе знаютъ нашихъ!

— Такъ значитъ четырехъ часовъ будетъ недоставать?

— Что тамъ четырехъ, шестерыхъ, десятерыхъ! пріѣду назадъ, такъ всему этому дурачью часами глотки позатыкаю... А вотъ что, Мимикуцъ, страшно!

— Чего страшно?

— Страшно ѣхать. Вѣдь я еще въ жизнь мою никуда не выѣзжалъ... дальше нашего развалившагося фонтана за городомъ — не бывалъ. А тутъ возьми да поѣзжай, да еще куда — въ Одессу! Вѣдь говорятъ — городъ просто адъ.

— Вотъ, я тебѣ для этого и псалтырь положила въ узелъ.

— Что псалтырь? Псалтырь сама по себѣ, а что страшно, то страшно.

— Знаешь что? вскликнула вдругъ Мени-Кройна,

Digitized by Google

сверкнувъ глазами, какъ вдохновенная великою мыслію.— Вѣдь все это благодаря Бендерскому цадику. Онъ какъ былъ здѣсь прошлою зимой, и я ему поднесла приношеніе, сказалъ мнѣ еще тогда: „уповай, дочь моя: все будетъ хорошо“. Вотъ что! И теперь вотъ, передъ доброю вѣстью, я сказывала тебѣ, мнѣ снилось, что я послала ему корзину съ рыбой. Все онъ, видишь ли! Такъ надо быть благодарнымъ. Побывай у него въ Бендерахъ и поклонись чѣмъ-нибудь. Все онъ, все онъ, чтобъ ему жить сто двадцать лѣтъ! Побывай у него: онъ и отъ Одесскихъ напастей защититъ.

— Твоя правда, отвѣчалъ мужъ.—Такъ ужъ надо и у пятыхъ часовъ *попросить извиненія*. Повезу цадику тѣ вотъ, что попадья на продажу оставила.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ будущихъ Одесскихъ напастей вѣрною защитой всемогущаго цадика, въ которой онъ, безъ сомнѣнія, не откажетъ, когда познакомится съ часами попадьи,—ребъ Хаимъ-Шулимъ весело хлопнулъ одной рукой о другую.

— Ну, а что-жъ тебѣ, Мимикуцъ, привезти изъ Одессы? спросилъ онъ.

— Въ этомъ я уже полагаюсь на тебя, отвѣчала жена скромно. — Мнѣ бы только, вотъ, еслибъ новый капотъ...

— Новый капотъ!.. это ужъ разумѣется... А что ты скажешь, напримѣръ, насчетъ трехъ нитокъ жемчуга на шею, съ фермуаромъ по срединѣ?

Digitized by Google

У Мени-Кройны екнуло въ сердцѣ. Ей мгновенно представилась задача: какъ будетъ лучше,—чтобъ фермуаръ болтался, или не болтался?

— Ну, и фланели клѣтчатой на платье, продолжалъ мужъ.

— Да, клѣтчатой, съ большими, знаешь, клѣтками и туда и сюда, добавила жена, восторженно бросивъ обѣ руки сперва въ одну сторону, а потомъ въ другую.

— Ну, и персидскихъ шелковыхъ платковъ нѣсколько, продолжалъ мужъ.

Мени-Кройна четырнадцать разъ сряду чихнула при мысли о шелковомъ носовомъ платкѣ.

— Такъ уже кстати и полдюжины синихъ чулковъ съ красными стрѣлками, сказала она меланхолическимъ тономъ и наклонивъ голову на одинъ бокъ.

— Хорошо, съ красными стрѣлками, повторилъ мужъ.

— И наволоки новыя тоже.

— Тоже.

— И крымскія желтыя *мечты*, знаешь, какъ у кассирши?

— Такъ, такъ, щеголяй, жена, на пропалую.

И пару серебряныхъ подсвѣчниковъ, и утюгъ, и самоваръ, и наперстокъ, и одѣяло, и гарусныхъ лентъ три аршина, и хорошихъ Одесскихъ маслинъ, и славнаго во всемъ свѣтѣ шпрингеровскаго пластыря, и англицкихъ тарелокъ полдюжины, и серебряную перечницу, и мыла пахучаго, и мышеловку...

Digitized by Google

— Стой, Мимикуцъ? вскричалъ мужъ, прерывая вдохновенную рѣчь своей жены, и удивляясь, что сначала она ограничивалась однимъ капотомъ, а теперь пришла въ такой азартъ. Ребъ Хаимъ-Шулимъ, вѣроятно, не зналъ, что у французовъ есть пословица: аппетитъ приходитъ въ продолженіе ѣды. — Стой! Дай записать, а то забуду.

— Запиши же и для дѣтей тоже чего-нибудь, тупая твоя голова, презрительно отвѣчала Мени-Кройна, не понимая, какъ можно забыть такой пустякъ, когда она наизустъ и не переводя духа могла бы исчислить еще вдесятеро болѣе.

— Однако, чортъ побери! началъ опять ребъ Хаимъ-Шулимъ.—Фурмана все еще нѣтъ, а должно быть ужъ не рано.

Онъ машинально бросилъ глаза на знакомое намъ окно, на которомъ висѣлъ густой рядъ часовъ, для назиданія проходящихъ. Увы! въ этомъ ряду оказалось много промежутковъ, какъ въ ряду жемчужныхъ зубовъ красавицы, когда она сведетъ знакомство съ нашими дантистами; или еще вѣрнѣе, какъ въ ряду храбрыхъ солдатъ, когда вражеское ядро вырветъ изъ него нѣсколько добрыхъ товарищей. Какъ странно и таинственно устроено все на свѣтѣ! Въ Варшавѣ колесо повернулось въ какую-то сторону, а въ Кишиневѣ отъ этого сорвалось съ крючковъ пятеро часовъ на окнѣ у ребъ Хаимъ-Шулима. И, какъ будто чувствуя свою

Digitized by Google

утрату, остальные часы уныло безмолвствовали и не дали никакого отвѣта вопрошающему взгляду своего мастера. Онъ вынулъ изъ кармана тѣ, которые своими тремя печатями предназначены были для зажатія рта всей Одессѣ,—и эти тоже какъ будто набрали воды въ ротъ. Онъ обратился къ другому карману, гдѣ лежало предназначенное приношеніе Бендерскому цадику, и—тукъ, тукъ, тукъ, тукъ..... спасибо, что хоть въ часахъ попадьи искра жизни не совсѣмъ потухла.

Мени-Кройна, слѣдившая за движеніями мужа, которому одни только часы попадьи отдали рапортъ о состояніи времени, подумала въ душѣ: „Боже, что это за великій цадикъ! Еще только задумали мы подарить ему часы попадьи, какъ они уже оказываютъ чудеса и идутъ, хотя я увѣрена, что и ихъ забылъ мужъ завести, какъ и всѣ остальные“.

— Однако, ужъ скоро полдень, а фурмана нѣтъ, и ребъ Хаскель тоже запропастился гдѣ-то, сказалъ съ неудовольствіемъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.—А обѣдать ты сегодня не готовила?

— Не готовила, разумѣется, отвѣчала жена:—ты вѣдь рано долженъ былъ уѣхать.

— То-то рано, чтобъ ихъ чортъ побралъ всѣхъ! Достань хоть *брындзы* *, а я пойду за виномъ.

Усѣвшись за свой скромный обѣдъ, супруги въ первый разъ начали хладнокровно толковать о своемъ нео-

* Овечій сыръ.

Digitized by Google

жиданномъ счастьи и будущихъ планахъ. Мужъ полагалъ ограничиться однимъ часовымъ магазиномъ, и для этого привезти изъ Одессы хорошую коллекцію разныхъ часовъ, и въ добавокъ къ нимъ еще цѣпочки, запонки, янтарные мундштуки, лорнетки и тому подобныя мелочи, а жена полагала, что и для нея тоже должна быть устроена торговля, хоть бы, напримѣръ, крупчатою мукой или гарусомъ и бисеромъ. Она уже наперед воображала, какъ будутъ любоваться ею прохожіе, когда она будетъ сидѣть у своей стойки и вязать чулокъ, будто ничего не замѣчая и опустивъ глаза, а надъ глазами будутъ колыхаться серьги, къ которымъ она постарается прицѣпить еще одну пару. Еще долго толковали они о разныхъ разностяхъ; мужъ давалъ свои инструкціи женѣ, жена давала свои инструкціи мужу,—толковали, толковали, уже часъ, уже два часа, а балагулы нѣтъ-какъ-нѣтъ. Побѣжалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ въ тотъ постоялый дворъ, гдѣ онъ говорилъ до фурмана, — ему говорятъ— давно уже снарядился и выѣхалъ собирать *персоны* *; побѣжалъ онъ къ ребъ Хаскелю домой, — говорятъ— давно ушелъ. Надобно было вернуться домой, и ребъ Хаимъ-Шулимъ вернулся сердитый и усталый. Сѣлъ онъ на свой узелъ, возлѣ него сѣла жена, и начали они оба сердиться. Въ особенности она была неутѣшна, что потерянъ напрасно цѣлый день, и еще какой день,—

* На языкѣ балагулъ пассажиръ называется персоной.

Digitized by Google

вторникъ! самый счастливый къ предпринятію дальнихъ путешествій, и тѣмъ болѣе въ такой опасный и баованный городъ какъ Одесса, гдѣ еврейки ходятъ въ субботу съ зонтиками.

Солнце уже было довольно низко, когда подъ окнами раздалось давно желанное тпрррр..., и крикъ, и шумъ, и гамъ, и смѣшеніе многихъ голосовъ, какъ-будто нагрянулъ гуртъ воловъ съ Бѣльцской ярмарки. Слава Богу, это прикатила брика; но вмѣсто обѣщанныхъ ребъ Хаскелемъ четырехъ львовъ было только три. Въ глубинѣ брики лежало запакованное чучело, съ обвязаннымъ вокругъ головы бѣлымъ платкомъ, и обложенное подушками; противъ чучела сидѣли два худощавыхъ человѣка; на одной подножкѣ съ боку брики стоялъ, держась за козлы, какой-то молодой парень въ бараньей шапкѣ; на другой подножкѣ, также держась за козлы, стоялъ самъ шарообразный ребъ Хаскель Шкаликианъ.

— А отчего же это тройка, когда по уговору должна быть четверка? спросилъ ребъ Ханинъ-Шулинъ, таща свой багажъ къ брикѣ.

— Э... бэ!.. произнесъ ребъ Хаскель, соскочивъ съ подножки:—тройка, четверка, какъ іюнь и іюль— у меня все равно. За то посмотрите, что за звѣри,— просто львы.

Одинъ левъ былъ совершенно слѣпой, другой безхвостый, а третій корноухой и съ огромною опухолью на переднемъ колѣнѣ.

Digitized by Google

— Ну, продолжалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, простивъ отъ чистаго сердца своему пріятелю одного льва. — А это же человѣкъ, насупротивъ, какой? Вѣдь уговоръ былъ, чтобъ только одинъ сидѣлъ насупротивъ?

— Это? Это тоже очень хорошій человѣкъ, шопотомъ отвѣчалъ ребъ Хаскель, значительно тряхнувъ своею жиденькою бородкой.

„Ничего—думалъ незлобивый ребъ Хаимъ-Шулимъ, запихая съ помощью пріятеля свой узелъ въ брику:— ничего... Вмѣсто одного очень хорошаго человѣка, будетъ два очень хорошихъ человѣка“.

— А эта баранья шапка тоже ѣдетъ? спросилъ опять ребъ Хаимъ-Шулимъ.

— Э... бэ!.. отвѣчалъ ребъ Хаскель, кивнувъ энергически головой въ бокъ и закативъ глаза подъ лобъ.— Тоже мнѣ ѣзда..... Этотъ *такъ* только ѣдетъ.

„Экка шельма, этотъ Шкаликманъ—подумалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ: — это все его плутни съ извощикомъ. Насолю же и я ему когда-нибудь!“

Съ немалымъ трудомъ уложили багажъ въ брику, которая была полна по самые края пассажирскою поклажей. Пошли прощанья и обниманья; дѣти дергали отца за полы; Мени-Кройна терлась около мужа бокомъ, безъ устали посылая ему одно напоминаніе за другимъ. И письма чтобъ онъ писалъ, и самъ чтобъ скорѣй пріѣхалъ, и чтобъ не забылъ про чтеніе псалмъ, и про мышеловку, и про сорокъ восемь другихъ предметовъ.

Digitized by Google

— Ну, шабашъ! крикнулъ возница, усѣвшись на козлахъ.

Укутанное чучело вытаращило глаза; оба „очень хорошіе человѣка“ встрепенулись; „Баранья шапка“, укрѣпившись у какого-то гвоздя, свѣсила ноги наружу. Ребъ Хаимъ-Шулимъ началъ упаковывать въ брику свою особу, въ чемъ ему усердно помогалъ пріятель ребъ Хаскель, обходившійся съ нимъ посредствомъ пинковъ и кулаковъ, какъ обходятся съ мѣшкомъ шерсти, когда его хотятъ запхнуть въ тѣсное мѣсто. Несчастный ребъ Хаимъ-Шулимъ стоналъ и кряхтѣлъ; нѣсколько разъ онъ чуть-чуть не поцаловался съ чучеломъ; нѣсколько разъ доставалъ онъ каблуками сапогъ то одному, то другому „очень хорошему человѣку“ прямо въ зубы, и даже „Бараньей шапкѣ“ разъ досталось такъ, что она чуть не полетѣла внизъ головой. Наконецъ, когда онъ уже усѣлся, то оказалось, что, даже послѣ снятія съ головы шляпы, крыша брики все-таки изъявляла желаніе серьезно заняться шлифованіемъ его черепа.

— Ну, прощайте же! произнесъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Счастливый путь, счастливый путь! пропищали дѣти хоромъ.

— Счастливый путь! крикнула Мени-Кройна, воткнувъ голову въ брику. — Да не забудь псалмы читать.

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо, прощай!

— И кофею фунтъ привези...

— Хорошо.

— Самаго лучшаго!

— Прямо-де-прямо.

— Гит-тяй! крикнулъ балагула.

Бичъ хлеснулъ, и — фуръ, фуръ, фуръ, — брика торжественно двинулась въ путь, имѣя съ одного боку висячія ноги „Бараньей шапки", а съ другого боку стоящаго на подножкѣ раскраснѣвшагося ребъ Хаскеля.

У самаго выѣзда изъ города брика остановилась. Возница соскочилъ съ козелъ и началъ поправлять сбрую. Соскочилъ и ребъ Хаскель съ подножки, чтобъ проститься съ своимъ пріятелемъ. Изъ земли выросла какая-то высокая женщина съ узломъ въ рукѣ и начала карабкаться на козлы.

— Какъ, еще? вскричалъ удивленный ребъ Хаимъ-Шулимъ, котораго еще не утрясло хорошенько, отчего голова его все-еще служила подпоркой для бричечной крыши.

— Э... бэ!.. отвѣчалъ ребъ Хаскель: — это уже до васъ не касается: это — *персона на кельню...* * Ну, поѣзжайте мнѣ здоровы, мой любезный ребъ Хаимъ-Шулимъ, прибавилъ онъ, тряся его за руку: —

* Козлы.

Digitized by Google

непремѣнно поѣзжайте мнѣ здоровы и получите успѣхъ во всемъ... Да не забудьте уговоръ за мои проценты. А что на шабесъ въ Одессу поспѣете, — это такъ вѣрно, какъ я ношу бороду и пейсъ.

— Благодарю, угрюмо отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ: — прощайте!

„Что же касается до твоихъ процентовъ, — подумалъ онъ, — то слишкомъ жирно будетъ, собака: еще объ этомъ поспоримъ. Эти дохлыя клячи и три линіе пассажира выйдутъ тебѣ сокомъ“.

IV.

Поѣхали окончательно. Ребъ Хаимъ-Шулимъ протяжно вздохнулъ и началъ оглядываться. Съ одной стороны небо, поле и зеленая трава, — скука смертная; съ другой стороны зеленая трава, поле и небо,— такая же скука и пустота. То ли дѣло Кишиневъ! Если не грязь по уши, то песокъ по колѣна, если не погребокъ, то лавочка, если не карцы съ угольемъ, то куча соленой тарани, — а ужъ кучки людей, куда ни поворотишься. А тутъ все одно: трава да трава. Тоска.

Нашъ путешественникъ потянулъ хорошую порцію изъ кубышки съ виномъ, которымъ онъ не забылъ запастись, и сталъ оглядываться на своихъ спутниковъ. Мало по малу между ними завязался разговоръ, и тоска ребъ Хаимъ-Шулима стала постепенно разсѣиваться.

Digitized by Google

ся, въ особенности послѣ третьяго приложенія къ горлышку кубышки. Замѣтно было, что всѣ пассажиры, не исключая даже „Персоны на кольнѣ“, имѣли уже достаточныя свѣдѣнія объ особѣ ребъ Хаимъ-Шулима. Эти свѣдѣнія, конечно, болѣе или менѣе различались между собой, но въ одномъ они были совершенно сходны, т. е. въ самомъ главномъ, а именно: этотъ человѣкъ ѣдетъ въ Одессу, чтобы все тамошнее казначейство взять въ свое непосредственное распоряженіе. Всѣ ему оказывали нелицемѣрное уваженіе. Чучело, которое оказалось семидесятилѣтнею старухой, тотчасъ отдало себя подъ особенное покровительство ребъ Хаимъ-Шулима, и разсказало, что оно страдаетъ спячкой, спитъ иногда по шести сутокъ сряду, и ѣдетъ теперь въ Одессу пользоваться лиманомъ. Ни вы, мои читатели, ни я, до сихъ поръ не знали, что купанье въ лиманѣ помогаетъ отъ спячки. Слышалъ я, что лиманъ помогаетъ отъ золотухи, и то только тогда, когда его не употребляютъ. Какъ бы то ни было, а старуха, послѣ подробнаго описанія своей болѣзни, очень любезно заявила передъ ребъ Хаимъ-Шулимомъ, что у него одного только позволитъ себѣ взять деньги взаймы, такъ какъ она опасается, что у нея не хватитъ до Одессы. Ребъ Хаимъ-Шулимъ сдѣлалъ гримасу, и утопивъ ее въ жидкости кубышки, обратился за свѣдѣніями къ другимъ спутникамъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ насупротивъ былъ подбиратель мѣховъ изъ Бричанъ и ѣхалъ за

Digitized by Google

енотами; другой, сидѣвшій у него съ боку, былъ комнатный маляръ изъ Липканъ и ѣхалъ за вохрой и мѣдянкой; „Баранья шапка“ была изъ какого-то мѣстечка, котораго названіе кончается на *зенты*, и принадлежала къ табачной части; а „Персона на кельнѣ“ была изъ другого мѣстечка, которое кончается на *аушаны*, и оказалась по кухонному департаменту. Стало быть, все обстояло благополучно.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда голова ребъ Ханимъ-Шулима окончательно разсталась съ крышей брики, а самъ онъ очутился въ томъ положеніи, когда ноги выходятъ выше головы, а по бокамъ отъ вдавившейся мягкой поклажи образуются два огромныхъ бугра, не дающіе пошевелиться ни направо, ни налѣво. Частью отъ этого пріятнаго положенія, а частью отъ приложенія къ кубышкѣ, онъ задремалъ. Онъ проспалъ бы, можетъ быть, долго, но внезапный крикъ и шумъ разбудили его. Раскрывъ глаза, онъ почувствовалъ ѣдкій дымъ и острый запахъ горючей смолы. Оба „очень хорошіе человѣка“ и „Баранья шапка“ ругались съ фурманомъ и суетились у дышла; „Персона на кельнѣ“ стояла поодаль отъ дороги и держала отпряженныхъ лошадей; старуха, она же и чучело, охала, кашляла и молила о спасеніи. Съ трудомъ вырвался ребъ Ханимъ-Шулимъ изъ своей берлоги и соскочилъ на землю. Суматоха оказалась по причинѣ горѣвшей оси. Это бы еще ничего: можно потушить; но бѣда въ томъ,

Digitized by Google

что тушить уже было нечего: ось совершенно перегорѣла, значитъ — она горѣла довольно долгое время. Какимъ образомъ балагула этого не замѣтилъ, — это собственный его секретъ; дѣло въ томъ, что компанія осталась въ степи, среди глухой ночи.

— Какъ же теперь быть? спросилъ огорченный ребъ Хаимъ-Шулимъ.

— Пойдете пѣшкомъ до корчмы, если хотите поужинать и отдохнуть: всего версты три, хладнокровно отвѣчалъ балагула, принимаясь рубить огонь для своей трубки.

— Куда-жъ идти? я не знаю.

— А вотъ прямо: дорога столбовая, не собьетесь. Корчма большая; намъ все равно тамъ заночевать слѣдовало.

А съ брикой же какъ?

— Ужъ мы какъ-нибудь дотащимъ. Черезъ ночь все будетъ исправлено. Только возьмите, пожалуйста, съ собой *это несчастіе* (деликатный намекъ на старуху): она намъ только мѣшаетъ.

Нечего было дѣлать. Ребъ Хаимъ-Шулимъ, чувствовавшій голодъ и усталость отъ дневной передряги, очень желалъ скорѣй поужинать и отдохнуть. Скрѣпя сердце, онъ пустился по дорогѣ; за нимъ поплелась старуха, еще съ самаго начала отдавшая себя подъ его покровительство. Онъ былъ угрюмъ, а она безпрестанно охала; онъ боялся разбойниковъ, а она — не-

Digitized by Google

чистой силы. Шли они, шли, ужъ, кажись, довольно долго, а огня впереди все не видать. Чѣмъ дальше они подвигались впередъ, тѣмъ громче голосила старуха, проклиная Одессу и лиманъ, балагулу и даже ни въ чемъ неповиннаго ребъ Хаимъ-Шулима. Онъ сталъ шопотомъ уговаривать ее, чтобъ она шла смирно, а то стоны ея могутъ привлечь разбойниковъ, которые навѣрное лежатъ гдѣ-нибудь въ засадѣ, — это подѣйствовало. Но прошедши еще около получаса, она пожелала отдохнуть, и сѣла у верстоваго столба. Ребъ Хаимъ-Шулимъ долженъ былъ покориться.

„Вотъ — подумалъ онъ, — не было печали, такъ черти накачали. Навязалось же это чучело на меня! Не бойсь, побольше такихъ прогулокъ, — и отъ спячки вылечили бы, лучше всякаго Одесскаго лимана... А фурманъ, подлецъ, солгалъ: тутъ болѣе трехъ верстъ будетъ".

Послѣ небольшого отдыха, они пустились далѣе. Идутъ, идутъ, идутъ, идутъ, — уже примѣрно около двухъ часовъ, какъ они оставили брику, — впереди все та-же пустошь и темнота. Ребъ Хаимъ-Шулимъ трухнулъ не на шутку, а старуха формально взбунтовалась, и охая, на чемъ свѣтъ стоитъ, наотрѣзъ объявила, что она далѣе не пойдетъ. Не говоря ни слова, онъ взвалилъ ее себѣ на плечи, и пошелъ шагать. Наконецъ, послышался лай собакъ, замелькалъ огонекъ, и у нашего путешественника отлегло отъ сердца.

Digitized by Google

Ускоривъ шаги, онъ, измученный и облитый потомъ, добрался до корчмы, и, сдавъ свою ношу, кому слѣдуетъ, повалился какъ снопъ и заснулъ, забывъ объ ужинѣ и обо всемъ на свѣтѣ.

Такъ кончились пріятности путешествія перваго дня.

Уже солнце было высоко, когда ребъ Хаимъ-Шулимъ проснулся. Онъ полагалъ, что все уже готово къ отъѣзду и только ждутъ его пробужденія. Ничуть не бывало, потому что бричка съ разсвѣтомъ только дотащилась, и балагула, какъ простой смертный, завалился спать и только поздно утромъ принялся за дѣло.

— Какъ же будетъ, любезный, сказалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ извощику: — вѣдь, эдакъ мы, пожалуй, и не поспѣемъ.

— Если не поспѣемъ, такъ и не поспѣемъ, отвѣчалъ извощикъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ, который никогда не путешествовалъ, принялъ этотъ отвѣтъ очень горячо къ сердцу и побожился, что если извощикъ не доставитъ его на субботу въ Одессу, то онъ ему не заплатитъ остальной половины извозныхъ денегъ.

— Э, шутите, отвѣчалъ хладнокровный возница: — мы тоже батюшкинъ мальчикъ.

Что онъ собственно хотѣлъ этимъ сказать, — ребъ Хаимъ-Шулимъ хорошенько не понялъ, а понялъ только

Digitized by Google

то, что онъ тратитъ напрасно слова. Онъ ушелъ въ комнату, и скоро обрѣлъ утѣшеніе въ огромной полоскательной чашкѣ, наполненной сырниками, которую ему подала къ завтраку сама хозяйка, съ подобающею улыбкой, потому что слава о предстоящихъ ему въ Одессѣ подвигахъ на счетъ казначейства уже успѣла разнестись по всей корчмѣ. Чучело считало своимъ священнымъ долгомъ и по вопросу о сырникахъ дѣлить съ нимъ труды и заботы, какъ оно ихъ дѣлило вчера во время ночного странствованія. Какъ все, однакожъ, на свѣтѣ имѣетъ конецъ, то кончились и сырники, кончилась возня съ осломъ, кончились разсчеты, и даже ссора грубіяна балагулы съ корчмаремъ за дырявый пятакъ тоже кончилась, — и поѣздъ тронулся далѣе.

При всемъ моемъ желаніи исчислить поименно всѣ мѣста, гдѣ проѣзжали наши путешественники, — я, однакожъ, не могу этого сдѣлать, потому что названія эти такія мудреныя и трудныя, что, не положивши напередъ за щеку грецкаго орѣха, ихъ и выговорить невозможно. Скажу только то, что въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ возница считалъ необходимымъ останавливаться: то надо было дать клячамъ клочекъ сѣна, то горсть овса, то слѣдовало ихъ напоить, то слѣдовало самому выпить. Все это, хотя и дѣлалось не выпрягая, однако ужасно замедляло путешествіе, не говоря уже о томъ, что лошади, не смотря на свою львиную породу, съ трудомъ передвигали ноги. Ребъ

Digitized by Google

Хаимъ-Шулимъ понукалъ балагулу, но тотъ не обращалъ на него никакого вниманія. Не разъ проклиналъ онъ пріятеля ребъ Хаскеля, услужившаго ему такою прекрасною подводой, и еслибъ не благодѣтельная кубышка, которая опять была наполнена на послѣднемъ ночлегѣ, нашъ путешественникъ потерялъ бы всякое терпѣніе, и — какъ онъ самъ послѣ сознавался, — или подрался бы съ балагулой, или откусилъ бы носъ у старухи, которую онъ отъ вчерашняго вечера возненавидѣлъ отъ чистаго сердца. — Къ полудню добрались они опять до обширной корчмы, гдѣ предназначено было большое кормленіе львовъ.

И тутъ молва уже предупредила ребъ Хаимъ-Шулима. Къ нему оказывали особенную внимательность, которая пріятно щекотала его самолюбіе, хотя обходилась не дешево. Послѣ трехчасовой стоянки, въ ожиданіи скораго отъѣзда, онъ вздумалъ пройтись по широкому двору и посмотрѣть, около чего это собралась тамъ въ углу такая толпа людей. Это было мертвое тѣло какого-то скоропостижно умершаго забулдыги, которое надобно было освидѣтельствовать, для чего прибыли уже и становой и понятые, но ожидали еще какихъ-то чиновниковъ. Ребъ Хаимъ-Шулимъ спокойно подошелъ къ толпѣ, съ заложенными назадъ руками, какъ человѣкъ, котораго настоящее пріятно, а будущее обѣщаетъ быть еще пріятнѣй. Это не понравилось становому, который съ

Digitized by Google

длиннымъ чубукомъ въ зубахъ стоялъ у трупа и отдавалъ разныя приказанія.

— Ты зачѣмъ тутъ? вскричалъ онъ сердито на ребъ Хаимъ-Шулима.

— Я... я совсѣмъ не тутъ, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, крѣпко оторопѣвъ и забывъ снять шляпу.

— А шапка? прогремѣлъ становой еще сердитѣе.

— И шапка не тутъ, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, отъ испуга не зная, что съ нимъ дѣлается.

Становой тотчасъ понялъ, что это должно-быть птица опасная. На сцену корчмаря! на сцену извощика! на сцену всѣхъ!.. Паспорты!

Оказалось, что ребъ Хаимъ-Шулимъ, въ попыхахъ и суетѣ передъ отъѣздомъ изъ дома, совсѣмъ забылъ запастись этимъ весьма полезнымъ документомъ. Чучело охало и стонало, на всѣ вопросы отвѣчало лаконически и безпрестанно указывало головой и руками на ребъ Хаимъ-Шулима, что вотъ, дескать, онъ, состоя главноуправляющимъ по всѣмъ дѣламъ моимъ, уже про все дастъ отчетъ. Оба „очень хорошіе человѣка“ тоже не имѣли паспортовъ, но извинялись тѣмъ, что такъ какъ и одинъ, и другой имѣли по брату въ военной службѣ, то, по ихъ мнѣнію, паспортъ для нихъ вещь уже совершенно лишняя. „Баранья шапка“ заблагоразсудила подъ шумокъ дать тягу, и ея никакъ отыскать нельзя было, по каковой причинѣ вопросъ о томъ, имѣла ли она паспортъ или нѣтъ, — исторія до сихъ поръ еще не

Digitized by Google

разрѣшила. Что же касается до „Персоны на кельнѣ“, то она при первомъ спросѣ ужасно расхохоталась и дала отвѣтъ, что именно по неимѣнію паспорта она и ѣдетъ въ Одессу, зная достовѣрно, что въ Одессѣ всѣ кухарки великодушно отреклись отъ этой роскоши, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, на вѣчныя времена.—Дѣло вышло дрянь.

Корчмарь взялся уладить дѣло, и, послѣ долгихъ хлопотъ, дѣйствительно уладилъ, сперва съ становымъ, который крѣпко горячился, увѣряя, что эти самые бродяги и подвергаютъ опасности всю Бессарабскую область, потомъ съ балагулой, который, какъ единственная личность съ паспортомъ, возмечталъ о себѣ очень много, и сталъ простирать непомѣрныя претензіи за причиненную ему остановку. По его словамъ, именно въ эти два часа, потерянные по причинѣ безпаспортности пассажировъ, лошади его были расположены сдѣлать безчисленное множество верстъ. Само собой разумѣется, что вся тяжесть мировой, какъ съ становымъ, такъ и съ извощикомъ, пала на ребъ Хаимъ-Шулима, какъ на человѣка, готовящагося взять въ свои руки судьбу Одесскаго казначейства.

— Къ чорту, и чтобъ вашего духа здѣсь не пахло! закричалъ громовымъ голосомъ становой, стоя у раскрытаго окна и грозясь чубукомъ.

Слава Богу, вырвались. „Баранья шапка“, которая, повидимому, была кусокъ практическаго философа, вы-

Digitized by Google

лѣзла изъ канавы на третьей верстѣ, гдѣ она дожидалась своихъ спутниковъ, очень вѣрно разсчитавъ, что дѣло съ становымъ уладится и безъ ея участія. До ночлега извощикъ останавливался только три раза для извѣстнаго угощенія лошадей, а четвертый—по причинѣ потери мазницы съ дегтемъ. На робкія замѣчанія ребъ Хаимъ-Шулима онъ отвѣчалъ грубостью, потому что послѣ исторіи съ паспортами до него и приступиться нельзя было. Ребъ Хаимъ-Шулимъ прикусилъ языкъ и отдалъ себя на полную волю случаю. Въ большомъ селѣ, съ трехэтажнымъ названіемъ, гдѣ они остановились ночевать, нашъ путешественникъ, которому отъ непривычки казалось, что ужъ Богъ знаетъ какъ долго онъ въ дорогѣ,—узналъ, что они отъѣхали отъ Кишинева около пятидесяти верстъ. „Оно, пожалуй, еще можно и до Одессы—думалъ онъ—вѣдь цѣлыхъ два дня осталось. Кабы только извощикъ захотѣлъ. Впрочемъ, чортъ его побери, и уже кстати ребъ Хаскеля Шкаликмана тоже!“

Въ четвергъ утромъ, по причинѣ оказавшейся необходимости въ расковкѣ того льва, у котораго одно колѣно было въ ненормальномъ состояніи,—отъѣздъ довольно замедлился. Къ полудню успѣли сдѣлать, съ неминуемыми остановками, около двадцати верстъ, и опять остановились кормить у красивой, одиноко стоявшей корчмы. Ребъ Хаимъ-Шулимъ, начинавшій уже немного привыкать къ пріятностямъ своего путешествія, вздумалъ

Digitized by Google

плотно пообѣдать и, къ радости своей, узналъ, что есть жареная баранина.

— А нельзя ли прежде десятокъ яицъ въ сиятку? спросилъ онъ хозяина.

— Очень можно, отвѣчалъ хозяинъ.

— А нѣтъ ли у васъ... голландскихъ сельдей? спросилъ опять ребъ Хаимъ-Шулимъ, припомнивъ свой недавній разговоръ съ женой.

— Какъ не быть! есть, отвѣчалъ хозяинъ:—самъ привезъ недавно боченокъ изъ Тирасполя.

Такъ ужъ, пожалуйста, и пару селедокъ, съ достоинствомъ сказалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.—Только, знаете, съ лукомъ, съ масломъ, съ уксусомъ, со всѣми приправами, прибавилъ онъ, щелкнувъ пальцами.

Послѣ обѣда онъ прилегъ на диванѣ и уснулъ. Нѣсколько разъ онъ просыпался, но, видя, что никто не напоминаетъ ему объ отъѣздѣ, опять спокойно засыпалъ. Наконецъ, онъ вскочилъ на ноги и посмотрѣлъ въ окно.

„Фу, ты пропасть! подумалъ онъ,—уже солнце начинаетъ садиться, а объ отъѣздѣ и помину нѣтъ“.

Онъ выбѣжалъ на дворъ,—нѣтъ ни балагулы, ни лошадей, только одна брика стоитъ печально среди двора, а опершись о брику, стоитъ „Баранья шапка“, вываливъ глаза въ неопредѣленную даль и отплевываясь на всѣ четыре стороны.

Что это значитъ?

Digitized by Google

„Баранья шапка“ хладнокровно передала ему слѣдующее происшествіе:

Водопой находился въ степи, версты полторы отъ корчмы. Извощикъ, приведши лошадей къ колодцу, замѣтилъ, что забылъ взять съ собой ведро. Онъ привязалъ двухъ лошадей къ корыту, а на третьей вернулся въ корчму за ведромъ. Прибывъ назадъ къ колодцу, онъ нашелъ только одну лошадь, — другая скрылась. Что ея не украли — свидѣтельствовали три факта: во первыхъ, воръ взялъ бы обѣихъ лошадей; во-вторыхъ, уздечка оказалась привязанною къ корыту, а въ-третьихъ—это была именно безхвостая, которая отличалась веселымъ темпераментомъ и, по словамъ извощика, часто выкидывала такія штуки, обуреваемая страстью погулять на свободѣ. Такъ вотъ извощикъ, вмѣстѣ съ хозяйскимъ сыномъ и отправились верхами отыскивать бѣглянку и еще по сю пору не возвратились.

Скрѣпя сердце, ребъ Хаимъ-Шулимъ отправился къ корчмарю въ комнату, гдѣ провелъ весь вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ, за стакаиомъ бѣлаго бураковаго квасу, называемаго Аккерманскимъ виномъ. Ложась спать, онъ утѣшалъ себя мыслію, что къ утру лошадь непремѣнно найдется, и что, выѣхавъ отсюда рано, онъ прибудетъ въ Бендеры заблаговременно, такъ что успѣетъ еще въ пятницу вручить цадику извѣстные часы попадьи и тѣмъ заслужить его благосклонность на весь субботній день. Но и поутру дѣло находилось не въ луч-

Digitized by Google

шемъ положеніи. Балагула и хозяйскій сынъ вернулись ночью съ пустыми руками; рано утромъ они опять отправились на поиски. Уже успѣлъ ребъ Хаимъ-Шулимъ истребить десятокъ яицъ въ смятку, которыя со вчерашняго дня заслужили его полное расположеніе, и въ добавокъ къ нимъ полгоршка сметаны; уже успѣло и чучело выпить на его счетъ четыре стакана кофею, и, сверхъ того, занять у него нѣсколько мелкой монеты на непредвидѣнные расходы; уже восемь, уже девять, уже десять часовъ, а о сыщикахъ и лошади ни слуху, ни духу.

„Скверно, фэ! подумалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, — такъ, пожалуй, и въ Бендеры на шабесъ не поспѣешь".

Къ счастью, подъѣхала свѣжая брика съ пассажирами изъ Кишинева. Лошади были отличныя, и извощикъ, слѣдуя прямо до Бендеръ, куда оставалось около двадцати верстъ, остановился только для краткаго отдыха. Ребъ Хаимъ-Шулимъ, не долго думая, договорился съ фурманомъ о цѣнѣ до Бендеръ, перетащилъ свой багажъ, и—былъ таковъ, не взирая ни на какія увѣщанія старухи, которая упрекала его въ измѣнѣ и въ добровольномъ отказѣ отъ пріятной обязанности быть до самой Одессы ея тѣлохранителемъ.

V.

Удивительное дѣло! Вѣдь, кажется, ребъ Хаимъ-Шулимъ попалъ между совершенно незнакомыхъ пасса-

Digitized by Google

жировъ; вѣдь онъ, кажется, во всю дорогу ни слова не проронилъ о своихъ дѣлахъ, хотя говорилъ о разныхъ разностяхъ,—а между тѣмъ, ровно черезъ пять минутъ по пріѣздѣ его въ Бендеры, весь городъ былъ уже на ногахъ и не только зналъ о часахъ, предназначенныхъ въ подарокъ цадику, но и о томъ, что цадикъ еще вчера утромъ, въ припадкѣ ясновидѣнія, проговорился, что *видитъ* спѣшащую къ нему важную особу съ многоцѣннымъ приношеніемъ. О многоцѣнности этого приношенія ходили разные толки: кто говорилъ, что оно заключается въ алмазахъ и изумрудахъ, а кто,—что часы, напротивъ, очень простые, но многоцѣнность заключается въ ихъ глубокой древности, такъ какъ ихъ носилъ самъ Александръ Македонскій. Что касается до особы самого ребъ Хаима-Шулима, то всѣ его обстоятельства были извѣстны до ниточки, и ни для кого не было тайной, что онъ, по весьма важному дѣлу, вызывается въ Варшаву, гдѣ ему выдадутъ въ награду несмѣтную сумму денегъ, и что маршрутъ ему назначенъ черезъ Одессу, гдѣ онъ имѣетъ получить: печатную инструкцію о предстоящихъ ему дѣйствіяхъ, боченокъ червонцевъ въ видѣ задатка, и фуражку съ краснымъ околышкомъ, для большаго удобства въ дорогѣ.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ умылся, переодѣлся и отправился къ цадику для врученія часовъ. Цадикъ обошелся съ нимъ очень благосклонно и просилъ поступить въ число *шабашковыхъ* собесѣдниковъ, — это зна-

Digitized by Google

читъ: ужинать у него въ пятницу вечеромъ, а въ субботу обѣдать, полдничать и опять ужинать. Собесѣдниковъ было пропасть: все хасиды и *флокеншисеры* * цадика. Ужинали на славу, пили очень много вина, и пѣли застольныя пѣсни. Великолѣпіе несказанное!... И хотя сальныя свѣчи, въ числѣ около двадцати, горѣли очень тускло, потому что старикъ-молдаванъ былъ тоже очень пьянъ и лѣнился ихъ очищать, — и хотя адъютанты цадика, расхаживали въ дырявыхъ чулкахъ по столамъ для установки блюдъ, — и хотя на каждый десятокъ гостей приходилось по двѣ ложки, — однако все-таки касательно великолѣпія не могло быть никакого сомнѣнія.

— Обѣщаю, обѣщаю, что вы будете имѣть счастливую дорогу, и что успѣете во всѣхъ дѣлахъ, говорилъ цадикъ ребъ Хаимъ-Шулиму, тряся его за руку, когда тотъ откланивался ему на послѣдней аудіенціи, въ субботу вечеромъ.

Очень веселый пришелъ нашъ герой на свою квартиру, гдѣ онъ условился съ хозяиномъ на счетъ свѣжей подводы.

— Я вамъ дамъ отличную тройку, говорилъ хозяинъ: — и если вы отправитесь завтра рано, то въ понедѣльникъ утромъ будете въ Одессѣ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

---

* Такъ въ насмѣшку называются приближенные цадиковъ.

Digitized by Google

— Только, пожалуйста, простыхъ лошадей, а не львовъ: львы ни къ чорту не годятся. Да чтобъ не было никакихъ *персонъ*: я хочу ѣхать одинъ.

— Будьте спокойны.

Убаюканный мыслію, что онъ навѣки избавился отъ грубіяна-балагулы, отъ его полуживыхъ клячъ, отъ докучливой старухи и отъ прочаго персонала, ребъ Хаимъ-Шулимъ отправился спать въ свою комнату. Но увы! человѣкъ предполагаетъ, а судьба свое дѣлаетъ.

Проснувшись рано утромъ, помолившись и взявшись за завтракъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, нашъ герой вдругъ услышалъ необыкновенный шумъ и крикъ. Къ ужасу своему, онъ увидѣлъ своего мучителя-балагулу, въ сопровожденіи полицейскаго десятскаго. Оказалось на повѣрку, что тотъ въ пятницу же отыскалъ свою безхвостую изминницу, успѣлъ на субботу въ Бендеры, и теперь явился, чтобъ потащить въ полицію и взять немножко на цугундеръ своего бѣжавшаго сѣдока, хотѣвшаго зажилить его деньги.

„Фэ полиція! подумалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ: туда безъ паспорта неловко“.

Онъ шепнулъ что-то на ухо хозяину. Началась бѣготня: побѣжалъ хозяинъ со всѣми своими зятьями, шурьями, свояками и дядями; побѣжали хасиды, и флокеншисеры, и адъютанты цадика; побѣжалъ даже чуть ли не самъ подвальный питейной конторы. Куда

Digitized by Google

они всѣ бѣжали, я навѣрное не могу сказать, потому что они бѣжали по разнымъ направленіямъ. Я знаю только то, что не далѣе какъ черезъ часъ вся ватага, вмѣстѣ съ мятежнымъ балагулой, очутилась у цадика, и подняла такой гвалтъ, что даже цадикъ вынужденъ былъ заткнуть себѣ уши. Разобравъ дѣло, онъ помирилъ спорющіяся стороны. Безапелляціонное его рѣшеніе гласило: оный ребъ Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ обязанъ доѣхать на прежней подводѣ до Одессы, и столько-то прибавить извощику за проѣсти и волокиты; а оный балагула такой-то обязанъ везти ребъ Хаимъ-Шулима исправно и не причинять ему огорченій, подъ страхомъ взысканія по законамъ какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни.

— Обѣщаю, обѣщаю, заключилъ цадикъ: — что вы будете имѣть самую счастливую дорогу.

И такъ, ребъ Хаимъ-Шулимъ, облегчивъ свой кошелекъ нѣсколькими рублями, увидѣлъ себя вновь между старыми знакомыми: то же чучело, тѣ же два „очень хорошихъ человѣка“, та же „Баранья шапка“ съ свѣсившимися ногами, та же „Персона на кельнѣ“, и та-же самая опухоль на переднемъ колѣнѣ у одного изъ львовъ.

Исключая то, что одинъ разъ чучело, въ припадкѣ спячки, взвалилось на апоплексическаго ребъ Хаимъ-Шулима и чуть не задушило его, — что во второй разъ ребъ Хаимъ-Шулимъ самъ чуть не подавил-

Digitized by Google

ся костью холоднаго корова, — что въ третій разъ, почти при концѣ путешествія, брика опрокинулась и возстала съ поломаннымъ дышломъ, — и что въ четвертый разъ, при самомъ въѣздѣ въ Одессу, корченная стража, принявъ старуху за переодѣтый боченокъ водки, чуть не проколола ее насквозь щупомъ, — исключая, говорю я, эти неважные случаи, путешествіе, по благословенію цадика, было дѣйствительно самое счастливое. Только на бѣгъ лошадей благословеніе цадика не имѣло вліянія, и только во вторникъ добрались наши путешественники до цѣли. Впрочемъ, насчетъ скорости цадикъ и не давалъ никакихъ обѣщаній.

„Такъ вотъ она, Одесса-то, — подумалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, когда они, проѣхавъ Молдаванку, стали приближаться къ главнымъ улицамъ. — Ов-ва, славный городъ! Жаль только, что народъ ходитъ по бокамъ, а не посреди улицъ, — красивѣе было бы, — и что деревья мѣшаютъ видѣть, кто у окна сидитъ и чѣмъ занимается“.

Ахъ, это было счастливое время, почтенные читатели мои, когда по нашимъ тротуарамъ еще можно было безопасно ходить, а на нашихъ улицахъ красовались густыя акаціи!

Въ это время процвѣтала въ Одессѣ гостинница для пріѣзжихъ, которой слава распространялась до самыхъ Бродъ, и которую содержалъ нѣкто ребъ Шлойме, по прозванію Дѣвичья-Кожа. Тутъ-то въ уютной ком-

Digitized by Google

натѣ и водворился ребъ Хаимъ-Шулимъ, сначала нѣсколько огорченный тѣмъ, что не было никакой суматохи при его пріѣздѣ, какъ-будто объ немъ никто и знать ничего не хотѣлъ. Но потомъ, когда вошелъ поэтически-долговязый и живописно-растрепанный слуга и сталъ спрашивать его приказаній, онъ нѣсколько утѣшился.

„Ишь ты—подумалъ нашъ герой,—сейчасъ видно, что народъ тонкій: вѣдь *мешуресъ* *, не болѣе, а тоже себѣ мохнатый и съ огромнымъ бантомъ у галстуха“.

— Ты, любезный, служи мнѣ хорошо, сказалъ онъ слугѣ!—а я тебѣ уже при отъѣздѣ пару талеровъ на водку брошу. На первый разъ, кликни биржевую бричку, — поѣду осматривать городъ: я здѣсь не долго пробуду.

Прежде всего онъ велѣлъ везти себя на бульваръ. Доѣхавъ до монумента, ребъ Хаимъ-Шулимъ, не слѣзая съ брички, внимательно его осмотрѣлъ. „Да, *дюкъ* ** дѣйствительно стоитъ“, сказалъ онъ про себя тихо, слѣзъ и сталъ на бульварной лѣстницѣ. Вперивъ глаза въ гавань, усѣянную мачтами, онъ опять произнесъ шопотомъ: „да, корабли настоящіе“. Онъ велѣлъ себя везти на Пересыпь, гдѣ, слѣзши съ брички и подошедши осторожно къ морю, онъ оглянулся кругомъ

* Такъ называются лакеи и сидѣльцы въ лавкахъ.

** Такъ въ простонародіи называется статуя герцога де-Ришелье.

Digitized by Google

безпокойнымъ взоромъ, погрузилъ указательный палецъ въ море и потомъ поднесъ его къ языку. „Да, вода горькая“, сказалъ онъ самому себѣ. Оттуда поѣхалъ онъ на Новый Базаръ, пошлялся между фурами и опять сказалъ себѣ: „да, дѣйствительно всякаго хлѣба тыматымущая“. Оттуда поѣхалъ онъ на Старый-Базаръ, воздалъ должную дань толчку, купивъ поношенную зеленую шаль, въ послѣдній разъ прошепталъ: „да, торговля знатная“, и приказалъ ѣхать на квартиру, совершенно успокоенный насчетъ нахожденія въ вожделѣнной исправности всѣхъ достопримѣчательностей города.

„Э, Кишиневъ, Кишиневъ! — думалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ,—ты, братъ, можешь въ печку спрятаться“.

Успѣвъ еще въ тотъ же день купить готовый ластиковый кафтанъ съ натуральнымъ глянцемъ, нашъ герой натянулъ на себя обновку, и очень довольный тѣмъ, что воротникъ отстоялъ отъ шеи примѣрно на три кулака, отправился прямо къ Маркусу Владиміровичу Пробкеману.

Маркусъ Владиміровичъ смотрѣлъ бариномъ. Бакенбарды какъ черный атласъ, галстухъ бѣлый какъ свѣжее молоко, высокій и съ перехватомъ по серединѣ; а сапоги такіе скрипучіе, что на душѣ весело. Онъ принялъ гостя съ распростертыми объятіями и самыми тончайшими поздравленіями. Его слова были слаще меда. Языкъ, которымъ онъ выражался, проникалъ въ сердце. Это былъ не зернистый Кишиневскій языкъ, отъ кото-

Digitized by Google

раго несетъ отварнымъ горохомъ и мамалыгой *, а языкъ Одесскій, плавный и скользкій какъ прованское масло, съ легкимъ букетомъ померанцовой корки. Многаго ребъ Хаимъ-Шулимъ и не разобралъ, но считалъ обязанностью кивать головой, какъ человѣкъ годный на всѣ руки.

Наговорившись вдоволь съ своимъ дорогимъ гостемъ, котораго онъ просто не зналъ, куда посадить, и подробно освѣдомившись о здоровьѣ его жены и дѣтей, Маркусъ Владиміровичъ обѣщалъ завтра зайти къ нему и уплатить выигрышъ.

„Вотъ любезная душа!—думалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, направляясь къ своей квартирѣ, — и что за голосъ! просто цымбалы, на которыхъ я когда-то учился играть. А что это онъ все повторяетъ: „*Верквердекъ* **, мой другъ"? — должно быть его пріятель по коллекторскому дѣлу. Надо будетъ познакомиться".

VI.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ сидѣлъ въ халатѣ въ своей комнатѣ, и лакомился кофеемъ и бѣлымъ миніатюрнымъ калачомъ. Самъ хозяинъ гостинницы внесъ ему завтракъ, успѣвъ напередъ получить отъ жены двѣ пощечины. Таковъ былъ обычай у ребъ Шлойме Дѣвичьей-Кожи: каждому новому гостю онъ на первыхъ порахъ очень

* Пудингъ изъ кукурузной муки.

** Нѣмецкое слово *мерквюрдигъ* (merkwürdig, удивительно).

Digitized by Google

вѣжливо услуживалъ, для того, чтобъ имѣть право грубить ему все остальное время; и каждое утро онъ долженъ былъ ссориться съ женой и регулярно получать отъ нея двѣ пощечины. Всѣ постояльцы знали, что если ребъ Шлоймэ Дѣвичья-Кожа, который самъ готовилъ кушанье у плиты, не получалъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, отъ жены двухъ оплеухъ, то въ тотъ день на поверхности супа крейсеровала густая флотилія лаврового листа, а въ тайныхъ складкахъ яблочнаго компота предательски скрывались цѣлые куски краснаго стручковаго перцу.

— Хорошо отдыхали? спросилъ хозяинъ, съ сладкой улыбкой на своемъ морщинистомъ и закопченномъ лицѣ.

— Превосходно! отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.— Жду Маркуса Владиміровича Пробкемана. Знаете?

— Какъ же! Да вотъ онъ и самъ.

Вбѣжалъ Маркусъ Владиміровичъ, напомаженный и раздушенный, и наполнилъ комнату пріятнымъ запахомъ жаренныхъ каштановъ. Тѣ-же великолѣпные бакенбарды, тотъ же сладкозвучный голосъ и тѣ-же объятія. Хозяинъ вышелъ.

— Ну, посчитаемся, сказалъ коллекторъ, и, положивъ на столъ щегольскую записную книжку, сталъ писать въ ней очень красивымъ почеркомъ.

Наступила рѣшительная минута. Ребъ Хаимъ-Шулима проняла легкая дрожь.

Digitized by Google

— Вашъ нумеръ выигралъ 200,000 злотыхъ, продолжалъ коллекторъ: — значитъ, четвертая часть — 50,000.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ кивнулъ головой.

— Это составляетъ, милый мой геръ Фейгисъ, *семь тысячъ пятьсотъ* серебряныхъ рублей. Съ этой суммы мнѣ 15 процентовъ, выходитъ 1125 рублей, а для круглаго счета поставимъ: 1200.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ сдѣлалъ гримасу.

— Деньги, вы знаете, безцѣнный геръ Фейгисъ, должны еще придти изъ Варшавы; но для васъ я все готовъ сдѣлать, — я разстарался. Но, вѣдь мы люди торговые, — безъ процентовъ нельзя. Считая на вашу сумму *одинъ* процентъ въ мѣсяцъ, выйдетъ 75 рублей, а для круглаго счета поставимъ: 100.

Онъ остановился на мгновеніе, чтобъ заострить карандашъ.

— Безпокойство и потеря времени при полученіи денегъ съ почты, продолжалъ Маркусъ Владиміровичъ: — вѣсовыя и страховыя пошлины, и прочіе мелкіе расходы — 60 рублей, а для круглаго счета поставимъ: 75.

Ребъ Хаимъ-Шулима все трясла маленькая лихорадка.

— Наконецъ, мой несравненный геръ Фейгисъ, корреспонденція съ Кишиневымъ, посылка особой табели, вознагражденіе моему писцу, — все это составляетъ круглымъ счетомъ 50 рублей. Такимъ образомъ слѣдуетъ

Digitized by Google

мнѣ съ васъ 1425 рублей, скажемъ круглую цифру: 1500... Остальныя 6000 извольте получить.

При этомъ онъ величественно бросилъ на столъ нѣсколько пачекъ разноцвѣтныхъ бумажекъ.

Какъ ни коробило сначала ребъ Хаимъ-Шулима отъ этого нѣсколько широкаго округленія счета, но, при видѣ такой кучи денегъ, онъ почувствовалъ пріятный жаръ въ головѣ, и, забывъ про все, стремительно бросился на шею къ Маркусу Владиміровичу.

— Другъ, благодѣтель! вскричалъ нашъ герой:— вы... вы... не простой человѣкъ... вы... чортъ васъ знаетъ, что вы такое! Эй, народъ, слуги, сюда, сюда!

Вбѣжалъ мешуресъ.

— Выпить, скорѣй выпить! кричалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, совершенно растерявшійся на радостяхъ. — Портеру! бутылку, двѣ, шесть бутылокъ..... и закусить... закусить... голландскія яйца и... сельди въ смятку!

Черезъ нѣсколько минутъ явился портеръ и закуска. Маркусъ Владиміровичъ, который по части портера былъ тоже не промахъ, истреблялъ стаканъ за стаканомъ, въ чемъ ребъ Хаимъ-Шулимъ не думалъ отставать отъ него. Они порядочно нарѣзались. Обниманьямъ и нѣжностямъ не было конца. Ребъ Хаимъ-Шулимъ проливалъ источники слезъ отъ радости, что небо наградило его такимъ другомъ; а у Маркуса Владиміровича, что говорится, съ языка жемчугъ катился, въ похвалу пріѣзжему гостю, который съ такимъ тактомъ умѣетъ цѣнить

Digitized by Google

людей съ истинными заслугами. При разставаніи, оба условились, чтобъ ребъ Хаимъ-Шулимъ пришелъ напиться чаю и провести вечеръ у своего новаго друга.

Вѣрный своему слову, нашъ герой явился въ назначенное время. Маркусъ Владиміровичъ былъ холостъ и занималъ квартиру не очень большую, но веселую и изящно меблированную. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, за которымъ сидѣлъ хозяинъ и еще одинъ гость, тоже въ бѣломъ галстухѣ съ перехватомъ, только вмѣсто бакенбардъ незнакомецъ носилъ огромные чорные усы.

„Должно быть его пріятель Веркмердекъ“ — подумалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

Принялись за чай. Хозяинъ подливалъ въ стаканы бѣлый ямайскій ромъ, отъ котораго ароматъ разносился по всей комнатѣ. Говорили про разныя пріятныя вещи; ребъ Хаимъ-Шулимъ разсказывалъ, съ разными прибаутками, про Кишиневское житье-бытье, а слушатели приходили въ восторгъ отъ каждаго его слова, сознаваясь откровенно, что они никогда не подозрѣвали, чтобъ изъ *провинціи*, какъ они выражались, могла выйти такая забубенная голова. Между тѣмъ ромъ все подливался, да подливался, и веселость компаніи все возрастала, да возрастала.

— Что, господа, не сыграемъ ли въ картишки для препровожденія времени? сказалъ хозяинъ, глядя въ посоловѣвшіе глаза ребъ Хаимъ-Шулима.

— Пожалуй, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, ко-

Digitized by Google

торый хотѣлъ показать, что онъ ни отчего не прочь, и что освоиться съ жизнью большихъ городовъ для него легче, чѣмъ выпить стаканъ воды, — Пожалуй, только я, кромѣ *гальберъ-цвелфъ*, другой игры не знаю.

— Да мы въ другую и не играемъ, въ одинъ голосъ подхватили хозяинъ и его усатый пріятель, и значительно переглянулись другъ съ другомъ.

Сѣли играть. Банкъ держалъ Маркусъ Владиміровичъ. Сначала игра шла тихо и съ попеременнымъ счастьемъ: то банкометъ былъ въ выигрышѣ, то понтеры. Далѣе и далѣе, однакожъ, игра сдѣлалась жарче, въ особенности, когда слуга началъ подставлять длинновязыя бутылки съ серебряными головками, изъ которыхъ сердито стремилась въ стаканы жемчужная влага. Ребъ Ханинъ-Шулимъ, впервые познакомившись съ этимъ барскимъ напиткомъ, лилъ какъ на раскаленный камень, и ставилъ на фигуры сумасшедшіе куши. Банкомету везло немилосердо: у него все тузы, — у понтеровъ все *фучи* *; онъ все записывалъ мѣломъ, по временамъ сосчитывалъ и требовалъ *присылки* денегъ. Посылалъ ли усатый пріятель или нѣтъ, — а ребъ Ханинъ-Шулимъ все потягивалъ изъ своего бумажника, не забывая потягивать и изъ стакана.

---

* Когда счетъ очковъ превышаетъ одиннадцать съ половиной, — ставка проиграна. Это называется *фучь* или *мортусь*.

Digitized by Google

Играли далеко за полночь, и пили много,—по крайней-мѣрѣ нашъ герой въ этомъ отношеніи отличался болѣе всѣхъ; и когда онъ вышелъ на свѣжій воздухъ и усѣлся на извощика, чтобъ отправиться домой, ему казалось, что въ ушахъ его лопнула цѣлая тысяча часовыхъ пружинъ и разразилась адскимъ жужжаніемъ.

Проснувшись поздно утромъ, онъ вспомнилъ про вчерашній вечеръ и схватился за бумажникъ. Увы! деньги уменьшились на цѣлую треть.

„Фэ! — подумалъ онъ — больно много спустилъ... Но пуншъ, вино, компанія, — просто прелесть. Особенно, что за *добрый братуню* этотъ Маркусъ Владиміровичъ! Золото, не человѣкъ..... А тузы, чортъ ихъ побери! все, подлые, лѣзутъ да лѣзутъ къ нему: дурацкое счастье. Впрочемъ, и тотъ усатый тоже, кажись, продулся“.

Утѣшившись тѣмъ, что не онъ одинъ пострадалъ, онъ сѣлъ писать домой письмо. Онъ увѣдомлялъ жену, что деньги получилъ, и что онъ теперь занятъ отбираніемъ часовъ и другихъ галантерейныхъ вещей для своей будущей торговли.

Около полудня явился Маркусъ Владиміровичъ, не забывшій принесть съ собой запахъ жаренныхъ каштановъ.

— Что, отдубасилъ я васъ вчера, сказалъ онъ, весело, тряся за руку ребъ Ханинъ-Шулима. — Слу-

Digitized by Google

чается, мой безпримѣрный другъ. Ну, и мой пріятель тоже поплатился: мнѣ чертовски везло. Удивительно!

— Да, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ: — очень жаль, — двѣ тысячи спустилъ.

— Чего тутъ жалѣть! воскликнулъ коллекторъ.— Вчера проиграли, сегодня можете выиграть: у насъ въ Одессѣ такъ. Вѣдь карта — бумага, почтенный другъ мой.

„И въ самомъ дѣлѣ, карта — бумага, — подумалъ нашъ герой, — можно воротить, и еще, пожалуй, съ барышемъ".

— Знаете что? сказалъ онъ вслухъ: — прошу сегодня на чай ко мнѣ, и пріятеля вашего приведите.

Маркусъ Владиміровичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Только ужъ карты принесите свои: у меня нѣтъ, прибавилъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

Маркусъ Владиміровичъ согласился и на это тяжкое условіе.

По уходѣ гостя, ребъ Хаимъ-Шулимъ отправился дѣлать кой-какія закупки.

Въ то время въ Одессѣ было порто-франко. Тогда все было дешевле теперешняго. Каждый пріѣзжій старался вывезть что-нибудь изъ Одессы, потому что городъ, ревниво охраняемый таможнями, заключалъ въ себѣ все иностранные предметы, которые за чертою считались невидалью и получали высокое достоинство.

Digitized by Google

Вывозить безъ пошлины, — это была главная задача всякаго пріѣзжаго. Способы вывоза были различные. Одинъ изъ самыхъ простыхъ способовъ былъ слѣдующій: въ карманъ брались разныя бездѣлицы, надѣвались разныя новыя принадлежности туалета, приглашался Одесскій знакомецъ, тоже нагруженный разнымъ хламомъ, и съ нимъ вмѣстѣ на дрожкахъ отправлялись за таможню будто-бы для какого-нибудь дѣла: за таможнею были и дома, и базары, и разная дѣятельность. Тамъ уже находилась добрая душа, у которой вещи выгружались; и когда хозяинъ ихъ совсѣмъ собрался къ отъѣзду, то онъ, благополучно минувъ таможню, подъѣзжалъ къ дому доброй души, уплачивалъ ей за ея доброту и получалъ свое добро обратно. Разумѣется, что иной разъ эти частыя катанья на биржевыхъ извощикахъ, уплата вознагражденія, нерѣдко утрата самихъ вещей, обходилось такъ дорого, что гораздо выгоднѣе было бы заплатить даже двойныя пошлины; но ужъ такова натура у людей:

„Запретный плодъ имъ подавай,
А безъ того, имъ рай не въ рай!“

Одна изъ такихъ добрыхъ душъ, подъ названіемъ Гецелиха, жила за Тираспольской таможней и содержала родъ трактира. Это была высокая, угрюмая старуха, которая вѣчно сердилась и никому не смотрѣла прямо въ глаза. Принимая вещи, она ворчала, а возвращая ихъ, опять ворчала, какъ-будто она была

Digitized by Google

поставлена отъ казны и исполняла обязательную службу, не приносившую ей, кромѣ безпокойствъ, никакихъ доходовъ. Сюда-то ребъ Хаимъ-Шулимъ, въ сопровожденіи мешуреса, отвезъ, на биржевомъ лихачѣ, два персидскихъ платка и серебряный наперстокъ. Это было все, что онъ успѣлъ купить въ тотъ день, отложивъ покупку товаровъ до другого, болѣе удобнаго, времени.

Къ вечеру явились его гости. Ребъ Шлоймэ Дѣвичья-Кожа, будучи очень доволенъ, что его постоялецъ получаетъ такія блестящія посѣщенія, взялся самъ разливать чай, раскупоривать бутылки, отвѣдывать всѣ стаканы, приготовлять закуски. Онъ былъ такъ услужливъ и любезенъ, какъ-будто и къ вечеру жена отпустила ему двѣ пощечины, въ качествѣ задатка насчетъ будущихъ благополучій.

Повторилась вчерашняя сцена. Собесѣдники пили на славу, а нашъ герой отличался болѣе всѣхъ. Онять Маркусъ Владиміровичъ держалъ банкъ, но теперь, казалось, счастье измѣнило ему. Ребъ Хаимъ-Шулимъ то выигрывалъ, то проигрывалъ, но усачъ билъ банкира безъ милосердія и безпрестанно получалъ отъ него огромные куши. Кончилось тѣмъ, что Маркусъ Владиміровичъ спустилъ нѣсколько тысячъ, которыя всѣ достались, однакожъ, усачу, за исключеніемъ ничтожной суммы, пришедшейся на долю нашему герою, и едва

Digitized by Google

покрывавшей половину тѣхъ расходовъ, которыхъ стоило ему угощеніе.

Утромъ явился опять Маркусъ Владиміровичъ.

— Ну, видите, сказалъ онъ съ беззаботнымъ видомъ: — вотъ и меня пощипали.

— Ахъ, да, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, смѣясь: — я, кажется, рублей двадцать зашибъ.

— Не въ томъ дѣло, безцѣнный другъ мой, *сколько* вы выиграли, возразилъ гость. — Я вотъ позавчера выигралъ, а вчера проигралъ; вы, напротивъ, тогда проиграли, а теперь выиграли. Дѣло въ томъ, что если выиграли двадцать рублей, то можете выиграть и двадцать тысячъ: карта — бумага.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ, который по гибкости своего характера, читателю уже хорошо знакомаго, способенъ былъ мириться со всякими превратностями судьбы, вполнѣ согласился съ замѣчаніемъ своего гостя, и далъ замѣтить, что онъ не прочь и еще поиграть.

— И прекрасно! заключилъ гость. — Поѣдемъ немного прокатиться; вы потомъ займетесь своимъ дѣломъ, а вечеромъ опять ко мнѣ. Я васъ угощу каширнымъ копченымъ гусемъ... прелесть, скажу вамъ... прямо изъ Могилева получилъ.

Они поѣхали по хуторамъ, потомъ заѣхали на дачу Ланжеронъ, гдѣ, послѣ купанья въ морѣ, принялись за соленые грибы и тому подобныя закуски. Опорожнивъ нѣсколько бутылокъ, они возвратились въ городъ.

Digitized by Google

Нашъ герой, который уже былъ хорошо нагруженъ, прилегъ на боковую. Къ обѣду мешуресъ съ бантомъ разбудилъ его, и тутъ онъ впервые познакомился съ дерзостью ребъ Шлойме Дѣвичьей-Кожи, который, разсчитавъ, что пора уже взяться и за новаго постояльца, постоянно повторялъ, проходя мимо него, что всякая сволочь затѣваетъ угощенія, не даетъ спать ночью, и шумитъ какъ-будто она въ состояніи истрачивать милліоны, а когда приходится къ разсчету, то торгуется по-цыгански, и тому подобныя любезности. Но такъ какъ съ нашего героя все сходило, какъ съ гуся вода, то онъ очень спокойно улегся спать и послѣ обѣда, и проспалъ до самаго того времени, когда уже пора было отправиться въ гости.

Его приняли съ обычнымъ радушіемъ, и послѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша опять сѣли за дѣло. Какъ обыкновенно, банкъ держалъ Маркусъ Владиміровичъ; но теперь онъ опять колотилъ понтеровъ. Усачъ, какъ казалось, былъ въ бѣлой горячкѣ и бросалъ на фигуры по нѣсколько крупныхъ бумажекъ; нашъ герой тоже, подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ, корчилъ большого барина и швырялъ деньгами. При разсчетѣ вышло, что онъ проигралъ тысячу съ хвостомъ. Что же касается до усача, то онъ, горячась и проклиная судьбу, увѣрялъ, что проигралъ вчетверо болѣе, отчего, разумѣется, для бумажника ребъ Хаимъ-Шулима не было никакой разницы.

Digitized by Google

На завтра ребъ Хаимъ-Шулимъ уныло бродилъ между магазинами, зѣвалъ на часы и часики разныхъ калибровъ и сортовъ, и никакъ не рѣшался приступить къ покупкѣ, чтобъ какъ-нибудь не переплатить лишняго, тѣмъ болѣе, что въ капиталѣ его оказалась огромная брешь. Онъ скучалъ и хотѣлъ уже пойти на квартиру, какъ вдругъ на встрѣчу ему попался Маркусъ Владиміровичъ.

— Мой почтеннѣйшій геръ Фейгисъ! воскликнулъ онъ: — чего вы нахмурились? Э, э, э! я считалъ васъ гораздо тверже. Пойдемъ-ка, позавтракаемъ.

И онъ его потащилъ въ кофейню, гдѣ въ особой комнатѣ они плотно закусили маринованными сельдями и хорошо выпили. Послѣ второй бутылки, лицо нашего героя совершенно прояснилось.

— Вотъ видите, счастье своенравно, говорилъ его собесѣдникъ. — Что, *вы?*... вы пустое проиграли въ сравненіи съ моимъ пріятелемъ; а вѣдь у васъ на вечерѣ ему везло страшно. Карта, милый другъ,—бумага: придетъ и ваша полоса...

Ребъ Хаимъ-Шулимъ, который находился уже въ умилительномъ положеніи, въ душѣ сознался, что его собесѣдникъ истинный философъ. Онъ упалъ ему на шею.

— Эхъ, Маркусъ Владиміровичъ! вскричалъ онъ: —вы... тово... душа рѣдкая. Я еще не встрѣчалъ подобныхъ людей... Вы, хоть, примѣрно, и выиграли у

Digitized by Google

меня, а все-таки вы истинный *добрый братуню*, чтобъ мнѣ такъ Богъ далъ здоровье и счастье!

Маркусъ Владиміровичъ улыбнулся.

— А вы прекрасная, неиспорченная натура, отвѣчалъ онъ съ неподдѣльною откровенностью: — добрая, простая натура, которая и безъ денегъ можетъ протанцовать свой танецъ въ этой глупой жизни.

Ребъ Хаимъ-Шулимъ хорошенько и не разобралъ этой кудрявой фразы, сказанной на извѣстномъ уже намъ масляно-померанцово-корковомъ языкѣ; но, догадываясь, что это должна быть очень пріятная вещь, отъ избытка чувствъ, вышилъ остальные два стакана, которые оставались на столѣ недопитыми.

— Карта — бумага! вскричалъ онъ, когда они вышли: — а вотъ такіе друзья, какъ вы, — это главное!

— То-то и есть, замѣтилъ коллекторъ. — Что-жъ, зайдете ко мнѣ сегодня вечеромъ?

— Развѣ вы могли сомнѣваться въ этомъ? съ нѣжнымъ упрекомъ отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, разставаясь съ дорогимъ пріятелемъ.

Нашъ герой, веселый и бодрый, успѣлъ очень выгодно купить утюгъ, терку для хрѣна и еще кой-какіе, все до зарѣзу необходимые, предметы, и лично доставилъ ихъ по принадлежности сердитой, уже намъ извѣстной, доброй душѣ — Гецелихѣ.

Вечеромъ происходилъ опять большой кутежъ у

Digitized by Google

Маркуса Владиміровича. Ребъ Хаимъ-Шулиму везло—не везло, везло — не везло, везло — не везло: такъ, все было середка на половину. И когда во второмъ часу ночи онъ, попатываясь, собирался домой, то узналъ, что благосклонная фортуна опять прикатила къ нему на тройкѣ красныхъ бумажекъ, но что хозяинъ яко-бы ужасно проигрался. Значитъ, полоса выпала опять на долю усатаго пріятеля.

VII.

Чтобъ не утомлять читателя повтореніемъ сценъ, которыя въ сущности всѣ были похожи одна на другую, я скажу въ немногихъ словахъ, что эта забава, въ родѣ кошки и мышки, продолжалась много вечеровъ сряду. Нашъ герой разъ выигралъ, а другой проигрывалъ; но выигрывалъ всегда пустяки, а проигрывалъ значительныя суммы. Сначала онъ надѣялся отыграться, потомъ желалъ воротить хоть половину, затѣмъ и того менѣе: какъ человѣкъ сговорчивый, онъ согласился бы хоть на небольшую сумму. Но не шло, хоть тресни: разбойникъ Маркусъ Владиміровичъ заколдовалъ всѣ тузы, и они къ нему лѣзли, какъ-будто бы ихъ въ колодѣ было не четыре, а двадцать четыре. Нашъ скоробогачъ пересталъ думать о дѣлахъ, и только изрѣдка дѣлалъ визиты сердитой Гецелихѣ. Цѣлые дни ходилъ онъ какъ отуманенный отъ силь-

Digitized by Google

ныхъ волненій и постоянныхъ попоекъ, и думалъ только какъ бы насталъ скорѣе вечеръ, чтобъ опять сѣсть за игорный столъ. Такъ проходили дни, проходили недѣли, пока бумажникъ ребъ Хаимъ-Шулима достигнулъ до послѣдняго градуса чахотки: только кой-какія жиденькія бумажонки болтались еще въ его опустошенныхъ закоулкахъ.

Сначала ребъ Хаимъ-Шулимъ писалъ домой часто, завѣряя жену, что онъ дѣлаетъ блистательныя дѣла, и что скоро нагрянетъ домой съ драгоцѣннымъ грузомъ товаровъ. Мени-Кройна сыпала восторженными отвѣтами, которые ей писалъ знакомый меламедъ. Она звала его скорѣй домой, описывала Кишиневскія новости, и, между прочимъ, извѣщала и о томъ, что въ ожиданіи Одесскихъ драгоцѣнностей, отъ которыхъ у враговъ ея уже происходитъ колотье въ бокахъ, она перессорилась со всѣми сосѣдками, въ томъ числѣ и съ попадьею, которая пристаетъ съ своими претензіями. Не забыла она также его увѣдомить, что она видимо стала полнѣть въ лицѣ, отчего и стала часто подвергаться вліянію дурного глаза, такъ что не успѣетъ она показаться на улицѣ, какъ ее тотчасъ и сглазятъ. Мало по малу, однакожъ, письма ребъ Хаимъ-Шулима дѣлались рѣже и рѣже, и напослѣдокъ совсѣмъ прекратились. Пошли отъ жены упреки, жалобы, угрозы, — ничто не помогало: онъ, что говорится, уперся перед-

Digitized by Google

ними лапами и не хотѣлъ болѣе обмакнуть пера. Оно, признаться, и писать-то было не о чемъ.

Не думайте, однакожъ, что имъ овладѣло отчаяніе, — ничуть не бывало: такъ, просто столбнякъ нашелъ, и больше ничего. По эластичности своей природы, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ превратностямъ судьбы, ни предъ кѣмъ не изливалъ жалобъ и мало заботился о будущемъ. Онъ только сдѣлался немного серьезнѣй. Впрочемъ, онъ ѣлъ, пилъ и спалъ исправно, и даже шутилъ иногда съ хозяиномъ ребъ Шлоймэ Дѣвичьей-Кожей, который окончательно съ нимъ свыкся и отпускалъ ему ежедневную порцію дерзостей, по установленной программѣ. Съ Маркусомъ Владиміровичемъ онъ почти пересталъ, видѣться, потому что уже проигрывать было нечего; но по прежнему нерѣдко мысленно восклицалъ: „Эхъ, чортъ его побери! все-таки онъ *добрый братуню*, хоть и непонятно, отчего это тузы имѣютъ къ нему такое сердечное расположеніе“. По цѣлымъ днямъ шатался онъ по чайнымъ трактирамъ и кофейнямъ: курилъ, пилъ, зѣвалъ и игралъ по гривеннику въ томболу, истрачивая послѣднія крохи.

А дни и недѣли все шли, да шли, не останавливаясь, обычнымъ своимъ порядкомъ.

Однажды, проходя вечеромъ мимо одного дома на Еврейской-Улицѣ, онъ нечаянно бросилъ взоръ въ открытое окно нижняго этажа и остановился. Передъ

Digitized by Google

нимъ развернулась самая обыкновенная картина. За рабочимъ столомъ, на которомъ горѣлъ сальный огарокъ, сидѣлъ нахмуренный ремесленникъ въ кожаномъ фартухѣ и обрѣзывалъ сапожный товаръ; возлѣ него сидѣла молодая жена и вязала чулокъ; около нихъ вертѣлись трое или четверо маленькихъ дѣтей, которыя, заливаясь веселымъ хохотомъ, по временамъ карабкались на спину то къ отцу, то къ матери.

Долго стоялъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, какъ бы прикованный къ этому мѣсту волшебною силой. Въ груди его билось что-то очень скоро: точь въ точь безпокойный шпиндель въ часахъ съ горизонтальнымъ колесомъ.

— Ахъ, Богъ ты мой, Богъ ты мой! вѣдь у меня тоже гдѣ-то своя жена и дѣти! вскричалъ онъ, наконецъ, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать.

Онъ добѣжалъ до квартиры Маркуса Владиміровича, который, къ счастью, оказался дома.

— О-го-го, геръ Фейгисъ, какими судьбами! вскричалъ радушный хозяинъ, обыкновеннымъ своимъ сладкозвучнымъ голосомъ. — *Удивительно*, мой другъ! Цѣлое столѣтіе, какъ мы не видались.

Ребъ Хаимъ-Шулиму показалось, что Маркусъ Владиміровичъ опять произнесъ свое „веркмердекъ“.

„Нѣтъ, тутъ тебѣ не веркмердекъ, — подумалъ нашъ герой,—а вотъ посмотримъ, дѣйствительно ли ты такой *добрый братуню*, какимъ сначала казался“.

Digitized by Google

— Садитесь же, садитесь, кричалъ хозяинъ: — будемъ пить чай.

Подали чай и опять съ бѣлымъ ямайскимъ ромомъ.

— Знаете, Маркусъ Владиміровичъ, началъ, заикаясь, гость: — я къ вамъ пришелъ... пришелъ.

— Вижу, что пришли, отвѣчалъ хозяинъ, улыбаясь.—Ну, смѣлѣй, смѣлѣй? Выпейте-ка еще стаканъ... ободритесь... вотъ такъ; ну, катайте смѣло. Зачѣмъ вы пришли?

Ямайскій ромъ и ласковыя слова хозяина дѣйствительно придали много бодрости ребъ Хаимъ-Шулиму. Онъ всталъ.

— Послушайте, Маркусъ Владиміровичъ, началъ онъ: — коротко и ясно,—у меня нѣтъ ни гроша. На квартирѣ задолжалъ, за подводу нечѣмъ заплатить. Дома—жена и семеро малютокъ; желаю только одного: добраться до нихъ скорѣй. А я, не забудьте, вѣдь пріѣхалъ сюда съ самыми блестящими надеждами.

Маркусъ Владиміровичъ схватилъ его за руку.

— Вы честная, неиспорченная душа, сказалъ онъ съ чувствомъ:—я вамъ уже это говорилъ. Идите и ложитесь спокойно спать. Все будетъ улажено.

Идя на квартиру, ребъ Хаимъ-Шулимъ отъ радости не чувствовалъ ногъ подъ собой. Съ него какъ-будто упала ужасная тяжесть и онъ сталъ прежнимъ веселымъ и беззаботнымъ ребъ Хаимъ-Шулимомъ. Ему сдѣлалось легко на сердцѣ, при одной мысли, что онъ скоро уви-

Digitized by Google

дить свою Мимикуцъ и своихъ дѣтей, которыя въ этотъ мигъ рисовались передъ нимъ въ такой ослѣпительной красотѣ, что онъ удивлялся, какъ это въ такомъ роскошномъ городѣ, какъ Одесса, ему ни разу не случилось встрѣчать дѣтей подобной красоты. „А деньги,— думалъ онъ, — пропади онѣ съ корнемъ! Жилъ я до этого времени безъ нихъ, буду и дальше жить... А Хаскелю Шкаликману чорта съ два достанется! Ишь какой, десять процентовъ загнулъ... Только съ попадьею, кто его знаетъ, какъ будетъ: больно крикливая баба. Впрочемъ, провались сквозь землю и попадья и Хаскель Шкаликманъ“!

И, пришедши домой, онъ бросился въ постель и уснулъ такимъ сладкимъ сномъ, какимъ уже давно не спалъ.

На другой день, около десяти часовъ утра, на дворъ заѣзжаго дома ребъ Шлоймэ Дѣвичьей-Кожи вкатилъ отличный фургонъ съ доброю парой коней. За фургономъ на дрожкахъ явился и Маркусъ Владиміровичъ.

— Ну, укладывайтесь, сказалъ онъ, входя въ комнату ребъ Хаимъ-Шулима.—За подводу заплачено до самого Кишинева..... Эй, хозяинъ, счетъ достопочтеннѣйшаго геръ Фейгиса!

Ребъ Шлоймэ Дѣвичья-Кожа, на цыпочкахъ и расточая самыя задушевныя напутствія, вошелъ со счетомъ. Удивительный тактикъ былъ этотъ человѣкъ! При раз-

Digitized by Google

счетѣ съ отъѣзжающимъ постояльцемъ къ нему опять являлась первобытная вѣжливость и услужливость.

— Вотъ, сказалъ онъ, принимаясь читать изъ счета.— Берите мѣлокъ и повѣряйте: во-первыхъ, за шестьдесятъ три дня.....

— Избавьте отъ подробностей, прервалъ его Маркусъ Владиміровичъ.—Говорите, сколько всего?

— Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ хозяинъ.— Вотъ записано: всего 131 рубль и 55 копѣекъ; а за исключеніемъ полученныхъ мною 50 цѣлковыхъ, остается 81 рубль и 55 копѣекъ; прибавить къ этому за разбитые три стакана, за прожженную салфетку, да за испорченный кранъ у самовара, знаете, тогда... въ тотъ вечеръ... да за... ну, скажемъ круглымъ счетомъ: 100!

„Эка, бестія! умѣетъ и онъ округлять счеты", подумали въ одно время ребъ Хаимъ-Шулимъ и Маркусъ Владиміровичъ.

Послѣдній бросилъ деньги хозяину на столъ, и въ добавокъ втиснулъ отъѣзжающему пріятелю въ руку нѣсколько цѣлковыхъ мелкимъ серебромъ.

— Будетъ вамъ на дорожные расходы, сказалъ Маркусъ Владиміровичъ.—Ну а мешуресу обѣщали вы что-нибудь?

— Обѣщалъ два талера, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ.

Коллекторъ вынулъ трехрублевую.

— Что вы? что вы? вскричалъ ребъ Хаимъ-Шу-

Digitized by Google

лимъ, схвативъ его за руку.—Я считаю на Кишиневскіе талеры.

— У насъ, другъ любезный, курсы другіе, улыбаясь отвѣчалъ коллекторъ, подавая деньги растрепанному и долговязому мешуресу съ замѣчательнымъ бантомъ у галстуха.

„Благородная душа!—подумалъ нашъ герой,—сказано Одесское дитя. Впрочемъ, изъ моихъ шести тысячъ на все хватитъ".

На прощаньи наши пріятели распили послѣднюю бутылку, обнялись съ горячностью и разстались, обѣщавшись помнить другъ друга до гробовой доски.

За таможнею нашъ герой завернулъ къ сердитой Гецелихѣ. Ворча, какъ беззубая дворняжка, которая не можетъ ни укусить, ни смолчать, старуха начала выкладывать изъ сундука его вещи, а онъ между тѣмъ занялся наполненіемъ живительною влагой знакомой намъ кубышки.

— Ну, сколько вамъ? спросилъ онъ.

— За 16 штукъ по 10 копѣекъ, отвѣчала старуха:—рубль шестьдесятъ; за угощеніе стражниковъ, на вашу долю, примѣрно—полтина; за кубышку вина теперь—полтина... Вмѣстѣ, для круглаго счета, пусть будетъ... три цѣлковыхъ, заключила она, бросивъ изъ подлобья злобный взглядъ на ребъ Хаимъ-Шулима, какъ будто бы онъ заслуживалъ немедленно быть заклейменнымъ и сосланнымъ въ каторгу.

Digitized by Google

— И ты тоже, старая вѣдьма! проворчалъ онъ сквозь зубы, бросилъ деньги, взялъ свою связку и вышелъ.

„Экъ угораздило ихъ всѣхъ округлять счеты,—думалъ онъ, когда фургонъ его тронулся въ дорогу,—вѣдь пойди, у насъ, кажется, только одна питейная контора это понимаетъ, а тутъ какъ вотъ!.. Просвѣщенный, просвѣщенный городъ,—надо ему честь отдать".

И нашъ путешественникъ, на разставаньи съ просвѣщеннымъ городомъ, крѣпко-на-крѣпко приложился къ горлышку кубышки, растянулся въ просторномъ фургонѣ и уснулъ.

Путешествіе ребъ Хаимъ-Шулима было теперь самое безмятежное и лишено всякихъ сильныхъ ощущеній. Онъ былъ одинъ въ цѣломъ фургонѣ, никто ему не мѣшалъ, ничто его не стѣсняло; возница-татаринъ былъ аккуратенъ и молчаливъ, какъ солнечные часы; даже на лошадей онъ не кричалъ, а хлопалъ въ ладоши, когда ихъ надо было пріободрить. Однимъ словомъ: послѣ бурныхъ Одесскихъ дней, ребъ Хаимъ-Шулиму теперь на размышленія открывалось поле свободное и гладкое, какъ свободная гладь моря послѣ улегшагося урагана.

Его сначала немножко скребнуло за сердце, когда онъ припомнилъ себѣ, какъ онъ ѣхалъ туда и какъ онъ теперь ѣдетъ обратно; но мысль о той кислой рожѣ, которую скорчитъ ребъ Хаскель Шкаликманъ, когда онъ

Digitized by Google

получитъ шишъ вмѣсто ожидаемыхъ процентовъ, вскорѣ его развеселила. Не менѣе смѣшила его мысль о торжественныхъ обѣщаніяхъ цадика, что онъ отлично успѣетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Какіе онъ успѣхи сдѣлалъ,— это мы видѣли выше. Еслибъ не Маркусъ Владиміровичъ, который, хотя и обыгралъ на-вѣрняка бѣднаго простофилю, однако имѣлъ въ себѣ столько благородства, что во время подоспѣлъ на выручку,—то нашъ герой, можетъ быть, кончилъ бы тѣмъ, что сдѣлался бы отъявленнымъ негодяемъ, а семейство его пошло бы по міру. Онъ очень хорошо это сознавалъ, и теперь на свободѣ спокойно обдумывалъ всѣ претерпѣнныя имъ превратности въ послѣднее время. Его беззаботное настроеніе духа, по временамъ, затмѣвалось только чернымъ облакомъ, въ образѣ неумолимой и крикливой попадьи, требующей либо денегъ, либо свои часы обратно; однако и тутъ ему представлялись еще разныя средства, какъ отдалить бѣду на нѣкоторое время. Но что тревожило его болѣе всего, и чего не могла прогнать даже всесильная внутренность кубышки, такъ это была мысль—какими глазами предстанетъ онъ предъ жену? Какой отвѣтъ дастъ онъ ей на первый разъ? Что скажетъ онъ ей въ первую минуту свиданія? Какъ устоитъ онъ передъ первымъ напоромъ грозной Мени-Кройны? А первый напоръ непремѣнно будетъ, — напоръ ужасный, жестокій, съ бранью, упреками, слезами и всѣми прочими удовольствіями.

Digitized by Google

„Ахъ, какъ бы перескочить эту страшную первую минуту!—думалъ онъ,—тѣмъ болѣе страшную, что вѣдь я самъ кругомъ виноватъ“.

Путь нашего героя шелъ однообразно, безъ всякихъ приключеній. Привалы татарина были совсѣмъ не тѣ, что прежняго балагулы. Ребъ Хаимъ-Шулимъ почти не вылѣзалъ изъ фургона, гдѣ онъ лежалъ зарытый, какъ барсукъ, въ свои подушки и багажъ, не удостоивая даже взглядомъ тѣ мѣста, черезъ которыя онъ незадолго до этого проѣзжалъ съ такими свѣтлыми надеждами. Только поровнявшись съ Бендерами, которые на этотъ разъ оставались у него съ боку, онъ высунулся изъ фургона, и, грозясь на городъ своимъ сжатымъ кулакомъ, вскричалъ:

— О, великій цадикъ! Не въ обиду тебѣ будь сказано, что какія ты тамъ штуки не выкидывай, а что касается до тузовъ, то извини: по этой части Маркусъ Владиміровичъ тебя въ мѣшокъ посадитъ, да еще сверху завяжетъ.

Это былъ единственный энергическій моментъ въ его настоящемъ путешествіи. Онъ затѣмъ опять впалъ въ задумчивость, настойчиво отыскивая въ своей головкѣ какое-нибудь средство уменьшить жестокость первой грозы, ожидающей его при вступленіи подъ кровлю родного пепелища.

Оставимъ ребъ Хаимъ-Шулима при этомъ занятіи, и перенесемся на время въ Кишиневъ, который мы уже такъ давно выпустили изъ виду.

Digitized by Google

VIII.

Мени-Кройна, переставъ получать отъ мужа письма, сначала очень сердилась на него и дала себѣ обѣщаніе порядочно посчитаться съ нимъ по его возвращеніи. И во снѣ, и на яву, мелькали передъ глазами ея зонтики, расхаживающіе по Одессѣ въ субботу въ сопровожденіи еврейскихъ дамъ. Хотя, разумѣется, она была совершенно увѣрена въ свою чарующую силу, происходящую отъ лоснящагося лба и взнузданнаго подбородка,—о чемъ нелицемѣрно свидѣтельствовало ея зеркало, этотъ искренній другъ ея дѣтства;—однако, за глазами, какъ извѣстно, подобныя чары теряютъ силу, по пословицѣ: далеко очи, далеко сердце. Хотя же опять, съ другой стороны, въ вѣрной защитѣ псалтыри отъ соблазновъ тоже не можетъ быть никакого сомнѣнія, однако вопросъ въ томъ: читаетъ ли мужъ псалмы въ Одессѣ или не читаетъ? Если не читаетъ, то очень легко можетъ статься, что онъ началъ лопать швейцарскій сыръ (чтобъ ему подавиться! подумала Мени-Кройна при этой вѣрной оказіи), а въ такомъ случаѣ завести шашни съ какимъ-нибудь проклятымъ зонтикомъ уже не стоитъ большого труда. Эти франтихи въ Одессѣ, по мнѣнію Мени-Кройны, то и дѣло, что поджидаютъ транспортовъ съ мужчинами изъ такого знаменитаго города какъ Кишиневъ, изобилующаго крупнымъ и бородатымъ народомъ, вмѣсто чахлой и облизанной Одесской породы,

Digitized by Google

на которую смотрѣть тошно. Чѣмъ упорнѣе продолжалось молчаніе ребъ Хаимъ-Шулима, тѣмъ пламеннѣй разжигался гнѣвъ Мени-Кройны, особенно послѣ видѣннаго ею въ послѣднее время пророческаго сновидѣнія, гдѣ цѣлый легіонъ разноцвѣтныхъ зонтиковъ, съ явнымъ безстыдствомъ, вертѣлся около ея мужа и опускалъ къ нему въ карманы свои тоненькіе стальные пальцы. Тѣмъ болѣе она негодовала, что очень хорошо знала отъ пріѣзжихъ, что мужъ ея живъ и здоровъ, что многіе его видѣли издали разъѣзжающаго на дрожкахъ, а другіе повстрѣчались съ нимъ въ рядахъ, или у старой Гецелихи. „Значитъ—думала Мени-Кройна—тутъ что-то не даромъ, тутъ замѣшался какой-нибудь Одесскій соблазнъ. Ахъ, этотъ городъ, этотъ городъ, язва всего края! Недаромъ Бендерскій (не скажу „цадикъ“ — я рукъ не умывала), недаромъ объѣзжаетъ онъ Одессу и говоритъ, что скорѣе согласится двѣнадцать субботъ сряду не кушать рыбы, чѣмъ отвѣдать Одесскихъ бычковъ“.

Мало по малу, однакожъ, къ ревности Мени-Кройны присоединилось и серьезное безпокойство, потому что, не смотря на то, что она походила на поджарую лошадку въ англійской шорѣ и забывала чистить кастрюлю, она все-таки была добрая жена, и, какъ я уже сказалъ, очень любила мужа. „Ахъ, чтобъ онъ тамъ сгорѣлъ съ этими проклятыми деньгами, лишь бы уже скорѣе пріѣхалъ!— думала она.— Что я безъ него значу?—тряпка и только. На что мнѣ

Digitized by Google

эти деньги, и эти гостинцы? Пусть они пропадутъ вмѣстѣ съ нимъ, а лишь бы пріѣхалъ только онъ самъ!“ Но всѣ заклинанія ничего не помогали: нѣтъ ни его самого, ни писемъ отъ него.

Не оставалось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ какому-нибудь радикальному средству.

Въ то время въ Кишиневѣ славилась колдунья, старая молдаванка, о которой молва говорила, что ей сто семьдесятъ пять лѣтъ отъ роду, что каждыя десять лѣтъ у нея прорѣзываются новые зубы, и что, на вѣку своемъ, она уже не одного бѣглаго мужа доставила назадъ домой верхомъ на кочергѣ. Не хотѣлось Мени-Кройнѣ сначала прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ, такъ какъ она догадывалась, что на кочергѣ ѣздить верхомъ нѣсколько неудобно, и, кромѣ того, ей было извѣстно, что совершающій подобное путешествіе мужъ бываетъ всегда томимъ нестерпимою жаждой; а жажда для ея Хаимъ-Шулима была самымъ ужаснымъ наказаніемъ. Но дѣлать нечего: пусть пеняетъ на себя, — самъ довелъ дѣла до такого положенія.

Уже въ одно прекрасное утро собралась Мени-Кройна къ колдуньѣ. Но нашъ старый знакомецъ, ребъ Хаскель Шкаликманъ, забѣжавшій для разузнанія, не имѣетъ ли Мени-Кройна извѣстій отъ мужа,— онъ это дѣлалъ аккуратно каждый день, — сообщилъ ей очень важную новость: Бендерскій цадикъ, объѣзжавшій свои владѣнія, прибылъ наканунѣ въ Киши-

Digitized by Google

невъ со всѣмъ своимъ штатомъ. Мени-Кройна положила отправиться прежде къ цадику, и ужъ потомъ, смотря по обстоятельствамъ, рѣшить вопросъ: подвергнуть ли мужа путешествію на кочергѣ, или нѣтъ.

Она пробилась сквозь толпу, осаждавшую квартиру цадика, сунула взятку одному изъ дежурныхъ адъютантовъ и получила доступъ.

Цадикъ принялъ ее очень благосклонно и терпѣливо выслушалъ ея безконечный разсказъ, изукрашенный разными подробностями. Когда негодованіе ея достигло высшей степени, отъ частыхъ повтореній того обстоятельства, что мужъ, какъ ей навѣрное извѣстно, совершенно здоровъ и благополученъ, и оттого-то ее возмущаетъ его гнусное поведеніе,—то по строгому и задумчивому лицу цадика пробѣжала легкая улыбка, и онъ сказалъ ей ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Не безпокойтесь, дочь моя; вашъ мужъ къ вамъ непремѣнно прибудетъ, скоро, очень скоро. Обѣщаю, обѣщаю! Идите.

— Ну, а на счетъ моихъ сновъ? спросила она:— моихъ страшныхъ, мучительныхъ сновъ?

— И тутъ будьте спокойны, отвѣчалъ цадикъ.— Не пройдетъ года, какъ вы получите приращеніе въ семействѣ.

Бодро и весело пришла она домой. Скорѣе бы она согласилась повѣрить, что ея зеркало потеряло

Digitized by Google

способность отражать въ себѣ колыханіе серегъ, чѣмъ сомнѣваться въ данномъ ей обѣщаніи.

Ослѣпительно горѣли миріады звѣздъ на темномъ осеннемъ небѣ. Вечеръ былъ теплый и спокойный, и располагалъ къ сладкой задумчивости, къ тому настроенію духа, когда образы прошлаго, какъ-будто жившіе всѣ въ одно и то-же мгновеніе, сбившись въ одну группу, проносятся въ нашемъ воображеніи и оставляютъ за собой слѣды безотчетной грусти и сожалѣнія. Мени-Кройна сидѣла, понуривъ голову и скрестивъ руки на груди, въ ожиданіи пока дѣти окончатъ свой ужинъ и уложатся спать.

Вдругъ, чу! шаги. Дверь растворяется, и — ребъ Хаимъ-Шулимъ, влача по землѣ свой узелъ, остановился среди комнаты.

Дѣти подняли крикъ и захлопали въ ладоши; Мени-Кройна съ быстротою мысли бросилась къ мужу.

— Стой! произнесъ онъ слабымъ голосомъ, отскочивъ отъ нея нѣсколько шаговъ назадъ и поднявъ вверхъ руку. — Стой, не подходи! Разсмотри меня прежде хорошенько.

Она начала его разсматривать. Дѣйствительно, это мужъ, но голосъ его какъ будто непріятно измѣнился. Онъ былъ подпоясанъ толстою зеленою шалью, а поперегъ всего лица былъ обмотанъ платокъ, закрывавшій ему весь носъ и большую часть щекъ.

Digitized by Google

— Хаимъ-Шулимъ, другъ мой, что съ тобой? вскричала жена, предчувствуя что-то недоброе.

— Не подходи, не обнимай меня, продолжалъ мужъ: — я страдаю... я уже совсѣмъ не тотъ...

— Что-жъ съ тобою случилось?

— Дай сяду; садись и ты... Слушай.

Они оба сѣли другъ противъ друга, она — въ невыразимомъ волненіи, онъ — съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Дѣти крѣпко обнялись и прижались къ стѣнѣ, притаивъ дыханіе и боязливо оглядывая отца.

— Слушай, началъ онъ тѣмъ же непріятнымъ, гнусливымъ и слабымъ голосомъ. — Я вѣдь не скотина Хаскель Шкаликманъ, который тянетъ жилы своими приготовленіями: я разскажу ясно и въ немногихъ словахъ. Получилъ я въ Одессѣ деньги сполна; началъ смотрѣть товары; смотрѣлъ, смотрѣлъ, по цѣлымъ недѣлямъ, все, знаешь, браковалъ. Вдругъ одинъ добрый человѣкъ говоритъ мнѣ: „Какъ же вы глупы, землякъ! Къ чему вамъ покупать въ Одессѣ? Развѣ не можете вы сами съѣздить въ Лейпцигъ?“ Охъ, дай отдохну.

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ опять началъ.

— Сущая правда, думаю я себѣ. Вымѣняю деньги на золото, поѣду домой, а отсюда за границу. Сталъ я собирать золото... долго собиралъ, вышло, знаешь, тогда изъ оборота: ждали подвоза. Ну, подвезли золото, я и вымѣнялъ, знаешь, двѣ ты-ся-чи

Digitized by Google

красныхъ, блестящихъ червонцевъ, уложилъ, вотъ, въ эту шаль, подпоясался и — маршъ.

Онъ ударилъ себя рукой по зеленой шали, перевелъ духъ и продолжалъ.

— Ѣду я ѣду, ѣду я ѣду, пріѣзжаю въ Оргѣевскій лѣсъ... Слышала ты про этотъ страшный лѣсъ?

Мени-Кройна слышала про этотъ лѣсъ, но не знала, что мужъ безбожно лжетъ, потому что ѣхать изъ Одессы въ Кишиневъ на Оргѣевскій лѣсъ все равно, что ѣхать изъ Петербурга въ Москву на Одессу.

— Въ Оргѣевскій лѣсъ, началъ опять ребъ Хаимъ-Шулимъ. — Вдругъ, — стой! разбойники... Самый ихъ начальникъ подходитъ. „Знаю, говоритъ, что у тебя двѣ тысячи червонцевъ: давай ихъ сюда“. Я началъ плакать и проситься, — ничего не помогаетъ. Я упалъ въ ноги. „Умилосердись! говорю: у меня жена и дѣти, — вѣрная, добрая, золотая жена. Она изнываетъ отъ ожиданія... для меня деньги — дрянь, грязь, но жена моя, жена моя... окружить ее довольствомъ и счастьемъ, вотъ цѣль моей жизни!“ Я такъ, знаешь, рыдалъ, что разбойникъ былъ тронутъ. „Ну, сказалъ онъ, вижу, что ты правду говоришь, но вѣдь у насъ зарокъ, подъ страшною клятвой, чтобъ никто изъ нашихъ рукъ сухъ не выходилъ. Ужъ если не убить, такъ, по-крайней-мѣрѣ, навѣки окалѣчить: намъ кровь нужна, тѣло человѣческое, вотъ что... или

Digitized by Google

деньги. И такъ, одно изъ двухъ: или отдай червонцы, или — я тебѣ отрѣжу носъ".

Мени-Кройна всплеснула руками; мужъ изъ-за своей перевязки бросилъ на нее лукавый взглядъ.

— Что оставалось мнѣ дѣлать, дорогая жена моя? продолжалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ. — Я вспомнилъ про тебя, про нашихъ малютокъ, — къ чему вамъ всѣмъ мой носъ? что вамъ въ моемъ носѣ? А червонцы, о! эти усладятъ вамъ жизнь, доставятъ всякія удовольствія. Не долго я думалъ, еще попробовалъ попросить: нельзя ли какъ-нибудь, чтобъ ни того, ни другого... разбойникъ свое: „никакъ нельзя, зарокъ!" я... я... рѣшился и — пожертвовалъ носомъ.

Мени-Кройна, какъ облитая кипяткомъ, вскочила съ мѣста и въ отчаяніи начала ломать руки.

— О, злодѣй, о, душегубецъ! вскричала она: — что ты сдѣлалъ, что ты сдѣлалъ! Лучше бы ты себѣ ногу въ трехъ мѣстахъ сломилъ, лучше бы тебя болячка задушила прежде, чѣмъ ты рѣшился на такой поступокъ!

Мужъ, молча, вперилъ свои лукавые глаза въ жену.

— Что ты сдѣлалъ, варваръ! продолжала кричать жена, бѣгая, какъ помѣшанная, изъ угла въ уголъ. — На какого ты мнѣ чорта безъ носа! Какой ты будешь человѣкъ безъ носа! Еще антоновъ огонь прикинется... Какъ мнѣ подступиться къ такому уро-

Digitized by Google

ду! Удружилъ, нечего сказать! Будешь ты называться Хаимъ-Шулимъ „безносый“, а я... а я... Мени-Кройна „безносиха“. Боже праведный!

И она горько зарыдала; а мужъ все, молча, не спускалъ съ нея глазъ.

— Вишь выкинулъ штуку! продолжала жена, высморкавшись и вытирая слезы. — Отличился! Червонцы онъ привезъ... Сгинь ты и пропади съ своими червонцами! Знать ихъ не хочу... не дотронусь до нихъ... Чтобъ мнѣ руки отсохли, если я ихъ трону даже мизинцемъ! Вотъ что!

— Постой, жена, началъ мужъ, нѣсколько болѣе внятнымъ голосомъ, чѣмъ прежде.

— Слышать ничего не хочу! кричала Мени-Кройна.

— Послушай же, Мимикуцъ, повторилъ онъ.

При этомъ нѣжномъ названіи, отъ котораго во время оно ей дѣлалось такъ пріятно на душѣ, она остановилась среди комнаты.

— Ну, что? спросила она, всхлипивая и ломая руки.

— Такъ тебѣ жаль моего носа?

Она, въ нѣмомъ отчаяніи, покачала нѣсколько разъ головой, какъ о вещи драгоцѣнной сердцу, но потерянной безъ возврата.

— Такъ червонцы для тебя недороги?

Она съ омерзѣніемъ махнула обѣими руками.

Digitized by Google

— Такъ носъ мой былъ бы для тебя пріятнѣй, чѣмъ двѣ тысячи червонцевъ?

— Чѣмъ милліоны, убійца ты! вскричала она.

— Ну, такъ вотъ же привезъ я тебѣ носъ во всей исправности, отвѣчалъ ребъ Хаимъ-Шулимъ, сорвавъ съ лица повязку.

Жена бросилась ему на шею и въ громкихъ рыданіяхъ стала изливать свою безграничную радость, а дѣти пустились прыгать около отца, горячо цалуя ему руки.

— О! вскричала Мени-Кройна, когда первые порывы восторга ея утихли. — О, я была увѣрена, что обѣщаніе цадика сбудется, и что ты благополучно воротишься къ твоей женѣ и дѣткамъ!

И была это одна изъ счастливѣйшихъ ночей въ жизни нашихъ супруговъ. Ребъ Хаимъ-Шулимъ, такъ удачно перескочившій черезъ первый напоръ грозы, уснулъ самымъ безмятежнымъ сномъ; а Мени-Кройна видѣла восхитительное сновидѣніе: самъ Бендерскій цадикъ лѣвою рукой укладывалъ на пылающій костеръ одинъ до крайности лукавый голубой зонтикъ, а правою подавалъ ей мужнинъ носъ, завернутый въ большую пачку билетовъ Варшавской лоттереи.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—VIII

I. Картины прошлаго:

а) Штрафной . . . . . 1— 74

б) Наслѣдственный Подсвѣчникъ . . . . 75—221

II. Мориць Сефарди . . . . . 223—439

III. Йсторія о томъ, какъ ребъ Хаимъ-Шулимъ Фейгисъ путешествовалъ изъ Кишенева въ Одессу, и что съ нимъ случилось . . . . 441—537

Digitized by Google

Dieses Buch gehört
der Bibliothek der
Jüd. Gemeinde Berlin

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Acme
Inc.
01770

Digitized by Google